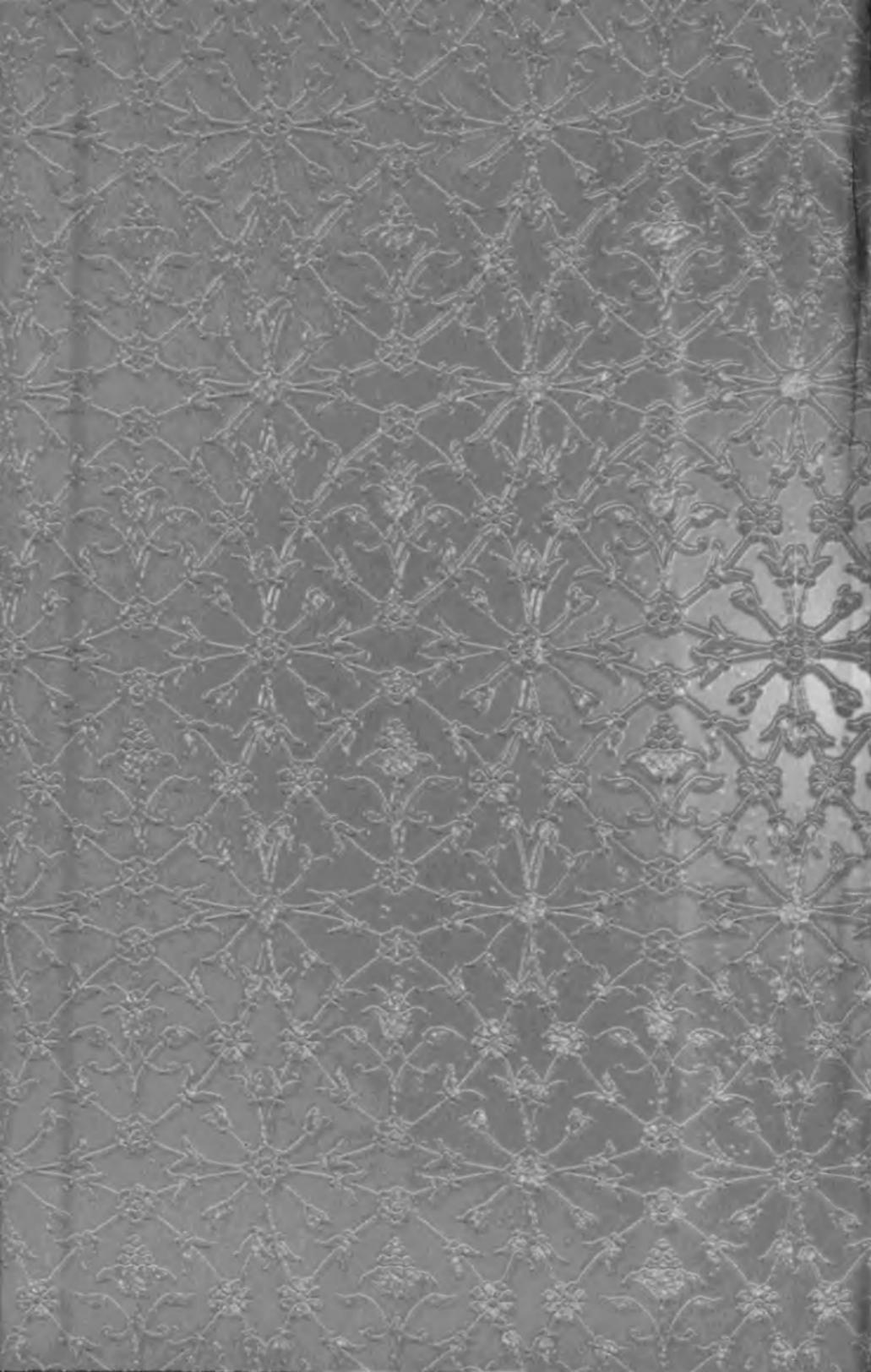

Е. П. БЛАВАТСКАЯ

A black and white portrait of E. P. Blavatsky, a woman with dark hair pulled back, wearing a dark coat with a white collar. The portrait is the background of the book cover.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
НАЧАЛ

«СФЕРА»

ФОНД ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ МИРА
Москва

«Будущее открывает перед нами самые грандиозные перспективы. Ибо пробил уже час начала великого циклического возвращения к мистическому мышлению. Со всех сторон нас окружают воды океана универсальной науки — науки вечной жизни, таящие в себе забытые затонувшие сокровища ушедших поколений».

Елена Глибовичева

Е.П. БЛАВАТСКАЯ

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
НАЧАЛ**

«СФЕРА»

Москва

2006

ББК 87.3
Б 68

Составитель
Е.А.Логаева

Перевод с английского:

В.С.Зуева
В.И.Мызников
Т.О.Сухорукова
Ю.А.Хатунцев

Примечания:

Б.М.Цырков, Е.А.Логаева

Б 68

Блаватская Е.П.

Происхождение Начал. — Пер. с англ. — М.: Сфера, 2006. — 480 с. — (Серия «Елена Блаватская — потомкам»).

Анализируя различные религиозные и духовные вопросы, возникавшие на протяжении всей истории нашей цивилизации, пользуясь тайными знаниями и необычным личным опытом автор делает вывод о едином источнике всех религий, раскрывает истинные положения Религии Мудрости, происхождение зла и способ достижения счастья, пишет о поиске подлинного христианства..

ISBN 5-93975-164-4

© Издательство «Сфера» 2006.

ОТ РЕДАКЦИИ

Публикуя тематические сборники из произведений Е.П.Блаватской мы надеемся, что читатель, ознакомившись с творчеством этой неутомимой труженицы, стремящейся к истинной Мудрости и свету Истины, сможет воздать должное уважение ее жизненному подвигу.

Провозгласив своим девизом слова: «Нет религии выше Истины!», Е.П.Блаватская старалась свести воедино элементы духовного наследия Востока и Запада, очистить зерна первоначальной Религии Мудрости от позднейших сектантских наслоений и искажений, уберечь священные имена от умаления и забвения в сложное время материализма и невежества.

«Давайте же сразу признаемся, что в своих грубых материальных концепциях мы антропоморфизировали и, так сказать, опошлили каждую величественную религиозную идею, дошедшую до нас из глубокой древности. Физически и интеллектуально мы прогрессируем и мужаем в силе и мудрости, но каждодневно теряем в духовности. И только изучая реликвии прошлого и сопоставляя, безо всякой сектантской предубежденности и личных предрассудков, религиозные идеалы всех народов, мы окончательно убедимся, что все они — ручки одного и того же источника».

Идеи Е.П.Блаватской о единстве всех религий вызывали неизменный интерес. На страницах журналов развертывались дискуссии, давались рецензии на книги, посвященные разнообразным вопросам духовного становления человека, печатались ответы на вопросы от заинтересованных читателей. Вопрос о том, является

ли теософия религией и что она говорит о Боге, рассматривался во многих статьях:

«...теософия... представляет собою веру в Божество, которое есть **Всё** — источник всего сущего, беспредельность, которую нельзя постичь или узнать; одна лишь вселенная раскрывает *Это*, или, как предпочитают говорить некоторые, Его, тем самым наделяя полем, антропоморфизируя это божество, что является *богохульством*. Теософия избегает грубой материальности...»

«Единственный способ достижения счастья — слить свое естество с великой Матерью-Природой и плыть по ее течению... Стремление ассимилировать свою индивидуальность со вселенским потоком общеизвестна как нравственная практика. Беспрекословное выполнение этого космического закона после его осмысления составляет суть подлинной религии, которую Владыка Будда определил как “реализацию Истины”».

Отстаивая позиции истинной религии, Е.П.Блаватская обращала внимание на проблемы современного мира, отмечая неоднозначное влияние «церквианства» (в отличие от подлинного христианства) и многочисленных сект, отмечая, как мало тех, кто в жизни следует заветам своей религии.

«По нашему скромному мнению, единственными “существенными положениями” религии человечества являются: добродетель, нравственность, братская любовь и сострадание к каждому живому существу, будь то человек или животное».

«“Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы другие делали тебе”, — говорил Конфуций своим ученикам. “Любите друг друга и любите все живые творения”, — заповедовал Гаутама Будда своим архатам. “Любите друг друга”, — повторяло затем правдивое эхо на улицах Иерусалима. Именно христианским народам выпала честь официально признать эту наивысшую заповедь своего Учителя во всей ее полноте!»

Е.Логаева

БОГ

ЖЕРТВЫ СЛОВ

Стала банальной поговорка, что мы чаще бываем жертвами слов, нежели фактов. Теософскому Обществу приписывают атеизм и материализм, потому что философская система, которой основатели Общества и многие из их товарищей-учеников сохраняют верность, отказывается признать то, что обычно называют «личностным Богом». Мы утверждали и будем утверждать до самого смертного часа, что существа, обладающего рядом ассоциаций, или, говоря более научно, коннотациями слова «Бог», не существует ни во Вселенной, ни за ее пределами — если бы это «за пределами» было возможно. Это негативная сторона нашего знания. Позитивная же сторона его может быть сформулирована словами из упанишад: «То, из чего эмануруют все формы существования, в чем они существуют, и к чему возвращаются, чтобы войти в него, есть Брахма». Этот Брахма, если его рассматривать как *fons et origo* субстанции Вселенной, как многократно говорилось на этих страницах, является *Мулапраkritи* — термин, из-за бедности английского метафизического словаря переведенный как «недифференцированная космическая материя».

Также было сказано, что *дифференциация* Мулапраkritи порождает бесконечные формы бытия. Обвинение нас в полном отсутствии в наших философских убеждениях бога-идеи происходит из полного непонимания одного-единственного слова «диф-

ференциация». Это именно то, что вызвало настоящий поток дискуссий. «Брахма, — доказывают наши оппоненты, — есть Мулапракрити, созданная, чтобы претерпевать дифференциацию и образовывать все формы видимой Вселенной, подобно материи, физическую концепцию которой мы имеем. Поэтому Брахма является субъектом, долженствующим изменяться, и существует только в латентном состоянии во время периода космической активности. Поэтому их (наша) философия — всего лишь проповедь апофеоза мертвой *грубой* материи, и они являются рафинированными материалистами». Но пусть наши критики вспомнят, что Мулапракрити или Брахма *абсолютно субъективны*, и потому слово «дифференциация» должно быть перенесено на чисто субъективный или, как его обычно называют, духовный план, прежде чем его значение может быть понято должным образом. Ни на один миг нельзя предположить, что Мулапракрити или Брахма (Парабрахм) может когда-либо претерпеть изменение субстанции (*Паринама*). Это Абсолютная Мудрость, Единственная Реальность, Вечное Божество — если отмежевать это слово от его вульгарного окружения. Под дифференциацией Мулапракрити подразумевается то, что изначальная субстанция всех форм существования (*Асам*) излучается ею, а когда излученное становится центром энергии, то из него в результате постепенного систематического процесса эманации и дифференциации возникает воспринимаемая вселенная. И все зло проистекает именно из неспособности наших оппонентов понять эту возвышенную метафизическую концепцию.

Брахма есть Святая Святых, и мы не можем богохульствовать против него, ограничивая его нашими конечными концепциями. Он, как пели Риши *Вед*, *Суддхи апанавиддха* — чистый **Единый Элемент**, который не зависит ни от каких изменений и усло-

вий. Мы так сильно чувствуем величие идеи, и она настолько превосходит высочайшие взлеты интеллекта, что мы преисполнены благоговейного страха, дабы не сделать сие поводом дискуссии. Прекрасно воспевали брахмавади древних времен:

От Него отступают слова,
Ибо умом их не найти.
Он пронизывает Луну и звезды —
И все же отличен от Луны и звезд.

Нет такой нелепости, как внекосмическое божество. Оно подобно пространству, в котором находится видимый объект. Пространство присутствует в объекте, но все же отличается от него, хотя дух объекта — не что иное, как пространство.

Из этого вытекает, что Мулапракрити никогда не дифференцируется, но только эманурует или испускает свое первое порождение — Махаттаттву, Сефиру каббалистов. Если внимательно рассмотреть значение санскритского слова *шришти*, то вопрос станет совершенно ясен. Это слово обычно переводят как «сотворение», но, как знают все санскритологи, корень *шридж*, от которого произошло это слово, означает «выбрасывать», а не «создавать».

Это наше Божество является Невыразимым и *не имеющим* наименования. Если наши братья в результате этого объяснения устремятся в великий древний храм нашего поклонения, — милости просим. Но тем, кто после всего будет по-прежнему неверно истолковывать нас и заблуждаться относительно наших взглядов, нам больше сказать нечего.

ЧТО ЕСТЬ БОГ?

Хочу поблагодарить вас за то, что вы ответили на мое предыдущее послание. Отчасти я разделяю ваши взгляды, но только отчасти. С вашего позволения, я хотел бы немного подробнее раскрыть свою точку зрения на этот величайший вопрос, если, конечно, вам это интересно.

Я не могу составить представления о позитивном существовании Бесконечного и Безграничного. Вечную, или Абсолютную, Пустоту можно назвать Бесконечной и Безграничной, но Пустота есть ничто, и потому о ней нельзя сказать ничего определенного. И, следовательно, в этом отношении Бесконечное или Безграничное и Абсолют являются несуществующими¹. Похоже, что вы отождествляете Божество и Первоначальное Ничто, абсолютное Отрицание. Но подобное божество не имеет ничего общего с тем, что мы называем Сущностью, или Реальностью, и все сущее представляется совершенно независимым от него². Если Божество, или Бог, есть Абсолютное Ничто, а все вещи исходят из Него, значит, что-то появляется из ничего, а философия утверждает,

---

¹ Возможно, для некоторых. Но, с точки зрения ведантиста или восточного оккультиста, это «Безграничное» является единственным божеством и единственной реальностью в этой вселенной майи, а также единственным *вечным и несотворенным* принципом; тогда как все остальное иллюзорно, поскольку конечно, обусловлено и носит преходящий характер. — *Е.П.Блаватская*.

² Оно никак не может быть *независимым*, коль скоро «все сущее» и есть то самое Божество, которое мы называем «Абсолютным Существованием», поскольку во Вселенной нет ничего «независимого» от него.

что это невозможно¹. В отличие от нереального, только то, что реально, способно создать нечто реальное, о какой бы реальности ни шла речь — божественной, духовной или физической. Иными словами, из ничего нельзя создать *нечто*. Только нечто может проявлять себя в различных дифференциациях².

Ничто — Бесконечно. Тогда как Нечто (реальность универсума или все) — Конечно; но (если вы так хотите), в то же самое время — Бесконечно, в том смысле, что, будучи всеобъемлющим, оно ограничено только стоящим за ним ничем. Если Бог сумел создать форму, размер, число и движение как атрибуты конкретных вещей — духовных и естественных³, то как бы Он (позвольте мне использовать это местоимение) смог это сделать, если бы они каким-то образом не присутствовали в Нем с самого начала? Коль скоро Он создал *все* условия и состояния, значит, в Нем всегда были заключены *начала* этих состояний, и, хотя Он не обусловлен ничем, что было бы больше Его или выходило бы за Его пределы, Он Сам представ-

---

¹ Какая именно философия? Во всяком случае, не восточная и метафизическая — древнейшая из всех. Из «ничего» не может родиться другое *ничто*, если воспринимать первое «ничто» в привычном нам конечном, ограниченном смысле. Но все происходит именно из Ничего, или *ви-чего*, Эйн-Софа, Безграничного (для нас) *не-существования!* которое в то же время является ноуменом *всего* на уровне духа. — *Е.П.Блаватская.*

² Наш корреспондент, похоже, не очень хорошо знаком с оккультными восточными идеями и подлинной метафизикой. Божество, которое он называет «Ничем», а мы называем «Ни-Чем», не может ничего создать по той самой причине, что Оно уже представляет собою *Всё; Оно* Бесконечно, Беспредельно и Абсолютно, и потому даже Оно *не может и никогда не могло создать ничего, помимо себя*, поскольку любое феноменальное проявление есть оно же *само* и ничего сверх него. — *Е.П.Блаватская.*

³ Молния создается электричеством и представляет собою *аспект* скрытой Причины. Но даже если эта Причина порождает феномен молнии, следует ли нам называть ее «молнией» или же местоимением «она»? — *Е.П.Блаватская.*

ляет собою общую сумму всех условий и состояний. То есть Он изначально включает в себя *все* состояния¹. Мне представляется, что Божество — это вся Вселенная в ее первой, изначальной или порождающей форме, а то, что мы называем проявленной Вселенной, есть Божество в своей последней или конечной форме. Это похоже на то, что Божество как бы выдыхает Самое Себя в бесконечное пространство, а затем вдыхает Себя обратно в небытие².

Таким образом, Бог — это вся субстанция в том, что касается Бытия, а все формы и все движение — в том, что касается Истины. Происходит чередование состояний, одно из которых — состояние концентрации, а другое — состояние расширения, или распространения. Это альфа и омега, подтверждающие истинность высказывания: «Первые станут последними, а последние — первыми». Микрокосм сменяет макрокосм [?!], который, в свою очередь, снова распадается до микрокосмической формы и состояния. Движение Божества от сущего к не-сущему и далее обратно к сущему составляет в своем бесконечном движении вековечный век, или вечность, и заключает в себе всю Истину, всю космическую и вселенскую историю³.

Разумеется, проявленная вселенская форма, будучи результатом трансформации состояния, не является абсолютным или личным Божеством, но только его образом, или отражением — по сути дела, тенью реального, замещающим произведением Первоначаль-

---

¹ А почему «Он», а не «Она», если речь идет обо всем? Второе, на наш взгляд, было бы таким же естественным, как и первое, и таким же неправильным. — *Е. П. Блаватская*.

² Если называть Бога не «Он», а «Оно», и не говорить о нем как о персонифицированном (на нашем уровне) *осознанном* действии, то автор окажется весьма близок к нашим оккультным учениям.

³ Вполне каббалистическое и в целом верное, однако немного неопределенное для эзотерической философии утверждение. Похоже, наш критик хотел сказать, что микрокосм становится макрокосмом, а не наоборот? (См. «Примечание редакторов» в конце статьи.) — *Е. П. Блаватская*.

ного Бытия. Возможно, здесь я излагаю те же самые идеи, которые имеете в виду вы, когда называете феномены майей, или иллюзией, не обладающей абсолютным постоянством. Это так, но все же как внешние проявления феномены вполне реальны. Майявический мир реален, несмотря на свою майявическую природу, так же как снежинка остается реальной до тех пор, пока не растает.

Я уже говорил, что Все, будучи *маленькой* Вселенной, эволюционирует до формы и состояния большой, дифференцированной Вселенной, но в процессе расширения оно теряет свою потенциальную энергию, вследствие чего эволюция постепенно затухает, а затем начинается инволюционный процесс и *малое* Божество восстанавливает свои силы за счет повторного поглощения субстанций и форм майявической Вселенной, которая с течением столетий прекращает свое существование, постепенно возвращаясь в нирваническое состояние сконцентрированного Божества. Ведантист сказал бы об этом состоянии, что Брахма спит на лотосе, но когда-нибудь проснется, чтобы сотворить новую майявическую Вселенную¹.

Как видите, мое несовершенное изложение освещает проблему лишь в общих чертах, опуская все, что могло бы быть узнано и сказано о многочисленных классах и разрядах разумных существ, населяющих многоплановую Вселенную. Мое мышление может показаться вам чересчур материалистичным. Но мистическое мышление, отрицающее форму в пользу духа и, следо-

---

¹ Добавим, что Брахма «спит» на лотосе по «ночам», в перерывах между «днями» Брахмы (бесполого). Но Брахма, Творец, *умирает* и *исчезает* всякий раз, когда закончится его «век» и пробьет час **Махапралайи**. Тогда не остается ничего, кроме **Ни-Чего**, которое безраздельно правит в Безграничной Бесконечности; и это *Ни-Что* есть недифференцированное пространство, которое не является в полном смысле слова пространством, но зато является **Абсолютом**. «Люди поклоняются наиболее совершенному *мужчине*, но мудрецы (*йогины*) поклоняются душе мудрости, у которой нет ни имени, ни формы» (Вишну-пурана). Вот в чем состоит суть расхождения между нашими учениями и воззрениями нашего корреспондента.

вательно, Божества, еще не является доказательством превосходства или духовности разума¹.

Думаю, вам не сложно будет угадать направление хода моих мыслей. Существа, населяющие высшие уровни Вселенной, должны иметь гораздо более совершенную форму, нежели те, кто живут на нижних уровнях. А обитатели планет земного уровня, такие, как мы, должны выглядеть просто тенями в своих внешних формах. Но Тот, кто сосредоточил в Себе бесчисленные множества Своих детей, должен быть самым светлым и совершенным². Хотя бы потому, что вещество, из которого Он состоит, является наиболее *сконцентрированным*, а Его форма — наиболее и невыразимо *сложной*. Человеческие формы элохимов в сравнении с Ним подобны блуждающим теням. Его форма, по структуре и виду, является человеческой, вернее — формой двойного человека[!]. Мельчайшие частицы Его тела становятся основами Солнечных систем, коим суждено проявляться на протяжении долгих столетий майявического расширения³.

Каждый уровень существования является органическим, и наиболее совершенный из них является также самым плотным, активным и энергичным. Все духи име-

---

¹ Ни в коей мере. Оно лишь указывает на более углубленное знание метафизики. То, что *имеет форму, не может быть абсолютным*. То, что обусловлено или ограничено пространством, временем или еще каким-либо атрибутом человеческого восприятия и уровня развития, не может быть **бесконечным** и уж конечно не может быть **вечным**. — *Е. П. Блаватская*.

² Не приходится сомневаться в том, что «Тот, кто сосредоточил в Себе бесчисленные множества», не является **абсолютным Божеством** и даже **Логосом**, *Аджа* (нерожденным), но, в лучшем случае, Адамом Кадмоном, греческим *Тетраграмматом* и Брахмой-Вишну на Лотосе Пространства, **Тем**, Кто исчезает вместе с «Веком Браммы». — *Е. П. Блаватская*.

³ Это и есть Адам Кадмон, небесный человек, «мужчина-женщина», или символ материальной, проявленной Вселенной, чьи 10 конечностей (или 10 сефиротов, чисел) соответствуют зонам Вселенной — 3 в 1 на верхнем и 7 на нижнем уровне. — *Е. П. Блаватская*.

ют человеческие формы, все элохимы (если хотите) — мужские и женские, или два в одном, имеют человеческие формы. По сути дела, существование — это тоже форма, и жизнь — форма; разум, любовь и все человеческие привязанности представлены и заключены в бесконечности человеческой структуры, а все малые или фрагментарные образования минерального, растительного, животного (или полисферического) мира, суть ее порождения. И это единственная Истина — вечная, несотворенная и невообразимая, совокупность деталей Вселенной, Всеобщая Отец-Мать, в которой все мы и все вещи живут и движутся и имеют собственное бытие.

С уважением,

Дж. Хантер
30 апреля 1888 г.

Примечание редакторов

Похоже, автор путает различные понятия. В одном месте он проявляет словесный пантеизм, а в другом — излагает весьма причудливые антропоморфические концепции. Бог, например, описывается как «выдыхающий Самое Себя в бесконечное пространство», как «вся субстанция — в том, что касается Бытия; и как *все* формы и все движение — в том, что касается Истины». Далее «Он» описывается как подобие некоего гигантского организма: «Его форма... является *человеческой*, вернее — формой *двойного человека*». «*Все* формы» и состояния — это что, просто огромный гермафродит? А почему не обезьяна, или слон, или, что еще лучше, огромная мозаика, собранная из всех различных органических типов? Возможно, это вполне *теологично* — называть *существо*, воспроизводящее едино лишь *человеческую* структуру, «*Всеми формами*», но зато никоим образом не философично.

Далее автор говорит об этом аномальном существе — «Отце-Матери» — как о «невообразимом». После ссылок на функционирование его органических клеток, человеческую структуру, субстанцию, отношение ко Вселенной и т.д., данный эпитет выглядит довольно странно. Нас также убеждают, что «то, что мы называем проявленной Вселенной, есть Божество в своей последней или конечной форме». Следует ли понимать это так, что Божество имеет несколько форм или состояний? Судя по всему, именно так нам и следует считать, коль скоро наш критик идентифицирует Божество с каждым из последовательно сменяющих друг друга уровней. Однако подобная интерпретация способна подорвать авторитет большого гермафродита — единственной формы, которой, следуя мнению его нынешнего биографа, покровительствует Божество.

Все аргументы, основанные на идее присвоения Божеству таких качеств, как «форма, размер, число, движение» и т.д., заведомо не представляют никакой ценности, поскольку игнорируют разницу между сущностью и атрибутом. На ум приходят также следующие очевидные возражения: 1) Если Божество это *форма*, оно никак не может быть Бесконечным, ведь форма по необходимости должна иметь где-то ограничительный контур. 2) Если Божество может быть *исчислено*, то политеизм следует признать истиной. 3) А если у него есть *размер*, то оно уже не является Абсолютом, ибо размер есть относительное понятие, возникшее благодаря феноменам. 4) *Движение*, опять-таки, предусматривает ограничение, так как означает прохождение некоего объекта *сквозь пространство*. Но если Божество бесконечно, значит, оно должно быть свободно от всех ограничений, несовершенств и противоречий.

Нашему критику не хотелось бы, чтобы его причислили к материалистическим мыслителям, но, к

сожалению для него, его обличает собственное же письмо. Ибо Божество, имеющее форму, со всей очевидностью обладает и *всеми качествами, присущими материи*, а именно — протяженностью в пространстве, размерами и т.п. Оно также должно иметь цвет, чтобы отличаться от прочих объектов восприятия! Полагаем, этого уже достаточно?

По правде говоря, концепции м-ра Хантера настолько явно недуховны, что в своем «материализме» они превосходят даже высказывания наиболее «продвинутых» агностиков, которые, по крайней мере, понимают, что царство материи и царство разума не следует смешивать наобум.

ПИСЬМО

Редакторам «Lucifer».

В последнем выпуске «Lucifer» есть статья «Самоочевидные истины и логические выводы». Очень важная статья, только, на мой взгляд, немного непонятная. «*Единое пребывает в Единстве* и не может быть разделено на два Единых». Так и есть, если под Единством понимать совокупное *множество* существ, элементов или форм, составляющих гармоническое целое и потому сохраняющих свое Единство.

Я хочу спросить: не должна ли Вселенная — Единая или Совокупная — иметь определенные размеры; и если да, то не должно ли вечно создающее себя Единое Изначальное иметь те же самые размеры?

И еще: коль скоро Вселенная является органическим Целым, то какова ее форма? И какова бы ни была эта форма, разве это не форма самосушей Причины или Бога?

И если вы знаете, то скажите: так же ли вечна природа, как и Бог? Или же было время (а вернее — состояние), когда природа еще не была сотворена, и Бог, самосушее Единое, Сам был всем? Я не могу думать ни о чем в природе, будь то дух, душа или Бог, не представляя себе размера, формы, численности и взаиморасположения. И следовательно, не может быть так, чтобы все формы создавала сама по себе бесформенная Жизнь (Закон, Причина или Сила). Всякая эволюция начинается с какой-либо формы и через форму же переходит в другую форму; а Творец Всего должен быть и Формой Всего.

Истина о Вселенной есть Форма Вселенной. Истинное знание о Боге есть знание Формы Бога. Но что это

за Форма? Пожалуй, ее постижение можно считать самым существенным из возможных достижений интеллекта. Все эти рассуждения я привожу с целью узнать ваше мнение.

С уважением, Дж. У. Хантер
Эдинбург, 29 марта 1888.

Ответ редакторов. В соответствии с утверждением восточной философии, единство, составленное из «множества существ, элементов или форм», является сложным единством на уровне *Майи* — иллюзии, или невежества. Единое универсальное божественное Единство не может быть дифференцированным целым, каким бы «гармоническим» оно ни было. Организованность подразумевает воздействие какой-либо внешней силы на имеющийся в наличии материал, а потому никак не может сочетаться с самосушим, вечным и необусловленным Абсолютным Единством.

Эта **Единая Сущность** — абсолютный разум и абсолютное существование (и следовательно, *не-разум* и *не-существование* для конечного и обусловленного человеческого восприятия) — является «неделимым, выходящим за пределы понимания и не поддающимся описанию, субстратом всего». Так учит вступительная станца Ведантасары.

Так как же может *Бесконечное* и *Беспредельное*, необусловленное и *абсолютное* иметь какие-то *размеры*? Приведенное в письме описание подходит разве что к уменьшенному отражению несотворенного луча на *майявическом* уровне или в нашей феноменальной Вселенной, к одному из *конечных элохимов*, которых, по всей вероятности, на самом деле имел в виду наш корреспондент.

Для (философски) неподготовленного пантеиста, отождествляющего объективный Космос с абстрактным Божеством и считающего Божество и Космос синонимическими понятиями, форма иллюзорной

объективности по необходимости должна быть формой Божества. Для (философски) подготовленного пантеиста абстракция, или *ноумен*, является непознаваемым Божеством, единой вечной реальностью — бесформенной, поскольку она однородна и *неделима*; безграничной, поскольку она вездесуща (ибо в противном случае противоречие наблюдалось бы не только в словах, но и в идеях); а конкретная феноменальная форма — ее *носитель* — не что иное, как заблуждение постоянно обманывающих нас физических чувств.

«Так же ли вечна природа, как и Бог?» Зависит от того, что в данном случае называется «природой». Если имеется в виду объективная феноменальная природа, то ответ будет следующим: хотя эта природа и сохраняется в латентном состоянии в божественном воображении, проявляется она лишь периодически и потому не может быть вечной. Но «абстрактная» природа и Божество (то, что наш корреспондент называет «Самосушей причиной, или Богом») — неразделимы и *даже идентичны*. Теософия против того, чтобы о Самосушей Причине, или Божестве, говорили в мужском роде. В данном случае теософия предпочитает местоимение **Оно** — постольку, поскольку эта «Причина» — *бескорневой корень* всего, и потому ее нельзя назвать ни мужским, ни женским, ни каким-либо другим атрибутом, ибо всякий признак является обусловленным, конечным и ограниченным и, следовательно, в данном случае абсолютно неприменимым. Собственное признание нашего уважаемого корреспондента в том, что он не может «думать ни о чем в природе — будь то дух [!], душа или Бог [!!] — не представляя себе размера, формы, численности и взаиморасположения», является живым примером прискорбного духа антропоморфизма, характерного для нашего столетия. Именно этот теологический и догматический антропо-

морфизм произвел на свет и является законным родителем материализма. Но если мы поймем, что форма есть просто временное восприятие, зависящее от наших физических чувств и особенностей нашего физического мозга, и *per se* не существует, иллюзорное мнение, что бесформенная причина не может быть причиной *формы*, быстро исчезнет. Представление о Космосе как о некоем ограниченном пространстве, имеющем три измерения — длину, ширину и высоту, вполне согласуется с механистическими представлениями; но оно неприменимо в метафизике и трансцендентальной философии. Говорить, что «Истинное знание о Боге есть знание **Формы** Бога», значит игнорировать даже экзотеризм Ветхого Завета. «И говорил Господь к вам *из среды огня*; глас слов Его вы слышали, *но образа не видели...*» (Втор., IV, 12). А думать о Творце Всего как об имеющем «размеры, форму, численность и расположение», *значит думать о конечном и обусловленном личностном Боге*, который может быть только частью **Всего**. И если это так, то почему эта часть должна быть лучше других, ей подобных? Почему бы тогда не верить и в других богов — иные лучи Всеобъемлющего Света? И выражение: «Среди богов кто подобен Тебе, О Господь» — вовсе не означает, что Бог, к которому обращаются подобным образом, действительно является «богом богов» или хотя бы чем-то лучше других богов, своих братьев; но просто лишний раз показывает, что каждый народ выбирал себе собственного бога, после чего в великом своем невежестве и суеверии поклонялся и молился этому богу, стараясь польстить ему, чтобы умиловить. Политизм при *подобных* воззрениях был бы куда более рационален и философичен, нежели антропоморфический монотеизм.

ХРИСТИАНСКИЙ СВЯЩЕННИК О ТЕОСОФИИ

В своем письме в «Indian Mirror» преподобный Ч.Г.А.Долл сообщает:

Skeptomai по-гречески означает «я спрашиваю». В начальном смысле этого слова я скептик по отношению к теософии. Я ее не понимаю, но прилагаю все усилия, чтобы выяснить, что она из себя представляет. Я тщательно прочитал зеленый буклет, который вы мне дали. Я имею в виду «Полный отчет о выступлениях на конференции, посвященной седьмой годовщине Теософского Общества и проходившей в бомбейском Институте Фрамджи Ковасджи 26 ноября 1882 года» («седьмая», включая четыре нью-йоркских?); поверьте, что мое внимание не ослабевало до самого конца, ибо четверть содержания соответствовала моим высказываниям и идеям, о которых пишет мой двоюродный брат Тилден из Симлы, что в Гималаях. Да, я вижу в ней пользу.

Безусловно, что сейчас теософия означает именно свободу. Она проповедует доверие к себе и самоконтроль. В наши дни она означает смелость и независимость. Единственное, что вызывает у меня опасение, так это ее узость в смысле ограничения жизненных планов. Самым поразительным и очевидным в древнем индуизме является культ *поклонения*. В этом учении сказано, что Бог во всем, и все есть Бог, и что нет ничего или, вернее, не существует ничего, кроме Бога. С этим я согласен. Но индуизм и буддизм убивают чувства, убивают любознательность, убивают инициативу ради достижения единства с Богом — *Нирваны*, то есть того со-

вершенства, которое вместе с тем означает покой, бесконечный отдых от работы, занятий и общества. Я не хочу такого эгоистичного отдыха ни сейчас, ни в будущем. Я жажду покоя — вечного, святого, безопасного; покоя в Боге навеки. Но не такого, при котором нарушается моя связь с Ним и с родственными душами во время благодного религиозного экстаза. Я ищу покоя в чувстве братства с Бесконечным и Вечным Творцом, Мыслителем, дающим Любовь и Жизнь. Я не желаю, чтобы мой сын растворился во мне. Я считаю, что ошибка индуизма и буддизма заключается в призыве забыть себя в Боге.

Патриарх Дебендранат Тагор однажды сказал мне: «Мне нравится ваше определение Нирваны — “растворение в Боге” — это очень точно». Индуизм и буддизм (в чистом виде) запрещают думать, а как раз этого требуют от нас и Жизнь, и Бог. Но люди все равно мыслят, и потому существует несколько школ *Нирваны*, то есть способов прекращения мыслительных процессов. Один известный индус уверял меня, что его *Нирвана* позволяет ему узнавать друзей на небесах. Для меня смысл всей религии — это Жизнь, а смысл всей Жизни — рост новых побегов из старого генеалогического корня.

Если бы теософия заставила Солнце вращаться в обратную сторону или изменила Божественный закон прогресса и эволюции, я и тогда не согласился бы с ней и отрицал бы ее. Некоторые докладчики на юбилейной конференции в Бомбее высказались по этому поводу даже откровеннее меня. Однако кое-кто из них придерживался противоположной точки зрения. Например, на с. 77 сказано, что теософия «есть древняя арийская философия», не больше и не меньше. Автор упомянутого доклада является в этом смысле «бескомпромиссным теософом». Он не сообщает, признает ли он *Ишвару* или *Ниришвару-санкхью*, то есть теистов или агностиков. Что касается нас, то мы не приемлем ни ту, ни другую. У него, безусловно, очень твердые убеждения, которые, по его словам, не допускают компромисса. Этому магистру гуманитарных наук, делегату из Рохилкхунда, нужен древний индуизм и больше ничего. Но м-р Синнетт

вступает с ним в спор. Он говорит (с. 6), что теософия «объединяет всех правдоискателей независимо от их вероисповедания». Он приглашает «этого индийского философа осознать (с. 7), работая вместе с европейцами, как много приобрела бы его философия, применив четкие прагматические методы мышления, разработанные европейской наукой». «Это качество европейского ума делает его необходимым дополнением» индусского (арийского) интеллекта.

Полковник Олькотт поддерживает своего друга, м-ра Синнетта. А издатель «Indian Mirror» говорит (с. 19): «Я больше удовлетворен практической работой нашего Общества. Я не подвергаю критике английское образование *in toto*. Единственное, что вызывает у меня порицание, так это узкоспециальная образовательная система Англии, оставляющая вне поля своего зрения национальную литературу и науку. Я не хочу, чтобы отдаленное прошлое нашей страны превратилось в его ближайшее будущее. Это было бы верхом нелепости. Я только желаю, чтобы мои соотечественники почувствовали наш национальный дух (*quere*, почитания Бога или осознания себя Богом?), изучая свою историю, и, озаренные светом ее понимания, продвигались по пути прогресса». Кто, спрашиваю я, может этому возразить? Ни один нормальный человек.

Опять-таки, представитель Теософского Общества Пуны, единственный, кто делал доклад на древнеиудейском языке, оценивает теософию как «ключ к правильному толкованию иудейских рукописей» (не арийских, а семитских). Для него нет ничего таинственного. Он заявляет (с. 49): «Даже десятая часть членов Теософского Общества не верит в аномальные явления слепо. Они верят только тогда, когда знают, что это истинно... Не отрицая хорошо проверенные феномены, они хотят изучать материю без предвзятостей. Теософия предоставляет широкие возможности для исследования каждой отрасли знания без предрассудков и догматизма. Она рассматривает религию как часть науки. Одна из ее задач — глубоко осмыслить древние религиозные системы и выяснить, что же лежит в их основе — фантазии или научные факты». Без сомнения, он является последовате-

лем учения Бэкона. Именно этим занимается Азиатское Общество еще со времен Вильяма Джоунса. У меня есть опасение, что при таком размахе теософия рискует получить очень мало завершенных работ. «Лучше меньше, но лучше» — вот правильный девиз.

Был ли настоящим теософом тот, кто двадцать столетий назад в своих мыслях и чаяниях собрал воедино «все нации» и сказал религиям «Востока и Запада»: «Я был голоден, и вы накормили меня; Я был наг, и вы одели меня»? И когда некоторые народы спросили его: «Как же мы могли накормить тебя, если мы никогда тебя не видели?», — Иисус ответил: «Делая это для бедняков, *моих братьев*, вы делали это для меня». Это звучит как призыв к общечеловеческому братству. Так же как и другие речения этого отпрыска Авраама и сына Давида (теософа?) вроде «не называйте никого своим отцом на земле; ибо у вас один отец, справедливый Бог, а вы (все люди) — братья». Один из Его любимых учеников сказал: «Испробуйте все и твердо придерживайтесь того, что содержит добро и истину». «Слава, почет и мир (*Нирвана*) каждому, кто трудится добросовестно». А другой Его ученик сказал: «Человек любой нации, боящийся Бога (а арийцы почитают его?) и поступающий праведно, будет воспринят Богом» как истинный человек.

Если такова суть теософии, то чем шире она будет распространяться, тем лучше. Я считаю, что именно она заставила Раммохан Роя, истинного эклектика, который никогда, насколько мне известно, не называл себя «христианином», постоянно объявлять себя «последователем Христа». Смотрите, как Раммохан Рой в своей последней и самой большой работе (объемом в 640 страниц) под названием «Заповеди Иисуса — путь к миру» открыто провозглашает себя приверженцем Иисуса Христа — будучи по рождению индусом и изучив многие религии. Честность — бесценный дар.

Все, о чем я прошу — это благоразумие, свет знания и порядочность. Полковник Олькотт прочувствованно заявил в Утакаунде, что он друг фундаментального христианства и всеобъемлющей и неподдельной истины. Прошлой и настоящей и во всех областях. Пока что

взгляды полковника Олькотта и м-ра Синнетта совпадают с моими.

Мы опубликовали письмо преподобного м-ра Долла — двоюродного брата одного из преданных членов отделения нашего Общества в Симле, именуемого «Гималайским Теософским Обществом», — по двум причинам. Во-первых, чтобы поблагодарить его за искренние высказывания; во-вторых, чтобы указать на некоторые ошибочные представления, которые, похоже, владеют им.

Да, теософия — наука обо всем божественном, что есть в человеке и в природе. Это исследование и анализ известного и познаваемого, неведомого и **не познаваемого** иными способами.

«В своем практическом применении она действительно означает свободу (мысли), веру в себя и самообладание, мужество и независимость». А если это так, то почему наш достопочтенный доброжелатель «опасается ее узости в сфере жизненного применения»? Так же трудно понять, как может *Нирвана*, которая, по оценке нашего благожелательного критика, означает «растворение в **Боге**», «отдых в Боге, отдых в Бесконечности», одновременно представляться его воображению как «связь с Ним и с родственными душами... как сотрудничество с Бесконечным и Вечным Трудеником, Мыслителем, дающим Любовь и Жизнь»?

Если бы мы могли хоть на мгновение наделить Бесконечность человеческими качествами, представить мыслящий мозг одною **абсолютной** мыслью и так далее, все же мы выразили бы нашу идею иначе. Мы бы говорили не о «братстве» и «союзе» (ибо эти слова во всех языках означают взаимную связь или равные отношения людей); а скорее об ассимиляции или идентичности с **Абсолютом** и поглощении им. Там, где происходит абсолютное и полное соединение и отождествление части с целым, — там не

может быть *братства*. Существует огромная разница между отдельною каплей воды, брошенной обратно в океан или притянутой им, и двумя каплями — масла и воды. В первом случае капля «растворяется» в родительском источнике, поглощаясь им и ассимилируясь с ним, в результате чего возникает не «братство» или «союз», а подлинная *идентичность*. Во втором случае капля масла и капля воды являются двумя отдельными компонентами, и хотя их соединили вместе, о них нельзя сказать, что в конечном итоге они растворились друг в друге.

Следовательно, мы не считаем приемлемым такое определение *Нирваны*, которое принижает значение как «Бога», так и человека. Если характеристикой *Нирваны* является «растворение в Боге» — мы принимаем ее, но только заменив последнее слово на «Парабрахма», то есть Вселенскую Божественную Сущность, — тогда совсем не логично дальнейшее дополнение м-ра Долла к определению *Нирваны* как братства и личной связи с «родственными душами». Действительно, трудно понять, что он имел в виду, говоря: «Я считаю, что индуизм и буддизм совершают *ошибку*, призывая меня *слиться* с Богом», — а затем, сообщая нам на едином дыхании, что «патриарху Дебендранату Тагору» понравилось его, преподобного Долла, определение «...“растворение в Боге” — вы выразили это очень точно».

Каким бы ни был оккультный смысл сего явно-го противоречия, во всем остальном наш критик правильно охарактеризовал в своем письме теософию. Она приветствует «фундаментальное» христианство наряду с фундаментальным буддизмом, иудаизмом или индуизмом. Ибо все религии, освобожденные от рукотворных теологий и чрезмерно социологизированной церковности, имеют одну и ту же основу и направлены к единому фокусу — неискоренимой врожденной вере во *внутреннюю* природу, отражен-

ную во *внутреннем* человеке, его микрокосме; на этой нашей Земле мы можем *знать* лишь об одном свете — том, который мы *видим*. Божественный Принцип — **Единое** — может быть представлен нашему сознанию только через природу и ее наивысшую форму — человека, который, по словам Иисуса, является единственным «храмом Господним». Следовательно, истинный теософ любого вероисповедания, отрицающий веру во внешнего вселенского Бога, тем не менее, признаёт реальное существование *Логоса* (в эзотерическом осмыслении этого понятия буддистами, адвайтистами, христианскими гностиками или неоплатониками*), но не раболепствует ни перед каким клерикальным его определением, ортодоксальным и догматическим. Теософия сражается со всеми антропоморфическими концепциями о великом **Непознаваемом** и будет неустанно внедрять в сознание взрослеющего человечества мысль о том, что его детство и даже юность прошли и никогда не вернуться. Теософия постоянно учит своих последователей, что многовековые исследования обнаружили в плотском, смертном человеке недостаток всего, кроме чувственности. Будучи духовным и физическим синтезом всех форм и живых существ, через которые проходило его развитие, он не поддается исправлению и, потому, должен быть предоставлен времени и работе эволюции — а посему целесообразнее обратить наше внимание на духовного, или внутреннего, человека, вечного и бессмертного.

В своем более высоком аспекте теософия испытывает сострадание и оказывает помощь не только человеку, но и каждому живому существу, наделенному чувствами. «Настоящим», а с экзотерической точки зрения, и *великим*, теософом был тот, кто сказал и продолжает говорить «всем народам» и «всем религиям»: «Я был голоден, и вы накормили меня, я был наг, и вы одели меня», подразумевая под сло-

вом «я» человеческий Логос — соборное духовное человечество, духовное целое, представшее в своих частях и атомах, или, если позволительно так сказать, «Бога, проявившего себя в человечестве». А еще более совершенным теософом является тот, кто, глубоко осознав сокровенный эзотерический смысл этого эзотерического иносказания, *питает и одевает все народы и все религии без ограничения*; тот, кто всегда готов соотнести личное местоимение «я» не только с Иисусом или с любым из христов и богов, воплощавшихся в различные эпохи и в различных народах, но и со вселенским *Логосом* — божественным Эго. Короче говоря, тот, кто кормит голодных и одевает раздетых, независимо от их религиозной или национальной принадлежности, подобно благородному царю Ашоке.

«Персональный» Бог, по утверждению *истинного* теософа, есть плод воображения человека, эфемерного и животного, хотя и наделенного интеллектом. Следовательно, достопочтенный м-р Долл ошибается, задаваясь вопросом, мог ли Давид быть теософом. Человек, убивший другого человека, чтобы отнять у него жену и удовлетворить свою похоть, может быть «другом» антропоморфного Бога, но не теософом. Наш вопрошатель прав, интересуясь, был ли Иисус теософом. Воистину, «Сын Человеческий» и «Сын Скорби» полностью соответствует данному определению, и это, пожалуй, основная причина, почему столь немногие понимали и ценили его и почему он был распят. Он поклонялся Божественной Истине. Ни один теософ, будь то язычник или христианин, еврей или представитель другой нации, никогда не станет отвергать идеалистического Иисуса или отказываться почитать того, кто в течение своей жизни являясь одним из благороднейших и величайших из людей, *посмертно* был низведен до уровня самых незначительных божеств мирового пантеона. Теософы

отказываются признавать только того Иисуса Христа, который был неправильно понят и искаженно показан в еkkлезиастических евангелиях. Верные знаменам Всемирного Братства, теософы всегда готовы принять незамутненную истину, преклониться перед человеком любой национальности или вероисповедания, который, *будучи всего лишь смертным*, прокладывая путь вперед и добиваясь очищения *собственными усилиями*, поднялся до высот измышленного персонального Бога. Но они всегда будут отказываться почитать или даже признавать добродетели и праведность внешнего космического божества. Ибо *если оно является* всем тем, что ему приписывают теисты и христиане, тогда у него нет никаких личных заслуг.

Если «бог» существует от вечности и в вечности, будучи кульминацией всех совершенств на небесах и на земле, тогда совершенство является его врожденным качеством; а какие личные заслуги могут быть у сущности, не поддающейся искушению и не впадающей в грех? Вместо того, чтобы воздавать почести такому богу, истинные теософы, отвергающие чудеса и сверхъестественное, испытывают потребность в обратном: сделать ему выговор и спросить его, почему, являясь квинтэссенцией Блаженства и Совершенства, он сотворил человека всего лишь «номинально» по своему образу и подобию, а в действительности сделал его таким беспомощным и несчастным, таким греховным и несовершенным? Как сказал Бученен: «Всемогущий Дьявол! Кто будет судить *тебя* в *твой* судный день?»

Разумеется, за такие высказывания можно получить упрек в «богохульстве». Но нам кажется, что подвергать логическому анализу персонального Бога, который, как мы утверждаем, является порождением человеческого ума, не более кощунственно, нежели анатомировать нравственное содержание и физио-

логическое строение **человека**, созданного **Богом** по своему *физическому* образу, ибо вряд ли можно говорить о *духовном* «подобии» при виде морального облика среднего грешного представителя нынешнего человечества.

Итак, теософы всегда будут уважать, восхищаться и даже следовать примеру истинного «слуги Христа». Но они всегда будут открыто презирать лицемерных христиан, не обладающих ни одной из христианских добродетелей, — таких, например, как мнимые проповедники, лицедействовавшие в недавнем судебном процессе «Пигот против Хасты». Можем ли мы, теософы, испытывать иное чувство, кроме отвращения к тем *христианам* — важным персонам и мелким сошкам, которые принимали участие в этой самой мерзкой узаконенной трагикомедии? Избави Бог от *таких* христиан. Вероятно, им надлежит быть в первых рядах псевдохристиан, но никак не среди теософов, даже посредственных.

О РАЗНОМ

[Комментируя утверждение в статье «Совет свами» о том, что некоторые высшие ступени медитации позволяют человеку лицезреть «Всемогущего, Вселенского, Всезнающего и Всеславного Бога», Е.П.Блаватская отмечает:]

Кого бы мы ни увидели, в лучшем случае это окажется собственным божественным принципом человека, его лучезарным *Атманом*, но не богом или Ишварой, который, как то прекрасно доказал Капила, если он Безличный и Бесконечный, то *не может быть видим*, а если же он личный и, следовательно, *конечный*, то не является «вселенским» духом.

Дополнение

Нас обвиняют в пропаганде идей, которые могут удивить даже «среднего» буддиста. Мы вполне это допускаем; я даже могу добавить, что средние брахманы могут быть столь же обескуражены. Мы никогда не говорили, что мы буддисты или брахманы, в смысле их популярной экзотерической теологии. Будда, восседающий на лотосе, или Брама, с любым количеством тератологических рук, волнуют нас так же мало, как и католическая Мадонна или христианский личный Бог, взирающие со стен и потолков соборов. Но ни Будда, ни Брама не являются для своих верующих олицетворением тех идей, что представлены католическими иконами, которые мы считаем просто богохульными. В этом отношении, кто осмелится сказать, что христианство, вместе со своей хваленой цивилизацией, переросло фетишизм Фиджи? Когда мы видим христиан и спиритуалистов, столь легкомысленно и самодовольно рассуждающих о Боге и материализации «духа», нам хочется, чтобы они хоть немного разделяли благоговейные идеи древних ариев.

Мы не пишем для «средних» буддистов или каких-либо других средних людей. Но мне было бы крайне интересно сравнить любого веротерпимого буддиста или брахмана с лучшими метафизиками Европы, дабы сопоставить их взгляды на Бога и человеческое бессмертие.

Конечное, абстрактное определение этого — назовите его, как хотите: Богом, силой, принципом — всегда останется тайной для человечества, пусть даже оно и достигнет высочайшего уровня интеллектуального развития. Антропоморфические идеи спиритуалистов относительно духа являются прямым следствием антропоморфических концепций христиан о Боге. Одно настолько непосредственно вытекает из другого, что «Скрутатор», в качестве аргумента против дуады-младенца и потенциального бессмертия, ссылается на Иисуса, «мудрость которого росла по мере роста его мозга».

Христиане называют Бога Бесконечным, а затем наделяют его всеми конечными атрибутами — такими как любовь, гнев, щедрость, милость! Они называют Его Всемиловитым — и осуждают на вечное проклятие три четверти человечества; называют Всепрощающим — и утверждают, что грехи краткого мига жизни нельзя искупить даже вечностью сознательной агонии. Сегодня, среди тысяч неверно переведенных в «священном» Писании терминов, каким-то чудом, в версии короля Джеймса, точно передано значение слова «destruction» — синонима *annihilation* — и ни один словарь уже не истолкует его как проклятие или вечные муки. Хотя церковь постоянно подавляет «деструкционистов», все же беспристрастный читатель вряд ли станет отрицать, что они лучше, нежели их преследователи, поняли то, чему учил Иисус и что соответствует справедливости — доктрину о конечном уничтожении порочных людей.

Мы верим, что во всей вселенной существует лишь один неопределимый Принцип, который — поскольку он совершенно непостижим нашим ограниченными сознанием — мы предпочитаем оставить без обсуждения, нежели унижить его величие своими антропоморфическими спекуляциями. Мы верим,

что все сущее — материальное ли, или духовное, все, что может иметь бытие — в действительности или потенциально в нашем сознании, все исходит из этого Принципа. Что все есть корреляция, в том или ином виде, этой Воли или Силы. И поэтому, рассуждая о невидимом с позиций видимого, мы опираемся в своих размышлениях на учения многих поколений мудрецов, предшествовавших христианству, подкрепляя их собственными доводами.

«*Метафизика и метафизики*»

* * *

Мы должны ясно представлять, что подразумевается под творением. Вероятно, общий смысл сводится к тому, что в момент «сотворения» мира творец позволил себе, или ему каким-то образом было позволено, отступить от правила *ex nihilo nihil fit*, и он фактически создал мир из ничего; если это и есть та идея творения, которой нам надлежит сейчас заняться, то философы ответят — подобное творение неподвластно не только человеку, но даже богам или Богу, короче говоря, абсолютно невозможно. Прорыв в философском осмыслении этой идеи наступит тогда, когда люди скажут, что мир был «сотворен» (мы говорим, сформирован) из Хаоса. Возможно, у них нет четкого представления, что они имеют в виду под **Хаосом**, но в данном случае лучше употребить это слово, нежели «ничто». Ибо, если представить хаос как материю вселенной в непроявленном состоянии, то сразу же станет ясно, что хотя эта материя совершенно неуловима для восприятия обычных человеческих чувств и в этом смысле эквивалентна понятию «ничто», творение из подобных материалов не является созданием чего-то, что не существовало прежде, но представляет лишь смену

состояния части вселенской материи, которая в своем предыдущем состоянии была незримой, неосязаемой и невесомой, но из-за этого отнюдь не являлась несуществующей¹. Теософы-окультисты, однако, совсем не используют слова «творение», но заменяют его термином **ЭВОЛЮЦИЯ**.

«Подвластно ли творение человеку?»

* * *

Центральной идеей эклектической теософии была идея о единой Высшей Сущности, Неведомой и *Непознаваемой*, ибо — «Как может кто-то познать того, благодаря которому он познает все это?» — вопрошает «Брихадараньяка-упанишада». Система этой теософии характеризовалась тремя определенными разделами: доктриной о вышеупомянутой Сущности, доктриной о человеческой душе — Ее эманации и, следовательно, одной с Нею природы, и теургией. Именно эта последняя и послужила причиной столь искаженных

---

¹ Это одна из многих причин, почему буддийская философия отказывается признавать существование и вмешательство в создание вселенной непосредственного творца или бога. Если хоть раз допустить, в целях дискуссии, что мир *был* сотворен подобным существом, а таковой создатель должен бы быть всемогущим, то остается разрешить одно давнее затруднение: кто же тогда сотворил ту пред-существующую материю, то предвечное, незримое, неуловимое и неосязаемое *ничто*, или хаос? Если нам скажут, что будучи «предвечным» и нетленным, он не нуждался в «сотворении», тогда мы ответим, что в таком случае существуют два «Предвечных» и два «Всемогущих»; если же наши оппоненты возразят, что его создал именно всемогущий № 1, то есть Бог, тогда мы возвращаемся туда, откуда начали — к творению *чего-то* из *ничего*, что представляет такой совершеннейший абсурд с точки зрения науки и логики, что даже не требует конечного неразрешимого вопроса, который задают некоторые не по летам развитые дети: «А кто же тогда создал Бога?»

представлений о неоплатониках в наш век материалистической науки. По существу, теургия — это искусство применения божественной энергии человека для подчинения слепых сил природы...

Что касается Божественной Сущности, природы души и духа, то современная теософия рассматривает их так же, как и древняя теософия. *Диу* ариев идентичен *Иао* халдеев и даже Юпитеру менее образованных и философски настроенных римлян; и точно также он идентичен *Яхве* самаритян, *Тиу* или Туисто норманов, *Дуву* бриттов и Зевсу фракийцев. Что же до Абсолютной Сущности — Единой и Вездесущей — то возьмем ли мы для рассмотрения этого понятия учение греков-пифагорейцев, халдейскую каббалу или философию ариев — результат будет один и тот же. Первичная монада в системе Пифагора, которая растворяется во тьме и сама есть Тьма (для человеческого сознания), составляла основу всего сущего; и эту идею, во всей ее полноте, мы находим в философских системах Лейбница и Спинозы. Следовательно, соглашается ли теософ с каббалой, которая, говоря об Эйн-Софе, вопрошает: «Кто же тогда может постичь Его, если Он бесформенный и Несуществующий?»; повторяет ли он величественный гимн из *Ригведы* (книга 10, гимн 129):

Кто знает, откуда берет начало это великое творение?
Создала ли его воля, или она бездействовала?

Он знает это — а может быть, *не знает даже Он*.

Принимает ли теософ ведантическую концепцию Брахмы, который в упанишадах представляется как «не имеющий жизни, не имеющий разума, чистый», *бессознательный*, ибо Брахма — это «Абсолютное Сознание»; или, наконец, разделяя веру свабхавиков Непала, утверждает, что не существует ничего, кроме «Свабхавата» (субстанция, или природа), который существует *сам по себе*, без всякого творца, — лю-

бая из этих концепций может привести только к чистой и абсолютной теософии. Той теософии, которая побуждала таких людей, как Гегель, Фихте и Спиноза продолжать труд греческих философов и размышлять о Единой Сущности — Божестве, *Всебожественном*, исходящем от Божественной Мудрости — непостижимой, неведомой и *невыразимой* — на основе любой древней и современной религии, кроме христианства и магометанства.

Итак, каждый теософ, разделяющий доктрину о Божестве, «которая не является откровением, но боговдохновенна в своей основе», может подпадать под любое из этих определений или принадлежать к любой из этих религий, но все же оставаться в рамках теософии. Ибо последняя представляет собою веру в Божество, которое есть **Всё** — источник всего сущего, беспредельность, которую нельзя постичь или узнать; одна лишь вселенная раскрывает *Это*, или, как предпочитают говорить некоторые, Его, тем самым наделяя полем, антропоморфизируя это божество, что является *богохульством*. Действительно, теософия избегает грубой материальности; она предпочитает верить, что пребывая в вечности, Дух Божества ничего не желает и ничего не творит; но то, что в безграничном сиянии исходит из Великого Центра, разливаясь повсюду, то, что производит все видимое и невидимое, есть лишь Луч, несущий в себе творящие и зарождающие силы, луч, который, в свою очередь, производит то, что у греков называлось *Макрокосм*, у каббалистов *Тиккун* или Адам Кадмон — архетип человека, а у арийцев — *Пуруша*, проявленный Брахма, или Божественный Муж. Теософия также верит в *анастазис*, или непрерывное существование, и в перевоплощение (эволюцию), или серию изменений души, что можно объяснить на строго философских принципах — но для этого нужно установить различие между *Параматмой* (транс-

цедентной, высшей душой) и *дживатмой* (животной, или сознательной душой) ведантистов.

Поиски божественного «Я» человека, столь часто и столь ошибочно интерпретировавшиеся как индивидуальное общение с личным богом, занимали всех мистиков и, похоже, вера в его существование — ровесница человечеству. Но каждый народ называл это по-своему. Так, Платон и Плотин называют «умственной работой» то, что йоги и шротрии именуют *видья*. «Размышлением, самопознанием и дисциплиной мысли душа может возвыситься до лицезрения вечной истины, добра и красоты — это и есть *Лицезрение Бога* — это и есть *эпонтейя*», — говорят греки. Порфирий же добавляет: «Чтобы слить свою душу с Мировой Душой, необходим совершенно чистый ум. Через самосозерцание, целомудрие и очищение тела мы можем приблизиться к Ней и получить в этом состоянии истинное знание и замечательное прозрение». А свами Даянанда Сарасвати, не читавший ни Порфирия, ни других греческих авторов, но в совершенстве изучивший Веды, говорит в своей «Веда-бхашья»: «Для достижения Дикша (высшее посвящение) и йоги необходимо руководствоваться правилами... Душа в человеческом теле может творить величайшие чудеса, познавая Вселенский Дух (или Бога), многообразие вселенной и качества (окультурные) вещей. Такой человек (Дикшита, или посвященный) может *приобрести способность слышать или видеть на огромном расстоянии*». Наконец, Альфред Р.Уоллес — член Королевского Общества, спиритуалист и, по общему признанию, великий натуралист — смело и откровенно заявляет: «Чувствует, ощущает и думает один лишь “дух” — это он познает, размышляет и устремляется... нередко встречаются люди с такой организацией, что их дух может чувствовать, независимо от телесных органов

чувств, или может временно покидать, полностью или частично, свое тело и возвращаться в него вновь... дух... сообщается с духом легче, чем с материей».

«Что такое теософия?»

* * *

Ответ. В буддизме *Дхиани* — родовое имя, общее название всех богов. Однако следует помнить, что, хотя они и «боги», им все-таки не следует поклоняться.

Вопрос. Но почему, ведь они же боги?

Ответ. Потому что восточная философия отвергает идею персонифицированного надкосмического божества. А тем, кто назовет это *атеизмом*, я могу сказать следующее. Было бы нелогично поклоняться одному такому богу, ибо сказано в Библии: «Властей много и богов много». И *если* уж нам так необходимо поклонение, то нам придется выбирать: либо поклоняться всем сразу, признав, что ни один из них не лучше других и так же ограничен, как и все (то есть вернуться к многобожию и идолопоклонству), либо избрать себе из их числа одного племенного, или расового, бога, как это сделали израильтяне, и, продолжая верить во множество богов, просто игнорировать и презирать всех остальных, считая собственного бога высочайшим, «Богом над Богами». Однако этот шаг логически не оправдан, поскольку такого рода бог не может быть ни бесконечным, ни абсолютным, но только конечным (если так можно сказать), то есть ограниченным и обусловленным пространством и временем. А с наступлением праляи все эти племенные боги, так же как и сам Брахма и все остальные Дэвы и боги, исчезают, растворяясь в Абсолюте. Вот почему ок-

культисты не поклоняются этим богам и не возносят им молитв; ведь в противном случае нам пришлось бы поклоняться либо всем богам сразу, либо самому Абсолюту, который, не имея никаких признаков, не имеет, естественно, и ушей, чтобы нас слышать. Даже тот, кто поклоняется многим богам, не может быть ко всем им одинаково справедлив. Сколько бы раз на дню он ни молился, он все равно не успеет обратиться к каждому из них персонально. А если по невежеству своему он изберет себе одного из них, то это ни в коей мере не будет означать, что он действительно избрал самого достойного. А потому ему лучше всего вспомнить, что каждый человек имеет бога внутри себя — луч, исходящий непосредственно из Абсолюта, небесный свет Единого, и поискать «бога» *в себе*, а не во внешнем мире.

Вопрос. Существует ли какое-нибудь собственное имя для планетарной Иерархии или духа, который наблюдает за всею эволюцией нашей планеты, например, Брахма или какое-то другое?

Ответ. Нет, за исключением общеродового имени, коль скоро это семеричная Иерархия. Единственное, что мы могли бы с этим поделаться, — назвать ее, по примеру некоторых каббалистов, «Духом Земли».

Вопрос. Все эти бесконечные Иерархии богов очень сложно запомнить.

Ответ. Не сложнее, чем химику запомнить всю бесконечную череду химических символов, если он, конечно, специалист. Впрочем, в одной только Индии свыше 300 миллионов богов и богинь. Ману и Риши также считаются планетарными богами, поскольку о них говорят, что они появились у истоков человеческих рас, дабы наблюдать за их эволюцией, и что они поочередно воплощались и нисходили на землю, чтобы учить человечество. Отсю-

да — *Санта-Риши*, «Семь Риши», экзотерически помещаемые в созвездие Большой Медведицы. Они — тоже планетарные боги.

«Протоколы Ложы Блаватской Теософского Общества»

* * *

...нас [теософов] скорее можно сравнить с гностиками, которые, хотя и верили в существование планетарных, солнечных и лунных богов, не возносили им молитв и не возводили алтарей. Мы не верим ни в какого личностного бога, за исключением того, о котором говорил Св. Павел и другие Посвященные, то есть *живущего в самом человеке и тем самым превращающего последнего в божественный храм*, но верим в имперсональный и абсолютный **Принцип**¹, настолько превышающий человеческое понимание, что мы считаем богохульником или просто самонадеянным глупцом всякого, кто заявляет, будто смог разгадать эту великую, вселенскую загадку. Все, что мы сами знаем об этом вечном и ни с чем не сравнимом Принципе, — это то, что он — не дух и не материя, не субстанция и не мысль, но *вместилище всего этого, причем абсолютное вместилище*. Это упоминаемый Василидом «Бог-Ничто»...

...«Бог-Ничто» идентичен ведантистскому Парабрахману — этой наиболее философичной и величественной концепции, а еще — **Эйн Софу** еврейских каббалистов. Последний назывался также «богом, которого нет», — «Эйн», что означало *не-бытие*, или абсолют, *ничто*, или τὸ οὐδέν ἐν Василида, объясняв-

---

¹ Эту веру разделяют только те, кто согласен с мнением нижеподписавшейся. Каждый член Общества волен верить в то, во что хочет и как он сам того хочет. Как мы уже говорили однажды, Теософское Общество это «Республика свободы совести».

шеется тем, что человеческий разум, будучи ограниченным на нашем материальном плане, не в состоянии воспринять то, что *есть*, но не имеет никакой формы.

«Путеводный свет Неведомого»

* * *

Буддисты, разграничивая в человеке три сущности (которые рассматриваются как единое целое на пути к нирване), подразделяют еще и душу на несколько частей, давая каждой из них и их функциям особое наименование. Таким образом они избегают путаницы... Вследствие своей сложной природы душа может опуститься и настолько тесно слиться с физической сущностью, что всякое моральное воздействие на нее высшей жизни прекращается. С другой стороны, она может настолько тесно соединиться с ноусом, или духом, что начинает разделять его мощь; в таком случае ее «носитель», физический человек, становится богом даже во время своей земной жизни. До тех пор пока душа не сольется с духом — либо во время земной жизни, либо после физической смерти — индивидуальный человек не станет бессмертным как сущность. Психе рано или поздно распадается. *Человек* может обрести «весь мир», но «душу» свою потерять.

«Взгляды каббалистов на духов»

* * *

Вопрос. Открывается ли Бог йогу через озарение?

Ответ. Каждый человек имеет собственное представление о «Богe». Насколько мы знаем, йог открывает Бога в своем внутреннем «Я», в своей **Атме**.

Когда он достигает такого состояния, он *действительно* озаряется — своим собственным слиянием со Вселенским, Божественным Принципом — Парабраманом. С личностным Богом — богом, который думает, плетет интриги, награждает, карает и кается — мы не знакомы. Мы также не думаем, что какой-либо йог мог лицезреть такового — если только не выдумка то, что Моисей, убивший человека в Египте, и прелюбодействующий убийца (Давид) были христианскими йогами (как утверждал один миссионер по окончании лекции полковника Олькотта в Лахоре)!

«О йога-видье»

* * *

«Древние риши *Арьяварты* приложили немало усилий, чтобы запечатлеть в сознании своих последователей мысль о том, что *человеческий дух* (седьмой принцип) обладает достоинством, силой и святостью, на которые не могут претендовать никакой другой бог, дэв или ангел индусского пантеона».

В свете сказанного становится понятным, почему Гаутама Будда после своего посвящения в *таинства* старым брахманом, *своим Гуру*, отрекся от богов, дэв и персональных божеств, понимая, что путь к спасению лежит не через напыщенные догмы и признание внешнего *божества*; он отказался от любой формы теизма и — стал *Буддой, просветленным*. «*Aham eva ragam Brahma*» — «Я сам Брахма (Бог)» — девиз каждого посвященного.

«Замечания к статье «Философия духа»»

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗЛА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗЛА

Проблема происхождения зла может быть философски рассмотрена только в том случае, если за основу своих рассуждений мы возьмем архаические доктрины Индии. Лишь древняя мудрость способна дать удовлетворительное объяснение существованию вселенского зла. Согласно ее учениям, рождение Космоса и эволюция жизни происходят вследствие раскола первоначального проявленного **единства** и превращения его во множественность или великую иллюзию формы. **Гомогенность** трансформируется в гетерогенность, что не может не создавать контрасты, отсюда возникает и то, что мы называем **злом**, господствующим ныне в нашей юдоли слез.

Материалистическая западная философия (как ее неверно называют) не преминула воспользоваться этим великим метафизическим догматом. Даже материалистическая наука, с химией во главе, в последнее время со всей серьезностью обратилась к первой его части и сейчас пытается доказать на основе неопровержимой информации гомогенность первоначальной материи. Но теперь к этому процессу примешивается еще и материалистический пессимизм* — учение, которое не является в полном смысле слова ни философией, ни наукой, но скорее просто набором ничего не значащих слов. Пессимизм в его современной стадии перестал быть пантеистическим, но примкнул к материализму и теперь

стремится извлечь для себя капитал из древнего индийского учения. Однако атеистический пессимизм — птица не очень высокого полета, ибо не поднимается выше физической гомогенной протоплазмы дарвинистов. Для него земля и материя — *ultima thule, prima materia*, за которой он видит лишь ужасающую пустоту, непроглядное ничто. Правда, некоторые пессимисты пытаются поэтизировать свои идеи на манер повапленных гробов* или мексиканских покойников, чьи отвратительные губы и щеки покрывают толстым слоем румян. Но разложение проступает сквозь маску фальшивой жизни, несмотря на все усилия скрыть его от глаз живых людей.

Материализм теперь покровительствует индийским метафорам и образам. Так, из новой работы д-ра Мейнлендера на данную тему («Pessimism and Progress») мы узнаем, что индийский пантеизм и немецкий пессимизм суть *одно и то же* и что именно вследствие распада гомогенной материи на гетерогенную произошел переход от единообразия к полиформизму, приведший в итоге к образованию нашей несчастной Вселенной. Вот слова истинного пессимиста:

Это (превращение) как раз и было той первоначальной ошибкой, тем *первородным грехом*, который весь мир искупает теперь своими тяжкими страданиями; этот грех, породивший все живое, одновременно вверг свои творения в бездонную пропасть зла и страданий, выбраться из которой можно только одним способом — *прекратив существование*.

Подобная интерпретация восточной формулировки, называющая единственным средством освобождения от страданий «прекращение существования» (идет ли речь о существовании целого Космоса или же отдельного индивида), в корне неверна. Восточный пантеист, чья философия указывает на необходимость различать истинное Бытие, или *Esse*, и

обусловленное существование, вряд ли уверует в столь абсурдную идею и согласится с подобной безысходной альтернативой. Он понимает, что, выдвигая из себя по капле *танха* (неудовлетворенное стремление к существованию, или «волю к жизни»), он постепенно избавляется от проклятия перерождений и *обусловленного* существования. Но он понимает также, что не может уничтожить или «прекратить» собственную жизнь, исключая разве что внешнюю, поверхностную личность, что равносильно простой смене платьев. Веря в Единую Реальность, которая есть вечное *Бытие*, «*беспричинная причина*», из которой человек сам изгнал себя в мир формы, восточный пантеист считает свое временное прогрессирующее продвижение в состояние *майи* (изменчивости, или иллюзии) поистине величайшим злом; но в то же время осознает, что это естественный процесс, столь же неотвратимый, как муки рождения. Это единственный путь, следуя которым он может перейти от ограниченных и обусловленных жизней к жизни вечной, к абсолютному Бытию, столь емко передаваемому санскритским словом «Сат»*.

«Пессимизм» индусского или буддистского пантеиста носит метафизический, глубокомысленный и философский характер. Мысль о том, что материя и ее изменчивые проявления являются источником и причиной вселенского зла, стара как мир, хотя впервые ее конкретно сформулировал только Гаутама Будда. Но великий индийский реформатор наверняка не планировал превращать свое учение в спасательный круг, за который смог бы ухватиться впоследствии современный пессимист, или делать из него вешалку, на которую материалист навешивал бы свои извращенные и опасные догматы! Мудрец и философ, принесший себя в жертву человечеству тем, что *жил ради его спасения*, учил людей видеть в чувственном существовании мате-

рии одни лишь страдания, но в его пронизательный философичный ум никогда не приходила мысль о назначении премии за самоубийство; его усилия были направлены на то, чтобы освободить человечество от чрезмерной привязанности к жизни, ибо эта привязанность и есть главная причина себялюбия, а последнее в свою очередь — причина боли и страданий. Сам Будда являет для каждого из нас пример исключительной силы воли, но это была воля к жизни, а не к отказу от нее. Согласно его учению, зло будет существовать всегда, но оно существует *не в самой материи*, которая вечна, а только в создаваемых ею иллюзиях: в изменчивости и превращениях материи рождается жизнь, но эти изменения условны, и эта жизнь эфемерна. В то же самое время зло не только неотвратимо, но и необходимо. Ибо если мы можем отличать добро от зла и свет от тьмы и ценить первое, избегая второго, то только благодаря существованию контрастов между ними.

Мертвая буква философии Будды показывает нам только темную сторону вещей иллюзорного уровня жизни; но ее эзотерическое прочтение, ее скрытая душа отодвигают завесу, открывая Архату всю славу **вечной жизни** в *полной гомогенности Сознания и Бытия*. Сие утверждение, несомненно, покажется представителям материалистической науки и даже современного идеализма очередной нелепостью, но для мудреца и эзотерического пантеиста это очевидный *факт*.

Краеугольная идея о происхождении и распространении зла вследствие прогрессирующего дробления некогда гомогенной материи, приобретающей вследствие этого форму и — по мере физического совершенствования этой формы — все более дифференцированную структуру, имеет эзотерическую сторону, о которой наверняка даже не подозревают

современные пессимисты. Однако именно внешний ее аспект издревле служил предметом теоретизирования для каждого думающего народа.

Даже в Индии изначально заложенная в основу рассматриваемого учения мысль была перевернута с ног на голову благодаря стараниям сектантов, что привело к появлению ритуалистических, чисто догматических доктрин *хатха-йоги* (в противоположность философии ведантистской *раджа-йоги*). Языческие и христианские экзотерические спекуляции и даже средневековый монашеский аскетизм выбросили из некогда благородной идеи все, что могли, чтобы привести ее в соответствие со своими узколобыми сектантскими воззрениями. Их ложные представления о материи побудили христианство с самых первых лет своего существования отождествить женщину со злом и материей, невзирая на то почтение, которое римско-католическая церковь испытывает к Святой Деве.

Но последнее неожиданное применение превратно понятого индийского учения, предложенное немецкими пессимистами, поистине, оригинальнее всего. В самом деле, всякие попытки провести аналогию между этим в высшей степени метафизическим учением и теорией Дарвина о физической эволюции на первый взгляд кажутся затеей абсолютно безнадежной; тем более что теория естественного отбора не предусматривает никакого прекращения *существования*, но, напротив, наводит на мысль о бесконечном поступательном движении *жизни* ко все более сложным своим формам. И все-таки германская изобретательность исхитрилась при помощи научных парадоксов и изрядного количества софистики придать этой теории сходство с философской истиной. И древняя индийская доктрина при этом в очередной раз угодила в лапы современного пессимизма. Счастливый автор гипотезы о том, что зло появилось

на свет вместе с протоплазматической *амебой*, разделившейся ради продолжения рода и нарушившей тем самым свою целомудренную гомогенность, ссылается в своей новой книге — не больше и не меньше — на авторитет древних арийских мудрецов. Восхваляя древнюю философию и глубину ее концепций, он в то же время заявляет, что ее следует рассматривать «как наиболее значительную и важную истину, *предвосхищенную и украденную* древними мудрецами у современного мышления»!!

Выходит так, что «современное мышление» ставит на одну доску глубочайший религиозный пантеизм индусских и буддистских философов и мимолетные капризы пессимистических материалистов, полностью идентифицируя их. И того, что их разделяет непроходимая пропасть, похоже, никто не замечает. Никто не желает видеть, что пантеист не признает реальностью проявленный Космос, считая его всего лишь иллюзией собственных чувств, и потому необходимо рассматривает свое собственное существование тоже как скопление иллюзий. То есть, когда он говорит о способе избавления от страданий объективной жизни, его мнение о природе этих страданий и мотивация его призывов к окончательному уходу из этой юдоли слез полностью отличны от тех, которые пропагандирует пессимистический материалист. Для него (пантеиста) боль и страдания иллюзорны и происходят вследствие его собственной привязанности к этой жизни, продиктованной исключительно невежеством. Поэтому он стремится к вечной и неизменной жизни, к достижению абсолютного сознания в состоянии нирваны; в то время как европейский пессимист, принимая жизненное «зло» за *реальность*, мечтает (когда у него появляется время мечтать о чем-либо ином, кроме этих самых земных *реальностей*), по его собственным словам, о полном «прекращении существования». Для философа суще-

ствуется только одна реальная жизнь — *блаженство нирваны*, качественно отличающееся от всех имеющих в проявленной Вселенной уровней сознания; пессимист же называет «нирвану» суеверием и отождествляет с «прекращением жизни», ибо жизнь для него начинается и заканчивается на земле; тогда как первый пренебрегает в своих духовных устремлениях даже первоначальным гомогенным единством, которым спекулируют теперь немецкие пессимисты. Философ знает и верит, что и у этого единства есть своя причина — вечная и бессмертная, ибо *она никем и ничем не сотворена* (иными словами, она не является результатом предыдущей эволюции). Следовательно, его усилия направлены на скорейшее воссоединение с этой первопричиной, возвращение в *до-первоначальное* состояние, возможное лишь после прохождения по иллюзорной дороге призрачных жизней с их нереальной фантазмагорией чувственных восприятий.

Подобный пантеизм может считать «пессимистическим» только тот, кто верит в персональное провидение; тот, кто готов противопоставить отрицанию реальности всего «сотворенного», то есть обусловленного и ограниченного, свою собственную слепую и нефилософичную веру. Восточный ум не пытается выискивать зло в каждом фундаментальном законе и проявлении жизни, он не рассматривает каждый феномен как неизбежное умножение зла (зачастую мнимого); восточный пантеист просто подчиняется неизбежному, но старается сбросить со своего жизненного пути как можно больше будущих «нисхождений в перевоплощение», избегая, по мере сил, создания новых *кармических* причин. Буддистскому философу известно, что продолжительность чередования жизней каждого человека (если только он не достигнет нирваны «искусственно» или, как говорят каббалисты, если он не «возьмет царство Божие си-

лой») аллегорически представлена в виде истории о *сорока девяти днях*, проведенных Гаутамой Буддой под деревом Бо. А индусский мудрец знает, в свою очередь, что ему надлежит зажечь *первый* и погасить *сорок девятый огонь*¹, прежде чем он достигнет окончательного освобождения. Зная все это, мудрец и философ терпеливо ждут естественного часа своего освобождения; в то время как их злосчастный раздражитель — европейский пессимист — всегда готов совершить самоубийство, которое с такой уверенностью пропагандирует. Не зная о том, что гидра существования имеет бесчисленное множество голов, он не может относиться к жизни с таким же философским презрением, с каким относится к смерти, и потому неспособен следовать мудрому примеру своих восточных братьев.

Таким образом, философский пантеизм совершенно непохож на современный пессимизм. Если первый базируется на ясном понимании тайн бытия, то второй является по сути дела еще одной толикой зла, добавленной нездоровой фантазией к уже существующему немалому запасу социальных зол. Строго говоря, это даже не философия, но просто систематизированная клевета на жизнь и бытие в целом, желчные излияния диспептика или неизлечимого ипохондрика. Так что никаких параллелей между этими двумя системами мышления нет и быть не может.

---

¹ Это эзотерический догмат, и потому неподготовленный читатель обнаружит в нем не очень много смысла. Но теософ, читавший «Эзотерический буддизм», без труда догадается, что *сорок девять «дней»* и *сорок девять «огней»* это 7, умноженное на 7, и поймет, что эта аллегория эзотерически указывает на семь последовательных человеческих коренных рас и семеричное деление каждой из них. Все монады рождаются в первой и освобождаются в последней, седьмой расе. Только Будда, как говорят, смог достичь освобождения в течение одной жизни.

Побеги зла и страдания были несомненно первыми результатами и следствиями гетерогенности проявленной Вселенной. И все же это только иллюзия, порожденная законом контрастов, являющимся, как уже было сказано, одним из фундаментальных законов природы. Ни добро, ни зло не могли бы существовать, если бы взаимно не освещали друг друга своим светом. Рассматривая *Бытие* во всех его формах как источник контрастов с самого Сотворения Мира и учитывая тот факт, что зло преобладает во Вселенной благодаря эго-изму или себялюбию, можно прийти к буквальному восприятию образной восточной метафоры, согласно которой существование есть акт искупления ошибки природы; и вследствие этого человеческая душа (*psyche*) начинает рассматриваться как козел отпущения или жертва *бессознательной сверх-души*. Но этот вывод должен подталкивать человека не к пессимизму, а к мудрости. В жертву должно быть принесено только невежество, тогда как знание должно подчинить естественный пессимизм своей абсолютной власти. Однако постепенно, в процессе накопления наследственности или *атавизмов*, последний входит в плоть и кровь человека.

Пессимизм всегда присутствует в нас, каким бы тихим и незаметным он ни был поначалу. Даже среди первых радостей существования, когда нас переполняют жизненные энергии юности, мы склонны при первых же признаках страдания, перед лицом мелких неудач или при появлении черной тучи на нашем горизонте обвинять *жизнь* во всех своих бедах, называть *ее* обузой и даже проклинать наше бытие. Все это свидетельства присутствия пессимизма у нас в крови, и в то же время — присутствия плодов невежества. По мере умножения человечества умножаются и страдания, в мире становится все больше боли и скорби, что является закономерным резуль-

татом численного роста вырабатывающих их индивидов. Мы живем в атмосфере мрака и отчаяния, но только потому, что наши глаза опущены вниз и взоры прикованы к земле со всеми ее физическими и чисто материальными проявлениями. Но если вместо этого человек на своем жизненном пути будет глядеть не в небо, поскольку это всего лишь красивая метафора, но *в себя самого*, сосредоточившись на своем *внутреннем* мире, то сможет вскоре освободиться от удушающей хватки огромной змеи, имя которой — иллюзия. И тогда его жизнь — с колыбели и до могилы — не будет казаться невыносимой и бессмысленной даже в самые черные минуты.

Пессимизм — хроническая подозрительность, побуждающая человека повсюду предчувствовать за-таившееся зло, имеет двойственную природу и потому приносит плоды двух сортов. Являясь естественным свойством каждого физического человека, он становится проклятием только для невежд. Но для человека одухотворенного он становится благом, так как побуждает его искать истинный путь, открывая ему с течением времени одну фундаментальную истину: все в этом мире носит *подготовительный* характер, ибо все в нем — бренно. Пессимизм подобен отдушине в стене мрачной темницы земной жизни, сквозь которую внутрь пробивается лучик света из дома вечности, лучик, который, озаряя наши *внутренние* чувства, шепчет несчастному узнику о тайне происхождения и двойственности его бытия. В то же время это — невысказанный намек на присутствие в человеке того, *кто всегда знал и знает* о существовании иной, лучшей жизни, ожидающей нас после того, как проклятие земных жизней будет исчерпано до конца.

Данное объяснение проблемы и происхождения зла носит, как уже было сказано, чисто метафизический характер и потому не имеет ничего общего с

физическими законами. Оно связано исключительно с духовной составляющей человека, и потому необдуманное его восприятие может оказаться опаснее, чем даже полное его незнание. Лежащее в самом основании этики Гаутамы Будды, но попавшее ныне в руки современных филистеров от материализма, оно может стать жертвой смешения двух систем пессимистического мышления, что в свою очередь может привести к ментальному самоубийству, если не хуже.

Восточная мудрость учит, что дух должен пройти через испытание инкарнацией и жизнью и принять крещение материей, чтобы обрести опыт и знание. Только после этого он сможет приобщиться к духовному крещению или самоосознанию, возвращающему его в исходное состояние божественности, на сей раз *дополняемое* накопленным опытом, благодаря которому дух получает новое качество — всеведение. Иными словами, дух может вернуться в состояние изначальной гомогенности первоисходного вещества не иначе как обогащенный плодами кармы, ибо это единственный способ создать абсолютно *сознательное* божество, лишь на одну ступень отстоящее от абсолютного **всего**.

Библия содержит недвусмысленные указания на то, что зло существовало задолго до Адама и Евы, и, следовательно, на них никак не может лежать проклятие первородного греха. Ибо если бы до их появления в мире не было ни зла, ни греха, то откуда бы тогда взялся змий-искуситель или же Древо Познания *добра и зла* в саду эдемском. Свойства этой яблони наглядно описаны в том стихе, где говорится о грехопадении Адама и Евы, вкусивших ее запретного плода: «И открылись глаза у них обоих, и *узнали они*» многое, помимо того, что наги. Таким образом, слишком большое знание о материальных вещах вполне справедливо названо злом.

Но как бы то ни было, наш долг — всесторонне изучить новоявленную опасную теорию и разоблачить ее. До сих пор пессимизм пребывал в сфере философии и метафизики, даже не пытаясь вторгаться во владения чисто физической науки, к числу которых, безусловно, принадлежит дарвинизм. Теория эволюции приобрела ныне практически универсальное распространение, и нет теперь такой школы (за исключением воскресных и миссионерских), где она не преподавалась бы с теми или иными модифицирующими отступлениями от первоначальной программы. Но с другой стороны, ни одно учение не подвергается таким злоупотреблениям и не притягивается за уши ко всевозможным околонучным рассуждениям с бóльшим проворством, нежели теория эволюции; данное утверждение особенно справедливо для тех случаев, когда фундаментальные законы эволюции привлекаются для решения сложнейшей и в высшей степени абстрактной проблемы многогранного человеческого существования. Там, куда «боятся ступить» психология и даже философия, материалистическая биология орудует кувалдою поверхностных аналогий и предвзятых умозаключений. И хуже всего то, что, считая человека всего лишь высшим животным, она утверждает его неоспоримую и полную принадлежность к сфере эволюционистской науки. Но теперь парадоксы в этой сфере уже не крапаются мелким дождичком, но льются на головы ученых, как из опрокинутого ведра. «Человек — мерило всех вещей», но в то же время измеряется и анализируется по той же самой схеме, что и животное. Один немецкий материалист называет духовную и психическую эволюцию законной собственностью физиологии и биологии, полагая, что только через разгадку тайн эмбриологии и зоологии можно решить проблему человеческого созна-

ния и происхождения его души¹. Другой находит оправдание самоубийцам в том, что они якобы следуют примеру животных, которые, устав от жизни, до смерти морят себя голодом².

До сих пор у пессимизма, невзирая на изобилие и великолепие его парадоксов, была одна явно слабая сторона, а именно: отсутствие сколь бы то ни было реального и очевидного базиса, на который он мог бы опереться. У его последователей не было никакой достаточно жизнеспособной направляющей мысли, которая служила бы им маяком, помогающим счастливо избежать всех — реальных и воображаемых — подводных мелей и рифов человеческой жизни, столь щедро рассеянных повсюду ими самими в виде обвинений, каковые они выдвигают в адрес жизни и бытия. Все, что они могли до сих пор, — это полагаться на авторитет своих ведущих представителей, нашедших для себя весьма оригинальное (хотя и бесполезное) занятие — увязывать все существующее в жизни многообразное зло с метафизическими концепциями великих немецких мыслителей, таких, как Шопенгауэр и Гартманн (они делали это с самозабвением маленьких мальчиков, которые подвязывают разноцветные хвостики к воздушным змеям своих старших товарищей, чтобы потом порадоваться, глядя на них в воздухе). Но теперь их программа существенным образом меняется. Пессимисты нашли себе поддержку гораздо более солидную и авторитетную (хотя и не столь философичную), нежели привязывание своих жалоб и стенаний к метафизическим *воздушным змеям* Шопенгауэра. Те дни, когда они соглашались со взглядами этого философа, называвшего вселенскую **волю** главным

---

¹ Геккель.

² Лео Бах.

виновником всего мирового зла, ушли безвозвратно. Не устраивает их более и туманная концепция «бессознательного» фон Гартманна. Пессимисты настойчиво искали более благоприятную и менее метафизическую почву для возведения здания своей пессимистической *философии*, и старания их увенчались успехом — теперь причину вселенского страдания они видят в фундаментальных законах физического развития. Зло уже не связывается с непонятным и сомнительным фантомом, именуемым «**волей**», но удостоверяется очевидными и неоспоримыми научными фактами: отныне пессимистов будут тащить за собою на буксире эволюционисты. Их основной аргумент мы уже привели в самом начале статьи. Вселенная и все, что в ней есть, возникло вследствие «раскола первоначального **единства** и превращения его во *множественность*». И, как я уже говорила, это не совсем точное изложение индийского учения отнюдь не вызывает в мозгах у пессимиста ассоциацию с Единым, с ведантистской абстракцией — Парабрахмом; в противном случае я ни за что не применила бы здесь термин «раскол». Не думает пессимист в этот момент и о Мулапраkritи, или «Завесе» Парабрахма; более того, он не помышляет даже о первоначальной проявленной материи (в лучшем случае — он может лишь логически вывести ее существование), что следует из толкования д-ра Мейнлендера, но связывает сие Единое главным образом с земной *протоплазмой*. Дух божества в данном случае полностью игнорируется; и очевидно, что происходит это вследствие необходимости представить весь мир «законной собственностью физической науки».

Одним словом, мы имеем дело с утверждением, что освещенное веками учение, оказывается, протекает из теории, согласно которой «все ныне существующие животные и растения и все организ-

мы, когда-либо жившие на земле», развились с течением времени из «нескольких, а возможно, даже одной-единственной простейшей формы» (Дарвин). Индусский философский догмат, — говорят нам, — подтверждается и объясняется вполне научной аксиомой. Что же это за аксиома? А вот послушайте: наука утверждает, что цепь превращений, через которые проходит каждый зародыш — семя, из которого произрастает дерево, или яйцеклетка, развивающаяся в живое существо, представляет собою не что иное, как постепенный переход от первоначальной, гомогенной материи этого зародыша к более сложной, гетерогенной форме. Таким образом, индийское учение подтверждается научной теорией эволюционизма и отождествляется с этой теорией, что, разумеется, очень почетно для древней мудрости, оказавшейся достойной современного материалистического мышления.

Философская доктрина, поясняет наш пессимист, не просто подтверждается процессом индивидуально-го роста и развития различных организмов, но и наглядно иллюстрируется им как в общем и целом, так и во всех своих деталях. Ее истинность доказывается как эволюцией и ростом нашей собственной планеты, так и аналогичными процессами в масштабах всей Вселенной. Словом, рождение и развитие органического мира в его всеобъемлющей полноте свидетельствуют в пользу древней мудрости. Научкой установлено, что органический мир — от универсалий до частных — подчинен одному и тому же закону прогрессирующего усложнения, закону перехода от единства к множественности как «фундаментальной схеме эволюции жизни». Даже эволюция народов, социальных отношений и общественных институтов, развитие языков, наук и искусств суть неизбежные и фатальные следствия вездесущего

закона «раскола единства и превращения его во множественность, перехода от гомогенности к полиформизму».

Но, соглашаясь на словах с индийской мудростью, наш автор интерпретирует фундаментальный закон природы на свой собственный лад, при этом немилосердно искажая его. Для него этот закон одинаково применим также и к историческим судьбам человечества. По его мнению, эти судьбы тоже подчинены и служат подтверждением истинности индийской концепции. Он полагает, что человечество во всей своей совокупности все больше и больше отдаляется (по мере своего развития и эволюционного продвижения, сопряженного с дроблением на части, каждая из которых становится особой и независимой составляющей некогда единого целого) от своего изначального — здорового и гармоничного — состояния. Каждый новый виток усложнения социальной структуры и общественных отношений, равно как и индивидуального бытия, ведет к уменьшению жизненной силы, угасанию энергии чувств и разрушению первичного единства, без которого невозможна внутренняя гармония. А отсутствие этой гармонии порождает в свою очередь внутренний дисбаланс, который становится причиной величайшего умственного убожества. Таким образом, зло коренится в самой природе жизненной эволюции, предусматривающей усложнение. И каждый шаг вперед вызывает в виде побочного эффекта дополнительное рассеивание энергии, что неизбежно ведет к пассивной апатии. Таков, по его словам, неотвратимый результат каждого прогрессирующего усложнения жизни, ибо эволюция, или развитие, есть не что иное, как переход от гомогенного к гетерогенному, распыление целого во множестве и т.д., и т.п. И этот ужасный закон универсален, то есть распространяется

на все творения — от бесконечно малых до человека включительно, поскольку закон этот, как признает сам автор, является одним из фундаментальных законов природы.

Но именно этот односторонний взгляд на физическую природу, предлагаемый нам германским автором, ни словом не обмолвившись о ее духовном и психическом аспекте, заключает в себе смертный приговор для всей созданной им школы. Ибо важно не то, применим ли вышеупомянутый закон дифференциации и его фатальных последствий к тем или иным примерам роста и развития различных видов животных и даже самого человека, но то, является ли этот закон, положенный в основу и служащий главным аргументом в пользу новой теории пессимистической школы, в действительности фундаментальным и *универсальным*? Мы желаем доподлинно знать: охватывает ли данная схема эволюции весь процесс развития и роста, на всех его этапах и во всей его совокупности, и правомерно ли признание этого процесса единоличной собственностью физической науки? И если вся его суть действительно заключается «едино лишь в переходе от гомогенного состояния к гетерогенному», как это утверждает Мейнлендер, то остается еще доказать, что именно этот процесс является подлинным творцом «тех сложных комбинаций тканей и органов, которые создают совершенную форму животного или растения».

Но, как уже отмечали некоторые критики «Пессимизма и прогресса», наш немецкий пессимист ни на йоту не сомневается в том, что исследует эволюцию во всей ее полноте. Его открытие и все учение «основывается на уверенности в том, что развитие и фундаментальный закон прогрессирующего усложнения структуры заключаются только в одном: в трансформации единства во множественность». А отсюда

и отождествление эволюции с ослаблением и упадком, с постепенным угасанием всех сил и энергий.

Мейнлендер был бы абсолютно прав в своих аналогиях, если бы этот закон дифференциации гомогенного в гетерогенное действительно был фундаментальным законом жизненной эволюции. Но подобное предположение выглядит ошибочным как с метафизической, так и с физической точки зрения. Эволюция никогда не протекает по прямой линии, как, впрочем, и *любой другой* природный процесс, но продвигается *циклически* — так же как и все остальное. Циклические змеи кусают свои собственные хвосты, подражая Змею Вечности. И в этом индийское учение (относящееся к Тайной Доктрине) действительно подтверждается естественными науками, и в особенности — биологией.

Вот что сообщает нам в своих «Научных письмах» анонимный русский критик.

В эволюции отдельных индивидов, в эволюции органического мира и всей Вселенной, равно как и в процессе роста и развития нашей планеты — словом, повсюду, где имеет место прогрессирующее усложнение структуры в той или иной форме, мы наблюдаем, помимо перехода от единства к множественности и от гомогенности к гетерогенности, также и *обратный переход* — *от множественности к единству и от гетерогенного к гомогенному*... Скрупулезные исследования упомянутого процесса прогрессирующего усложнения показали, что, наряду с дроблением на части, в природе наблюдается также и процесс взаимного поглощения последних... В то время как одна часть клеток, сливаясь друг с другом и превращаясь в единое целое, образует мускульные волокна и мускульную ткань, другие клетки поглощаются костной и нервной тканью и т.д., и т.п. То же самое можно сказать и о формировании структуры растений...

И если это так, то мы можем утверждать, что материальная природа подчиняется тому же самому

закону, который управляет эволюцией психического и духовного, нисходящих в материальный мир лишь затем, чтобы снова вознестись и слиться воедино в исходной точке. *Гомогенная созидательная масса, или стихия, дифференцируется и постепенно преобразуется в гетерогенную, но затем, приведя свои составные части в единое гармоничное целое, начинает обратный процесс — реинволюцию, так же постепенно возвращаясь в свое исходное, первоначальное состояние.*

Вряд ли пессимизм может рассчитывать на сколько-нибудь серьезную поддержку со стороны чистого материализма, поскольку последний до сих пор отличался явно оптимистической направленностью. Разумеется, его ведущие представители никогда не скупались на насмешки в адрес теологических восторгов по поводу «славы Божьей и всех трудов его». Бюхнер язвительно отзывается о пантеисте, который видит в этом «безумном» мире проявление Абсолюта. Но в целом материалисты признают равновесие между добром и злом, возможно, потому, что этот тезис служит им защитой от «суеверной» привычки искать и надеяться на какую-то лучшую жизнь. Каким бы узким ни был их кругозор и ограниченным их духовный горизонт, все же естественный ход вещей не приводит их в отчаяние; тогда как *пантеистический* пессимист неизменно настаивает на том, что отчаяние является единственной закономерной реакцией мыслящего существа на атеистическое отрицание.

Разумеется, этот вывод является для него аксиомой или, по крайней мере, должен быть таковой. Если «надежда не распространяется за пределы этой жизни», то трагедия бытия сводит на нет всякую мыслимую *raison d'être* и дальнейшее продолжение жизненной драмы становится столь же глупым, сколь и бесполезным.

Тот факт, что пессимистические выводы проникли наконец в сочинения некоторых материалистических авторов, есть закономерное следствие распространившегося ныне образа мышления, еще одно знамение времени. Он служит наглядной иллюстрацией трюизма о том, что созданную современным научным нигилизмом пустоту не в силах заполнить ни один холодный прогноз, предлагаемый ныне оптимистам в качестве *компенсации*. Контеанский* «энтузиазм человечества» поистине является довольно слабым утешением, коль скоро ему суждено исчезнуть вместе с расой, что неизбежно произойдет, когда «солнечные огни постепенно погаснут», если, конечно, это *вообще* может произойти в обозримом будущем (к радости физической науки, чьи прогнозы в этом случае блестяще подтвердятся). Если все существующие несчастья и страдания и вся жесточайшая борьба за существование с сопутствующими ей ужасами в конечном счете ни к чему не ведут, если **человек** — только *эфемер*, игра слепых сил, то для чего тогда продолжать весь этот фарс? «Беспрестанное вращенье жерновов материи, силы и закона», оказывается, всего лишь приближает бесчисленные человеческие толпы к вечному забвению, где от них не останется ни памяти, ни следа, ибо весь мир обречен на возвращение в состояние огненного тумана, из которого он когда-то вышел. Земная жизнь не есть вещь в себе. Она окутана болью и мраком. Так стоит ли удивляться тому, что слепая душа нигилиста тяготеет к пессимизму Шопенгауэра, отворачиваясь от беспочвенного оптимизма Штраусса и его последователей, напоминающего ему животный восторг молодого осла, только что основательно закусившего чертополохом?!

Как бы то ни было, ясно одно: необходимо найти некое объяснение, которое охватывало бы все факты существования, оправдывая их оптимисти-

ческое восприятие. Современное Общество проникнуто все возрастающим цинизмом и отравлено отращением к жизни. Таков результат абсолютного незнания закономерностей действия кармы и природы эволюции души. Лишь благодаря неразумной приверженности догмам механистической и в значительной мере ложной теории эволюции пессимизм смог подняться на незаслуженно большую высоту. Но тот, кто хорошо усвоил основы Великого Закона (а философия вряд ли может предложить для такого усвоения и поиска всеобъемлющего объяснения нечто лучшее, нежели эзотерическая доктрина великих индийских мудрецов), не видит никакого *locus standi* для недавних исправлений, внесенных в систему мышления Шопенгауэра или в метафизические хитросплетения этого «философа бессознательного». Разумность *осознанного* существования может быть доказана только на основе изначальной — ныне эзотерической — философии. А согласно последней, «нет ни смерти, ни жизни, ибо и то, и другое — иллюзия; единственная реальность — это бытие (или *существование*)». Этот парадокс повторил тысячелетия спустя один из величайших из всех когда-либо живших филологов. «Жизнь — это смерть», — сказал Клод Бернар. Организм живет благодаря тому, что отдельные его части постоянно отмирают. И в основе учения о выживании наиболее приспособленного, безусловно, лежит именно этот трюизм. Жизнь вышестоящего целого требует смерти нижестоящего, зависит от смерти составляющих его и подчиненных ему частей. И коль скоро жизнь — это смерть, то смерть — это жизнь, ибо весь великий цикл жизни составляет **единое существование, наилучшим из этапов которого является наша планета.**

Тот, кто **знает**, поймет, о чем идет речь. Ибо рано или поздно наступает заря для каждого существа,

когда Знание освобождает его из плена иллюзии и невежества; и тогда прозревший *с полным пониманием* и предельной убежденностью сможет заявить в лицо Махамайе:

Расколот дом твой и подломана опора его!

И виною тому иллюзия!

Невредимым выхожу я из него,

чтобы обрести освобождение*.

ДЬЯВОЛ — КТО ОН?

Сэр,

М-р Томас Мей (как он сам себя величает) уверял ваших читателей в сентябрьском номере «Lucifer», что с течением столетий в теологии завязался настоящий гордиев узел заблуждений, разногласий и противоречий, созданный невразумительной путаницей в описании и восприятии «Верховного Существа», и что он, м-р Томас Мей, может разрубить этот узел в один момент, просто объявив читателям, что Дьявол и Иисус, или Дьявол и Бог, суть одно и то же Верховное Существо, или личность, только рассматриваемая в различные периоды времени в различных аспектах. (1)

Похоже, что м-р Мей воображает, будто с помощью этого нехитрого утверждения, согласно которому две противоположные идеи исходят из одного и того же верховного существа, или личности, ему удастся раз и навсегда устранить все теологические заблуждения, разногласия и противоречия, которые накапливались веками, смущая представления людей об Иисусе и Дьяволе, Боге и Сатане, о добре и зле.

Но даже если мы согласимся с мнением м-ра Мея, будто Высочайшее Существо, или личность, едина, все-таки нам следует еще определить, выяснить и понять, что представляет собою это «Высочайшее» и является ли это «Высочайшее» добрым или злым.

Из письма м-ра Мея можно заключить, что он считает это «Высочайшее» существо одновременно и добрым и злым, подобно тому, как период продолжительностью в 24 часа, который мы называем одним днем, отчасти светел, а отчасти темен. (2)

Но темная половина суток, именуемая нами ночью, вовсе не является злом, напротив, это время благотворного отдыха, когда во сне наши тела могут восстановить потраченные за светлое время силы.

В связи с этим м-р Мей, возможно, скажет, что зло в обычном понимании этого слова — вовсе не зло, но только стимул к обучению и тренировке, весьма полезный для нашего духовного роста и развития.

Однако если предположить, что между злом и добром действительно нет никакой разницы, то немедленно возникает опасность теологических заблуждений, разногласий и противоречий. Из письма м-ра Мея вовсе не следует, что ему на самом деле удалось устранить это религиозное затруднение (3), напротив, говоря о добре и зле как о едином целом, он тем самым только усугубляет его.

И хотя Исая и говорит нам, что только Бог является Верховным творцом как добра, так и зла, в понятие зла в данном случае вкладывается нейтрализующий, исправительный смысл, и Бога здесь, следовательно, можно сравнить с отцом, наставляющим на истинный путь своего ребенка; ибо сама «Книга Пророка Исаяи» замыслена прежде всего как упрек в адрес тех, кто называет добро злом, зло — добром и выдает злодеяства за добрые дела.

Именно из-за того, что путаница между добром и злом, возникшая вследствие их отождествления, достигла огромных размеров, были созданы Писания, дабы указать людям, что есть добро и что есть зло. (4) А в Писаниях сказано, что настолько велика стала сила тех, кто своими злыми обычаями сделал почти неслышным Слово Божье, что они замыслили предать «Сына Человеческого», доказывавшего, что пути Господни направлены на добро, а не во зло, на распятие как дьявола.

Только тот урок, который мы можем и должны извлечь из распятия «Сына Человеческого» (и непременно извлечем, когда атмосфера в церкви станет достаточно свободной для этого), сможет устранить религиозное затруднение, беспокоящее ныне как христианский, так и еврейский мир, потому что м-р Мей

неправ, когда утверждает, что добро и зло, или Иисус и Дьявол, суть одно и то же. (5)

Преп. Т.Г.Хедли.

Поместье Петершэм, Ю[жный] У[эльс]

Примечания редакторов

1) М-р Мей отнюдь не первый, кому приходит в голову эта идея. Лактанций* — один из отцов церкви — недвусмысленно высказывает ту же самую мысль, когда заявляет, что «Слово» (или Логос) было *первородным братом Сатаны* («Divinarum Institutionum Libri Septem», Book II, ch. IX), поскольку Сатана — тоже «Сын Бога» (см.: Иов., II, 1).

2) «Высочайшее» — если только Оно бесконечно и вездесуще — и не может быть никаким другим. Оно должно быть «добрым и злым», «светом и тьмою» и т.д. именно потому, что оно вездесуще и, следовательно, должно присутствовать как в сосуде добродетелей, так и во вместилище порока, как в атоме чистой субстанции, так и в атоме грязи. Вся беда в том, что теология и (даже *воинствующее*) духовенство непоследовательны в своих предписаниях: они требуют, чтобы люди верили в беспредельное и абсолютное божество, и в то же время принижают это божество до *персонифицированного* существа, имеющего какие-то *признаки*, хотя эти утверждения взаимно исключают друг друга и потому столь же абсурдны с точки зрения философии, сколь и непримиримы.

3) В том, что соединение добра со злом в одном божестве создает «религиозное затруднение» и вызывает «теологические заблуждения», повинны исключительно духовенство и теология, а вовсе не м-р Мей. Пусть они откажутся от идеи персонифицированного бога с человеческими атрибутами, и затруднение исчезнет само собой.

4) Писания были созданы для того, чтобы замаскировать аллегории, лежащие в основе космогонических и антропологических мистерий, а вовсе не для того, чтобы «указать людям, что есть добро и что есть зло». Если наш уважаемый и преподобный корреспондент воспринимает рай и злополучное яблоко *au serieux*, то почему бы ему не воспринимать и «распятие» в соответствии с учением своей церкви? «Распят как дьявол» — странная фраза. Мы знаем о нескольких распятых «Сыновьях Бога», но никогда не слышали, чтобы кто-то обошелся подобным образом хотя бы с одним дьяволом. С другой стороны, если бы христиане отнеслись так же серьезно, как они относятся к «яблоку и ребру», к простым, но очень важным словам, сказанным Христом на Горе, а именно: «Блаженны вы, когда будут поносить *вас* и гнать и всячески несправедливо злословить за Меня», то перестали бы поносить, гнать и всячески несправедливо обвинять бедного Дьявола, который — если воспринимать его как *персонифицированную личность* — явно должен быть «блажен», поскольку с самого начала христианства никто не был так гоним и несправедливо поруган, как этот козел отпущения, обвиненный во всех грехах человеческих!

И наконец:

5) Если рассматривать «добро и зло, или Иисуса и Дьявола» как личности, то можно сказать, что ни одна личность с начала мира не была полностью свободна от зла, и, следовательно, предположение м-ра Мея верно, а преподобный м-р Хедли попадает в замкнутый круг, который сам же и начертил. *Demon est Deus inversus* — сказано о проявленном, *дифференцированном* божестве, или материальной Вселенной. То, что *Абсолютно*, не может быть даже гомогенным; это *Эн* — ничто, или *ни-что*; и, если человек, обладающий конечным интеллектом,

желает рассуждать о бесконечном и, следовательно, для него недостижимом и невообразимом, ему необходимо принять именно этот философский постулат, ибо в противном случае он будет посрамлен этой же самой философией.

НЬЮ-ЙОРКСКИЕ БУДДИСТЫ

Около двух лет назад в американской и особенно в нью-йоркской прессе широко дебатировался вопрос о буддизме. Многие неверующие в христианство обратились к благородной философии мудреца из Капилавасту и объявили себя буддистами, ибо их собственные философские и научные убеждения более соответствовали логическим — хотя для многих скудных умов и слишком туманным — метафизическим концепциям «Трипитаки». Но кто же они — те, что стремятся к Нирване? Предпочтительнее ли Нирвана современному Аду? Что говорят об этом ортодоксальные христиане? Таковы были задаваемые вопросы; наряду с многочисленными ответами был получен ответ и от некоего джентльмена, бывшего христианина. Статья его грешит некоторыми ошибками, но через нее красной нитью проходит одна мысль: что церквам давно пора распрощаться с идеей Ада. Если только они не хотят дожить до того дня, когда почти все разумные люди, особенно после публикации замечательной поэмы Эдвина Арнольда «Свет Азии», выдержавшей в Америке несколько изданий, не принимая и даже не понимая религии Гаутамы Будды, объявят себя буддистами просто в надежде на то, что никто не будет требовать от них веры в ад, несмотря на недавнюю ревизию Библии и достижения девятнадцатого века. То, что Нирвана — даже в качестве ложно истолкован-

ной доктрины тотального уничтожения — в глазах каждого разумного человека предпочтительнее христианского ада, видно из вышеупомянутой статьи, напечатанной в «New York Telegram». Автор пишет:

Последователи Будды обязаны проводить большую часть своего времени в размышлениях о Нирване — том состоянии небытия, к которому они должны вернуться после долгих странствий и многочисленных метаморфоз во плоти. Чтобы объяснить все своеобразие доктрин сих необычных религиозных фанатиков, потребовалось бы слишком много места, и мы касаемся их лишь затем, чтобы указать на мораль, которую выведем немного позднее. Выражаясь языком одного сведущего автора трудов об этой стороне буддизма, когда человек умирает, его тело распадается, а душа уничтожается, оставляя в качестве зародыша новой индивидуальности лишь свои деяния и их последствия. В соответствии с зарождающей мощью (которая определяется нравственностью поступков), результатом будет животное, человек, демон или божество; таким образом, идентичность душ заменяется непрерывностью их существования.

Сансара и Нирвана

Истинный буддист, следовательно, думает, что он должен поступать праведно не только во имя собственного эгоистического блага, но ради нового «Я», которое придет ему на смену. Конечная цель буддийского спасения — искоренение порока путем исчерпания самого существования, то есть неизбежности его возобновления. Такая жизнь именуется Сансарой.

Под Нирваной, куда мы перейдем после всех метаморфоз бытия, на которые способны здесь, подразумевается «высшее освобождение», и это неясное определение означает то, что теисты называли бы «растворением в Боге», а атеисты — «небытием, ничто».

Нирвана знаменует собою освобождение от существования, от дальнейших рождений, прекращение всех страданий и описывается как «по ту сторону» Сансары — ее антипода; вне времени, пространства или силы. Жизнь рассматривается как *summum malum*, а уничтожение, следовательно, как *summum bonum*. Придерживающиеся этой веры считают, что даже в этом мире человек может на несколько мгновений вознестись в Нирвану, предаваясь божественной медитации и будучи совершенно бескорыстным. Многие обретают поддержку в этой особенной вере. Но жители христианских стран порою упускают из виду этот факт.

Вопрос Ада

Мы рассказали об этом буддистам, поскольку, похоже, их вера в некоторых отношениях счастливее и разумнее веры многих экстремистски настроенных ортодоксальных теологов. Излюбленная тема — ад как место или состояние вечного наказания — вот уже несколько месяцев будоражит публику, и ныне к ней проявляется столь же большой интерес, как и всегда. Если бы его существование или не-существование могло быть доказано, это стало бы важнейшей темой, которая, возможно, захватила бы внимание всего человечества. Но существование или не-существование ада не может быть доказано, и потому, хотя тысячи людей и проявляют интерес к данному предмету, лишь сравнительно немногие чувствуют поистине глубокую, насущную заинтересованность. Особенно с тех пор, как лекции полковника Ингерсолля сделали ад в глазах миллионов посмешищем, а ожидаемое по этому поводу эссе графа Джоаннеса, возможно, вызовет еще больше веселья. Небольшая группа,

действительно жизненно заинтересованная в данном вопросе — ортодоксальные верующие различных церквей.

Ад и Nirvana

Конечно, все ортодоксальные священники вознегодуют на любую попытку лишить их удовольствия верить в пылающий и вечный ад. Тщетно пытались мы проанализировать и понять, в чем же именно состоит это удовольствие. Казалось бы, будущее, устраняющее бесчисленным существам перспективу вечно гореть в муках, предпочтительнее будущего, в котором эти муки являются *sine qua non*.

Религия буддистов исключает любое подобное представление и взамен предлагает всему религиозному миру свое. Если человек не может жить счастливо вечно, то нет ничего удручающего в том, что сознание его в предстоящем уничтожится, либо пребудет в спокойствии и безмятежности, недоступных никакой боли.

Мы отнюдь не пропагандируем религию буддистов, но когда столько сект обсуждают вопрос существования или несуществования ада, занятно узнать, что религия, исповедуемая миллионами людей, обходится вообще без этой идеи.

Несмотря на доводы в пользу того, что времена, когда церковь сможет обходиться без ада, не наступят вовек, спорить по данному вопросу, как это делают многие, представляется праздным и лицемерным.

«Я христианин», — говорит один. — «Тогда вы веруете в ад и в дьявола?» — «О, нет, конечно же, нет; ибо доктрина эта смехотворна и давно уже развенчана». — «Тогда вы не христианин и ваше христианство — всего лишь притворство», — вот наш

ответ. — «Но, послушайте, я действительно христианин, ибо я верую во Христа». — «Во Христа-бога или во Христа-человека? Если вы веруете во Христа-человека, тогда вы не более христианин, нежели еврей или магометанин, поскольку оба по-своему верят, что такой человек в самом деле жил с первого по тридцать третий годы; один принимает его за обманщика, другой же снисходит до того, что видит в Иисусе пророка, хотя и гораздо ниже Магомета. Однако никто из них не называет себя христианином — им ненавистно даже само это слово! Если же, соглашаясь с вашей церковью, вы видите в распятом “Человеке Скорбей” своего спасителя, самого Бога, тогда, в силу этого факта, вы должны верить и в ад...»

«Но почему?» — спросят нас. Мы ответим словами Шевалье де Муссо. В книге «*Moeurs et pratiques des demons*», получившей одобрение покойного папы и нескольких кардиналов, он говорит: **«Дьявол есть главная опора церкви.** Это один из величайших персонажей, чья жизнь тесно связана с жизнью церкви; и если бы не его слова, которые он столь торжественно изрекает устами Змия — *своего медиума* — падения человека могло бы и не быть. Таким образом, если бы не он [Дьявол], то Спаситель, Распятый, Искупитель был бы самым нелепым статистом, а Крест — оскорблением здравому смыслу! Ибо тогда от кого бы этот Искупитель избавлял и спасал вас, если бы не было Дьявола, “Преисподней” — *Ада*».

«*Доказать существование Сатаны — значит возродить одну из фундаментальных догм церкви, являющуюся основой христианства, без которой Сатана остался бы просто пустым звуком*», — говорит отец Вентура ди Раулика, римский архиепископ*. Это если вы католик. А если вы протестант, то почему же тогда в «Молитве Господней» вы просите Бога из-

бавить вас от «лукавого» — разве что этот лукавый действительно *существует*, обитая в своем наследственном владении — Аду? Ведь вы же не осмелитесь обманывать Предвечного, умоляя Его избавить вас от чего-то или кого-то, в чье существование *вы не веруете!*

Дополнение

Похоже, теософы понимают эту ипостась так же, как и древние философы, но совсем иначе, нежели спиритуалисты. Для нас дух есть *личный* бог каждого смертного и его единственный божественный элемент. Двойственная душа, напротив, лишь полубожественна. Так как она является непосредственной эманацией *ноуса*, то все, что в ней есть от бессмертной сущности, по окончании ее земного цикла должно обязательно вернуться к своему первоисточнику таким же чистым, как в момент, когда она от него отделялась; именно эту чистейшую духовную сущность примитивная церковь, настолько же преданная, насколько она была враждебна к традициям неоплатоников, признала в добром *даймоне* и превратила его в ангела-хранителя; в то же время, справедливо порицая «иррациональную» и грешную душу, настоящее человеческое *эго* (от которого происходит слово «эгоизм»), она назвала его ангелом тьмы и впоследствии сделала из него личного дьявола. Единственной ошибкой было антропоморфизировать его, превращать в монстра с хвостом и рогами. Но какой бы абстракцией это ни было, сей дьявол является действительно личным, поскольку он абсолютно идентичен нашему *эго*. Именно эту неуловимую и недостижимую личность аскеты всех стран подвергают наказанию, умерщвляя плоть.

«Ошибочные мнения относительно доктрин теософов»

* * *

Закон Космической Жизни учит, что чем выше эволюция, тем более стремится она к Единству. Действительно, Единство — это наивысшая возможность природы, и те, кто из тщеславия или эгоизма идут наперекор ее целям, не могут не навлечь на себя наказание в виде полного уничтожения. Таким образом, оккультист сознаёт, что бескорыстие и чувство всеобщей филантропии являются неотъемлемым законом нашего существования, и все, что он делает, направлено к тому, чтобы разорвать цепи эгоизма, созданные вокруг всех нас *майей*. Поэтому борьба между Добром и Злом, Богом и Сатаной, *Сурами* и *Асурами*, *Дэвами* и *Дайтьями*, которая упоминается в священных книгах всех народов и рас, символизирует битву бескорыстных и эгоистических импульсов, происходящую в человеке, старающемся следовать высшим целям природы до тех пор, пока низшие животные стремления эгоизма не будут полностью побеждены и враг не будет полностью изгнан и уничтожен.

«Эгоистично ли желание жить?»

* * *

Мудрец. Форма, придаваемая элементам или воспринимаемая ими, всегда субъективна по своей природе. Ее неосознанно создает тот, кто их видит, дабы сделать их присутствие более ощутимым для себя самого. Или же форма может быть результатом действия коллективного подсознания, когда целая группа придает элементам форму совместными, но опять же — неосознанными усилиями.

Ученик. Именно этим объясняется то, что Лютер видел дьявола?

Мудрец. Да. Лютер с детства привык верить в персонифицированного дьявола — повелителя всех злобных духов, каждый из которых, в его представлении, также имел свою особую форму. Вот почему элементарно, коих неосознанно вызывал Лютер, вследствие своего религиозного рвения или во время болезни, принимали образ, давно оформившийся и утвердившийся в его воображении. И этот образ он называл Дьяволом.

Ученик. Это напоминает мне об одном моем друге, который рассказывал мне, что в юности видел дьявола в его традиционном облике: он вышел из камина и пересек комнату, и после этого мой друг уверовал в то, что дьявол объективно существует.

Мудрец. В том же самом свете можно рассматривать и странные события, происходившие некогда в Салеме (в Соединенных Штатах), где истерически и медиумически настроенные женщины и дети видели дьявола, а также бесенят различной формы. Некоторые из этих бесов даже делились информацией с теми, кому являлись. Все это также были элементарно, воспринявшие иллюзорные формы, благодаря воображению и памяти своих несчастных жертв.

«Беседы об оккультизме»

РЕЛИГИЯ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ИЗРЕЧЕНИЯХ МУДРОГО ЧЕЛОВЕКА

Такие благородные и умиротворяющие слова всегда произносились членами Брахмо-Самадж Индии. Они имели целью принести огромную пользу, но их постигла общая участь мудрых изречений стать «гласом вопиющего в пустыне». Все же, даже в этих высказываниях, полных благожелательности и доброго расположения ко всем людям, мы не можем не усмотреть (мы горячо надеемся, что бабу Раджнараин Бозе простит нашу искренность) ореол некоего сектантства, эгоизма, того чувства, против которого наше Общество призвано вести непримиримую борьбу.

«Мы должны быть терпимы ко всем религиям и в то же время пропагандировать ту религию, которую мы считаем истинной», — говорят нам. Наш тяжкий долг обязывает нас проанализировать эти слова и мы начинаем с вопроса: «Почему мы должны пропагандировать?» Чем продиктована необходимость навязывания наших личных мнений, наших верований *pro tem*, — если можно употребить это выражение, — другим людям, за которыми, каждым в отдельности и всеми вместе, должно быть признано право, — если не будет доказано обратное, — иметь такие же способности распознавания и рассуждения, какими, по нашему мнению,

обладаем мы? Мы употребили выражение «pro tem», основываясь на собственном признании автора. «Мы склонны забывать, — говорит он читателям, — что сами не отличаемся непогрешимостью, что наши мнения... не были такими же двадцать лет назад, не будут они таковыми и двадцать лет спустя» и «что все члены нашей собственной секты, или группы, не придерживаются совершенно одинаковых с нами взглядов по всем религиозным вопросам». Именно так. Тогда почему бы не предоставить нашим братьям, исповедующим другие религии и верования, свободу мыслить в соответствии с их естественными склонностями, вместо того, чтобы энергично сталкивать их на обочину, которую мы сами покинем через двадцать лет? Но, возможно, уважаемый автор возразит нам, что при написании этих строк, которые мы подчеркнули, он подразумевал только «несущественные аспекты», — или сектантские догмы, а не то, что он соизволит называть «сутью» религии, а именно, веру в Бога, или теизм. Мы снова отвечаем вопросом: является ли данная доктрина, — доктриной считается то, что должно основываться на собственной ценности и неоспоримой очевидности, — несмотря на ее квазимировое* распространение, более доказательной и обоснованной, чем любая существующая догма, которая не признается никем, кроме тех, для кого авторы этой догмы служат авторитетами? Не являются ли в этом случае и доктрина и догмы, «существенное» и «несущественное» просто соответствующими заключениями и продуктами «заблуждающихся умов»? И можно ли утверждать, что сам теизм с его нынешними незрелыми идеями о мыслящем персональном божестве, которые немного лучше, чем идеи об огромном человеке, обладающим сверхсознанием, — через двадцать лет не примет не только более широких и благород-

ных очертаний, но даже достигнет поворотного момента, который приведет человечество к более высокому идеалу в результате ежедневных и почти ежечасных научных открытий? Мы сейчас полемизируем со строго агностических позиций, беря за основу, главным образом, собственные высказывания автора. И мы отстаиваем мнение, что главная предпосылка его общих рассуждений, которую можно сформулировать так: «персональный Бог существует, хотя догмы могут быть и ошибочными», — является простым допущением, недоказанным, поскольку утверждение о существовании Бога вообще было, есть и всегда будет недоказуемым, и выводы корреспондента, как бы логически они ни вытекали из второстепенной предпосылки, не решают всей проблемы. Этот силлогизм является правильным, а рассуждения обоснованными — только с точки зрения теиста. Атеист, также как и агностик, будет возражать, руководствуясь логикой и здравым смыслом. Он скажет: «Почему бы не предоставить другим то же, чего мы требуем для себя?» Как бы ни были наши аргументы весомы, а убеждения благородны, каждый теист непременно почувствует себя задетым, если мы попытаемся убедить его отказаться от теизма и принять ту религию или философию, «которую мы считаем истинной», а именно, «безбожный» буддизм или высокофилософский и логичный агностицизм. Как выражается наш уважаемый современник, «невозможно уничтожить различия во внешности и сделать все лица совершенно одинаковыми». Приходила ли ему когда-нибудь мысль, что так же трудно полностью нивелировать внутренние различия умственных восприятий и способностей, не говоря уже о том, чтобы примирить бесконечное разнообразие человеческих натур и способов мышления приведением их к одному стандарту? Можно силой

заставить свернуть течение мыслей из естественного русла в искусственное. Но подобно тому, как маска, как бы плотно она ни прилегала к лицу, обязательно будет сорвана первым сильным порывом ветра, проникшим под нее, так и искусственно привитые убеждения обречены на возвращение к своей истинной природе — сколько ни надевай новых одежд поверх старого рваного платья, «дыра становится все больше».

Мы согласны с теми, кто полагает, что природа никогда не инициировала процесса, известного в садоводстве как прививка, аналогично этому она никогда не предполагала пересадку мыслей одного человека любому другому, поскольку, если бы это было так, она бы создала — если бы действительно руководствовалась интеллектом — все умственные способности людей и все растения однородными, что отнюдь не так. Следовательно, как ни один вид растения нельзя искусственно заставить расти и цвести на другом растении, не принадлежащем тому же самому подклассу, так и попытки внедрить свои взгляды и верования индивидуумам, чьи интеллектуальные способности отличаются от наших, всегда будут безуспешными. Предпринимаемые в течение нескольких столетий усилия миссионеров по обращению в христианство местных жителей Индии служат наглядным примером неизбежного провала таких абсурдных действий. Очень немногие из числа аборигенов, которым удалось внушить христианские представления, обладают какими-либо реальными достоинствами; подавляющее же большинство индусов, прирожденных пантеистов, тяготеет к возврату к первоначальным специфическим типам каст и богов своих праотцов, как растение остается верным своим природным генам. «Любовь к Богу и любовь к человеку составляют суть религии», — пишет бабу Раджнараин Бозе в другом месте, приглашая людей

отвлечь свое внимание от оболочки религии — «несущественного», и сконцентрировать его на рациональном зерне — на ее сути. Мы сомневаемся, сможем ли мы когда-нибудь доказать свою любовь к человеку, лишая его основного и существенного права на полную и неограниченную свободу мысли и совести.

Более того, продолжая свои рассуждения словами:

Ничто не принесло миру столько горя, как религиозный фанатизм и догматизм по поводу несущественных положений религии; ничто в такой мере не способствовало развязыванию кровавых войн и жестоких преследований...

— он обращает острие логики и фактов против своих собственных аргументов. Какая религия когда-либо больше, чем, например, христианство провозглашала «любовь к Богу и любовь к человеку» — да, даже «любовь ко всем людям, как нашим братьям»; и все же где еще найдется такое вероисповедание, которое превзошло бы его в кровожадности и жестокости, нетерпимости и осуждении всех других религий! «Каких преступлений она (религия в целом) не совершала?» — восклицает профессор Гексли, цитируя Лукреция; и «какие жестокости, — добавляет он, имея в виду христианство, — были совершены во имя Того, Кто произнес: “Люби своих врагов, благословенны миротворцы” и многие другие благородные слова?» Воистину, эта религия любви и милосердия возвышается сейчас на самом гигантском холме из человеческих жизней, истребленных ради беззаконного, греховного желания привести всех людей к одному образу мыслей, по крайней мере, в одном «существенном» вопросе их религии — вере в Христа.

Мы полностью признаем, что долг каждого честного человека попытаться с помощью «аргументов и деликатных методов переубеждения» приве-

сти заблудших к правильному пониманию «сути». Но последнее присуще всем религиям, как и всем честным людям, независимо от их вероисповедания. Принципы истинного морального кодекса, проверенные стандартами права и юриспруденции, полностью признаются и в равной мере выполняются и честным атеистом и честным теистом; как показывает статистика, религия и набожность очень слабо влияют на сдерживание пороков и преступлений. Следует делать четкое различие между внешним выполнением морального и социального долга и внутренним соблюдением истинных добродетелей ради них самих. Подлинная нравственность не является прерогативой какой-либо определенной религии или вероучения и менее всего веры в богов или в некоего Бога; а скорее зависит от степени нашего личного восприятия его прямого воздействия на человеческое счастье в целом, следовательно, на наше собственное благополучие. Но даже это, наверняка, не все. «До тех пор, пока человеку будут внушать и позволять верить, что он должен быть справедливым, чтобы сильная рука закона не покарала его или чтобы его ближний не отомстил ему»; что он должен терпеть, так как ропот бесполезен, а слабость вызывает презрение, что он должен соблюдать умеренность, чтобы сохранить свое здоровье и не утратить остроты всех своих appetitов, и пока ему говорят, что если он придерживается своей правды, его друзья будут с ним; если он защищает свою страну, он защищает и себя и, служа своему Богу, он готовит себе последующую вечную блаженную жизнь и т.д., — мы утверждаем, что пока он руководствуется такими принципами, добродетель не является добродетелью, а поистине кульминацией эгоизма. Какой бы искренней и страстной ни была вера теиста, если, подчиняя свою жизнь тому, что он изволит назы-

вать божественными законами, в душе он не отдает предпочтения пользе, умножаемой его нравственными поступками ради своего собрата, а затем только думает о себе — он будет оставаться, в лучшем случае, набожным эгоистом; и мы утверждаем, что вера человека в Бога или страх перед ним закладываются, развиваются и увеличиваются, в основном, совершенно пропорционально его самости, страху перед наказанием и плохими последствиями только для себя, без малейшей заботы о своем ближнем.

Ежедневно мы видим, что теисты, по определению которых мораль — это приведение человеческих действий в соответствие с божественными законами, ведут себя не намного нравственнее, чем рядовые атеисты или язычники, которые считают благопристойный образ жизни простым долгом каждого честного здравомыслящего человека без всякой оглядки на какое-либо вознаграждение после смерти. Явно парадоксальный факт, что те, кто не верит в загробную жизнь, тем не менее, должны в большинстве случаев сообразовывать свое поведение с высшими принципами морали, не кажется странным при более близком рассмотрении. Атеист, верящий только в одно существование, озабочен тем, чтобы оставить как можно более незапятнанную память о себе у своей семьи и потомков и даже уважение у еще неродившихся.

Как говорил греческий стоик: «Даже если бы все наши современники погибли и не осталось бы ни единого смертного или бессмертного ока, выносящего свой одобрительный или осудительный вердикт, не должны ли мы здесь, внутри себя, иметь судью, которого необходимо бояться, и друга, чьей любовью следует дорожить?» Атеизм в равной мере как и теизм не является врожденным свойством людей. И тот и другой растут и развиваются в них наряду

с их мыслительными способностями и либо крепнут, либо ослабевают под влиянием умозаключений, сделанных на основе фактов. Короче говоря, оба полностью обусловлены степенью человеческой эмоциональности, и человек не более ответственен за свой атеизм, чем за теизм: оба термина истолкованы совершенно неверно.

Эпикур считал, что многих называют безбожниками не потому, что их религия хуже, чем у соседей, а по причине ее непохожести. Магометане большие приверженцы теизма, чем христиане, однако последние называют их «неверными» и многих теософов считают атеистами не за отрицание Божества, а за то, что у них свое особое мнение об этом вечном непознаваемом Принципе. Живым контрастом атеисту является теист, верящий в другие жизни или будущую жизнь. Его религия учит его, что молитвы, покаяние и жертвоприношение способствуют искуплению грехов в глазах «всепрощающего, любящего и милосердного Небесного Отца», ему вселяют надежду, — сила которой растет пропорционально искренности его веры, — что он будет прощен за свои прегрешения. Таким образом, моральный зазор между верующим и грехом очень слаб, если смотреть на него с позиций человеческой природы. Чем больше ребенок уверен в любви к нему своих родителей, тем легче ему послушаться отцовских приказов. Кто будет отрицать, что главная, если не единственная причина половины страданий, испытываемых христианским миром — особенно в Европе, этой цитадели греха и преступлений, — кроется не столько в порочности человека, сколько в его вере в доброту и бесконечное милосердие «нашего Небесного Отца» и, главным образом, в искупление чужой вины? Почему бы людям не поверить, что они могут пить из чаши порока безнаказанно, во всяком случае, для последующих результатов, когда одной

половине населения предлагается купить отпущение грехов за ничтожную сумму, а другой половине ничего не остается, как верить и надеяться на Христа, чтобы обеспечить себе место в раю — даже если человек совершил убийство и отправляется в мир иной прямо с виселицы! Публичной торговли индульгенциями, дающими отпущение за совершенные преступления, с одной стороны, и заверений, даваемых слугами божьими в том, что последствия самых тяжелых грехов могут быть ликвидированы Богом по его воле и желанию, с другой стороны, по нашему мнению, совершенно достаточно, чтобы поддерживать преступность и безнравственность на самом высоком уровне. Тот, кто не любит добродетель и добро ради них самих и не остерегается зла как такового, наверняка притянет к себе порок как прямое следствие своих пагубных воззрений. Следует презирать добродетель, движимую только расчетливостью и страхом.

Мы твердо верим в реальность и философскую необходимость «кармы», то есть в закон неотвратимого возмездия, неизбежного следствия каждой порожденной нами причины, в воздаяние и наказание в строгом соответствии с нашими поступками; и поскольку никто не может быть ответственен за религиозные верования другого человека в Того или То, что остальных меньше всего касается, то мы утверждаем, что постоянное стремление обращать каждого встречного в нашу веру и навязывать ему свой образ мыслей превращается в крайне предосудительное действие.

За исключением вышеупомянутых случаев общепризнанных норм морали, следование или пренебрежение которыми приносит непосредственные плоды в виде человеческого благополучия или горя, мы не имеем права воздействовать на воззрения наших ближних в чисто трансцендентных и недоказуемых вопросах, руководствуясь предположениями, продик-

тованными нашими эмоциями. Не потому, что любое из этих соответствующих убеждений в чем-то пагубно или плохо *per se*; наоборот, надо упорно искать и непоколебимо следовать любому идеалу, который служит нам отправной точкой и путеводной звездой на пути добродетели и чистоты, а именно по причине тех различий и бесконечного разнообразия человеческих темпераментов, на которое так удачно указал нам уважаемый брахман в процитированных выше строках. Поскольку, как он правильно заметил, никто из нас не является безгрешным и «религиозные представления людей находятся в процессе развития» (и изменения, как он добавляет) — это усовершенствование происходит бесконечно, и очень вероятно, что в любое время оно может опрокинуть наши самые твердые нынешние убеждения — и как показывают история и ежедневный опыт, «ничто не приносит столько горя», как великое множество конфликтующих между собой религий и сект, которые порождали только кровопролитные войны, преследования и избиение одной части человечества другой, то становится очевидным и бесспорным тот факт, что увеличивая количество этих сект, мы умножаем армию антагонистов, готовых драться до полного уничтожения друг друга, если не сейчас, то в недалеком будущем. И в этом случае ответственность за их поступки ложится на нас.

Пропаганда своей веры и обращение в нее принесут обильные всходы в виде грядущих преступлений; *odium theologicum*, раздувающая религиозную ненависть, которая распространяется как на «суть», так и на «второстепенные аспекты» любой веры, представляет наибольшую опасность для мирного существования человечества. В христианском мире, где на каждом углу голодающие взывают о помощи, где нищета и ее прямые следствия — порок и преступления — опустошили всю землю, многомиллионные

средства тратятся ежегодно на бесперспективную и греховную работу по прозелитизму*. С очаровательной непоследовательностью, столь характерной для христианской церкви, те же епископы, которые всего несколько десятилетий назад выступали против строительства железных дорог на том основании, что это вражда против Господа, не желающего, чтобы человек передвигался со скоростью ветра; которые противились распространению телеграфа, заявляя, что это искушение судьбы; и даже препятствовали применению анестезии при родовспоможении «под предлогом того, — как свидетельствует профессор Дрейпер, — что это нечестивая попытка избежать проклятия, на которое осуждена каждая женщина, согласно книге “Бытие” (III, 16)», — те же самые епископы без колебаний вмешиваются в планы провидения, когда дело касается «язычников». Несомненно, если провидению было угодно заставить женщин расплачиваться за грехопадение Евы, тогда оно так же, наверняка, пожелало, чтобы человек, родившийся язычником, следовал своему предопределению. Неужели миссионеры считают себя мудрее своего Бога, если пытаются исправлять его ошибки; и разве они тоже не восстают против предначертаний Господних и неисповедимости его путей? Но оставим в стороне вопросы, трудноразрешимые как для них, так и для нас, и рассмотрим «прозелитизм», так сказать, с практической стороны. Мы заявляем, что тот, кто, руководствуясь сомнительным принципом считать истинное для себя истинным для других, трудится над обращением ближних в свою веру, попросту вовлечен в отвратительный процесс селекции и взращивания будущих каинов.

Действительно, наша «любовь к людям» должна быть довольно сильной и достаточно интуитивной, чтобы быть способной задуть огонь эгоизма, являющегося главной движущей силой желания навязать

ближним наши собственные религиозные взгляды и пристрастия, которые мы «считаем (в данное время) истинными». Великая вещь иметь достойный идеал, но еще лучше жить в соответствии с ним; и где тот мудрый и непогрешимый человек, который может указать, не боясь ошибиться, другому человеку, что или кого ему следует принять за идеал?

Если, как уверяют нас теисты, «Бог — это все во всем», тогда он должен присутствовать в каждом идеале, какова бы ни была его природа, если только он не идет вразрез с общепринятой моралью и не приводит к отрицательным результатам. Таким образом, будет ли этим идеалом Бог, поиск истины, все человечество или, как красноречиво доказал Джон Стюарт Милль, просто наша собственная страна, и если во имя этого идеала человек не только работает, но и сам становится лучше, подавая другим пример высокой нравственности, какая разница для окружающих, что стало источником его воодушевления: химерическая утопия, абстрактная идея или даже неодушевленный предмет в виде идола или куска глины?

Давайте не будем влиять на естественные склонности религиозного и нерелигиозного мышления человека, как мы воздерживаемся от вторжения в его личные мысли, иначе мы создадим ему больше неприятностей, чем блага и навлечем на себя его проклятия. Если бы религии были так же безобидны и невинны, как цветы, с которыми сравнивает их автор, то мы не возразили бы ни единым словом. Пусть каждый «садовник» ухаживает за своими собственными растениями и не пересаживает их без спроса в чужую почву, и тогда все будут довольны. Принято считать, что теизм, несомненно, имеет свою неповторимую прелесть и может также претендовать на роль «самого благоухающего цветка на клумбе религий», по мнению ревностного теиста. В глазах

же атеиста, он, возможно, ничем не отличается от колючего репейника, и теист не имеет права упрекать атеиста за расхождение во взглядах, равно как и атеист не должен винить своего оппонента за страх перед атеизмом. Несмотря на красоту розы, скрещивание ее с чертополохом будет неблагодарным занятием, ибо в девяти случаях из десяти роза потеряет свой запах, а оба растения — свою форму, и в результате получится безобразный гибрид. Природа определила каждому свое место, особое предназначение и одинаковые потенциальные возможности совершения как добра, так и зла различных степеней, наше дело только не вмешиваться в естественный ход вещей. Самая ароматная роза часто имеет самые острые шипы, и раны от них лучше всего залечиваются мазью, приготовленной из высушенных цветков чертополоха.

По нашему скромному мнению, единственными «существенными положениями» религии человечества являются: добродетель, нравственность, братская любовь и сострадание к каждому живому существу, будь то человек или животное.

Вот общая платформа, на которой наше Общество приглашает всех собраться; самые фундаментальные различия, существующие между религиями и сектами, превратятся в незначительные расхождения перед лицом величественной задачи объединить человечество, собрать все расы в единую семью и привести их к осмыслению настоящей необходимости культивировать чувства братского милосердия и терпимости, а еще лучше, истинной любви в этой юдоли страданий.

Руководствуясь девизом: «В главных вопросах — единство, во второстепенных — полная свобода; во всех делах — милосердие», мы говорим всем вместе и каждому в отдельности: «Брат, придерживайся религии своих предков, какой бы она ни была, если

испытываешь к ней влечение; думай собственными мозгами, если они у тебя есть; будь всегда самим собой, кем бы ты ни был, если только ты не является действительно порочным человеком. И твердо запомни, что волк в своем собственном обличье неизмеримо честнее этого же животного, но в овечьей шкуре».

ПОЛИТЕИЗМ

Политеизм вовсе не исчерпывается своей внешней стороной. По существу, он как бы разделен завесой, скрывающей за собой единую Истину, подобно покрывалу саисской богини. Эта Истина открыта лишь немногим, для большинства же она недоступна.

Для благочестивого профана эта завеса скрывает за собой некий небесный мир, заполненный всякими божествами — карликами и великанами, добрыми и злыми силами, напоминающими в лучшем случае гротескные карикатуры на человека. На самом же деле (если говорить об истинном состоянии человеческого разума) эта завеса остается для большинства людей абсолютно непроницаемой; и только те, кто обладает «третьим глазом» (глазом Шивы), могут различать в непроглядной тьме и хаосе свет, в ослепительном сиянии которого исчезают все формы, порожденные человеческим восприятием, и остается лишь всепроникающее божественное **присутствие**, которое можно чувствовать, но нельзя увидеть; можно *воспринимать*, но нельзя передать словами.

Эту мысль замечательно иллюстрирует нижеследующая восхитительная аллегория, заимствованная и переведенная из древней санскритской рукописи.

В конце пралайи (промежуточного периода между двумя «творениями» или эволюциями нашей феноменальной вселенной) великое **Оно** — Единственное, что покоится в вечности и бесконечности, — отделило свое отражение, распространив его на весь безгранич-

ный Космос, и пожелало сделаться познаваемым для существ, возникающих из этой тени. Отражение приняло форму махараджи (великого царя). Желая продемонстрировать людям свое существование, махараджа воздвиг, используя присущие ему качества, дворец, в котором спрятался от людей, полагая, что им достаточно будет созерцать внешнюю форму его жилища. Но когда маленькие люди смотрели в сторону дворца, стена которого простиралась вправо и влево, уходя в бесконечность, они *ничего не видели*. Дворец был слишком большим для того, чтобы они могли его заметить; и потому, глядя на него, люди видели перед собой пустоту. Тогда махараджа придумал другое средство. Он решил явить себя маленьким людям, которых жалел, *не полностью, но отчасти*. Он разобрал свой дворец, воздвигнутый благодаря способности к проявлению, по кирпичикам и начал бросать кирпичи на землю один за другим. На земле каждый кирпич превращался в идола: красные кирпичи стали богами, серые — богинями; в них вошли и одухотворили их Дэваты и Дэвати — свойства и качества Невидимого.

Эта аллегория показывает политеизм в его истинном свете, как производное Изначального Единства (что можно сказать и обо всем остальном). Между *Dii majores* и *Dii minores** нет, по сути дела, никакой разницы. Просто первые являются прямыми, а вторые — отраженными или преломленными лучами одного и того же светила. Что представляют собою Брахма, Вишну и Шива как не триединый луч, исходящий непосредственно из Мирового Света? Три Бога со своими Богинями составляют три двойственных отображения Пуруши (духа) и Пракрити (материи); всех шестерых синтезирует Сваямбху — самосущее, непроявленное Божество. Они — только символы, персонифицирующие Незримое Присутствие в каждом феномене природы.

МОРАЛЬ И ПАНТЕИЗМ

В некоторых странах был поднят вопрос о неэффективности пантеизма (под этим термином подразумеваются эзотерический буддизм, адвайта-веданта и другие аналогичные религиозные системы) в деле создания прочных основ нравственности.

Утверждается, что философская ассимиляция понятий *теум* и *теум** на практике неизбежно породит их смешение, что в результате приведет к одобрению воровства, грабежа и так далее. Однако такая аргументация указывает самым безошибочным образом на то, что в голове критиков мирно уживаются отрицание и полное незнание самого предмета отрицания, что будет доказано по ходу статьи.

Как известно, первопричина защиты морали кроется в желании добиться счастья и избежать страданий. Но многочисленные этические школы по-разному оценивают категорию счастья. Экзотерические религии строят свою мораль на ожидании вознаграждения и на страхе наказания, творимых руками Всемогущего Правителя Вселенной, в виде воздаяния за соблюдение или нарушение законов, которые Он из прихоти придумал для своих беспомощных созданий. Однако в некоторых более поздних религиозных учениях нравственность поставлена в зависимость от чувства благодарности этому Правителю за полученные блага. Бесплезность, чтобы не сказать вред, подобных моральных кодексов почти самоочевидна.

В качестве образчика морали, построенной на надежде и страхе, возьмем цитату из христианской Библии: «Тот, кто дает бедным, одалживает Господу». Обязанность поддерживать неимущих поставлена здесь в зависимость от благовидного расчета на получение воздаяния в будущем, когда «помогающий беднякам» не сможет заботиться о себе сам. А в «Махабхарате» говорится, что «тот, кто помышляет о вознаграждении за свои добрые дела, лишается всех заслуг; он уподобляется торговцу, обменивающему товар». Под тяжестью столь преступного эгоизма истинная пружина добродетели утрачивает свою эластичность, и все чистые и альтруистические натуры с отвращением отворачиваются от такой купли-продажи.

Во избежание подобных последствий некоторые современные религиозные реформаторы предприняли попытку создать нравственные системы, базирующиеся на чувстве благодарности Богу. Но даже при поверхностном анализе видно, что их старания сдвинуть основы морали лишили ее всякого фундамента. Человек вынужден делать то, что считается «угодным Богу», в благодарность за множество щедрот, которыми тот его осыпает. Но фактически он обнаруживает, что Господь наряду с благословением ниспосылает ему и проклятия. Предполагается, что беспомощный сирота должен возблагодарить Создателя, лишившего его жизненной опоры, его родителей, поскольку в утешение ему сказано, что такое несчастье только *с виду* кажется злом, а в действительности Всемилостивый сокрыл в его недрах величайшие возможности добра. С тем же успехом проповедник мести, Ариман, может убеждать людей, что под очевидными благословениями «милосердного» Отца свернулся дракон зла.

В учениях современных утилитаристов, несмотря на узор их мировоззрения, обнаруживается боль-

ше здравого смысла. То, что направлено на достижение человеческого счастья, является добром и достойно следования, а его противоположности надо избегать как зла. Пока что все нормально. Но практическое применение этой доктрины чревато бедами. Зажатая вульгарным материализмом в тесные рамки, ограниченные с одной стороны рождением, а с другой — смертью, утилитаристская теория счастья является по своей сути деформированной статуей, лишенной сходства с прекрасной богиней нашего поклонения.

Единственно научную основу нравственности следует искать в душеспасительных доктринах Господа Будды и Шри Шанкарачарьи. Отправной точкой «пантеистической» (мы употребляем это слово за неимением лучшего) морали является четкое осознание общности единой энергетической системы, действующей в проявленном Космосе, и того огромного конечного результата, который она непрерывно старается произвести, а также ясное понимание родственной связи бессмертного человеческого духа, вкупе с его скрытыми возможностями, с энергией этой единой жизни и его способности сотрудничать с нею в достижении ее могущественной цели.

Нынешние адвайтисты разделяют знание, или *джняна*, на два класса: *парокша* и *апарокша*. Первый вид знания заключается в умозрительном согласии с высказанным утверждением, второй — в его практическом осуществлении. Задача, которую ставит перед собою йог-буддист или адвайтист, — это реализация единства жизни; а самым действенным способом ее выполнения является соблюдение морали, о чем мы будем говорить ниже. Главным препятствием в достижении гармоничного сосуществования выступает врожденная привычка человека вечно ставить себя в центр Вселенной. Что бы человек ни делал и ни испытывал, о чем бы он ни думал, не-

послушное «я» норовит стать фокусом внимания. Это мешает (в чем можно убедиться даже при недолгом размышлении) каждому индивидууму занять ту нишу жизни, которая предназначена только для него и больше ни для кого. Обретение такой гармонии является практическим, объективным аспектом этой **великой задачи**. Добродетельный образ жизни есть попытка найти сужденную сферу; поистине нравственность, подобно нити Ариадны, помогает человеку выбраться из лабиринта жизненных хитросплетений. Изучение священной философии Владыки Будды либо Шри Шанкары открывает *парокшу*, знание (или, лучше сказать, *веру*?) о единстве существования; но без применения этических норм на практике это знание не сможет превратиться в высочайшее познание — *анарокша-джняну* — и привести к достижению *мукти**. Нет никакой пользы от интеллектуального восприятия идеи, что мы есть все сущее и даже сам Брахма, если эта мысль не воплощается в действиях повседневной жизни. Смещение понятий *теит* и *теит* в их общепринятом смысле равносильно разрушению гармонии сосуществования ложным самоутверждением «я» и так же глупо, как и попытка накормить ноги за счет рук. Вы не сможете стать единым со **все**м, пока ваши поступки, помыслы и чувства не синхронизируются с эволюционирующим потоком природы.

Утверждение, что *брахмаджняни* находится вне досягаемости *кармы*, может быть полностью осознано только человеком, который нашел свое истинное место, сгармонизировавшись с Единой жизнью природы. Такой человек понимает, что *брахмаджняни** способен действовать только в унисон с природой и никогда не пойдет против нее; говоря словами наших древних оккультистов, *брахмаджняни* — это истинный «сотрудник природы». Не только европейские санскритологи, но даже и экзотерические йоги впа-

дают в серьезное заблуждение, предполагая, что, по мнению наших священных авторов, человеческое существо может избежать действия закона *кармы*, приведя себя в состояние совершенной пассивности. Они упускают из виду то обстоятельство, что даже при полном воздержании от физической активности человек не может прекратить свои проявления на более высоких планах — астральном и духовном.

В своих комментариях к «Бхагавадгите» Шри Шанкара весьма убедительно обосновал, что такое предположение есть не что иное, как иллюзия. Великий Учитель доказал, что насильственное подавление активности физического тела не освобождает человека от *васаны* или *вритти** — врожденной склонности ума к совершению работы. Любой участок природы стремится к самоповторению; поэтому карма, приобретенная в предшествующем воплощении, всегда будет пытаться выковать новые звенья для своей цепи и, следовательно, будет толкать к непрерывному физическому существованию. Но этой тенденции можно противопоставить бескорыстное выполнение всех обязанностей, возложенных на человека на том плане, где он воплотился, — только это может содействовать образованию *читташуддхи*, без чего невозможно обрести способности постижения духовных истин.

Здесь следует сказать несколько слов о физической пассивности йога или Махатмы. Отсутствие активности физического тела (*стхулашариры*) вовсе не является доказательством бездействия астрального или духовного проводников. Человеческий дух проявляет наивысшую активность в состоянии *самадхи*, а не во время дремоты, как принято считать. Более того, любой изучающий законы оккультной динамики легко убедится, что определенное количество энергии, потраченное на духовном или астральном планах, дает намного больший результат, нежели это

же количество, израсходованное на физическом, объективном плане бытия. Когда Адепт устанавливает *rapport* со вселенским разумом, он становится действенной силой природы. Даже на физическом уровне легко уловить различие между умственными и мышечными затратами в их способности производить широкомасштабные следствия. Величина физической энергии, израсходованной изобретателем парового двигателя, вряд ли превышала энергетические затраты усердного поденщика. Но практический результат работы кули несопоставим с таковым изобретателя паровой машины. Аналогичным образом, конечный результат использования духовной энергии несравнимо выше результата интеллектуальной работы.

Из вышеизложенного неизбежно напрашивается вывод, что духовной пищей истинного ведантийского раджа-йога, готовящегося к посвящению, служит неусыпное и страстное желание прилагать все свои усилия для благодетельствования человечества на обычном, физическом плане; однако по мере своего развития он переносит всю активность на более высокие — астральный и духовный — планы. Со временем, когда Истина превращается в реальность, для йога полностью проясняется ситуация и он становится неуязвимым для критики обычных людей. В «Маханирвана-тантре» сказано: «Для того, кто ходит за пределами трех гун — *саттвы*, *раджаса* и *тамаса*, какие существуют обязанности и ограничения?», принятые людьми, томящимися в застенках объективного плана бытия. Это не означает, что Махатма может или когда-нибудь станет пренебрегать законами морали; под этим подразумевается только то, что он, соединив свою индивидуальность с Единою вселенскою Жизнью, уже органически не способен нарушить любой из ее законов и что ни один смертный не вправе судить о проявлении Великого

Единства, не имея представления о закономерностях, по которым осуществляется его активность на всех планах. Подобно порядочному человеку, который честен без оглядки на уголовный кодекс, Махатма нравствен безотносительно к законам морали.

Учитывая важность проблемы, прежде чем сделать выводы, назовем еще несколько соображений, которые приводят «пантеистов» к аналогичным умозаключениям. По мнению Джона Стюарта Милля, счастье есть отсутствие сопротивления. Ману определяет это понятие еще более категорично: «Любое подчинение другому причиняет боль, а подчинение самому себе дает радость — вот в чем отличие». В наше время всеми принято, что вся совокупность природы развивается в определенном направлении и это направление, как нас учат, обусловлено сочетанием двух сил, одна из которых движется от полюса, обычно называемого «материей», в сторону противоположного полюса, именуемого «духом», а другая — ей навстречу. Сам факт развития природы свидетельствует о том, что обе эти силы неравновелики. План, на котором преобладает активность первой энергии, в оккультных трактатах называется «восходящей дугой», а соответствующий план проявления второй энергии обозначен термином «нисходящая дуга». Даже без долгих раздумий понятно, что эволюция начинается на нисходящей дуге и прокладывает свой путь вверх по восходящей дуге. Из этого следует, что сила, направленная в сторону духа, является единственной, которая должна, хотя и не без огромных усилий, в конечном итоге достичь своей цели. Это великая движущая сила природы, и, несмотря на то что осуществлению ее замыслов препятствует действие антагонической силы, именно она обуславливает закон Жизни; противоположная сила является всего лишь отрицательным аспектом, для удобства названным «самостоятельным фактором».

Если индивидуум пытается развиваться не в том направлении, в котором эволюционирует природа, то он, без сомнения, рано или поздно будет раздавлен колоссальным давлением противодействующей стороны. Нет надобности говорить, что такой исход причинит огромные страдания.

Следовательно, единственный способ достижения счастья — слить свое естество с великой Матерью-Природой и плыть по ее течению; и это, опять-таки, осуществимо только путем уподобления человеческого поведения победоносному шествию силы Жизни, ибо иная сила всегда терпит поражение в ужасных катаклизмах. Стремление ассимилировать свою индивидуальность со вселенским потоком общеизвестна как нравственная практика. Беспрекословное выполнение этого космического закона после его осмысления составляет суть подлинной религии, которую Владыка Будда определил как «реализацию Истины».

Проиллюстрируем эту мысль следующим примером. Может ли пантеист-практик, то есть оккультист, лгать? Все охотно согласится, что жизнь проявляется через способность овладения чувствами, временное бездействие которой отсрочивает ее активность. Если человек получает определенную последовательность впечатлений и делает вид, что они совсем не то, чем являются на самом деле, то в результате он противопоставляет свою силу воли закону природы, на котором, как мы показали, строится жизнь, и, следовательно, становится самоубийцей в малом масштабе. Из-за ограниченности объема статьи мы не будем углубляться в эту тему, но если все десять смертных грехов, упомянутых Ману и Буддой, рассмотреть в свете эзотерических знаний, то смело можно предсказать весьма удовлетворительный результат.

СУЕВЕРИЕ

Из-за невероятных сообщений легкомысленных и предубежденных путешественников, их полнейшего незнания азиатских религий, а весьма часто и своих собственных — у большинства западных народов сложилось странное впечатление, будто ни одна нация в мире не является столь нелепо суеверной, как нехристианское население Индии, Китая и других «языческих» стран. Не облагодетельствованные светом Евангелий, говорят они, эти несчастные язычники ошупью ходят во тьме, приписывая мистическую силу самым неподходящим предметам: так, о грядущем счастье или горе души своего родителя они судят по тому, клюнет ли прыгающая ворона рисовое зернышко на церемонии «шраддха»; и верят, как и небезызвестные колхатурские заговорщики, что «совиные глаза», если носить их в качестве амулета, сделают обладателя оных неуязвимым. Признано: все подобные суеверия столь же унижительны, сколь нелепы и абсурдны...

Но глубоко заблуждается и явно несправедлив тот, кто утверждает, будто все эти странные поверья ограничиваются язычеством, либо являются прямым следствием только языческих религий. Они присущи всем народам и представляют собою совокупный продукт и неизбежное следствие бесчисленных плутней недобросовестного духовенства *всех религий* и всех времен. Политика подчинения

невежественных масс, избранная архаическими священническими иерархиями, дабы владеть кошельками людей *через* душу, играя на их наивных представлениях и суеверных страхах, оказалась эффективной и применялась священниками по отношению к мирянам повсеместно, от зари истории вплоть до наших дней. Все в природе — и в абстрактной, и в конкретной — имеет в себе две стороны, как и любой яд где-то должен иметь противоядие. Религия, или же вера в невидимый мир, основываясь на дуальном принципе — Бог и Сатана, или **добро** и **зло** — если философия ее являет собою поток истинно религиозного чувства, может быть уподоблена чистому ручью; тогда как **суеверие** есть клоака всех догматических вероисповеданий, зиждящихся на слепой вере. Образно говоря, это сточная труба, несущая зловонные воды халдейско-ноева потопа. Не встречая запруд на своем пути, суеверие течет по прямому руслу, через язычество, иудаизм и христианство, подбирая по пути весь сор людских интерпретаций мертвой буквы; а на топких берегах оно толпится духовенство всех времен и вероисповеданий, предлагая легковерным поклоняться его омерзительным водам как «священной реке», которую называют то Гангом, то Нилом, то Иорданом.

Почему же тогда западные народы обвиняют в подобных верованиях лишь не-христианские нации? Не возвышается «истина Божия» *подобною* ложью, выказывая непочтение чуждой религии и представляя ее в ложном свете. История убеждает нас, что христианские прозелиты, уничтожая каждый очаг язычества и осуждая привязанность к древним обрядам и действия «чар» как козни дьявола, в то же самое время становятся хранителями тех же предрассудков и, постепенно перенимая их, вновь одурманивают ими людей, но уже под другими назва-

ниями. Бесполезно повторять то, что уже было сказано, и сказано лучше, а также доказано статистикой преступлений, совершенных из-за суеверий, во всех христианских странах. Самые чудовищные и опасные верования все еще бытуют в католических Франции, Испании, Италии и Ирландии, в протестантских Англии, Германии и Скандинавии, а также в греческих России, Болгарии и других славянских землях; и поныне они живут в народе точно так же, как и во времена короля Артура, первых пап или варяго-русских великих князей. И если высшие и средние классы переросли подобные абсурдные фантазии, то массы сельского населения все еще остаются во власти предрассудков. Низшие классы, предоставленные милости деревенского священника — который, если не глуп, всегда достаточно хитер, чтобы осознать важность удержания своей паствы в интеллектуальном рабстве — верят в чары, заклинания и силы дьявола *сегодня* так же, как и *прежде*. И доколе вера в Сатану и легион его падших ангелов (ныне дьяволов) остается догмой христианской церкви — а мы не видим, как ее можно уничтожить, ибо она является краеугольным камнем доктрины (ныне дьявольского) спасения — дотоле будут существовать эти унизительные суеверия, так как вся их надстройка покоится на этой вере в могучего противника Бога.

Доказательства того, о чем мы говорим, содержатся чуть ли не в каждом номере нашего журнала. Только в прошлом году в России судили от шестидесяти до ста человек обоего пола за самовольное сжигание на костре так называемых ведьм и колдунов, якобы нагнавших порчу на каких-то истеричных женщин. Суд, длившийся месяцами, вскрыл ужасающий ряд чудовищнейших преступлений. Тем не менее, все крестьяне были оправданы, ибо их признали *безответственными*. Хоть раз в России над

мертвою буквой закона восторжествовала справедливость. И вот опять приходит известие о таком же суеверии и даже еще более чудовищном. Нижеследующее читается как средневековая повесть времен «святой» инквизиции. Газета «Русский курьер» опубликовала официальное сообщение из Чембара, уездного города Пензенской губернии, которое мы приводим здесь:

В конце декабря, на праздниках, в селе Балкашине совершено было ужасное преступление, вызванное суеверием. Помещик Я.Н.М. получил богатое наследство и на праздники уехал в Пензу. Крестьяне этого села, благодаря неурожаю, особенно бедствуют, и двое из них, наибеднейшие, решились обокрасть помещика в его отсутствие. Они отправились к знахарке посоветоваться, каким образом совершить им задуманное преступление, чтоб избежать ответственности за него. Знахарка предложила им *убить какого-нибудь человека, вырезать сальник из-под брюшины, растопить его, приготовить из него свечу, зажечь последнюю, войти в дом помещика, и, по ее уверению, при свете этой свечи никто их не заметит, так что беспрепятственно можно брать что угодно на глазах даже самого хозяина или прислуги.* Следуя этому совету, крестьяне вышли на улицу села в два часа ночью, встретили там шедшего из кабака своего односельца — крестьянина, известного под прозвищем Якова-столяра, убили его и зарыли в снегу у одного из крестьянских сараев. На третий день после убийства труп был разрыт собакой и началось дознание; была арестована масса крестьян и, по произведенному обыску, у одного из преступников найден был горшок с растопленным салом. По исследованию врача, сало это оказалось *человеческим.* Преступник сознался и указал на своего сообщника. Оба они показали, что совершили убийство по совету знахарки, но имени ее, несмотря на все усилия со стороны следователя, не открыли. Замечательно, что до сих пор убийцы пользовались хорошей репутацией. Знающие их утверждают, что только безвыходная бедность могла заставить их решиться на такое преступление. Оба преступника — еще молодые люди*.

Узнать, которая же из окрестных «ведьм» — ибо их много и некоторые известны лишь своим «клиентам» — виновна в убийственном совете, представляется почти невозможным. Также нет никакой возможности собрать улики у односельчан, так как самые уважаемые из них ни за что не согласятся навлечь на себя гнев одной из этих подружек дьявола. И мы вправе утверждать и действительно полагаем, что вышеописанное *суеверие* превосходит по лиходейству сравнительно безобидную веру колхапурских заговорщиков в эффективность «совиных глаз».

Еще один случай с «колдуном» произошел совсем недавно. В том же декабре сельский сход Александровска постановил исключить из своей общины и принудительно выслать в Сибирь зажиточного крестьянина по имени Родинин. Когда было зачитано обвинительное заключение, признававшее его виновным в «величайшем преступлении — совершенном владении наукой колдовства и искусством вселять в людей беса» — приговор сельских присяжных был всеми поддержан единодушно. «Как только, — говорится в обвинительном протоколе, — обвиняемый Родинин приближается к какому-то человеку, особенно если подносит ему стакан водки, в того тут же вселяются бесы... Жертва тут же начинает истошно вопить, причитая, что внутри него разлилась огненная река и жалостно уверяя окружающих, что Бес разрывает все его внутренности в клочья... С этого момента он не знает покоя ни днем, ни ночью и вскоре умирает в жуткой агонии... Многочисленны жертвы этого дьявольского колдовства, содеянного обвиняемым... Вследствие чего сельские присяжные, признав его “виновным”, почтенно просят властей исполнить свой прямой долг». «Прямой долг» означал высылку Родинина в Сибирь, что и было исполнено.

Всем на Западе известно о повсеместной народной вере, распространенной особенно в Германии и России, в чудодейственную силу некоего трехлистного папоротника, сорванного в безлюдном лесу в ночь на Ивана-купалу. Пробужденный заклинанием к дьяволу, лист папоротника начинает расти с конца первого куплета и заканчивает в конце последнего. И если, не уstraшенный ужасующими сценами, разыгрывающимися вокруг него, а они по своей жути ни с чем не сравнимы, заклинатель не обращает на них внимания и не теряет присутствия духа от криков «лесных чертей» и их попыток обратить его в бегство, то получает в награду растение, которое дарует ему при жизни власть над дьяволом и *заставляет* последнего ему служить.

Это — вера в дьявола и *его* власть. Можем ли мы осуждать невежественных или даже образованных, но все же набожных людей за подобную веру? Разве церковь — будь то католическая, протестантская или греческая — не внушает нам с раннего детства и не *требует* от нас такой веры? Разве она не *sine qua non* христианства? Да, ответят нам; но церковь осуждает нас за любое подобное *сношение* с прародителем зла. Церковь хочет, чтобы мы верили в дьявола и в то же самое время презирали и «отрекались» от него; она единственная может, через своих законных представителей, иметь дело с его седовласым величеством и вступать с ним в прямые сношения, прославляя Господа и демонстрируя мирянам огромную, Богом данную власть усмирять дьявола именем Христа, чего ей, впрочем, никогда не удавалось сделать. Она никак не может эту власть доказать; но ведь не всегда больше верят в то, что лучше всего доказуемо. Самое убедительное доказательство, когда-либо предоставленное церковью в пользу существо-

вания ада и Сатаны, было явлено в средние века, когда «святая» инквизиция, на правах помазанника Божьего, выступила орудием раздувания на земле адского пламени и сжигания в нем еретиков. С похвальной беспристрастностью она одинаково сжигала и тех, кто не верил в ад и дьявола, и тех, кто слишком сильно веровал во власть последнего. Стало быть, логика этих несчастных легковерных, хоть сколько-то верящих в возможность «чудес», также не вполне ошибочна. Веруя в бога и дьявола и видя, как зло господствует на земле, они вряд ли могут не думать о том, что в своей извечной борьбе с Богом Сатана одержал победу. А если так — тогда его властью и союзом не стоит пренебрегать. Мучения ада так далеки, а несчастья, страдания и голод — удел миллионов. И поскольку им кажется, что Бог их оставил, они обращаются к другой силе. Если в одном случае «лист» наделен чудодейственными силами Богом, то почему же другой лист не может быть столь же полезным, произрастая под бдительным присмотром Дьявола? И разве в бесчисленных житиях мы не читаем о том, как грешники, заключив *договор* с Дьяволом, потом хитростью выманивают у него свои души, вверившись защите какого-нибудь святого, каясь и моля об «искуплении» в свой смертный час? Двое убийц из Чембара, сознаваясь в преступлении, откровенно заявили, что если бы кража помогла им обеспечить их семьи, то они тут же отправились бы в монастырь и, приняв «духовный сан, покаялись»!!! И если, наконец, вера в один лист рассматривается нами как вопиющее, унижительное суеверие, тогда почему же государство, общество и еще век назад *закон* — карали за неверие в церковные чудеса? Вот свежий пример «чудотворного» листика, заимствованный нами из «Catholic Mirror». Приводим его для сравнения, и, может быть, наши чи-

татели будут более милосердны к суевериям «несчастливых язычников», не осененных знанием и верою во Христа.

Чудотворный лист

Отец Игнатий, читающий ныне миссионерские проповеди в Шеффилде, рассказывает о замечательном «чуде» исцеления некоей леди из Брайтона, будто бы сотворенном листочком с куста, на который якобы нисходила Дева Мария во время недавних небесных явлений, которыми она удостоила аббатство Ллэнтони.

Описав видения, отец Игнатий поведал, что Бог подтверждал истинность сих видений всяческими священными знаками. Листья с этого куста были посланы многим и применялись Богом для исцеления.

Отец Игнатий упомянул об одном великом чуде. Пожилая леди, содержащая школу для девочек из благородных семей и, стало быть, хорошо всем известная, в течение тридцати восьми лет страдала от невыносимой боли в бедре, не позволявшей ей ни сидеть, ни лежать нормально. Она была полной калекой. Он даже сам видел однажды, как она стала иссиня-бледной от боли в бедре. Он послал ей листочек — не то чтобы в надежде на исцеление, но как некое напоминание о видениях. Тем же вечером, ложась спать, она взяла с собою его письмо и листочек, а в ушах у нее меж тем звучали слова, вычитанные из «Hawker's Morning and Evening Portion»: «По вере вашей да будет вам». Она помолилась и приложила листик к гнойнику на ноге, и тот мгновенно исчез, гной мгновенно перестал течь, боль мгновенно прекратилась, и она мгновенно встала больной ногой на пол.

С тех пор она могла ходить, как все люди, и полностью избавилась от невыносимых страданий. Он может дать имя и адрес этой леди любому, кто захочет узнать подробности, и сама эта леди охотно предоставит любую информацию.

«Видение» ли в аббатстве Ллэнтони, или «видение» в кабинете медиума — мы, право, не видим большой разницы между ними; и если Бог снисходит до того, что творит чудеса посредством листика, то почему бы и дьяволу — «обезьяне Божьей» — не делать того же?

ТЕОСОФИЯ — ЭТО РЕЛИГИЯ?

Религия — это наилучшие доспехи, которые может носить человек, но она же — наихудшая личина.

Баньян

Не будет преувеличением сказать, что во всем мире не было и нет, во всяком случае, в нынешнем столетии другого такого движения, общественного или религиозного, сущность которого так дико, или даже, скорее, абсурдно искажалась бы и вокруг которого было бы нагромождено столько глупостей и заблуждений, как вокруг **теософии** — как теоретической ее составляющей (то есть этического учения), так и практической деятельности (целей и задач Общества, называющего себя теософским).

Год за годом, день за днем наши ответственные работники и просто члены Общества вынуждены вмешиваться в разговоры людей, обсуждающих теософское движение, дабы выразить свой более или менее решительный протест против присвоения теософии статуса религии, а Теософскому Обществу — некоей новой церкви или религиозной организации. Но хуже всего, когда об этом Обществе отзываются как о «новой секте»! Что это — застарелый предрассудок, или ошибка, или и то и другое вместе? Более вероятной представляется последняя версия. Наиболее узколобые, а то и откровенно нечестные люди до сих пор

выискивают удобные предлоги — своего рода крючки, на которые они могли бы навешивать свои маленькие, немилосердно язвительные замечания или невинную ложь. А что лучше всего подойдет для этой цели, если не привычный ярлык «-изм» или «секта»? Абсолютное большинство будет весьма разочаровано, когда обман наконец рассеется и придется признать, что теософия — это ни то и ни другое. Но сейчас им очень нравятся привычные определения, и они делают вид, что не замечают их фальши. Однако есть и другие, более или менее дружественно настроенные люди, которые искренне верят в этот обман. Им мы говорим: поистине, мир и так уже достаточно натерпелся от истребителей разума, именуемых догматическими религиями, чтобы навязывать себе еще одну! Сейчас многие носят с собой свою веру, как это справедливо замечает Шекспир, «как шляпу модную», меняя ее с появлением каждой «новой болванки». И потому одной из задач Теософского Общества с самого начала был открытый протест и честная война против всякой догмы или вероучения, основанного на слепой вере.

Возможно, это покажется кому-то странным и парадоксальным, но до сих пор наиболее способные и активные практические работники и самые преданные члены нашего Общества приходили к нам, как правило, из агностического и материалистического лагерей. Вряд ли можно отыскать хотя бы одного настоящего и искреннего искателя истины среди приверженцев *слепой* веры в «Божественное Слово», считается ли оно исходящим от Аллаха, Брахмы или Иеговы (с их Кораном, пуранами и Библией). Ибо:

«Вера — не труд, но отдых *разума*».

Тот, кто верит только собственной религии, считает веру другого человека ложной и ненавидит ее, поскольку она противоречит его собственной. Более

того, вера не может считаться верою до тех пор, пока полностью не опутает разум и окончательно не скроет от нашего восприятия все, что лежит за ее пределами, так как в противном случае она будет просто временным убеждением, иллюзией, направляющей наши действия на определенном отрезке жизни. И еще, «вера без принципов есть просто льстивая фраза для самолюбия или фанатических телесных ощущений», согласно мудрому определению Колриджа.

Чем же, в таком случае, является теософия, и как можно определить ее нынешнюю форму, возникшую в последней четверти XIX столетия?

Мы заявляем: теософия — это не религия.

И все же общеизвестно, что некоторые верования — философские, религиозные и научные — в последнее время столь часто и столь тесно связываются со словом «теософия», что широкая публика уже воспринимает их как собственно теософские учения. Более того, до нас доходят слухи, что эти верования были сформулированы, объяснены и поддержаны теми самими Основателями, которые заявляют, что теософия — это *не* религия. Чем же вызвано это *внешнее* противоречие? Нас спрашивают: как вообще могут какие-то верования и учения (по сути дела, целостная и вполне оформленная доктрина) именоваться «теософскими» и признаваться таковыми девятью десятками членов Теософского Общества, если теософия — это не религия?

Целью данного протеста как раз и является объяснение этого *противоречия*.

Начать, пожалуй, следует с того, что утверждение, гласящее, что «теософия — это *не* религия», отнюдь не исключает того факта, что «теософия — это *и есть* сама религия». Религия — в единственно правильном и истинном смысле этого слова, то есть не какой-то набор догм и вероучений, но узы, спла-

чивающие воедино всех людей. *Настоящая* религия, в самом широком смысле этого понятия, это то, что соединяет не только *всех людей*, но также и *все существа* и *все* вещи во Вселенной в единое огромное целое. Таково наше теософское определение религии, но в каждом вероучении и в каждой стране религии дается собственное определение, так что даже два христианина смотрят на религию по-разному. Подтверждение этому мы находим у многих известных авторов. Так, Карлейль* дал определение протестантской религии своего времени, вполне подходящее, впрочем, и для современного ее состояния, благодаря замечательному дару предвидения, коим обладал этот автор:

Большей частью мудрое и благоразумное ощущение, продиктованное простым расчетом; подчиненное, как и все остальное в наше время, принципам целесообразности и полезности; через нее малое *количество* земных удовольствий просто разменивается на гораздо большее *количество* удовольствий небесных. Таким образом, религия тоже превращена в коммерческое предприятие, нацеленное на получение прибыли; никакого почтения, только примитивная надежда или страх.

Миссис Стоу, в свою очередь, намеренно или случайно дала довольно точную характеристику христианской религии — на сей раз, скорее, римско-католической, нежели протестантской, — когда написала о своей героине:

На религию она смотрела как на билет (с точным перечнем оплаченных и гарантированных услуг), который она однажды приобрела и аккуратно пристроила в своей сумочке, чтобы извлечь его оттуда только у врат небесных, как законный пропуск на небеса...

Но для теософов (я имею в виду подлинных теософов), не признающих ничьего посредничества и никакого спасения через пролитую невинную кровь, а также не «нацеленных на получение прибыли» через *Единую Универсальную* религию, единственным

подходящим определением религии, под которым они сами могли бы подписаться, является то, которое дал ей Миллер*. Прочитируем эту подлинно теософскую характеристику:

...Религия, коль истинна она,
Всегда добра, скромна и благосклонна;
Не станет деспотом, на грозных колесницах
С собою смерть она не понесет
И кровью веру насаждать не станет;
Пред милосердием и искренним участием
Склоняет низко голову она
И всей своею властью служит людям.

Вышеприведенное определение служит превосходной иллюстрацией к тому, что такое истинная теософия (или какой она должна быть). (Среди прочих вероучений только буддизм является подлинной философией, связующей сердца и людей, поскольку это не догматическая религия.) И в этом плане — коль скоро целью и обязанностью каждого истинного теософа считается признание этих принципов и следование им — теософия *является религией*, а наше Общество — ее единой, всемирной церковью, храмом мудрости Соломона¹, в котором «ни молота, ни тесла, ни всякого дру-

---

¹ Чьи 700 жен и 300 наложниц, кстати говоря, — всего лишь воплощения человеческих качеств, чувств, страстей и различных оккультных способностей, о чем свидетельствует использование все тех же каббалистических чисел 7 и 3. Более того, сам Соломон был только символом Солнца (Sol) — «Солнечным Посвященным», или Христом-Солнцем, индийским вариантом которого служит «Викарттана» (Солнце) с отрубленными Вишвакарманом (его Иерофантом-посвятителем) лучами, что символизирует лишение кандидата-Христоса его золотого сияния на время посвящения и увенчание темным, черным ореолом — «терновым венцом». (См. «Тайную Доктрину», где все это объяснено подробно.) Соломон никогда не был реальным человеком. Его жизнь и деяния, описанные в Книгах Царств, — это аллегория испытаний и славы Посвящения.

гого железного орудия не было слышно... при строении его» (III Цар., VI, 7), так как это был не тот храм, что возводится человеческими руками на каком-то участке земной поверхности, но храм, создаваемый во внутреннем святилище человеческого сердца, где правит только пробудившаяся душа.

Таким образом, мы говорим, что теософия — это *не* религия, но сама **религия** — связующая ткань, настолько универсальная и всеобъемлющая, что ни один человек и ни одна частичка бытия — от богов и смертных людей до животных, стебелька травы и мельчайшего атома — не могут быть обделены ее светом. И потому каждая организация или общество, носящее ее имя, по необходимости должно быть **Все-ленским Братством**.

В противном случае теософия оказалась бы просто словом, добавленным к сотням таких же слов — столь же высокопарных, сколь пустых и претенциозных. Рассматриваемая как философия, теософия представляет собой в своей практической деятельности то же самое, что и перегонный куб средневекового алхимика. Она превращает внешне неблагородные металлы всех ритуальных и догматических верований (включая христианство) в золото фактов и истин и тем самым создает подлинную и универсальную панацею от всех человеческих недугов. Вот почему ни у кого из желающих вступить в Теософское Общество никогда не спрашивают, к какой религии он принадлежит и каковы его деистические взгляды. Эти взгляды — личная собственность каждого, и Обществу не должно быть до них никакого дела. Теософом может быть христианин или язычник, еврей или гой, агностик или материалист, или даже атеист, если только он не будет узколобым фанатиком, отказывающимся признать своим братом или сестрою человека, чья вера и взгляды отличны от его собственных. Граф Л.Н.Толстой не верит ни

в Библию, ни в церковь, ни в божественность Христа, и все же ни один христианин не превосходит его в практическом воплощении принципов, которые, как нам говорят, были изложены в Нагорной проповеди. И это как раз те принципы, которых придерживается теософия, — не потому, что они были заповеданы христианским Христом, но потому, что это универсальные этические нормы, которые исповедовали Будда и Конфуций, Кришна и все великие мудрецы за тысячи лет до того, как был записан текст Нагорной проповеди. И коль скоро мы стараемся жить в соответствии с этими принципами, теософия действительно становится универсальной *панацеей*, так как она залечивает раны, нанесенные прокрустовым ложем церковных «измов» чувствительной душе каждого от природы религиозного человека. Сколько их, насильно выброшенных из узких рамок слепой веры в сухую пустыню безверия закономерным импульсом разочарования, вновь обрело надежду, просто примкнув к нашему братству, каким бы несовершенным оно ни было.

Даже если в противовес вышесказанному нам напомним, что несколько выдающихся членов Общества покинули его, разочаровавшись в теософии (как, впрочем, и в других организациях, в которых они прежде состояли), это нас ни в малейшей степени не смутит. Поскольку за очень, *очень редкими* исключениями, имевшими место на ранних этапах деятельности Теософского Общества, когда некоторые наши коллеги оставили нас, потому что не обнаружили в Обществе практического мистицизма, на который рассчитывали, или потому, что его «лидерам не хватало духовности» и вообще они были «нетеософичны и, следовательно, неверны правилам», большинство вышедших из Общества были людьми нерешительными или, напротив, слишком самоуверенными — сами себе и церковь, и непогрешимая

догма. Некоторые покинули нас под явно надуманными предлогами: как, например, потому, «что в наших журналах публикуются слишком грубые отзывы о христианстве» (читай — «церквианстве» или *фальшивом* христианстве, так будет вернее), как будто о других фанатических религиях мы когда-либо отзывались лучше или с одобрением! Так что те, кто ушел из Общества, поступили абсолютно правильно, и мы об этом ничуть не жалеем.

И вот что еще непременно следует добавить: число тех, кто покинул Общество, не идет ни в какое сравнение с общим количеством тех, кто нашел в теософии все, что искал. Ее учения, если подойти к ним серьезно, способны, стимулируя развитие мышления и открывая *внутренний мир* в животной природе человека, пробудить дремавшие в нас до сих пор благотворные силы и качества, а также способность к восприятию истины и реальности, в противовес нереальному и ложному. Срывая решительной рукою плотную завесу мертвой буквы, наброшенную на всякое древнее религиозное писание, научная теософия, постигающая тайны лукавого символизма столетий, открывает тем, кто посмеивается над древней мудростью, истину о происхождении мировой науки и верований. Она открывает новые перспективы, отодвигая застывшие и неподвижные горизонты деспотических религий; и, переделывая слепую веру в позитивное знание, основанное на законах математики, единственной точной науки, вновь указывает человеку, но уже в более конкретном и философском аспекте, на реальность существования того, от чего он уже давно отказался под влиянием мертвой буквы и что уже успел позабыть, как слышанную в детстве добрую сказку. Теософия дает четкую и ясную цель, идеал, к которому может стремиться каждый искренний человек — мужчина или женщина, независимо от социального положения,

принадлежности к той или иной культуре и уровня интеллектуального развития. Практическая теософия — это не одна *отдельная* наука, она охватывает все существующие науки моральной и физической жизни. Вкратце ее можно вполне справедливо назвать всемирным «ментором», или преподавателем универсального знания, опыта и эрудиции, призванных не только помочь ученику благополучно сдать экзамены по всем видам научной и моральной деятельности в этой земной жизни, но и подготовить его к последующим *жизням*. Для этого ученику необходимо изучать Вселенную и ее тайны, глядя *сквозь себя самого*, а не через очки ортодоксальной науки и религий.

Пусть читатель не поймет эти заявления превратно. Когда мы говорим об этом универсальном всеведении, мы имеем в виду теософию *per se*, а не каждого теософа в отдельности и даже не все Общество в целом. Не следует смешивать теософию и Теософское Общество — сам сосуд и тот винегрет, который он в себе содержит. Первая являет собой идеал, *божественную* Мудрость, само совершенство, тогда как второе — убогое и несовершенное образование, пытающееся удержаться хотя бы в падающей на Землю тени этого совершенства, даже не надеясь дотянуться до него самого. Никакой человек не совершенен, так можно ли в таком случае выставлять кого бы то ни было из членов Теософского Общества вместилищем всех человеческих добродетелей? И должно ли критиковать и обвинять всю организацию за ошибки, реальные или воображаемые, отдельных ее «членов» или даже руководителей? Никогда и ни одно Общество, как целостная формация, не было свободно от заблуждения или греха — «*Errare humanum est*». Так что же тогда говорить об отдельных людях? Таким образом, если кого-то и винить, то скорее отдельных людей, большинство из кото-

рых просто отступили от подлинной теософии. Теософия — это душа нашего Общества, а все остальное — ее грубое и несовершенное тело. Так пусть же современные Соломоны, норовящие занять судейское кресло, чтобы рассуждать о том, о чем они не имеют никакого представления, для начала познакомятся с теософией и теософами, прежде чем клеветать на них, безосновательно называя первую «набором полоумных верований», а последних — «сектой шарлатанов и лунатиков».

И все-таки, несмотря ни на что, и враги и друзья часто называют теософию религией, а то и *сектой*. Давайте же посмотрим, как те или иные верования смогли настолько сблизиться с теософией, что теперь многими воспринимаются как ее неотъемлемые составляющие, и почему лидеры Общества не принимают ровным счетом ничего, чтобы отмежеваться от них хотя бы на словах.

Мы уже говорили, что верим в абсолютное единство природы. А единство предполагает возможность для отдельного субъекта вступать в контакт с субъектом на другом уровне (или с другого уровня). Мы в это верим.

По содержанию только что опубликованной «Тайной Доктрины» можно судить о том, что думали люди на протяжении всей древности о *первых наставниках* изначального человечества и трех его древнейших рас. Именно в те времена происходит становление **Религии Мудрости**, в которую верят все теософы. Появление так называемого «окультизма» (или, скорее, эзотерической науки) связано с теми существами, которые, следуя закону кармы, воплотились в нашем человечестве и заложили в нем основы тайной науки, которую бесчисленные поколения адептов передавали затем из века в век, сверяя ее учения с собственными наблюдениями и опытом и периодически возвещая о ней миру. Основная

масса этих знаний (которыми ни один человек не может обладать в полном объеме) как раз и составляет то, что мы теперь называем теософией, или «божественным знанием». Существа из иных, более высоких миров могут обладать им во всей полноте; но нам доступны лишь приблизительные представления о нем.

Единство всего во Вселенной уже само по себе подразумевает и оправдывает нашу веру в существование знания одновременно научного, философского и религиозного, демонстрирующего закономерность и реальность взаимосвязи всех людей и всех вещей во Вселенной. Но такое знание по необходимости должно быть **религией**, и потому во всей своей совокупности и универсальности оно называется **Религией Мудрости**.

Именно из этой **Религии Мудрости** произошли все индивидуальные «религии» (называемые так по ошибке), от которых в свою очередь отделились всевозможные ответвления, и разновидности, и все малые вероучения, всегда основанные на чьем-то личном психологическом опыте. Каждая такая религия или ее разновидность — считают ли ее ортодоксальной или еретической, мудрой или глупой — изначально представляла собою чистый и незамутненный поток из материнского источника. И тот факт, что каждая из них со временем оказалась искажена чисто человеческими умозаключениями и даже фантазиями, вовсе не означает, что в самом начале они не могли быть абсолютно чисты. Некоторые из этих вероучений (мы не станем называть их религиями) сейчас настолько испорчены чисто человеческими наслоениями, что их изначальный облик стал уже почти неразличим, прочие — только отмечены следами разложения разной интенсивности, но ни одно из них не смогло полностью избежать разрушительного влияния времени. И все-таки все

они: маздеизм, брахманизм, буддизм и, конечно же, христианство — божественны, поскольку выходят из истинного и естественного источника. Именно догматизм и примешанный к нему человеческий элемент привели к возникновению современного спиритуализма.

Разумеется, если мы скажем, что современный спиритуализм *per se*, очищенный от нездоровых измышлений, основанных на заявлениях двух маленьких девочек и их крайне неблагонадежных «духов», гораздо более истинен и философичен, нежели любая церковная догма, то подобное утверждение вызовет громкие возгласы протеста с обеих сторон. *Материализованный* спиритуализм пожинает теперь плоды своей кармы. Его изначальные *инициаторы* — те самые «две маленькие девочки» из Рочестера, Мекки современного спиритуализма — успели вырасти и превратиться в старушек, прежде чем впервые произведенные ими стуки распахнули широкие врата, соединяющие наш мир с иным миром, и на основе их «невинного» свидетельства была создана и разработана подробная схема астральной Страны Чудес с ее активным астральным населением — «духами», всегда стоящими наготове за кулисами своей «молчаливой страны» и охотно показывающимися обитателям нашей шумной и крикливой Земли. Но вот обе женщины, каждую из которых считали «Мухаммедом современного спиритуализма», отступили от своей собственной веры, предали ими же самими созданную философию и переметнулись на сторону своих врагов. И теперь они разоблачают и обвиняют *практический* спиритуализм, называя его многовековым шарлатанством. Когда те, *кто никогда не были теософами*, предали нас и продемонстрировали свое раздвоенное копыто, обрушившись на Основателей Теософского Общества с обвинениями в мошенничестве и шарлатанстве, спиритуалисты (за исключением не-

многих наиболее порядочных из них) возрадовались и примкнули к *нашим* недругам и клеветникам. Но стоит ли теософам теперь смеяться над ними в отместку, когда прежние «распространители» спиритуализма превратились в его «гонителей»? Никогда! Ибо феномены спиритуализма подлинны, и предательство «девочек Фокс» только добавляет нам сочувствия ко всем медиумам и еще раз доказывает всему миру справедливость нашего извечного утверждения, что ни на одного из медиумов нельзя полностью положиться. И никакой теософ не станет смеяться или, тем более, радоваться посрамлению другого человека, даже своего противника. И понять причину этой сдержанности довольно просто:

Мы знаем, что существа из других, вышестоящих миров общаются с некоторыми избранными смертными; так было всегда, и так есть сейчас, хотя и гораздо реже, чем в прежние времена, поскольку с каждым цивилизованным поколением человечество становится все хуже и хуже во всех отношениях.

Теософия — главным образом благодаря дружному *восстанию* всех спиритуалистов Европы и Америки против первых же слов, высказанных в осуждение идеи, будто все осмысленные сообщения из иного мира могут поступать только от духов бывших смертных, некогда живших на Земле, — еще не сказала своего последнего слова о спиритуализме и «духах». Возможно, когда-нибудь скажет. А пока скромная служительница теософии, редактор журнала, в очередной раз заявляет о своей вере в Существа более великие, мудрые и благородные, чем любой *персонифицированный* Бог, превосходящие всех «духов умерших», святых и крылатых ангелов и тем не менее в каждом столетии периодически нисходящих на Землю, чтобы повлиять на некоторых обладающих редкой чувствительностью людей, зачастую не связанных ни с церковью, ни со спиритуализмом,

ни даже с теософией. А веря в высокие и святые Духовные Существа, она также должна верить и в их противоположность — низших «духов»: добрых, злых и нейтральных. И, следовательно, она должна верить в спиритуализм и его феномены, даже если некоторые из них кажутся ей отвратительными.

Это было небольшое отступление, призванное показать, что теософия включает в число своих наук также и спиритуализм — только не такой, какой он есть сейчас, а такой, каким он должен быть, — основанным на знании и опыте бесчисленных столетий. Каждая религия, достойная называться таковой, появилась на свет именно вследствие таких *визитов* существ с вышестоящих уровней.

Так родились все доисторические, равно как и исторические, религии: маздеизм и брахманизм, буддизм и христианство, иудаизм, гностицизм и магометанство, словом, все более или менее значительные «измы». Все они истинны внутри, и все они фальшивы снаружи. *Вестник* всегда проявляет себя как настоящий художник, изображающий фрагмент Истины в сознании Пророка; однако холстом для его картин во всех случаях может служить *только человек*. Пригласите Рубинштейна* и попросите его сыграть сонату Бетховена на пианино, которое никто никогда не настраивал, половина клавишей не работают, а струны просто висят, и тогда посмотрим, сможете ли вы узнать сонату, невзирая на гениальность исполнителя. Мораль сей *аллегии* заключается в том, что человек, будь он даже величайшим из медиумов и пророком от природы — это всего лишь человек, а человек, предоставленный собственным суждениям и поступкам, не может мыслить в унисон с абсолютной истиной, даже если способен подбирать ее крохи. Ибо человек — это только *падший* ангел, бог внутри, но с мозгом животного в голове, восприимчивый более к насморкам и к бо-

калу вина в компании других земных людей, нежели к божественным откровениям.

Отсюда и многоцветье догматов различных церквей. Отсюда и тысяча так называемых «философий», зачастую противоречивых (это касается также и теософских теорий), и все разнообразные «науки» и системы — духовные, ментальные, христианские и светские, сектантство и фанатизм и особенно чванство и самовлюбленность почти каждого «новатора», начиная с эпохи средневековья. А в результате оказался скрытым и затемненным сам факт существование **Истины** — общего источника всего. Нашим критикам не следует воображать, будто мы намерены исключить теософские учения из общего списка. Вовсе нет. Ведь поскольку те эзотерические доктрины, которые распространяло и продолжает распространять наше Общество, явно не являются *ментальными* или *духовными* посланиями, полученными от некоего «неведомого *высшего*», но переданы нам живыми людьми, то все они, за исключением разве что тех, которые были записаны или продиктованы самими Учителями Мудрости, вполне могут оказаться ошибочными и несовершенными — как раз такими, какими бы их хотели видеть наши недруги. «Тайная Доктрина» — книга, в которой изложено все, что может быть передано человечеству в нынешнем столетии, представляет собой попытку расчистить *часть* общего фундамента всех, великих и малых, религий и философских систем. Было признано необходимым взорвать весь огромный пласт окаменевших предрассудков и заблуждений, скрывающих ныне единое основание *а)* всех великих мировых религий, *б)* малых сект и *в)* теософии в ее современном изложении (как бы глубоко ни оказалась скрытой от нас, по причине нашей собственной ограниченности и несовершенства наших познаний, великая Истина). Слой заблуждений довольно плотен, ибо к его со-

зданию приложило руку великое множество людей, и потому, когда мы *самочинно* попытались соскрести хотя бы малую его толику, результатом всех наших усилий стали постоянные нападки на всех теософских авторов и даже на само Общество. Очень многие наши друзья и читатели характеризуют наши попытки справиться с заблуждениями посредством публикаций в «Theosophist» и «Lucifer» как «немилосердные нападки на христианство», «нетеософичные оскорбления» и т.д., и т.п. И все же они необходимы и даже неотвратимы, если мы хотим приблизиться хотя бы к *относительным* истинам. Мы хотим называть вещи своими именами и готовы пострадать за это (как обычно). Нет смысла обещать людям истину, а затем подмешивать к ней заблуждения и вымысел исключительно по слабости характера. Результатом такой политики могло бы стать только загрязнение чистого родника фактов, что продемонстрировано уже с достаточной очевидностью. Через двенадцать лет непрерывных трудов и борьбы с врагами, наседавшими на нас со всех четырех сторон света, невзирая на наличие четырех теософских ежемесячных журналов — «Theosophist», «Path», «Lucifer» и французского «Le Lotus», наши вялые, пассивные протесты, публикуемые в них, наши робкие заявления, наша «мастерская политика бездействия» и попытки спрятаться в тени унылой метафизики привели лишь к тому, что теософию теперь однозначно считают религиозной **сектой**. И в сотый раз говорят нам: «Что хорошего делает теософия?» и «Посмотрите, как много хорошего делают церкви!»

И все же можно считать установленным факт, что человечество не стало ни на йоту более добродетельным, а в некоторых отношениях — даже в десять раз хуже, чем когда-либо было в языческие времена. Более того, за последние полвека — с тех пор, когда вольнодумство и наука окончательно одержали

верх над церквями, — христианство ежегодно теряет больше приверженцев среди образованных классов, чем приобретает прозелитов в низших *слоях*, среди отщепенцев язычества. С другой стороны, теософия вывела из темноты материализма и безысходности отчаяния назад к вере (основанной на логике и очевидности) в *божественную* сущность человека и ее бессмертие уже многих из тех, кого церковь потеряла из-за своего догматизма, насаждения веры и тирании. А если удастся подтвердить, что теософия спасает хотя бы одного человека из тысячи тех, кого теряет церковь, то разве не является первая гораздо более благотворным фактором для человечества, нежели все миссионеры вместе взятые?

Теософия, как это периодически повторяют в печати и *viva voce* члены и должностные лица нашего Общества, придерживается методов, диаметрально противоположных церковным, и в то же время отрицает индуктивную научную методику, коль скоро она может привести только к грубому материализму. И все же *de facto* теософия является одновременно и «**религией**» и «**наукой**», поскольку представляет собой квинтэссенцию и той и другой. Именно из любви к этим двум божественным абстракциям, то есть теософской религии и науке, наше Общество стало добровольным *обличителем* как ортодоксальной религии, так и современной науки, безжалостной Немезидой для тех, кто извратил две благороднейших истины в угоду собственным интересам, а затем отшвырнул их прочь друг от друга на противоположные полюса, хотя они *должны идти рука об руку*. И доказательство данного факта является еще одной целью настоящей статьи.

Современные материалисты настаивают на том, что между этими двумя существует непреодолимая пропасть, подчеркивая при этом, что «конфликт между религией и наукой» закончился поражением

первой и триумфом последней. Напротив, современные теософы не видят между ними абсолютно никакой пропасти. Если церковь и наука в один голос утверждают, что каждая из них стремится к истине и не приемлет *ничего кроме истины*, значит, одна из них явно заблуждается, принимая за истину ложь, или же ошибаются обе. Любое другое препятствие на пути к их примирению следует признать *надуманным* и кажущимся. Но Истина едина, даже если вести ее поиск в двух противоположных направлениях. И потому теософия утверждает, что эти две кажущиеся противоположности можно примирить. Теософия исходит из того, что *подлинно духовная*, изначальная христианская религия, как и прочие великие и еще более древние философии, предшествовавшие ей, — это *свет Истины*, «жизнь и свет человеков».

Но точно таков же и *истинный* свет науки. Только затуманенный религиозными догмами и рассматриваемый сквозь темные очки предрассудков, искусственно созданных церквями, свет веры никак не может пробиться навстречу своему побратиму — свету науки, так же затененному и ослабленному парадоксами и материалистической софистикой нашего века. Из-за этого оба учения кажутся несовместимыми и никак не смогут прийти к согласию до тех пор, пока религиозная философия и наука о физической и внешней (в философии — *ложной*) природе не перестанут упрямо настаивать на истинности и непогрешимости своих «блуждающих огоньков». А сейчас оба источника света посылают в материю ложных умозаключений лучи одинаково ограниченной длины, которые при встрече могут лишь взаимно уничтожать друг друга, тем самым еще более усугубляя тьму. И все же их можно примирить при условии, что обе они очистят дома свои: одна — от накопившихся за многие столетия человеческих наслоений, а другая — от ужасной опухоли современ-

ного материализма и атеизма. Но коль скоро обе они отказываются предпринимать такого рода шаги, то наиболее достойным и разумным в данном случае будет делать то, что способна делать и делает только одна теософия, а именно — указывать невинным жертвам обоих этих придорожных разбойников (настоящих древних драконов, заглатывающих: один — людские души, а другой — умы) на то, что якобы существующая между ними пропасть — всего лишь обман зрения и что на самом деле это не пропасть, а, напротив, оборонительные валы, возведенные из мусора и отбросов обеими воюющими сторонами для защиты от взаимных нападений.

Даже если теософия ограничит свою деятельность исключительно тем, что будет указывать и привлекать внимание мировой общественности к тому факту, что *предполагаемый* конфликт между религией и наукой обусловлен, с одной стороны, тем, что образованные материалисты вполне обоснованно отпихивают от себя абсурдные человеческие догмы, а с другой — тем, что ослепленные фанатики и заинтересованные священники вместо того, чтобы защищать человеческие души, бьются смертным боем исключительно за то, чтобы отстоять свою власть и свой кусок хлеба с маслом, — даже в этом случае теософия сможет считаться спасительницей человечества.

Надеюсь, нам удалось достаточно внятно объяснить, что такое истинная теософия и каковы ее приверженцы. Первая — это божественная наука и этический кодекс, настолько возвышенный, что ни один теософ не в состоянии оценить его в полной мере; тогда как последние — слабые, но вполне искренние люди. Можно ли в таком случае судить о теософии по личным недостаткам ее последователей или руководителей какого-либо из 150 наших отделений? Человек может работать в полную силу сво-

их способностей, но при этом не реализовать в полной мере ни свое призвание, ни стремления. Однако это будет только его или ее личная беда, но никак не вина теософии и не Общества в целом. Единственная добродетель, на которую претендуют его Основатели, заключается в том, что именно они привели в движение самое первое теософское колесо. И если их можно судить, то только по их собственным делам, а не по тому, что о них думают друзья или говорят их враги. В такой работе, как наша, нет и не может быть места для *персоналий*: каждый член Общества — так же как и его Основатели — должен быть готов, в случае необходимости, броситься под колесницу Джаган-натха, чтобы быть раздавленным под ее колесами *ради общего блага*. И только в отдаленном будущем, когда смерть схватит своей костлявой рукою несчастных Основателей и тем самым прервет их кипучую деятельность, только тогда их добрые и дурные дела и поступки и вся их теософская работа могут быть взвешены на весах будущих поколений. Только тогда, когда неподвижно замрут обе чаши этих весов с возложенным на них грузом противоположностей и результаты взвешивания станут очевидными для всех, можно будет выносить окончательный вердикт с некоторой претензией на справедливость. А пока эти результаты повсюду, за исключением Индии, слишком рассеяны по поверхности земли и ограничены слишком малым числом людей, чтобы на их счет можно было выносить сколько-нибудь обоснованные суждения: их трудно разглядеть и еще труднее расслышать из-за криков и воплей наших многочисленных врагов и их бездумных подражателей — равнодушных. Но какими бы малозаметными ни были эти результаты, если их все-таки можно счесть положительными, то каждый человек, которому небезразличен моральный прогресс челове-

ства, должен быть благодарен за это теософии. И коль скоро теософия была возрождена и вновь представлена миру *через* своих недостойных слуг — «Основателей», то оправданием для них может служить только их работа, если она окажется полезной, а не нынешнее состояние весов, продиктованное мелочной бухгалтерией кармы, учитывающей все, включая социальную «респектабельность».

СИЛА ПРЕДРАССУДКОВ

Мир, заполненный вещами, окружает нас.
На него глядят веками мириады глаз.
В каждой вещи видит каждый что-нибудь
свое,
А иной и вовсе скажет, будто нет ее.
Страсть слепит. С воображеньем тоже
много бед:
Видишь то, чего в помине не было и нет.

Поуп

Послания разным людям
(Моральные очерки).
Послание I, Ричарду Темплу,
виконту Кобхэму.

«Разумеется, путь от невежества к знанию гораздо легче и короче, чем путь к знанию от заблуждения», — говорит Джердан.

Да и кто в наше время, когда одна религия не может смотреть на другую без зубовного скрежета, когда всевозможным сектам уже потерян счет, а разномастные и разнокалиберные «измы» и «исты» отплясывают друг у друга на головах немыслимое *фанданго* под ритмичный аккомпанемент изрыгающих взаимные проклятия языков, заменяющих им кастаньеты, — кто сейчас найдет в себе мужество признать собственные ошибки? Но они никак не могут быть правы все сразу. И уж тем более нельзя объяснить

никакими доводами разума то упорство, с каким люди цепляются за мнения, которые большинство из них *восприняло* из чужих рук, а не *сформулировало* самостоятельно, при этом демонстрируя непримиримо враждебное отношение ко всем прочим мнениям, которые составил для себя кто-то еще!

Наилучшим подтверждением этой истины может служить вся предшествующая история теософии и Теософского Общества. Это вовсе не означает, что люди не стремятся к новшествам или что они не приветствуют прогресс и развитие мысли. Наш век жаждет воздвижения новых идолов, так же как и ниспровержения старых богов, и готов оказать радужный прием новым идеям, так же как и выбросить без всякого сожаления те, которые представляются ему устаревшими. Эти новые идеи могут быть такими же глупыми, как огурцы в молочном супе, и такими же нежеланными для большинства, как муха, упавшая в вино, предназначенное для причастия, но, если они родились в ученых умах и были признаны «авторитетными», фанатики науки примут их с распростертыми объятиями. Общеизвестно, что в нашем столетии каждый представитель цивилизованного общества — будь он ученым интеллектуалом или же, напротив, тупым невеждою — постоянно стремится к чему-то новому. И в этом стремлении он превосходит даже афинянина павловских времен. Но, к сожалению, новомодные увлечения, до которых охочи люди, и тогда и сейчас имеют мало общего с *истиной*. Современное общество гордится тем, что живет в эпоху фактов, но в большинстве случаев это всего лишь подтверждения человеческих пристрастий — научных или религиозных. Разумеется, в поиске фактов заинтересованы все — от царственных анклавов науки, уверенных, что судьбы человеческой расы целиком зависят от правильного описания анатомии комариного хоботка, до полуго-

лодного писаки, вышедшего на тропу войны в поисках сенсационных новостей. Но им нужны только *те* факты, которые поддерживают их собственные предвзятые мнения и предрассудки, и только то, что согласуется с господствующими тенденциями, определяющими стереотипы действия современного разума, вправе рассчитывать на их теплый прием.

Все, что не входит в число этих фактов, каждая новая или старая идея — невыгодная или по тем или иным таинственным причинам неприятная для господствующих «измовских» авторитетов — очень скоро на собственной шкуре ощутит свою непопулярность. Поначалу на нее просто косятся или смотрят, удивленно вскинув брови; затем ее начинают подчеркнута и почти всегда *априорно* игнорировать, а заканчивается все тем, что ей *per secula seclorum* отказывают даже в просто беспристрастном слушании. Люди начинают судачить о ней: каждая фракция — сообразно собственным предрассудкам и специфическим пристрастиям. И каждая группировка норовит исказить ее на свой собственный лад: взаимно ненавидящие друг друга фракции даже берут на вооружение изобретенные друг другом фальшивки, чтобы вернее уничтожить непрошенного гостя. И в конечном счете все они дружно и остервенело набрасываются на самозванца, нанося ему удары со всех сторон.

Так действуют все религиозные *измы*, а вкупе с ними и все независимые общества: научные, вольнодумствующие, агностические или секуляристские. Ни у одного из них нет даже приблизительно верного представления о теософии или об Обществе, которое носит ее имя, более того, ни одно из них даже не удосужилось хотя бы поинтересоваться сущностью первой и деятельностью второго. И все-таки все они считают себя вправе занять место Соломона, чтобы судить ненавистного (возможно, потому,

что опасного?) выскочку, каждый — в свете собственных превратных представлений. Но мы вовсе не собираемся останавливаться для того, чтобы увязнуть в перебранке с религиозными фанатиками относительно сущности философии. Мы отвечаем презрением на их нападки, такие, например, как те, что были напечатаны в журнале «Word and Work» [«Слово и Дело»], который говорит о «широком распространении спиритуализма и его втором пришествии *под именем теософии*» (?), а затем подвергает и то и другое немилосердным ударам закаленной в святой воде кувалды, обвиняя их для начала в «мошенничестве», а после — в *связи с дьяволом*¹. Но когда мы видим, что, помимо фанатиков-сектантов, миссионеров и дремучих консерваторов, общераспространенные ошибки и предрассудки начинают разделять такие здравомыслящие и хладнокровные интеллектуальные гиганты, как м-р Брэдло, ситуация становится угрожающей.

В самом деле, ситуация настолько *серьезна*, что побуждает нас решиться на вежливый, но решительный протест, который мы публикуем на страницах нашего *журнала* — пожалуй, единственного печатного органа, который готов напечатать все, что мы хотим сказать. Наша задача облегчается тем, что м-р Брэдло только что опубликовал свой взгляд на теософию в статье «Небольшое пояснение», занявшей полстолбца в его «National Re-

---

¹ «Многие из тех, — добавляет все тот же журнал, — кто знаком со спиритуалистическими претензиями гораздо лучше, чем мы, убеждены в том, что в некоторых случаях сообщения действительно поступают из мира духов. Однако у нас нет никаких сомнений на счет того, откуда поступают сообщения во всех подобных случаях. Они поступают, конечно же, не сверху, а снизу». О *Sancta Simplicitas*, эти люди все еще верят в *дьявола*: возможно, потому, что часто видят в зеркале отражение собственных лиц.

former» [«Национальный реформатор»] за 30 июня. В ней мы обнаружили с полдюжины наиболее досадных заблуждений, которые общественное мнение связывает ныне с теософами. Мы публикуем эту статью *in extenso*, поскольку она говорит сама за себя и объясняет причины недовольства автора. Те пассажи, которые мы намерены опровергнуть, выделены курсивом.

Небольшое пояснение

Рецензия на книгу мадам Блаватской, напечатанная в последнем номере «National Reformer», и опубликованное в «Sun» объявление принесли мне несколько писем, посвященных теософии. Меня просят объяснить, что такое теософия и как я сам к ней отношусь. Слово «теософ» имеет древнее происхождение, в свое время его использовали неоплатоники. Согласно тексту словаря, в своем новом значении оно обозначает того, «кто претендует на знание *Бога* или законов природы, достигаемое через внутреннее просветление». Атеист, таким образом, не может быть теософом. Деист — может. *Монист не мог бы стать теософом, поскольку теософия предполагает, по меньшей мере, дуализм.* Современная теософия, следуя заявлениям самой мадам Блаватской, напечатанным в номере за прошлую неделю, утверждает много такого, во что я сам не верю, и выдает за истину некоторые вещи, которые я считаю заблуждением. У меня до сих пор не было возможности прочесть два тома, изданные мадам Блаватской, но за последние десять лет я прочел немало публикаций, принадлежащих ей самой, полковнику Олькотту и другим теософам. Мне они представляются попыткой *реабилитировать некую разновидность спиритуализма, облаченную в восточную фразеологию.* Многие их утверждения мне кажутся не соответствующими действительности, а их аргументы — несостоятельными. Я очень сожалею о том, что моя коллега и сотрудница — довольно неожиданно и даже не посоветовавшись со мною — приняла за факты то, что выглядит, на мой взгляд, *таким же нереальным, как и вся-*

кая фантазия. И мое сожаление еще более усугубляется тем обстоятельством, что миссис Безант, как мне известно, очень преданна всякому делу, которое она считает правильным и справедливым. Я знаю, что она всегда со всею серьезностью отстаивает те взгляды, которые сама разделяет, и потому меня одолевают самые мрачные предчувствия, когда я думаю о дальнейшем развитии ее теософских взглядов. Редакторская политика данного издания остается неизменной, а именно — неодобрительной по отношению ко всем формам теософии. Я предпочел бы в дальнейшем не касаться этой темы, поскольку публичное выражение несогласия с мнением миссис Безант и с ее увлечением социализмом неизбежно причинит боль нам обоим, но, прочитав ее статью и публичное уведомление о вступлении в теософскую организацию, я чувствую, что обязан четко сформулировать свою позицию — хотя бы ради тех, кто обратился ко мне в надежде получить конкретные разъяснения.

Ч. Брэдли

Разумеется, мы не станем пытаться склонить м-ра Брэдли — этого убежденного материалиста и атеиста — к нашему пантеизму (а истинная теософия — это именно пантеизм). Точно так же мы ни словом, ни делом не пытались обратить в свою веру миссис Безант. Она присоединилась к нам исключительно по собственной воле и желанию, хотя не станем скрывать, что это ее решение несказанно обрадовало всех искренних теософов, а лично нам доставило удовольствие, которого мы не испытывали на протяжении уже довольно долгого времени. А потому мы просто хотели бы воззвать к чувству справедливости и общепризнанной честности м-ра Брэдли и доказать ему, что он неправ — по крайней мере в том, что касается воззрений полковника Олькотта и автора этих строк, а также его трактовки термина «теософия».

Было бы достаточно сказать, что если бы м-р Брэдли — этот вождь секуляризма — потрудился оз-

накомиться с *Уставом* нашего Общества, то понял бы, что, вступи он прямо сейчас в Теософское Общество, *ему не пришлось бы при этом ни на йоту отступать от своих секуляристских взглядов*. Сейчас в нашем Теософском Обществе есть атеисты и похлеще, чем он сам когда-либо был или может стать, а именно — индусы, принадлежащие к некоторым всеотрицающим сектам. М-р Брэдли верит в месмеризм, во всяком случае, он сам обладает недюжинными целительскими способностями и потому не может отрицать факт присутствия в некоторых людях определенных мистических сил; в то время как индусы из упомянутых сект просто пожали бы плечами и рассмеялись, заговори он с ними о месмеризме или хотя бы о гипнотизме. Членство в Теософском Обществе ни от кого не требует отказа от прежних религиозных, антирелигиозных, политических, философских или научных взглядов. Наше Общество — не сектантская и вообще не религиозная организация, но просто группа лиц, посвятивших себя поиску истины, где бы она ни проявлялась. Миссис Анни Безант была абсолютно права, когда писала в том же номере «National Reformer», что Теософское Общество преследует три цели:

Создать Вселенское Братство без различия расы или вероисповедания; поощрять изучение арийской литературы и философии; изучать необъясненные законы природы и скрытые в человеке психические способности. В своих религиозных воззрениях члены Общества сохраняют полную свободу. Основатели Общества отвергают идею персонифицированного Бога; а в качестве взгляда на Вселенную теософия предлагает некую утонченную форму пантеизма, но и она не навязывается никому из теософов.

К этому миссис Безант добавляет, подтверждая свои слова собственной подписью, что, хотя у нее и не было возможности перечислить на страницах «Na-

tional Reformer» все причины ее вступления в Теософское Общество, она тем не менее:

...не намерена скрывать тот факт, что данная форма пантеизма обещает, как мне кажется, разрешить некоторые проблемы, в особенности психологические, к которым атеизм даже не приближается.

Мы от всей души надеемся, что она не будет разочарована.

Вторая цель Теософского Общества, а именно эзотерическая интерпретация восточной философии, уже помогла разрешить многие проблемы тем, кто серьезно относится к ее изучению. И только те, которые, не будучи от природы мистиками, опрометчиво бросаются в изучение неисследованных психических способностей, скрытых в каждом человеке (включая самого м-ра Брэдли), движимые амбициозностью, любопытством или просто тщеславием, как правило, терпят фиаско, а потом обвиняют Теософское Общество в своем собственном провале.

Так что же, в таком случае, может помешать самому м-ру Брэдли вступить в Теософское Общество? Попробуем подробно проанализировать этот вопрос.

Возможно, м-р Брэдли не может симпатизировать возвышенной идее Вселенского Братства человечества потому, что он индивидуалист и английский радикал старой школы? Но общеизвестная доброта его сердца, не вызывающее сомнений человеколюбие и его непрестанные усилия, направленные на помощь страждущим и угнетенным, свидетельствуют, что на практике он следует совершенно иным установкам, каковы бы ни были его теоретические воззрения на этот счет. Однако даже если он намерен стойко придерживаться этих теоретических убеждений, невзирая на собственную практику, то требовать от него немедленного признания первой цели Теософского Общества никто не станет. К сожалению, некоторые члены нашего Общества так же мало симпатизируют

этому высокому, хотя и, возможно, несколько утопичному (для м-ра Брэдло) идеалу, как, предположительно, и он сам. Но никто никого не обязывает *одинаково* разделять все три наши цели: достаточно признавать одну из них и не иметь возражений против двух остальных, чтобы быть допущенным в Теософское Общество.

Или же ему мешает то, что он атеист? Но начнем с того, что мы не согласны с цитируемым им по тексту словаря «новым значением» слова «теософ», определяющим последнего как претендента «на знание Бога». Никто не может утверждать, что *знает* «Бога» — абсолютный и непознаваемый универсальный Принцип, а в персонифицированного бога восточные теософы (а значит и Олькотт и Блаватская) *не* верят. А если м-р Брэдло скажет, что мы цепляемся к словам, мы ответим ему так: *теософия*, по сути своей, означает знание *не* «Бога», но богов, то есть *божественное*, так сказать, сверхчеловеческое, знание. Полагаем, м-р Брэдло не станет утверждать, что человеческое знание охватывает абсолютно все во Вселенной и что за пределами человеческого сознания нет и не может быть никакой мудрости.

И почему это *монист* не может быть теософом? И почему теософия предполагает, по меньшей мере, *дуализм*? Теософия учит более строгому и более масштабному *монизму*, нежели секуляризм. Монизм последнего можно назвать материалистическим и кратко сформулировать следующим образом: «Слепая сила и слепая материя, венцом развития которых становится мышление». Но это, да простит меня м-р Брэдло, *ублюдочный* монизм. Монизм теософии — истинно философичен. Мы считаем Вселенную единой по своей сути и происхождению. И хотя мы говорим о Духе и Материи как о двух ее полюсах, мы в то же время настаиваем на том, что противоположными

они представляются только с точки зрения человеческого, *майявического* (то есть иллюзорного) сознания.

Таким образом, мы рассматриваем дух и материю как *единые в своей сути*, а не как непримиримые и четко разграниченные противоположности.

И где же те «вещи», которые представляются господину Брэдли «такими же *нереальными*, как и всякая фантазия»? Мы можем лишь надеяться, что он имеет в виду не те физические феномены, которые западный разум стал отождествлять с теософической философией, к несчастью для нас. Ибо, какими бы реальными ни были эти проявления (а это было действительно *нечто большее*, чем просто «шарлатанские фокусы»), даже самые лучшие из них все равно остаются не более чем *психологическими иллюзиями* — как их всегда называла и продолжает называть автор этих строк, к великому неудовольствию многих своих феноменологических друзей. Все эти «нереальности» были хороши как *игрушки* в пору младенчества теософии, но теперь мы можем заверить м-ра Брэдли в том, что, если все его секуляристы вдруг решат вступить в Теософское Общество, от них никто не потребует непременно уверовать в реальность этих феноменов, пусть даже м-р Брэдли сам производит подобные «нереальные», но *благодетельные* «иллюзии» в своих месмерических исцелениях, о которых мы так много слышали. И конечно же, редактор «National Reformer» вряд ли станет называть «нереальными» возвышенные этические аспекты теософии, благодетельное влияние которых прослеживается в основной массе теософов, исключая скандальное и клеветническое меньшинство. Опять же, вряд ли он станет отрицать облагораживающее и ободряющее влияние таких учений, как карма и перевоплощение, позволяющих решить многие социальные проблемы, до сих пор не находившие решения.

Секуляристы любят говорить о науке как о «спасительнице человечества» и потому должны приветствовать новые факты и прислушиваться к новым теориям. Но готовы ли они к тому, чтобы обратить внимание на теории и принять факты, исходящие от рас, которые они, в своей гордости, называют упадочными? Ведь они не только не могут рассчитывать на благословение ортодоксальной западной науки, но и сформулированы необычным языком и подкреплены рассуждениями, не вписывающимися в рамки индуктивной системы, незаконно узурпировавшей власть над западным мышлением.

Если секуляристы желают оставаться последовательными материалистами, им поневоле придется исключить из сферы своих исследований более половины вселенной, а именно ту ее часть, которая включает в себя ментальные феномены, особенно те, что сравнительно редки и рассматриваются как природные аномалии. Или же они воображают, будто в психологии — самой молодой из наук — все уже известно? Взгляните хотя бы на Общество Психических Исследований с его кембриджскими светилами — этими жалкими потомками Генри Мора! — как неистовы, но тщетны их усилия, единственным результатом которых является пока только лишь еще более усугубившаяся путаница. А почему? Да потому, что они, по недомыслию своему, вознамерились исследовать и объяснить психические феномены, исходя из одних лишь физических законов. Ни один западный психолог до сих пор не смог дать убедительного объяснения даже такому простейшему феномену сознания, как чувственное восприятие. А такие ментальные и психические проявления, как передача мыслей, гипнотизм, внушение и многие другие прежде и вовсе считались сверхъестественными либо происками дьявола и лишь совсем недавно были признаны естественными феноменами. Но

ведь «нереальности», о которых толкует м-р Брэдло, — это те же самые, только в десять раз более интенсивно действующие силы. И если их используют те, кто унаследовал тысячелетние традиции изучения и применения этих сил, а также исследования их законов и образа действия, то стоит ли удивляться тому, что они дают эффект — непостижимый для науки, но *сверхъестественный* только в глазах невежд.

Восточные мистики и теософы верят в чудеса не более, чем секуляристы; так для чего же называть их науку *суеверной*?

И почему открытия, сделанные на основе этой науки, и законы, сформулированные в результате строгих и аккуратных исследований, следует считать «реабилитацией спиритуализма»?

Исторически установлено, что Европа обязана возрождением своей цивилизации и культуры после разрушения Римской империи восточному влиянию. Испанские арабы и константинопольские греки принесли с собою лишь то, что позаимствовали у народов, живущих гораздо дальше на восток. Даже слава классической эпохи произрастает из тех семян, которые греки принесли из Египта и Финикии. Отдаленные — так называемые допотопные — предки египтян и брахманических арийцев отделились некогда от того же самого ствола. У науки, конечно же, имеется собственный взгляд на генеалогическую и этнологическую последовательность событий, но и он никоим образом не опровергает тот факт, что каждый росток цивилизации, взращенный и адаптированный на собственный манер западными народами, был завезен с Востока. Почему же тогда английские секуляристы и вольнодумцы, коим, как мы знаем, не свойственно гордиться воображаемым происхождением от десяти исчезнувших племен, — почему они в большинстве своем так скептически относятся к

возможности поступления новых знаний с того же самого Востока, ставшего некогда колыбелью их собственной расы? И почему те, кто, казалось бы, должен быть выше всяких предрассудков, фанатизма и косности — этих эксклюзивных прерогатив *религиозных* организаций, — те, кто ратует за свободу мышления и кому немало пришлось пострадать за это от рук фанатиков, почему — спрашиваем мы, недоуменно воздевая руки к небу, — эти люди с такой готовностью поддаются тем же самым предрассудкам, которые они столь яростно обличают?

Этот и многие другие аналогичные примеры со всей очевидностью подтверждают право Теософского Общества на честное и беспристрастное слушание, а еще доказывают, что из всех ныне существующих «измов» и «истов» *только наша организация полностью и абсолютно свободна от всякой нетерпимости, догматизма и предрассудков.*

И действительно, Теософское Общество является *единственной* в своем роде организацией, раскрывающей объятия навстречу *всем и каждому*, но никому не навязывающей собственные фундаментальные верования, оставляя их едино лишь для небольшой *внутренней* группы теософов, именуемой Эзотерической Секцией. Оно поистине *универсально* по своему духу и структуре. Оно не одобряет и не признает никакого неравенства и никаких предубеждений. Только в Теософском Обществе все люди могут объединиться ради совместного поиска истины — на основе, исключающей любого рода догматизм, сектантство, межпартийную ненависть и взаимную неприязнь, ибо, подбирая зернышко истины там, где ему удастся его найти, Теософское Общество терпеливо ждет, когда облакающие его плевелы осыплются сами собой. Оно знает и называет (и, следовательно, старается исключить из своих рядов его представителей) только одного врага, являющегося врагом для всех,

а именно римский католицизм, и все из-за его тайны исповеди. Но даже это исключение касается *едино лишь его внутренней группы*, по причинам столь очевидным, что нам нет нужды напоминать о них.

Теософия *монистична* вдоль и поперек. Она ищет единую Истину во всех религиях, во всех науках, во всяком опыте и во всех системах мышления. Можно ли представить себе цель более благородную, более всеобъемлющую и более универсальную?

Увы, мир еще не научился рассматривать теософию именно в таком свете, а потому необходимость освобождения хотя бы лучших умов англоязычных стран от предрассудков, основательно засоривших их, подобно плевелам, стараниями наших беспринципных недругов, ощущается сейчас как никогда остро. Стремление очистить эти умы от подобного рода заблуждений и более четко и ясно сформулировать сущность и предназначение теософии побудило автора этих строк написать небольшую книгу под названием «Ключ к теософии», которая уже отправлена в печать и скоро выйдет в свет. В ней изложены в форме диалога все распространенные заблуждения и возражения против теософии и ее учений и наши контраргументы — только более подробно и обстоятельно, нежели в данной статье. Автор полагает своим долгом отправить один из первых ее экземпляров не просто редактору «National Reformer», но м-ру Брэдли *лично*. Зная его и уважая на протяжении долгих лет, мы не допускаем даже мысли о том, что наш новый критик последует примеру большинства редакторов, светских и церковных, и осудит нашу книгу *по убеждению*, даже не раскрывая ее страниц, но просто по причине непопулярности ее автора и рассматриваемого в ней предмета.

Из этой книги явствует, что главной заботой теософа являются *поиск Истины* и изучение тех проблем Человека и Природы, которые по сей день

остаются загадкой, но завтра могут стать известными науке. Неужели м-р Брэдли станет возражать против этого? Неужели *его* суждение относится к категории тех, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не подлежат пересмотру? «Это должно стать вашей верой и убеждением, а потому никакие исследования не нужны», — гласит римско-католическая *заповедь*. Но ей никак не могут следовать секуляристы, если они желают оставаться верными своим собственным лозунгам.

Дополнение

* * *

Давайте же сразу признаемся, что в своих грубых материальных концепциях мы антропоморфизировали и, так сказать, опошлили каждую величественную религиозную идею, дошедшую до нас из глубокой древности. Физически и интеллектуально мы прогрессируем и мужаем в силе и мудрости, но каждодневно теряем в духовности. Мы можем «крепнуть силой», но духом — никогда. И только изучая реликвии прошлого и сопоставляя, безо всякой сектантской предубежденности и личных предрассудков, религиозные идеалы всех народов, мы окончательно убедимся, что все они — ручейки одного и того же источника. Многочисленны и разнообразны оттенки света и тени, которые наш ослепленный взгляд едва ли может следить на залитой солнцем долине. Глупец воскликнет: «Эта тень *моя* — ее отбросил мой дом!» Мудрец же устремит свой взор к небесам и тихо молвит: «Это лишь следствие, и то временное!» и сосредоточит внимание на Единой Причине — Великом «Духовном Солнце».

«Зороастр в "истории" и Заратуштра в тайных анналах»

* * *

Невозможно провести правильный анализ любой религии, рассматривая только ее внешний аспект, — и менее всего ламаизма, или эзотерического буддизма, искаженного усердным домысливанием неграмотных народных масс. Разница между «ламаизмом» образованных классов духовенства и многочисленных невежественных прихожан еще ощутимее, чем между христианством какого-нибудь епископа Баркли и современного ирландского крестьянина. Поэтому востоковеды получили поверхностное знакомство только с верованиями и ритуалами эзотерического буддизма Тибета, главным образом, через кривую призму миссионерства, которое фокусирует свое внимание исключительно на собственной религии.

«Перевоплощение в Тибете»

* * *

По нашему скромному мнению — поскольку не может быть одной и единственной Истины, — тысяча и одно объяснение одной и той же вещи, предложенные различными сектами, будут просто поверхностными и сиюминутными восприятиями того, что слишком ослепительно (или, пожалуй, слишком темно и глубинно) для простых смертных. Как уже указывалось нами в «Разоблаченной Изиде» (т. II), все многочисленные верования и религии произошли из единого первоначального источника. **Истина** является одним белым лучом света, который, проходя через призму, распадается на множество обманчивых для глаз цветов солнечного спектра. Объединенные, собранные воедино, все эти бесконечные человеческие интерпретации — основные и второсте-

пенные — составляют одну вечную истину; взятые по отдельности, они представляют собой лишь тени заблуждений и свидетельства человеческой слепоты и несовершенства. Однако подобные публикации полезны, ибо они поставляют на арену дискуссий новых бойцов, а истина может быть достигнута только после выявления всех многочисленных ложных представлений.

«Замечания к статье “Философия вишишта-адвайты”»

* * *

Говорят, что религия друзов — сплав иудаизма, магометанства и христианства, сильно окрашенный гностицизмом и доктринами персидских магов. Если бы люди называли вещи своими именами, жертвуя во имя истины собственным тщеславием, они могли бы признать обратное. Например, они могли бы сказать, что магометанство представляет собой смешение религий халдеев, христиан и евреев; христианство — смесь иудаизма, гностицизма и язычества; иудаизм же — египетско-халдейская каббала, скрывающаяся под вымышленными именами и легендами, приспособленными к отдельным эпизодам подлинной истории израильских племен. Тогда бы религиозная система друзов предстала как один из последних отголосков архаической Религии Мудрости. Она всецело основана на том элементе практического мистицизма, от коего время от времени расходятся ответвления. Они проходят под непопулярными наименованиями каббалы, теософии и оккультизма. Кроме христианства, предавшего анафеме искусство теургии — вследствие того значения, которое оно придает главной подпорке своей доктрины Спасения (мы имеем в виду догму о Сатане) — каждая религия, включая иудаизм и магометанство, почитает

вышеназванные ответвления. Цивилизация коснулась своей материалистической, все-уравнивающей и все-разрушающей рукою даже Индии и Турции, и посреди грохота и хаоса рушащихся верований и древних наук воспоминание об архаических истинах стремительно угасает. Стало популярным и модным отrekаться от «стародавних и заплесневелых суеверий наших предков»; воистину, даже среди ближайших союзников тех, кто изучает теургию и оккультизм — спиритуалистов. Многочисленные вероисповедания и вероучения, стремясь следовать за циклической волной и помогая ей смести с лица Земли знания седой старины, остаются невероятно слепы к тому факту, что та же самая могучая волна материализма и современной науки подобным же образом сметет и их собственные устои; и только те религии, которые с самого начала упорно держались в стороне, воспринимают утраченные истины древности столь же живо, как и во дни оны.

«Ламы и друзья»

* * *

Итак, все, что мы признаем, все, чем мы живем, пришло к нам от осмеянного и презираемого оккультизма Востока. Религия и наука, законы и обычаи — все они тесно связаны с оккультизмом и являются всего лишь его порождениями, его непосредственными продуктами, замаскированными рукою времени и преподнесенными нам под новыми псевдонимами. Если меня попросят привести доказательства — я отвечу, что в мою обязанность не входит учить других тому, чему они сами, без особого труда, могут научиться, при условии, что будут читать и задумываться над тем, что читают. Кроме того, близится время, когда все закоренелые предрассудки и ошибки веков сметутся ураганом Истины. Подобно про-

року Магомету, осознавшему, что гора к нему не пойдет и устремившемуся к ней навстречу, перед скептическим миром неожиданно явился с Востока современный спиритуализм — дабы в недалеком будущем положить конец небытию, в которое канула древняя тайная мудрость.

«Оккультизм, или Магия»

* * *

Решившийся следовать по стопам философов-герметиков должен заранее подготовиться к мученичеству. Он должен отбросить личную гордость и все эгоистические намерения и быть готовым к постоянным столкновениям с друзьями и врагами. Он должен раз и навсегда проститься со всеми своими прежними представлениями. Существующие религии, знание и наука снова должны стать для него чистой книгой, как в дни младенчества; ибо если он хочет преуспеть, ему придется заново учить алфавит на коленях Матери-Природы, и каждая буква подарит ему прозрение, а каждый слог и слово — неожиданное откровение. Два доселе непримиримых врага, наука и теология — эти Монтекки и Капулетти XIX века — объединившись с невежественными массами, поднимутся против современного оккультиста. Если эпоха сжигания на кострах миновала, то в полном расцвете, *per contra*, эпоха злословия, ядовитой прессы и всех тех зловонных *venticelli* клеветы, которые так живо изображены в бессмертном Доне Базилио*.

Долг каббалиста перед наукой, разумеется, бесплодный — доказать, что испокон веков существовала лишь одна позитивная наука — оккультизм; что он был таинственным рычагом всех интеллектуальных сил — *древом познания* добра и зла *аллегорического рая*, от гигантского ствола которого во все стороны расходятся сучья, ветви и веточки: первые

растут сначала довольно прямо, последние же, искривляясь с каждым дюймом роста и принимая все более фантастические формы, теряют, одна за другую, жизненный сок, деформируются и, засыхая, отваливаются от ветвей, покрывая всю землю вокруг дерева грудой мусора.

Окультисту будущего придется доказать теологии, что мифические боги, Элохим Израиля, а также религиозные и богословские таинства христианства, начиная с Троицы, родились в святилищах Мемфиса и Фив; что их прапраматерь Ева — лишь одухотворенная Психея древних, причем обе они одинаково расплачиваются за свое любопытство, спускаясь в Гадес или Ад: Психея — чтобы вернуть на землю известный ящик Пандоры, Ева же — отыскать и разморозить голову змию, символу времени и зла; преступление обеих было искуплено языческим Прометеем и христианским Люцифером: первый освобожден Геркулесом, второй повергнут Спасителем.

Далее, окультисту придется публично доказать христианским теологам то, о чем многие священники знают втайне, а именно: что их Бог на земле был каббалистом, смиренным представителем могущественной Силы, способной, при неправильном применении, сотрясти основы мира; и что из всех их евангелических символов нет ни одного, который нельзя было бы проследить вплоть до его источника. Например, три волхва, ведомые звездой, приходят поклониться христианскому Воплощенному Слову, или *Логосу*, и дарят ему золото, ладан и мирру — но этот эпизод лишь отрывок из каббалы, которую презирают наши современные теологи; или изображение другой, еще более таинственной «Троицы», аллегорически воплощающей в символах высшие тайны каббалы¹.

¹ *Ternarius*, или Троица, — символ совершенства в древности, а Звезда — каббалистический символ микрокосма.

Священнослужители, всегда стремившиеся сделать из *Божественного Креста* виселицу для Истины и Свободы, не могут поступить иначе, нежели предать забвению происхождение того самого креста, который, даже в самых примитивных символах египетских магов, являет собою ключ к Небесам. Их анафемы бессильны ныне, народ в своей массе стал мудрее; но именно здесь и подстерегает нас величайшая опасность, если мы не сможем убедить эти массы оставаться, по крайней мере, нейтральными — пока они не будут знать больше — в наступающем конфликте между Истиной, Суеверием и Самонадеянностью, или, другими словами, между оккультным спиритуализмом, теологией и наукой. Нам не следует бояться ни игрушечных бурь священников, ни огульных отрицаний науки. Но Общественное Мнение — этот незримый, неосязаемый, вездесущий, деспотический тиран, эта тысячеголовая Гидра, угрожающая тысячами посредственностей — не тот враг, которым может пренебрегать будущий оккультист, сколь бы смелым он ни был.

«В поисках оккультизма»

* * *

Их [Махатм] особой заботой являются высшие интересы человечества, ибо они отождествились с *Мировой Душой*, которая пронизывает человечество, и тот, кто привлечет их внимание, должен сделать это через сию *Душу*, наполняющую собою все. Такое восприятие *Манаса* можно назвать «верою», но его не следует путать со «слепой верой». «Слепая вера» — выражение, нередко употребляющееся для обозначения веры без осознания или понимания, тогда как истинное восприятие *Манаса* — это такая просвещенная вера, которая и является истинным смыслом самого слова «вера». Эта вера в то же са-

мое время должна быть связана со *знанием*, то есть опытом, ибо «истинное *знание* приносит веру». Вера есть восприятие *Манаса* (пятого принципа), тогда как знание, в подлинном значении этого термина, является способностью интеллекта, то есть духовным восприятием.

«*Махатмы и чела*»

* * *

Родившись в Соединенных Штатах Америки, Теософское Общество было организовано по образу и подобию своей родины. Последняя, опуская имя Бога в своей Конституции — дабы не дать повода к установлению в один прекрасный день государственной религии — провозглашает равенство всех религий перед законом. Все они поддерживают государство — и оно, в свою очередь, защищает каждую из них. Общество, созданное по образцу такой Конституции, можно справедливо назвать «Республикой Сознания».

Теперь, думается, мы пояснили, почему каждый член нашего Общества может исповедовать — или не исповедовать — любую религию. При условии, конечно, что он не будет претендовать на то, что является единственным, кто обладает привилегией сознания и не станет навязывать своего мнения другим. В этом отношении Устав Общества очень строг. Он старается следовать мудрости древней буддийской аксиомы — «Почитай свою религию и не клеветай на другие» — эхом отозвавшейся в наше время в «Декларации Принципов» Брахмо Самадж, благородно утверждающей, что «нельзя клеветать, осмеивать или ненавидеть ни одну религию». Пункт VI пересмотренного Устава Теософского Общества, недавно одобренного Генеральным Советом в Бомбее, гласит: «Никто из руководителей Общества не име-

ет права выражать (словом или действием) враждебности или предпочтения какой-либо секции (сектантскому подразделению или группе в составе Общества) по сравнению с другими. Ко всем следует относиться как к равноправным объектам заботы Общества. Все имеют равное право на то, чтобы представить свои религиозные убеждения на суд беспристрастного мира». Члены Общества, в индивидуальном порядке, иногда могут, в целях защиты, нарушать этот Устав — но выступая как руководители, они должны быть корректны; и Устав во время собраний соблюдается строго. Ибо теософия в своем абстрактном смысле стоит превыше всех религий — теософия, которую ни одна из них не может вместить, но которая легко вмещает их все.

В заключение можем добавить, что, придерживаясь более широких и гораздо более универсальных взглядов, чем все существующие чисто научные Общества, Теософское Общество обладает верой — *плюс* наукой — в любую возможность, а так же непреклонной волей постигать те неизученные сферы духа, которые, как заявляет точная наука, ее представители вовсе не обязаны исследовать. Кроме того, у него есть одно преимущество перед всеми другими религиями: оно не делает никакого различия между язычником, иудеем или христианином. Именно в духе этого равенства и было учреждено наше Общество как Всемирное Братство.

«Кто такие теософы?»

* * *

Какие бы расхождения ни обнаруживались в различных изложениях эзотерического учения, поскольку в каждую эпоху оно приобретало новое одеяние, отличное от предыдущего и по цвету, и по фактуре, все же в каждом из них мы находим

полнейшее согласие по одному вопросу — о дороге к духовному развитию. Единственное незыблемое правило было обязательно для неофита всегда, как и сейчас, — *полное* подчинение низшей природы высшей. От Вед и Упанишад до недавно опубликованного «Света на Пути», просмотрев священные книги всех рас и культов, мы находим лишь один-единственный путь — трудный, болезненный, мучительный, благодаря которому человек может обрести истинно духовное понимание. И как же может быть иначе, если все религии и все философии являются лишь вариантами первого учения Единой Мудрости, сообщенного людям Планетарным Духом в начале цикла?

«Духовный рост»

* * *

Филантропических, политических и религиозных организаций у нас великое множество. Клубы, конгрессы, ассоциации, союзы, обители и общества, каждое из которых отстаивает интересы определенной группы людей или нации, определенной науки или искусства или же служит бастионом против того или иного зла, появляются на свет ежедневно, порождаемые партийным или сектантским духом. Но какое из этих обществ можно назвать полностью *универсальным* — благотворным для всех и никому не наносящим ущерба? Которое из них в полной мере отвечает благородному предписанию буддийских Архатов и самого царя Ашоки? «Когда сажаешь деревья вдоль дорог, пусть их тень защищает одинаково и добрых, и дурных. Когда строишь постоянный двор, пусть его двери будут открыты для людей всех религий, даже если их вера противна твоей собственной, — и как для друзей твоих, так и для врагов». Ни одно, говорим мы, ни одно общество не выпол-

няет в полной мере эту заповедь, кроме нашей, не-сектантской и бескорыстной, организации — единственной, не преследующей никаких узкопартийных целей и открытой для всех людей — хороших и плохих, благородных и плебеев, простаков и мудрецов, коих она одинаково называет «братьями», независимо от их религии, расы, цвета кожи и общественного положения.

И сейчас мы говорим им всем: коль скоро «Нет религии выше Истины», и нет божества более великого, чем она, и нет миссии выше самопожертвования, а времени для действий нам отведено немного, то почему бы каждому из вас не подтолкнуть хоть немного плечом тяжелую колесницу Общества, чтобы помочь ему благополучно перебраться через бездну материи на безопасную сторону?

«Почему “Вахан”?»

* * *

Я повторяю: только теософия (если ее правильно понять) может спасти мир от отчаяния, повторно осуществив ту социальную и религиозную реформу, которую произвел в свое время Гаутама Будда. Это будет мирная реформа, без единой капли пролитой крови, потому что каждый сможет сохранить веру своих предков, если пожелает, достаточно будет избавиться от тех паразитических растений, сотворенных человеком, которые опутали все существующие в мире религии и культы. Достаточно признать самую суть, которая едина для всех религий, а именно дух, дающий жизнь человеку, в котором он пребывает, и делающий его бессмертным. Пусть каждый человек, склонный к добру, найдет свой идеал — путеводную звезду, на свет которой он сможет идти. И пусть он идет, не сворачивая с избранного пути, и тогда вряд ли что-то сможет помешать ему

достичь «маяка» жизни — **Истины**. И не важно, где он будет искать и найдет эту **Истину** — на дне колодца или на дне колыбели.

«Путеводный свет Неведомого»

* * *

Посмотри вокруг, читатель, перечитай рассказы всемирно известных путешественников, вспомни изречения литературных мыслителей, научные и статистические данные. Нарисуй образ современной науки, политики, религии — пусть вся панорама современной жизни предстанет перед твоим мысленным взором. Вспомни об обычаях и традициях каждой культурной расы или народа, живущих под солнцем. Подумай о деяниях и моральных установлениях народов в цивилизованных центрах Европы, Америки, и даже далеко на Востоке, и в колониях, куда белый человек уже успел принести «блага» так называемой цивилизации.

А теперь, окинув взглядом все это, повремени и подумай, а затем назови, *если сможешь*, то благословенное *Эльдорадо*, то исключительное место на нашей планете, *где Истина была бы почетным гостем, а ложь и притворство — неприкаемыми изгоями. Не сможешь*. И никто не сможет, если, конечно, не захочет внести свою лепту в огромное море лжи, затопившее ныне все области национальной и общественной жизни.

Но не только в политике привычки и эгоизм сговорились называть притворство и ложь добродетелью и вознаграждать общественным признанием тех, кто лучше всех умеет врать. Жизнь каждого общественного класса основана на **лжи** и просто рассыпалась бы без нее. Культурным, бого- и законо-боязненным аристократам запретный плод так же мил, как и

плебеям, и это вынуждает их лгать с утра и до вечера, дабы скрыть то, что они сами предпочитают называть «маленькими грешками», тогда как **Истина** требует называть это грубой безнравственностью. Жизнь среднего класса общества тоже насквозь пронизана фальшивыми улыбками, фальшивыми разговорами и взаимным вероломством. Для большинства религия уже давно стала тончайшим покрывалом мишуры, наброшенным на труп духовной веры. Хозяин идет в церковь, чтобы обмануть своих слуг; голодный викарий, проповедуя то, во что уже не верит сам, обманывает своего епископа, а епископ — своего Бога. *Ежедневные газеты*, политические и общественные, вполне могли бы сделать своим девизом бессмертный вопрос Жоржа Дандена: «Lequel de nous deux trompe-t-on ici?» Даже наука, некогда служившая спасению Истины, уже перестала быть храмом *голового* Факта. Почти все нынешние ученые заинтересованы лишь в том, чтобы навязать своим коллегам и широкой публике собственные идеи и пристрастия — какие-нибудь новомодные теории, призванные содействовать прежде всего прославлению и росту авторитета своих авторов...

Таково реальное положение вещей на 1888 год н.э. И при этом некоторые газеты критикуют нас за то, что мы рассматриваем этот год в чересчур мрачных тонах!

...Подводя итог нашему рассуждению об абсолютной и относительной истине, мы можем лишь повторить сказанное ранее. *Оставаясь на земле — в стороне от высокодуховного состояния разума, в котором Человек соединяется со Вселенским Разумом, — он вынужден довольствоваться исключительно относительной истиной, или истинами, воспринимая их из какой-либо философской или религиозной системы.* Даже если бы богиня, пребывающая на дне колодца, смогла вырваться из своего плена, все равно ей

не удалось бы дать человеку больше, чем он в состоянии воспринять.

Однако ничто не мешает человеку сидеть у края этого колодца, имя которому — **Знание**, и всматриваться в его темные воды, надеясь, что ему удастся разглядеть в их глубине отражение прекрасного лица Истины. Но, как верно подметил Рихтер*, это занятие таит в себе определенную опасность. Если пристально всматриваться в изучаемый объект, доля истины может иногда отразиться в нем, как в зеркале, вознаграждая тем самым пытливого исследователя за его упорство. Но вот что добавляет к этому немецкий мыслитель: «Я слышал, что некоторым философам, которые искали Истину, чтобы воздать ей хвалу, являлось на поверхности вод не ее, а их собственное отражение; и вместо Истины они начинали восхвалять себя».

Чтобы избежать этой напасти, преследующей каждого основателя новой религиозной или философской школы, редакторы журнала [«Lucifer»] всячески стараются преподнести читателю не только те истины, которые отражены в их собственных редакторских мозгах. Они предлагают публике широкий выбор, не желая впасть в фанатизм и нетерпимость — верные признаки сектантства. Но, при всей нашей демократичности, наши оппоненты не могут рассчитывать на то, что им удастся увидеть *собственные лица* отраженными в чистых водах «Lucifer», не снабженными при этом никакими комментариями либо справедливой критикой тех черт их внешности, которые представляются малопривлекательными теософскому взгляду.

И все же наш журнал остается массовым изданием и потому рассматривает философские истины в исключительно интеллектуальном аспекте. Что же касается духовных (кто-то может сказать — религиозных) убеждений, то ни один теософ не должен их

приносить вынесением на суд публики, но, напротив, должен хранить и укрывать их в сокровенном святилище собственной души. Никогда не следует спешить с публичным провозглашением этих убеждений и учений, дабы они не подверглись осквернению в руках равнодушных и критиков. Не следует также публиковать их в форме нового «писания», но только выносить в виде отдельных гипотез на обсуждение мыслящей части публики. Когда теософские истины превосходят определенный рубеж мышления, им лучше оставаться скрытыми от широкой публики, ибо «свидетельство о вещах невидимых» является подлинным свидетельством только для тех, кто способен видеть, слышать и чувствовать эти вещи. А потому его не следует выносить за пределы «Святая Святых» храма имперсонального божественного *Эго*, или бессмертной **Сущности**. Ибо если за пределами последней любой, даже самый достоверный факт может быть, как мы уже говорили, только относительной истиной, то луч абсолютной истины может отразиться лишь в чистом зеркале своего собственного пламени — нашего наивысшего **духовного сознания**. И как же может тьма (иллюзия) увидеть свет, который сама же закрывает?

«Что есть Истина?»

ХРИСТИАНСТВО

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ «ЭЗОТЕРИЗМА ХРИСТИАНСКОЙ ДОГМЫ» АББАТА РОКА

На первых же страницах своего очерка, столь выдающегося своей искренностью и смелостью, автор [аббат Рока] ставит и решает следующий вопрос: «Кто может сказать, не является ли исторический период, в котором мы сейчас пребываем, тем самым временем, когда должно исполниться великое речение Иисуса Христа: “Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один пастырь” [Иоан., X, 16]?» Но некоторые факты из прошлой и нынешней истории восстают против этой оптимистической надежды.

Начнем с того, что учения и доктрины восточного эзотеризма, предсказывающие появление *Калки Аватары* в конце *кали-юги*, указывают на то, что мы пока находимся в самом начале этого цикла¹.

Материализуя центральную фигуру Нового Завета и насаждая догму о Слове, *ставшем плотью*, латинская церковь тем самым утверждает доктрину, диаметрально противоположную учениям буддизма, индусского эзотеризма и греческого гнозиса. И

---

¹ *Кали-юга* продолжается 432000 лет, тогда как к 1897 г. истекли едва ли первые 5000 ее лет.

поскольку ни одна из догм не желает сдавать своих позиций, Восток и Запад всегда будут отделены друг от друга непреодолимой пропастью. Почти 2000 лет кровавых преследований, коим подвергала *еретиков* и *безбожников* церковь, грозным призраком стоят перед глазами восточных народов, побуждая их не спешить с отказом от собственных философских доктрин в пользу учения, явно принижающего принцип *Христа*¹.

Опять же, статистика свидетельствует о том, что две трети населения земного шара по-прежнему не желают признавать «единого Пастыря». Полчища миссионеров устремились во все концы света; римская церковь ежегодно тратит на них миллионы, а 350 или 360 различных протестантских сект — десятки миллионов; и каков же результат столь значительных усилий? Основанные на статистических данных исследования знаменитого епископа (епископа Темпла) дают недвусмысленный ответ на этот вопрос! С начала нынешнего столетия христианские миссионеры смогли обратить в свою веру *три миллиона* человек, тогда как магометане приобрели за это же время *двести миллионов* прозелитов, не потратив при этом ни единого цента! Чуть ли не вся Африка теперь принадлежит исламу. Вот вам и знамение времен!

Я уже говорила, что Новый Завет есть не что иное, как основанная на универсальных мистериях западная аллегория, первоисточники которой только лишь в Египте уходят в прошлое как минимум на 6000 лет до начала христианской эры. И я готова доказать это.

Сутью аллегории является Цикл Посвящения, новая версия мистерий — одновременно психическая и

---

¹ Объяснение этого термина будет приведено ниже. — Ред. «Le Lotus».

астрономическая. *Сабеизм** и *гелиолатрия** неразрывно связаны в ней с еще одной мистерией — Воплощением Слова или нисхождением в человеческую расу божественного *Установления*, символизируемым рассказом об Элохим-Иегове и Адаме, сотворенном из праха. Следовательно, психология и астролатрия* (отсюда — астрономия) в ней неразделимы.

Эти же самые фундаментальные мистерии зафиксированы в священных текстах всех народов с самого начала сознательной жизни человечества; но, когда одно из преданий, основанных на этих мистериях, начинает утверждать свое исключительное превосходство над остальными; когда оно объявляет себя непогрешимой догмой, насаждая веру в святость мертвой буквы своего писания, в ущерб его истинному метафизическому значению, это предание следует призвать к порядку и, сорвав с него покровы, представить на обозрение миру в первозданной наготе!

Впрочем, бесполезно говорить об эзотерической идентичности универсальных верований, не разобравшись предварительно и не осознав должным образом истинный эзотерический смысл двух первоисходных терминов — *Хрестос* (χρηστός) и *Христос* (χριστός), которые суть два полюса, разные по своему значению, как ночь и день, страдание и смирение, радость и слава и т.п. Настоящие христиане вымерли вместе с последними гностиками, а христиане нашего времени — узурпаторы, присвоившие себе имя, значение которого уже давно перестали понимать. И коль скоро дело обстоит именно так, то примирение между Востоком и Западом невозможно и никакой синкретизм религиозных идей не сможет свести их воедино.

Сказано, что после появления *Калки Аватары* (в Апокалипсисе — «Тот, кого ждут» на Белом Конце) настанет Золотой Век, и тогда каждый человек будет сам себе *гуру* (духовным учителем, или Пасты-

рем), так как *Логос*, под каким бы именем он ни был известен¹, сможет войти в каждого духовно возрожденного смертного. И тогда вопрос о едином Пастыре отпадет сам собой, если, конечно, не воспринимать этого Пастыря как чистую метафору. Более того, христиане, локализуя и изолируя этот великий Принцип и отрицая его наличие в каком бы то ни было ином человеке, кроме Иисуса из Назарета (или *Назоря*), тем самым *материализуют* гностического Христа, что является единственным препятствием для достижения взаимопонимания с учениками архаической мудрости.

Западные теософы признают *Христа* так же, как это делали гностики предшествующих христианству веков и как это делают ведантисты в отношении своего Кришны: они различают физического человека и божественный принцип, который — в случае с Аватарой — оживляет его. Их Кришна — исторический герой, смертный; но оживляющий его божественный Принцип (Вишну) вечен и бессмертен. Кришна — человек, и его имя остается земным даже после его смерти. Сам он не стал Вишну; Вишну только взял обратно ту часть себя, которая оживляла Аватару — эту и еще многие другие.

Слово Христос на самом деле является переводом слова *Крис*²; это имя, безусловно, на много тысячелетий старше 1 года н.э. Доказательством тому служит изречение Эритрейской Сивиллы*, в котором, в частности, есть такие слова: IHSOUS CREISTOS QEOU UIOS SWTHR STAUROS*. Эта

---

¹ Как бы он ни назывался — Кришна, Будда, Сосиош, Гор или Христос, это универсальный принцип. «Бого-люди» встречаются во все времена, и несть им числа.

² Эзотерический вариант слова *помазанник*. Георг Курциус усматривает происхождение всех этих терминов — $\chi\rho\iota\varsigma$, $\chi\rho\acute{\iota}\omega$, $\chi\rho\eta\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ — в санскритском *гхарш* (греческое $\chi\epsilon\rho$). (Principles of Greek Etymology, vol. I, p. 236).

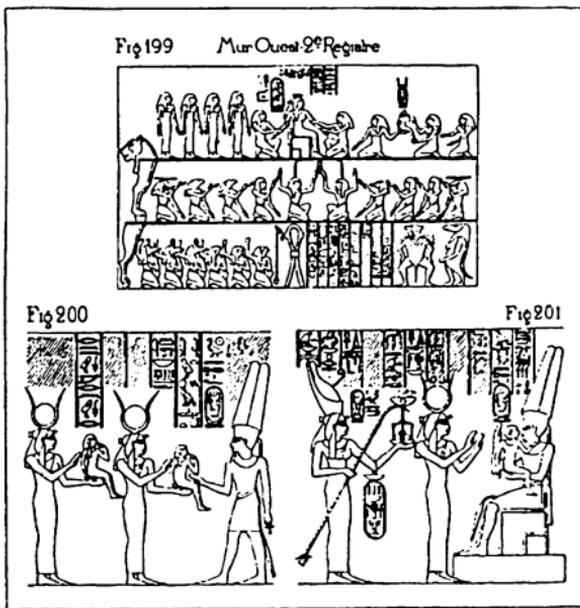
фраза, ныне широко известная среди христиан, в действительности представляет собой набор существительных, каждое из которых может трактоваться самым широким образом. Церковь поспешила извлечь из них пророчество о пришествии Иисуса. Однако фраза никоим образом не связана с наступлением нашей эры, что подтверждается историей (с 1 января 1 года до 1 января 1888 г. н.э.) и самим текстом речения Сивиллы.

Это универсальное и чисто языческое пророчество, происхождение которого восходит к истокам нашей расы, действительно обещает нам возвращение золотого века, который вновь наступит после рождения предсказанного «ребенка»; однако это рождение столь же аллегорично, сколь и метафизично. Оно не связано ни с каким конкретным мужчиной и ни с одной непорочной женщиной; оно абсолютно мифологично по своей форме и астрономично и теогонично в своем скрытом значении. Во все века и у всех народов мифический Мессия рождается на свет Матерью-Девственницей. Вспомните Кришну и Деваки; посмотрите, как буддийская легенда была экстраполирована на исторического Гаутаму Будду и его мать Майю; обратите внимание на дополнение к биографии фараона Аменхотепа III из XVII Династии, рожденного матерью-девственницей, царицей Мут-эм-уа. Взгляните также на внутреннее оформление стен в *Святая Святых* Луксорского храма, построенного тем же самым фараоном, и вы обнаружите там изображения четырех многозначительных сцен*: первая изображает бога *Тота* (лунный Меркурий; египетский Посланник Богов, коему было поручено благовещение; Гавриил из «Книги Мертвых»), приветствующего царицу-девственницу и возвещающего ей о грядущем рождении сына; далее следует бог Кнеф, сотворяющий, с помощью Хатор (Святой Дух в двух своих аспектах — мужском и

женском, аналог гностической Софии, превращенной в Святого Духа), прообраз будущего ребенка; далее — утомленная родовыми муками мать сидит в кресле акушерки, принимающей новорожденного под сводами пещеры; и наконец — сцена Поклонения. Английский египтолог Джеральд Массей* описывает эту последнюю сцену следующим образом:

...И вот ребенок возведен на престол, и ему оказывают почтение Боги, а люди преподносят дары. За спиной бога Кнефа, справа, изображены три духа — трое волхвов или царей из легенды: стоя на коленях, правой рукой они протягивают ребенку дары, а левой — жизнь. Этот предсказанный, материализованный, рожденный и обожествленный ребенок — Атон-Солнце у египтян, у сирийцев — бог Адон, у евреев — Адонай; это ребенок-Христос из культа Атона; это чудесное оплодотворение вечно девственной матери, персонифицированной в образе Мут-эм-уа — матери «единственного» — и символизирующей божественную мать юного Солнечного Бога. (The Historical Jesus and Mythical Christ, p.5, 2nd para.)

*Сцены Божественного рождения
из Луксорского Храма
(Albert Gayet, Le Temple de Luxor)*

Нет нужды повторять содержание легенды о Деваки и Кришне, о его чудесном рождении, о пастухах, которые растили его, о мудрецах-Риши, его приветствовавших, или об индийском Ироде — царе Кансе, приказавшем истребить 40000 новорожденных мальчиков в надежде, что в их числе будет убит и Кришна, который должен был свергнуть его с престола.

И что же — наступил уже Золотой Век, воспетый Виргилием и Сивиллой? И где же нам его искать? Может, в первых веках христианства, когда язычники, встав на защиту собственных богов, уничтожали назареев? Или когда последние, уже открыто объявляя себя христианами, принялись топтать языческих богов в потоках человеческой крови во имя Того, Кто проповедовал им, по их же собственному признанию, братскую и вселенскую любовь, даже к врагам, милосердие, вплоть до все-

прощения, и забвение обид? Или же люди наслаждались Золотым Веком — его вселенским миром, материальным и моральным — в эпоху могущества святой инквизиции? Или, может быть, сейчас, когда армии Европы стоят друг против друга, готовые к взаимному истреблению, в то время как легионы несчастных умирают от голода и холода, благословляемые Викарием Христовым (получившим, кстати сказать, двадцать миллионов в подарок по случаю своего юбилея), а мораль в христианских и цивилизованных странах постепенно уступает место животному остервенению?

Истинное значение слов Сивиллы в полной мере понятно только Адептам; и ключом к их разгадке является отнюдь не крест на Голгофе.

Я ни в коей мере не хочу оскорбить чувства тех, кто верит в Иисуса, воплощенного Христа; но я просто обязана изложить нашу точку зрения на сей счет, прежде чем приступить к истолкованию наших собственных убеждений, коль скоро аббат Рока пытается отождествить их с учениями римско-католической церкви. Две эти веры нельзя, невозможно отождествлять до тех пор, пока католицизм латинской церкви не вернется к своим ранним, гностическим догматам. Римская церковь была гностической (так же, как и марциониты) до начала или даже до середины второго века; знаменитый гностик Марцион отошел от церкви только в 136 г., а Тациан — еще позже. Почему же они покинули церковь? Потому что погрязли в ереси, отвечает сама церковь. Но история этих еретических культов, подкрепленная эзотерическими рукописями, предлагает нам совершенно иной вариант ответа: эти прославленные гностики, свидетельствует она, отошли от церкви, поскольку никак не могли согласиться с тем, что Христос *стал плотью*, так как это утверждение неотвратимо вело к ма-

териализации принципа Христа. Следовательно, именно тогда эта метафизическая аллегория, служившая фундаментальной доктриной для всех гностических братств, впервые подверглась радикальной трансформации¹.

Для доказательства того, что римская церковь действительно отошла даже от самой традиции, сохраненной греческой церковью, достаточно будет привести один факт — принятие первой *солнечной* тонзуры², традиционной для египетских жрецов *публичных* храмов и для *лам* и *бонз* *массового* буддистского культа: уже одно только это обстоятельство наглядно демонстрирует нам, что римская церковь ушла далее всех прочих от истинной религии мистического Христа.

Следовательно, то время, когда «все люди мира станут единым стадом под началом единого пастыря», все еще очень далеко. И прежде чем это случится, человеческая природа должна быть радикально преобразована. Мы должны достичь седьмой расы, согласно пророчеству книги *Дзиан*³, ибо

---

¹ Гностики и в самом деле принадлежали к разным братствам, таким, как ессеи, терапевты, назареи, или назореи* (к коим принадлежал и сам Иисус из Назарета). Иаков — брат Господа и глава Иерусалимской Церкви — был гностиком до мозга костей и аскетом древнего библейского типа, то есть назореем, коему от рождения было предназначено стать аскетом. Бритва никогда не касалась его волос и бороды. Он выглядел именно так, как впоследствии был представлен в легендах и изображениях Иисус и как выглядят все Братья-Адепты, в какой бы стране они ни жили, — от индийского факира-йога до величайшего Махатмана из числа Гималайских Посвященных.

² Магнетическая и психическая сила сосредоточена в волосах; отсюда миф о Самсоне и другие подобные ему предания древности.

³ Тибетское слово, образованное от санскритского *джняна* — оккультная мудрость, *знание*.

только тогда Христос, обозначаемый также многими другими языческими, равно как и «еретическими» гностическими именами, будет править в душе каждого человека, поскольку каждый перед этим примет в свою душу *Хреста*¹. Я не говорю — «каждый станет христианином», так как это нечто совершенно иное. И позвольте нам объявить раз и навсегда, что слово *Христос*, означающее *прославленный, торжествующий*, равно как и «помазанный» (от слова *crāiw* — *помазывать*), вообще не применимо к Иисусу. Даже в соответствии с текстом Евангелия *Иисуса никогда не помазывали* ни как первосвященника, ни как царя или пророка. «Как смертный, — отмечает Норк, — он был помазан только однажды, женщиной, да и то не потому, что он объявил сам себя царем или первосвященником, а *ради его погребения*, как он сам об этом сказал». Иисус был *Хрестосом*: *χρηστὸς ὁ Κύριος* (благ Господь), как сказал Св. Петр (1 Пет., ii, 3); и не имеет значения, действительно ли он жил в христианскую эру или же веком раньше, в правление Александра Ианнея и его жены Саломеи, в Луде, как сообщается в «Сефер Толдош Иешу»².

Были и другие аскеты, достигшие *состояния Хреста*, в том числе и в его собственное время: все те, кто, вступив на тернистый путь аскетизма,

---

¹ Слово не имеет ничего общего ни со славянским *крестом*, ни с латинским распятым Христом. Луч, вышедший из Центра Жизни, сокрытый от глаз человечества в Вечности, *Христос*, распятый как тело из плоти и костей!!!

² После того как до сведения мадам Блаватской было доведено, что некоторые ученые считают эту версию ошибочной, Мадам заявила следующее: «А я говорю, что эти ученые либо врут, либо несут чушь. Наши *Учителя* подтверждают подлинность этого сообщения. Если история Иегошуа или Иисуса Бен Пандиры — вранье, то получается, что и весь Талмуд, весь еврейский канон это тоже ложь. Он был учеником Иегошуа Бен Перахии, 5-го Председателя Синедриона, после

отправился навстречу *Христосу* — божественному свету; все они прошли через состояние Хрестоса — аскета, принадлежащего к какому-либо пророческому храму (*χρηστήριος*, от слова *χράω*, «принадлежащий к оракулу»; и *χρηστήριον* — носитель оракула, жертвоприношение и жертва). Все это — часть посвятельного цикла; и тому, кто желает в этом убедиться, достаточно изучить данный вопрос самому. Ни одна «жертва» не сможет воссоединиться с *Христом Торжествующим*, не пройдя предварительно через стадию страданий *Хреста*, обреченного на смерть.

В астрономическом плане это *смерть Солнца*¹; но смерть является предвестником *Нового Солнца*², в самом сердце тьмы смерть порождает жизнь. А психологически это смерть чувств и плоти и воскресение духовного *Эго*, скрытого в каждом из нас Христа.

Неоспоримо то, что это оккультное продвижение направляет *сам Христос*; но если это так, то вряд ли он сам мог доверить *Святому Петру*, *трижды отрешемуся от своего Христа*, ключи от мистерий, забрав их у Махатманов; и вряд ли мог желать, чтобы последние воссоздавали сцену с тремя царями-волхвами. Едва ли необходимо снова повторять то, что другие Махатманы — египетские Иерофанты — повторяли каждые 19 лет, в соответствии с мето-

---

Эзры, который *переписал Библию*. Скомпрометированный в ходе Фарисейского восстания против Ианнея в 105 г. до н.э., он бежал в Египет, увозя юного Иисуса. Эта история намного правдоподобнее, нежели сюжет Нового Завета, не имеющих исторических подтверждений». — Ред. «Le Lotus».

¹ На *кресте осеннего равноденствия* — той точки, где эклиптика *пересекает* экватор и где Солнце нисходит в свой последний круг, возвещая зиму, смерть.

² Рождество, когда Солнце снова начинает восходить к экватору, пройдя через точку зимнего солнцестояния, возвещая весну, обновление, Пасху.

новым циклом*, по крайней мере, за пять или шесть тысяч лет до наступления XIX столетия. Астрономический Христос может отмечать свое рождение и воскресение только раз в 19 лет, так как его родителями являются Солнце и Луна — небесные тела, сопровождающие «Человека, распятого в Пространстве» (о том же свидетельствует и Джеральд Массей). Даже описанный Платоном персонаж уступает по возрасту этим образам. Этот день, освящавшийся особой церемонией, египтяне определяли по совпадению Пасхи с полнолунием¹

Тот же лондонский лектор-египтолог сообщает:

Место рождения египетского Мессии [Гора] в точке весеннего равноденствия изображалось в виде Апта, или *Апты*, угла... (The Historical Jesus and Mythical Christ, p. 7).

Но «Апта» означает также «колыбель», или «*Ясли*»; следовательно, ребенок, рожденный в Апте, вполне мог родиться в Яслях; и именно эта Апта (или Ясли) служила иероглифическим обозначением места рождения Солнца².

Это место находилось в колюре равноденствий*; и поскольку эта точка переходила из одного знака в другой, ее местоположение помогала определять та или иная звезда *на Востоке*.

...Когда место рождения располагалось в созвездии Быка, восходившей на Востоке звездой, указующей направление на это место нового рождения молодого Солнечного Бога, был Орион. Отсюда его название — «Звезда Гора». Это также была и звезда «Трех Царей», приветствовавших появление на свет Младенца, ибо три звезды Пояса Ориона до сих пор называют «Тремя Царями»... (The Historical Jesus and Mythical Christ, p. 7).

---

¹ У христиан день Рождества также сопровождается Пасхальным полнолунием. Странное совпадение, не правда ли?!

² Египтяне проносили новорожденных детей в колыбели по улицам Александрии.

И далее наш автор добавляет:

Плутарх рассказывает также о том, как в Риме около 70 г. до н.э. вводился Культ Митры. (Lives: Life of Pompey, ch. 24). Говорили, что Митра родился в пещере. И там, где ему поклонялись, освящалась пещера как место его рождения. Эту пещеру легко идентифицировать, так же как легко можно датировать время рождения Мессии в этой пещере, под каким бы именем он ни был известен. «Пещера Митры» была местом рождения Солнца в точке зимнего солнцестояния 25 декабря в созвездии Морского Козла*, когда точка весеннего равноденствия располагалась в знаке Овна. Поэтому у аккадийцев десятый месяц — то есть месяц Морского Козла, примерно соответствующий нашему декабрю (тоже десятому, исходя из его названия), — назывался *Абба Удду*, что означает «Пещера Света»; это и есть пещера возрождения Солнца в низшей точке солнцестояния, символически именуемая Пещерой Света...

Впоследствии эта пещера стала местом рождения Христа. Она упоминается во всех Евангелиях о Младенчестве; и Юстин Мученик говорит: «Христос был рожден в хлеву, а впоследствии был укрыт в пещере». Он также ручается за тот факт, что Христос был рожден в тот самый день, когда Солнце возродилось в *Stabula Augiae*, то есть в Авгиевых Конюшнях. Чистка этих Конюшен стала шестым подвигом Геракла, а первый свой подвиг он совершил в знаке Льва. И Юстин абсолютно прав: и Конюшня, и Пещера присутствуют в одном и том же небесном знаке. Но вот что примечательно! Пещера могла быть местом рождения Мессии лишь в промежутке между 2410-м и 255 г. до н.э., так как точка солнцестояния переместилась затем из созвездия Морского Козла в созвездие Стрельца, и никакой Мессия — назовите его хоть Митрой, хоть Адоном, Таммузом, Гором или Христом — не мог родиться в Пещере *Абба Удду* или в Авгиевых Конюшнях 25 декабря после 255 г. до н.э. Следовательно, Юстин повторяет Митраитскую легенду о более древнем рождении, пытаюсь доказать с ее помощью факт рождения исторического Христа 255 лет спустя! (Massey, *The Historical Jesus and Mythical Christ*, p. 6-7).

Таким образом, с помощью астрономии и математики нам удалось установить, что Иисус никак не мог появиться на свет 25 декабря на 255 лет позже, так как этому препятствует прецессия*.

Теософы — ученики Махатм — верят именно в эту древнюю мудрость и в гностического Христа, под каким бы именем он ни был известен. Но способен ли аббат Рока обратить в эту же веру Папу Римского и признать ее сам? — Сомневаюсь. И коль скоро это так, то что мы можем с этим поделать?

Аббат Рока ссылается на Св. Павла, когда говорит о «Слове, ставшем плотью», и о Боге, жившем *во плоти*; но аббат Рока — достаточно образованный человек, чтобы понимать, что «Послания» Св. Павла дошли до наших дней в искаженном виде. На протяжении нескольких столетий церковь отказывала им в праве считаться ортодоксальными писаниями, так же как и «Откровению» Св. Иоанна; и когда эти две книги все-таки обрели признание, их содержание уже было в значительной мере искажено, *что доказано со всей определенностью*. Но в этом случае великий недруг Св. Петра имел все возможности для того, чтобы до крайности запутать и перевернуть слова апостола духовного обрезания. Вот почему в ответ на приводимое выше высказывание — «Слово стало плотью» — теософы (гностики и буддисты) могут привести слова все того же Павла, вопрошающего галатов — неужели они настолько глупы, чтобы, начав с веры в Духа, опуститься затем до веры в *телесного* бога; ибо именно таково эзотерическое значение его слов в «Послании к Галатам», III, 3 и далее.

К тому же аббату Рока следует прояснить для нас еще одну вещь. *По всем вычислениям* выходит, что Павел обратился к Христу за три или четыре года *до распятия Иисуса!* Так, согласно «Деяниям святых Апостолов», его видение имело место в 30 или 31 г.;

но, если руководствоваться текстом «Послания к Галатам», это событие должно было случиться в 27 г. Павел сам говорит, что со времени своего обращения не был в Иерусалиме три года (Гал., I, 18 и далее); и добавляет, что вернулся туда *четырнадцать лет* спустя вместе с Варнавой и Титом (Гал., II, 1 и далее). Но мы знаем, что «дата, по крайней мере, второго посещения Иерусалима (если не первого) может быть *установлена исторически*, поскольку этот второй визит состоялся во время великого голода, документально зафиксированного в 44 г., когда Павел и Варнава старались облегчить удел страждущих». Таким образом, если мы вычтем 17 из 44, то увидим, что Св. Павел был обращен в 27 году, когда Иисус был еще жив! Данный факт невозможно объяснить иначе как на основе доказываемой Джеральдом Массеем (и согласующейся с фактами, изложенными в тайных книгах гнозиса — см.: «Разоблаченная Изида», том II) гипотезы, согласно которой Павел уверовал не в Иисуса из Назарета, а в гностического Христа. В своих Посланиях он громит *еретиков*, но эти еретики — не кто иные, как Петр, Иаков и другие Апостолы.

Я не знаю, что именно эрудированный аббат Рока намеревается поведать миру в своей следующей книге, посвященной «Изгнанию из Рая», которое он считает катаклизмом, «наказанием за страшное преступление, дерзкий бунт», но могу уверить его, что «теософы-чела» уже имеют свое мнение на этот счет.

Страшное преступление было лишь закономерным и естественным результатом действия закона эволюции: просто расы (поначалу аморфные) наших андрогинных и *полуэфирных* прототипов, постепенно материализуясь, приобретали физическое тело, после чего разделялись на мужские и женские особи и наконец *оформились* телесно, предварительно *создав* свои подобию с помощью совершенно иных методов,

суть которых со временем будет объяснена (если, конечно, слово *создавать* вообще применимо по отношению к процессу диаметрально противоположному рождению).

Опять же, «дерзкий бунт» это только *антропоморфическая* и *персонифицирующая* аллегория, которой мы обязаны церкви, материализовавшей, ради сокрытия их истинного значения, все древние (древние как мир) идеи. Эта философская доктрина составляет эзотерический смысл легенды о Прометее. Священный огонь, который он похитил у богов, есть пламя сознательного интеллекта, искра, оживляющая пятый принцип, или *Манас*; это также порождающий, сексуальный огонь; искра, являющаяся отражением (если не самой сутью) Архангелов, или *Монад*, вынужденных, в соответствии со своею *кармой*, накопленной в предыдущей *манвантаре*, воплотиться в астральных формах *третьей* великой до-Адамовой расы перед ее «падением», то есть нисхождением *Духа в Материю*. Этот так называемый «бунт», или «похищение» *творческого* огня, на самом деле — результат Эволюции (в сравнении с которой дарвиновская теория — всего лишь внешняя шелуха, соответствующая физическому, или материальному, уровню).

Наделенное таким образом творческим огнем, полностью сформировавшееся человечество уже не нуждалось более в помощи творческих сил или богов, таких, как *Элохим* из главы II Книги Бытия. *Люди сами стали творческими богами*, способными давать жизнь себе подобным существам; отсюда греческая аллегория об Ураносе, изувеченном Сатурном-Кроносом, которого изувечил в свою очередь его сын Юпитер; метафора предельно ясна; благодаря Прометею, люди открыли для себя *различные методы творения*; и коль скоро они сами стали творцами, для чего им теперь боги-творцы?

Согласно Еноху, так называемое *похищение* творческого огня как раз и составляет преступление, инкриминируемое *падшим* ангелам, превращенным церковью в Сатану и его воинство.

Аббат Рока рассказывает нам также о «герметическом *Сате*», но при этом допускает двойную ошибку, приписывая «Сат» герметистам, которые о нем никогда не слыхали, и называя его «субстанцией», подобной *Yliaster* Парацельса.

Сат — санскритское слово, используемое в философии Веданты; эпитет, не переводимый ни на один иностранный язык; это не субстанция и не чистый Дух, и вообще не *что-либо конкретное*; *Сат* есть бесконечное **целое, жизнь**, или вернее — **абсолютное существование**, которое невозможно перевести ни глаголом «быть» פֿײַה (Эхейех), ни глаголом «жить» פֿײַה, превращенным каббалистами в глиф существования путем прочтения его дюжиной различных способов с сохранением первоначального смысла и обозначения им своего Иеговы. *Сат* есть Абсолют, или Парабрахм, — а какой ведантист позволит себе назвать «духом» Парабрахм или бесполого Брахму?! — в то время как *Yliaster* Парацельса это только *Анима Мунди*; это даже не *Мулапракрити*, которая служит «завесой для Парабрахма» (и буквально переводится как *корень Природы*), но только *акаша* — ноумен астрального света, завеса между Землею и первыми водами.

Церковное христианство, материализующее все и вся, материализовавшее даже *Логос*, или Слово, которое в результате превратилось из *неведомого* Бога Св. Павла в антропоморфное существо, никогда не признает наш **Сат**, да и не поймет его; ведь даже *Эйн Соф* — негативное божество каббалистов — всего лишь бледная метафизическая копия нашего *Сата*.

Будучи католиком, аббат Рока говорит нам, что «вне Бога во Вселенной существует одна и только одна

субстанция», чем бы она ни была. Ученики Махатманов — теософы — отвечают на это: мы отрицаем обусловленного и ограниченного Бога, даже если *вне* его во всей Вселенной существует только одна математическая точка! Нам не нужен *карликовый* бог — бог, наделенный человеческими атрибутами, *созданный по образу и подобию человека*. Кроме того, нам не нужен бог, сконструированный смертными архитекторами церкви, у которой хватает наглости называть себя *непогрешимой!* Божество, которое мы признаем, мы сами едва ли осмелимся описать, даже в общих чертах. Это Бог **всего**, абсолютный, бесконечный, без начала и конца; вездесущее божество, лишь одно из **слов** которого может «стать плотью» — человечество! И это Слово, которое физическое человечество (в особенности человечество, находящееся под эгидой той или иной церкви) распинает постоянно и непрерывно, воскресает только в том человеке, который в достаточной для этого степени освободился от пут, затянутых смертными руками, — на сей раз уже не для того, чтобы создать себе нового земного идола — церковного (колосс на глиняных ногах) или мирского (Сатану, который никогда не откажется от своих трудов)!

Христос, которого освобожденные таким образом теософы неизменно признавали на протяжении *secula seculorum*, есть *духовное Эго* — сияющее в славе и торжествующее над плотью. Но, как показывает нам аллегория четырех евангелистов, воскресший Сын возносится к небесам, чтобы навечно слиться там с Отцом. Означает ли это, что мы должны признать «чудо» Вознесения применительно к воскресшему телу человека, который превратился в Бога? Следует ли из этого вывод о распространенности столь сверхъестественного явления в истории человечества? Нет! Мы категорически отрицаем подобную интерпретацию; мы не признаем догму, принижающую ве-

ликую мистерию универсального Единства¹, поскольку для данной аллегории у нас есть свое, абсолютно иное истолкование.

Воссоединившись однажды со своим Атманом-Христом, *Эго*, уже в силу одного только этого обстоятельства, избавляется от великой иллюзии, именуемой *Эго-измом*, и познает наконец истину во всей ее полноте; *Эго* узнает, что оно никогда не существовало *отдельно* от великого Целого и что оно неотделимо от Него. Такова Нирвана, являющаяся всего лишь возвращением *Эго* в первоначальное состояние. Заточенное в своем *oubliette* из плоти и материи, оно утратило всякое представление и самую память об этом состоянии; но, как только свет Духа высветит для него иллюзию чувств, *Эго* перестает тяготеть к земным вещам, проникаясь презрением к ним; теперь Сын соединен с Отцом, и душа с этих пор едина с Духом! И коль скоро человек смог достичь такого состояния в гнозисе или теософии, для чего ему тогда догмы какой бы то ни было церкви?

Церковь всегда любила создавать тайны, но, как справедливо отмечает аббат, «тайны существуют только для невежд»; более того, разве не сама католическая церковь вложила в уста Иисуса следующие слова: «...что говорили на ухо внутри дома, то будет провозглашено на кровлях» (Лук., XII, 3). Что же это, как не повторение заповеди Гаутамы Будды: «Ступайте и возвестите с крыш домов париев и при свете дня те тайны брахманов, которые они хранили в своих храмах. Они делали это из одной лишь любви к власти, дабы управлять слепыми, присваивая себе привилегии дэвов (богов)».

То, что делали брахманы, когда Сиддхартха Будда пришел, чтобы освободить людей от ига этой касты, — то же самое делала и делает вплоть до сего

---

¹ Священная гора, обитель дэвов. — Ред. «Le Lotus».

дня римская церковь на Западе; но теософы хотят раскрыть тайны католической церкви, *которые на самом деле являются тайнами брахманов*, только изложенными другими словами; и, делая это, они всего лишь исполняют заповеди двух великих Махатманов: Гаутамы из Капилавасту и Иисуса из Иудеи. Оба они отыскивали своего «Христа» — вечную Истину; и оба, будучи Мудрецами и Посвященными, провозглашали одни и те же истины.

Мы все благодарны аббату Рока за его смелые и благородные слова; мы уверены в том, что такие священники, как он, осмелившиеся расшифровать «мертвую букву» символических текстов и провозглашать «на кровлях» эзотерические истины, готовы вступить на путь Истины и *Света*, который ждет их на этом пути.

Честь и хвала таким людям!

И все же мы не так оптимистичны, как он. Хотя церковь и видит, что с ее великих «тайнств» уже сброшены маски и что их во всеуслышание провозглашают ученые всех стран, сведущие в востоковедении и символике, а также мы, теософы, вряд ли стоит рассчитывать на то, что церковь сможет принять наши истины; и еще менее вероятно то, что она согласится признать собственные ошибки. Теософы, со своей стороны, тоже никогда не согласятся признать Христа, ставшего плотью (в соответствии с римской догмой), или антропоморфного Бога, и тем более «Пастыря» в лице Папы Римского. Им незачем идти к Горе Спасения; напротив, они будут ждать, когда римский Мохаммед сам начнет двигаться по направлению к горе Меру¹. А случится ли это когда-нибудь? Пусть судит сам читатель.

---

¹ Легенда о Вознесении — не более чем метафора, старая как мир; воспринимать ее буквально значит признавать также и подлинность вознесения Илии, который был живым увлечен в космическое пространство, вместе с конями и колесницей.

И последнее слово! Аббат Рока говорит еще о канонически обоснованном и признаваемом его церковью *тройственном значении* библейских текстов. Однако гнозис, подобно Гупта-Видье (тайной науке), имеет *семь* ключей, открывающих доступ к семи мистериям. И только когда римская церковь или ее последователи признают и изучат четыре недостающие ключа (или значения), можно будет делать какие-то прогнозы. А до этого времени попробуем хотя бы *не убивать друг друга*, раз уж мы не можем *друг друга любить*. Поистине, будущее — величайшая из тайн; и те, кто, подобно Прометею, обладает даром видеть это будущее, раскрывают тайны грядущего пока лишь ограниченному меньшинству. Подождем же, пока мудрость не станет достоянием большего числа людей.

ОТВЕТ НА НЕВЕРНОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ АББАТОМ РОКА МОИХ ЗАМЕЧАНИЙ О ХРИСТИАНСКОМ ЭЗОТЕРИЗМЕ

В февральском выпуске «Le Lotus» аббат говорит об «избиении» [*bourrade*], которому он, по его мнению, подвергся с моей стороны. И в то же время, с кротостью, которую никак не назовешь христианской (поскольку христиане, как правило, не бывают ни смиренными, ни милосердными в своей полемике), но определенно буддистской, мой собеседник уверяет, что не испытывает ко мне никаких недобрых чувств. Напротив, он заявляет, что благодарен мне за «деликатность и абсолютную откровенность моего языка», являющиеся естественным следствием моего «стиля амазонки».

Более придирчивый разум, нежели мой, наверняка попытался бы найти в этом какой-нибудь подвох. Например, он мог бы предположить, что подобный переизбыток сравнений и эпитетов в ответе на замечания, касающиеся такой абстрактной темы, как религиозная метафизика, свидетельствует о чувствах совершенно иных, нежели благодарность. Однако теософам непривычно выслушивать добрые слова в свой адрес из уст критиков, да и я сама куда чаще достаиваюсь комплиментов гораздо менее благозвучных, нежели те, которые расточает в мой

адрес аббат Рока. А потому я не могу не оценить его любезный тон, особенно с учетом той трогательной заботы, которую он проявляет к моей персоне, внимания, которое он уделяет моему «зрелому интеллекту» и «мужественной силе»; а также того обстоятельства, что теологического Христа он отодвигает при этом на второй план, а об эзотерическом Христе и вовсе не говорит ни слова.

И коль скоро мне самой нечего сказать по поводу первого (поскольку я отвергаю *in toto* Христа, придуманного церковью, а также все учения, интерпретации и догмы как древние, так и современные, связанные с этим персонажем), то я начну «свой ответ» с того, что ответ аббата на мои «Заметки о христианском эзотеризме» никаким ответом, по сути дела, не является. Во всем его пространном письме я не нашла ни единого высказывания, которое всерьез опровергало бы мои возражения, то есть содержало бы их логическую и научную критику. Вера, а тем более, слепая вера, не может быть объектом «критического обсуждения», во всяком случае, она не может быть «научно установлена», даже если христианский читатель может счесть обычную софистику вполне удовлетворительным доказательством. Мой собеседник даже упрекает меня за стремление «блеснуть» тем, что ему самому угодно называть «такой эрудированностью». Оставляю этот упрек без комментариев.

Моим историческим и обоснованным аргументам он может противопоставить одно единственное возражение, опирающееся на «экспериментальное» доказательство. Оно заключается в том, что Иисус Христос непрестанно шепчет *его душе*, «что Он — неповторимый Учитель и единственный истинный Врачеватель». А это, согласитесь, не самый веский аргумент перед лицом науки, закона и даже просто здравого смысла скептически настроенного оппонента!

Совершенно очевидно, что знаменитый парадокс Тертуллиана: «*Credo quia absurdum et impossibile est*»* — не может иметь ничего общего с подобного рода дискуссией. Я полагала, что обращаюсь к эрудированному мистика, либералу и социалисту, аббату Рока. Стала бы я беспокоиться, если бы это был обыкновенный священник, *fidei defensor!* Аббат пытается доказать свою непринадлежность к этой категории священнослужителей следующим высказыванием: «Я достаточно хорошо знаю буддизм, чтобы без труда понимать ее [меня]; но она недостаточно знает христианство, чтобы уловить мою мысль». Мне совсем не хочется ему перечить, но все же истина всегда должна стоять на первом месте. Аббат обманывает сам себя, полагая, что знает буддизм. Несложно, однако же, убедиться в том, что он не знает его толком даже *экзотерически*, так же как и индуизм в его популярном изложении. В противном случае, стал бы он упоминать Кришну среди Будд, как это он делает на странице 259? Или, опять же, разве спутал бы он историческое лицо, принца Гаутаму, с его мистическими титулами, перечисляя их как отдельных Будд?

Разве не пишет он об Иисусе, что чаша, которую ему пришлось испить, была «гораздо более горькой, нежели та, из которой выпил яд болиголова западный Сократ, или та, которую... [осушили] *Кришна, Шакьямуни¹, Гаутама из Капилавасту, Сиддхартха и все прочие Будды*»? Уже одно только это, включая «всех прочих Будд», ясно указывает на то, что аббат не только ничего не знает об эзотерическом буддизме, но и имеет весьма туманные представления даже

---

¹ Этот титул, благодаря доброте месье Габорио, так и не появился вместе с остальными в «*Le Lotus*». Однако я видела первые образцы гранок, где он находился в точности на указанном мною месте.

о распространенной исторической биографии этого великого реформатора индуизма. Это все равно, что я сказала бы об Иисусе: «Орфей, Сын Марии, Иммануил, Спаситель, Назорей и все прочие Христы, которые были распяты». Впрочем, не стану более тратить время на перечисление связанных с санскритской, брахманической и буддистской терминологией *lapsus linguae*, встречающихся во всех статьях аббата Рока (во всем остальном вполне научных и, безусловно, весьма красноречивых). Уже одного вышеприведенного примера достаточно для того, чтобы читающая публика могла судить, обладает ли мой критик достаточными познаниями о буддизме для соответствующей дискуссии. Может быть, аббат путает, подобно многим другим авторам, буддизм с теософией? Если это так, то я могу сообщить ему, что теософия — это не буддизм, не христианство, не иудаизм, не индуизм и никакой другой -изм: это *эзотерический синтез* известных религий и философий. И, конечно же, я должна кое-что знать о христианстве — популярном и особенно экзотерическом, чтобы позволить себе вступить в дискуссию с таким эрудированным католическим священником, как мой оппонент. Не логичнее было бы предположить (допустив, что я действительно не смогла «уловить» сути *христианства аббата Рока*), что мой уважаемый собеседник сам не очень хорошо разбирается в том, что проповедует? Что, бросив на ветер свою шапку *ортодоксального и папистского* священника, но при этом игнорируя истинный эзотеризм брахманов и буддистов, языческих и христианских гностиков, равно как и подлинной халдейской каббалы, а также не зная ничего о доктринах теософов, он выдумал собственное христианство, эзотеризм *sui generis*? Признаюсь, что я его не понимаю.

О его «законе *Рамы*», а также «*Аб-Раме, потомке Рамы*» (?) мне ничего не известно. Зато я хорошо

знаю **Вамшавали**, или генеалогию рас Сурья и Чандра¹ — от Икшваку и Будхи² и до Рамы и Кришны — общий источник, из которого *пураны* (древние *писания*) — *Бхагавата*, *Сканда*, *Агни* и *Бхавишья-пурана* — заимствовали свои божественные, человеческие и династические генеалогии. Ее список хранится во дворцовой библиотеке *Махараджи* Удайпура (древнейшего в Индии царствующего дома, чья семейная генеалогия была исследована и подтверждена англо-индийским правительством). Рама — *исторический* персонаж. В Индии по сей день находят руины построенных им городов, *погребенные под несколькими культурными слоями*, оставленными на их месте другими городами — более поздними, но такими же *доисторическими*; ныне они так же хорошо известны, как и древние монеты с его портретом и именем. Но кто такой этот «Аб-Рам, потомок Рамы»?³ *А-брам* или *А-брахм*, в переводе с санскрита значит *не-брахман* и, следовательно, человек, принадлежащий к более низкой касте либо изгнанный из касты браминов. *Абра* — это имя слона Индры, его женской ипостасью будет — *Абраму*. Оба эти слова санскритские; и хотя имя *Абраму* снова встречается у халдеев, еврейский Авраам не имеет ничего общего с индусским Рамой⁴ и никак не может быть потомком последне-

---

¹ Сурья и Чандра (Солнечная и Лунная) — названия двух великих исконных и коренных рас Арьяварты, именуемых соответственно Солнечной и Лунной расами.

² Надеюсь, что читатель сможет отличить Будху (с одной «д»), сына *Сомы* (Луны), от мистического титула Будды (с двумя «д»). Если в первом случае это собственное имя человека (Будха, Разум или Мудрость), то во втором — титул Мудрецов, «Посвященных».

³ Племена гордых раджпутов Солнечной расы, *Сурьяванша*, исторически доказывающие свое происхождение от Лавы и Куши, двух сыновей Рамы, не знают ни о каком неведомом «Аб-Раме».

⁴ *Аб* (*Аба*) значит «отец», но только в семитских языках.

го, поскольку Рама был потомком Брахмана (бесполого) — аватарой его земного аспекта, Вишну¹.

Это небольшое отступление аббат, возможно, назовет очередной «взбучкой» [*bourrade*]. По этому поводу я могла бы заметить, что он, должно быть, очень чувствительный человек, поскольку в своих «Заметках о христианском эзотеризме» я никак не могу разглядеть ничего такого, что могло бы вызвать столь мрачные мысли у моего уважаемого собеседника. Легкое дуновение, разрушающее карточный домик, действительно может показаться ураганом тому, кто построил этот домик; но если аббат Рока возлагает всю ответственность на это слабое дуновение, а не на шаткость возведенной им конструкции, то это, определенно, не моя вина. Он также обвиняет меня в *предубежденности*, но это обвинение столь же беспочвенно, сколь и предыдущее. Поскольку я не священник и не нахожусь под жестким контролем церкви, которая считает себя непогрешимой, я могу и готова принимать истину, откуда бы она ни исходила. Но мой критик находится в гораздо менее выгодном положении, а точнее, между молотом и наковальней, поскольку никак не может себе позволить согласиться с моими выводами и потому пытается приписать их моей «предубежденности», а также моему «незнанию» его религии. И все-таки, откуда взяться духу предубежденности в таком универсальном и демократичном Обществе, как наше, избравшем себе девиз — «Нет религии выше Истины»? Наши Учителя достаточно велики и мудры, чтобы не рядиться в павлиньи перья непогрешимости и не похваляться знанием абсолютной

---

¹ Мы хотим обратить особое внимание читателя на эти замечания, поскольку работы Фабра д'Оливе и Сент-Ива д'Альвейдра основаны на информации, совершенно не гармонирующей с ними. — Редактор «Le Lotus».

Истины, а потому и нам, их ученикам, не пристало отворачиваться от фактов, которые могут быть должным образом обоснованы. Пусть аббат Рока убедительно опровергнет наши доказательства несуществования воплощенного Христа (*Христо-Человека*, как бы его ни звали — Иисус или Кришна); пусть он сам докажет, что никогда и нигде на земле не было иного воплощенного Бога, кроме его «Христа-Иисуса», и что он — «единственный» и «величайший» из Учителей и Врачевателей — не просто величайший из Махатманов, но сам *Бог в образе человека!* Пусть предоставит нам доказательства — неопровержимые или хотя бы такие же логические и очевидные, как наши. Но он не должен выдвигать в качестве аргумента голос, который шепчет что-то его душе, или цитаты из Евангелия. Потому что в данной дискуссии его голос, будь он даже родным братом сократовского *даймония*, имеет для меня и для читателей ценность не большую, чем имел бы для него или для любого третьего лица голос, звучащий в *моей* душе и говорящий мне совершенно обратное. Да, он полностью прав, когда говорит о том, «как трудно освободиться от всякого личностного интереса и, тем более, от приверженности школе, секте, церкви или касте», но коль скоро эта фраза явно неприменима ко мне, поскольку я не принадлежу ни к одной окончательно сформировавшей свои взгляды школе или секте, церкви или касте, ибо я — *теософ*, то почему бы нам не высказать данное замечание в его собственный адрес, ибо он — христианин, католик, священнослужитель и каноник?

Словом, наш уважаемый корреспондент, похоже, просто обладает чрезвычайно живым воображением. Вот и сейчас ему кажется, что редактор «Le Lotus» «опьянен хмельными парами» его хвалебных речей о познаниях Махатманов, а также адресованными ему «кивками и подмигиваниями». Но если это так, то

у «Le Lotus» должен быть поистине «малохольный» редактор, коль скоро он, вместо того чтобы поблагодарить автора за его льстивые (как ему самому кажется) авансы, отсылает первую статью аббата ко мне в Лондон, чтобы я высказала о ней свое мнение, а затем публикует в своем журнале сочиненную мною «взбучку». Однако мы излагаем свои факты, руководствуясь совсем не теми намерениями, которые, судя по всему, рисует в своем воображении аббат Рока. Он поступает совершенно справедливо, предупреждая своих читателей о том, что «эту даму [его покорную слугу] трудно заподозрить в желании польстить католическим священникам». И это неоспоримый *исторический* факт — по сути дела, единственный факт, который я смогла обнаружить в его длинном послании. Если я, всю свою сознательную жизнь изучавшая упомянутых выше священников, надеваю теперь колпачок на пламя розовых надежд, горевшее в его первом письме, то только потому, что не могу всерьез воспринимать комплименты, сделанные просто из вежливости христианином и французским аббатом в адрес язычников-Махатм; и даже если ему удалось ввести в заблуждение редактора французского «Le Lotus», то редактора английского «Lucifer» ему ни за что не провести¹. И хотя я очень высоко ценю аббата Рока как писателя, я всегда

---

¹ Мы не берем на себя смелость утверждать, будто хорошо понимаем, что именно имеет в виду Е.П.Б[лаватская], однако полагаем, что в данном случае нас никто не вводил в заблуждение. Мы любезно предложили аббату Рока трибуну для выступления, дабы он смог высказать свои идеи. И то, что мадам Блаватская мастерски их опровергла, отнюдь не означает, что любой другой автор не может точно так же излагать свои мысли на страницах нашего журнала, поскольку «Le Lotus» видит свою цель в том, чтобы расширять кругозор читателя, периодически публикуя мнения выдающихся мыслителей, даже если они в чем-то расходятся с нашими. — Редактор «Le Lotus».

смогу отличить мистического философа от священника и разглядеть сутану автора еще до того, как увижу его самого. Так что почтительное отношение, проявляемое аббатом в отношении мудрости наших Учителей, совсем *не опьяняет меня своими хмельными парами*, поскольку с самого начала предстает передо мной в своем истинном свете. Вся его почтительность в данном случае играет роль засаленного столба, служащего опорой для навешанных на него в изобилии заботливой апостольской и римско-католической рукою христианских безделушек, или же индуистско-теософической куклы, украшенной папистскими амулетами¹. И в результате вместо положенного *опьянения* я ощущаю (говорю это со свойственной мне «откровенностью» и не менее характерной для меня прямодушной грубостью) удвоенное недоверие.

Те неверные суждения, коими изобилует ответ аббата, как нельзя лучше доказывают мою правоту. Возможно, он ожидал, что редактор «Le Lotus» и теософы воскликнут в один голос: *Mea culpa!* — и все сразу, *en masse*, обратятся в его веру? И вот, после первого их ответа мы видим, как аббат парирует воображаемые удары и во втором письме придает совершенно иное звучание тем же самым комплиментам, которые он так щедро расточал в своей первой статье. У него, безусловно, есть на это право, поскольку он лучше, чем кто бы то ни было, должен понимать истинное значение своих собственных мыслей. (И это правило применимо не только к нему,

---

¹ Мадам Блаватская старается следовать духу и лексике рассматриваемой статьи. Как нам известно, аббат Рока весьма красноречиво критикует Льва XIII, но последний поражен неизлечимой глухотой и потому не слышит его. К тому же, невозможно разбудить мертвеца, а потому разумнее будет оставить его в покое и постараться лучше помочь *живым*. — Редактор «Le Lotus».

но и к любому другому автору.) Меня удивляет только одно: почему он упрямо продолжает искажать мои слова и даже изобретает какие-то невозможные сцены и ситуации, в которых отводит мне весьма странные роли и приписывает мне высказывания, которых нет и в помине в моих «Заметках», написанных в ответ на его декабрьскую статью?

Основная идея моих заметок заключалась в следующем: тому, кто сможет сказать о себе «*Ego sum veritas*», еще только предстоит родиться, а слова «*Vos Dii estis*» относятся ко всем, потому что каждый человек, рожденный женщиной, является «сыном Божьим», и неважно — плох ли он или хорош, или же ни то и ни другое. Но либо аббат Рока упрямо не желает понимать меня, либо он преследует какие-то свои скрытые цели. Я готова примириться с тем, что громоподобный глас своей латинской церкви он принимает за *шепот в глубине собственной души*, но я решительно возражаю против того, чтобы он приписывал мне веру в догматы, навязанные ему самому этим голосом, поскольку я их целиком и полностью отвергаю.

Посудите сами. Я в каждом своем письме повторяю одно и то же: что божественный *Христос*, по моему убеждению, *никогда не существовал в человеческом теле*, иначе как в воображении святотатцев, материализовавших *универсальный и абсолютно имперсональный принцип*.

Осмелюсь предположить, что это высказывание звучит достаточно определенно. Но аббат Рока, вложив в мои уста слова «Аз есмь Истина» (глупость, которую я оставляю выдумавшим ее церквям, поскольку у Адепта, или Мудреца, она может вызвать лишь горькую усмешку), позволяет себе далее следующее утверждение:

...получается так, что еще один человек приходит в мир со словами «Аз есмь **Истина** — *Ego sum Veritas*»!.. Но это

слова Христа. И если их произносит не Сам Бог, значит мы слышим их из уст самого бессовестного обманщика. Сказать в присутствии мадам Блаватской, что Христос — обманщик, мы вряд ли осмелимся, поскольку за подобное предположение она сразу же наградит богохульника увесистой оплеухой. Так что выводы сделайте сами...

Так что выводы сделайте сами!!!..

Впрочем, чужие выводы меня мало интересуют, поскольку я считаю себя вправе сделать собственные.

На мой взгляд, существуют две возможности:

а) либо аббат не имеет четкого представления о теософии, ее реальных доктринах и обо мне самой — скромной ученице, стремящейся постичь Истину, и потому говорит просто наугад;

б) либо он хочет загнать меня в угол и принудить раскрыть свои карты, требуя от меня категорического ответа.

Что ж, расчет правильный. Либо мадам Блаватская обойдет молчанием это утверждение — столь же странное, сколь и некорректное, а молчание, как известно, — знак согласия; либо возразит и опровергнет его, и в этом случае наживет себе новых врагов из числа христиан, что уже может рассматриваться им как успех.

Я угадала, месье аббат? Если да, то вы снова просчитались. «Амазонке» и на этот раз, как и во всех прочих случаях, хватит «мужественной силы» для того, чтобы недвусмысленно заявить перед всем светом, что она думает о вашем маленьком ухищрении. Сказать, что Христос — *обманщик*, было бы, на мой взгляд, не *богохульством*, но невероятной глупостью, поскольку личностный атрибут не может быть применен по отношению к идеальному принципу, к абстракции. Это было бы равносильно заявлению: «Бесконечный Космос отличается глубокой набожностью». Настоящий теософ-окультист просто посмеялся бы над ним. Что же касается предполо-

жения, будто я стану отвечать на подобное предложение «увесистой оплеухой», то оно представляется мне, в связи с этим, еще более гротескным.

Аббат забывает, что я — прежде всего теософ, и, вероятно, не знает, что я изучаю буддистскую философию. А настоящий буддист не ударит даже лающую на него собаку. Буддисты *на практике* следуют всем тем добродетелям, о которых говорилось в «Нагорной Проповеди» в Гае, на Горе Галилейской, шесть столетий спустя; добродетелям, о которых редко говорят в церквях христианских стран и еще реже им следуют. Буддисты не противятся судьбе, не отвечают злом на зло и отказываются от весьма сомнительного удовольствия раздавать оплеухи и отрубать уши своим недоброжелателям в пользу тех, кто, подобно святому Петру, защищает своего учителя подобным образом — затем лишь, чтобы пару часов спустя предать и отречься от него (как гласит общеизвестная история). Аббат желает знать точно, *без двусмысленности*, что я в действительности думаю о христианской легенде? Что ж, для меня не составит труда удовлетворить его любопытство.

Я полагаю, что Иисус Христос, то есть христианский Человеко-Бог, скопированный с аватар, известных в любой стране (с индусского Кришны, равно как и с египетского Гора), вообще не был *историческим* лицом. Он — обожествленная персонафикация прославленных и великих храмовых Иерофантов¹; а его история, рассказанная в Новом Завете

---

¹ В основе каждого деяния новозаветного Иисуса, каждого приписываемого ему слова и каждого события его служения, длившегося, как говорят, три года, лежит реальный цикл Посвящения, связанный с прецессией точек равноденствия и знаками Зодиака. И только лишь когда еврейское Евангелие — не *сочиненное*, но *пересказанное* гностиком Матфеем, из которого впоследствии сделали евангелиста, то самое Евангелие, которое (святой) Иероним отказался переводить на ла-

те, — аллегория, безусловно, содержащая глубокие эзотерические истины, но все же аллегория. Ее можно расшифровать с помощью семи ключей, так же как и *Пятикнижие*. Эту теорию семи ключей церковь, согласно аббату Рока, упростила, «не искажая», сократив число ключей до трех; тогда как на самом деле церковь просто выдумала три фальшивых ключа, которые вообще ничего не открывают. Легенда, о которой я веду речь, основана, как я уже неоднократно писала в своих статьях и комментариях, на существовании персонажа по имени Иеошуа (из которого был впоследствии выведен Иисус), родившегося в Луде (или Лидде) примерно за 120 лет до начала современной эры. Разумеется, данный факт может быть отвергнут (против чего я вряд ли смогу возразить), но в этом случае героя драмы на Голгофе придется признать чисто мифическим персонажем. Ведь невзирая на отчаянные многовековые изыскания, помимо свидетельств «евангелистов» (то есть никому не известных людей, реальность которых так никогда и не была установлена) и *отцов* церкви (заинтересованных фанатиков), ни в истории, ни в престолярной традиции, ни в официаль-

---

тынь в IV веке, мотивируя свой отказ тем, что его текст был якобы фальсифицирован (!) манихейским учеником Селевком (См.: Hieronymus, De viris illust., cap. 3), так вот — только когда это *оригинальное* сочинение будет переведено (для чего его необходимо сперва отыскать) и христианские церкви получат, таким образом, хотя бы *один* не фальсифицированный документ, только тогда можно будет говорить о «жизни Иисуса» и о реальном ходе «известных всем и каждому» событий. Не растрачивая время на точное определение столетия, в котором жил Иисус (или Иеошуа), мы можем обратить внимание читателя хотя бы на тот бесспорный факт, что оккультисты уже сейчас готовы доказать, что даже сакраментальные слова, которые Иисус, согласно Евангелию, произнес на кресте, *подверглись искажению* и что на самом деле они имеют совершенно иное значение, нежели то, которое было придано им в греческом переводе.

ных документах или мемуарах современников *так называемой* драмы так и не было обнаружено никаких серьезных подтверждений реальности исторического существования не только Человеко-Бога, но и даже просто человека по имени Иисус из Назарета, жившего с 1 по 33 год н.э. Вокруг его биографии лишь мрак и тишина. Филон Иудей, родившийся до начала христианской эры и умерший вскоре после того, как, согласно Ренану, галлюцинация истеричной женщины, Марии из Магдалы, дала миру Бога*, совершил несколько путешествий в Иерусалим с интервалом более чем в сорок лет между первым и последним его посещением. Он ездил туда, чтобы собирать сведения для составления истории религиозных сект, существовавших в современной ему Палестине. Ни один автор не оставил таких точных и подробных описаний, как он, ни одна община, ни одно братство, даже самое малочисленное, не могло ускользнуть от его внимания. Почему же он тогда ничего не говорит о назореях? Почему ни словом не обмолвился об апостолах, *божественном* галилеянине и распятии? Ответ прост. Никто в Иерусалиме не разбирался в учениях сект лучше Филона Иудея, но биография Иисуса была *сочинена позже первого века* и, значит, позже смерти Филона. Нам достаточно только прочесть о споре Иринея с гностиками во II веке, чтобы убедиться в этом. Когда Птолемей (180 г. н.э.) заявил, что Иисус, согласно легенде, проповедовал всего лишь *один год* и что он был слишком молод, чтобы учить чему-то действительно серьезному, возмущенный Ириней принялся доказывать, что Иисус проповедовал более десяти, а то и все *двадцать лет!* Одна только традиция, по его словам, свидетельствует о *десяти годах* служения (Contra Haereses, lib. II, cap. 22, pag. 4-5). А в другом месте он утверждает, что Иисус умер в возрасте *пятидесяти или даже более лет!!* Итак, если даже в 180 году

н.э. отцу церкви приходилось прибегать к данным традиции за неимением более точных сведений, а Евангелиям — *Логиям*, коих насчитывалось более шестидесяти — не придавалось большого значения, то о каком историзме может идти речь? Путаница, домыслы, обман и фальшивки — вот чем «обогастили» христианство первые столетия. Евсевий из Цезареи, король фальсификаторов, добавил свои знаменитые 16 строк об Иисусе к рукописи Иосифа, дабы утереть нос гностикам, отвергавшим самый факт существования *реального* персонажа по имени Иисус¹. И кроме того, он приписал Иосифу — фанатичному и убежденному Иудею, умершему при его жизни, рассуждение о том, что *Iasous*'а, возможно, не следует называть человеком (άνήρ), поскольку он был *Помазанником* Господа, то есть Мессией!! (См.: Josephus, Antiq., lib. XVIII, cap. iii, 3).

Но что толку тратить время на повторное изложение фактов, известных каждому образованному человеку? Аббат постоянно отсылает нас к Евангелиям и Св. Павлу, изливает на читателя потоки цитат, а затем торжествующе вопрошает: «Разве это не ясно? Разве *сам* Христос не говорит то или иное, а Св. Павел — пятое или десятое?» Но вряд ли стоит напоминать, что слова Иисуса могут иметь какую-то свидетельскую ценность лишь в том случае, если удастся подтвердить подлинность самих Евангелий. Сам Иисус, в каком бы веке он ни жил, *никогда ничего не писал*, а те слова, которые приписывают ему четыре Евангелия, порою вопиюще противоречивы.

---

¹ Добавьте к этому еще придуманную им знаменитую монограмму для *Labarum** Константина (комбинацию из букв Х, хи, и Р, ро — инициалов имени *Христос*, — которую он связал с Иисусом) и сочиненное им самим видение этого Императора. Однако Гиббон и другие историки уже давно вывели Евсевия на чистую воду, так что ценность его свидетельств теперь общеизвестна.

Что же касается Павла, лица, безусловно, исторического, то в его сочинениях чрезвычайно трудно отделить его собственные слова от приписанного ему впоследствии его редакторами и исправителями. Однако в Посланиях Павла сохранилась (явно по недосмотру) одна, принадлежащая либо ему самому, либо кому-то из его «соавторов», фраза, в двух словах суммирующая распространенное в то время мнение об Иисусе. Загляните в его «Послание к Евреям» (II, 9), и вы узнаете, что Иисус «*был унижен пред Ангелами*». Разве этого не достаточно? Может ли тот, кто был *унижен* перед ангелами, быть Богом — Бесконечным и Единственным?

В самом деле, каждый человек, каждый *Джу-су* (имя Гора, Хонсу, Сына, прообраза человечества) и, кроме того, каждый посвященный, стоящий, в силу своей физической телесности, ниже ангелов, может сказать в присутствии собственного *Аммана* (Божественного Духа): «*Vivit vero in me Christus*»; или, если нужно: «Кришна, Будда или Ормузд живут во мне»¹. Но даже после того, как я повторила в своих «Примечаниях» сказанное ранее о том, что к состоянию *Христа* можно прийти только через стадию *Хреста*, аббат, видимо, считая *первооткрывателем* этого

¹ В иврите слово человек (*Айш*, אִישׁ) образовано от каббалистического понятия אֵשׁ, Иеш (в греческом и французском языках — *Jes-us*), обозначающего одновременно *огонь, солнце, божество и человека*. Это слово (с масоретскими точками) произносилось как אִישׁ, *иш* или *Иеш* и означало, в данном случае, — *человек*. В женском роде это слово звучало как אִשָּׁה, *Исса, женщина*; а в египетском языке — *Isi-s, Исуда*. Косвенной формой слова было אִשָּׁה, *Иессе* или *Иси*, что опять-таки соответствует женскому имени *Isi-s* в египетском языке. Но *Иси* является эквивалентом *Иессея* — имени отца Давида, из рода которого происходил Иисус (*Jes-us*). Впрочем, для того, чтобы уверенно рассуждать на эту тему, необходимо хорошо знать мистический язык и его символику, а церковь этот язык уже давно позабыла.

очевидного факта *самого себя*, угрожающе восклицает, что никто не сможет войти в это прославленное тело иначе как «тесными вратами и узким путем». Для него состояние Христа — это блаженная *нирвана*; и вот он начинает проповедовать то, что мы проповедуем уже двенадцать лет и что я повторила недавно в своих «Примечаниях». Хотя ему достаточно было всего лишь позволить мне закончить то, что он бросил на самом интересном месте, будучи не в состоянии указать какой-либо иной путь к достижению этого блаженства, помимо того, что лежит через лоно его церкви и его собственную веру. Но, увы, этими *angusta porta, et arcta via* не могут быть ни его церковь, ни его вера. В церкви, где *все покупается* — преступления и индульгенции, амулеты и блаженство (земное, во всяком случае; а что до Небесного — «после нас хоть потоп»), и *путь*, и *врата* становятся шире пропорционально сумме, уплаченной верующим. Прочь от меня, религия Иуды! Ведь именно (святому) Петру Учитель сказал: **Vade retro Satanas!** И подтверждением тому, говорю я, следуя излюбленному выражению аббата Рока, служит текст самого Евангелия*.

Он отсылает меня в Дамаск, где я могла бы стать «совершенной посвященной и величайшей из христианских буддисток» (?). Но что бы он сказал, если бы знал, что я достигла своего нынешнего состояния вследствие многолетнего пребывания в стадии *Хреста* и трех десятков лет физического и морального мученичества? Именно мой трудный, но славный путь убедил меня в том, что церкви, коим угодно именовать себя *христианскими*, на самом деле представляют собою не что иное как повапленные гробы, наполненные мертвыми костями эзотерического язычества и морального разложения. И потому я предпочитаю оставаться скромной эзотерической буддисткой и не променяю это звание даже на

лавры величайшей из ортодоксальных и экзотерических христиан. Я с огромным уважением отношусь к трансцендентальной идее универсального *Христа* (или Христа), живущего в душе каждого бушмена и дикого зулуса, равно как и в душе аббата Рока, но в то же время испытываю стойкое отвращение к церковному *христопоклонству*. Мне ненавистны доктрины и догматы, низводящие идеального Христа до уровня абсурдного и гротескного фетиша, завистливого и жестокого идола, готового предать вечному проклятию каждого, кто откажется преклониться перед ним¹. Самый последний гностический доцет*, утверждавший, что распятый Иисус был только *иллюзией*, а вся его история — аллегорией, был гораздо ближе к истине, чем «святой» Августин или даже «Ангел университетов». Язычник, живущий спокойной и патриархальной жизнью, любящий своего соседа и исполняющий свой долг, в тысячу раз ближе к *angusta porta, et arcta via*, чем когда-либо был (святой) Кирилл, безжалостный убийца Гипатии, или (святой) Константин, канонизированный, очевидно, за то, что собственными руками убил своего сына, сварил монахов в смоле и выпотрошил свою жену, чем снискал себе почти такую же печальную славу, как и Нерон.

---

¹ Для меня не составит труда обосновать свое негативное отношение к церковному влиянию, коль скоро ведущий печатный орган римско-католической церкви в Англии — «The Tablet» — сам оказывает мне в этом содействие. Вот что он, в частности, пишет:

«Опубликованный недавно официальный отчет о достигнутом в Индии моральном и материальном прогрессе предлагает весьма специфическую пищу для размышлений относительно предполагаемой пользы миссионерства. Из приведенных в нем цифр можно заключить, что, хотя мы и содействуем явному моральному разложению туземцев тем, что обращаем их в нашу веру, все-таки их естественный моральный стандарт настолько высок, что всех наших усилий по их христианизации»

Ах, да, вот что еще пишет аббат: «Если Махатманам известна возвышенная концепция этого христианского идеала [учение о *Христе*, живущем внутри человека], то это делает им честь!» Но это вовсе не христианский идеал и даже не изобретение Махатманов; это *апофеоз Мистерии Посвящения*. Что же касается «Слова, ставшего плотью», то оно является наследием всего человечества, обретенным в тот момент, когда вселенская Душа воплотилась в человеке (то есть с появлением первого *совершенного человека*, которым, кстати, был вовсе не Адам).

В качестве доказательства божественности Иисуса нам предъявляют его мучения на кресте и добровольный характер его жертвы. И следовательно, для того чтобы признать «Учителя» равным «Христу», первому надлежит согласиться испить из той же самой чаши, которую Иисус осушил в Гефсимании, и при этом простить своих палачей, обрекших его на моральные и физические мучения. Поистине, довольно странная идея! Ведь именно *малозначительный* характер этих страданий вызывает у

ции недостаточно для того, чтобы низвести их до нашего собственного уровня. Статистические исследования по определению уровня преступности среди различных классов и сословий выявили следующие результаты: европейцы — 1 преступление на 274 человека; евразийцы — 1 на 509; туземцы-христиане — 1 на 799; магометане — 1 на 856; *индусы* — 1 на 1361 и *буддисты* — 1 на 3787. Последний результат является настоящим гимном чистоте буддизма; но и вся эта статистика выглядит достаточно поучительно и неопровержимо свидетельствует о том, что если мы действительно печемся о социальном развитии туземцев, то было бы разумнее с нашей стороны на протяжении жизни одного или двух поколений расходовать излишки своих сил и средств на этическое совершенствование собственных соотечественников, вместо того, чтобы стараться сокрушить теологию, а заодно и мораль народа, который сам имеет полное моральное право посылать к нам своих миссионеров ради нашего обращения».

Потрясающее признание!

язычников печальную улыбку. Что значат три года проповедей и общественного служения, завершившиеся несколькими часами страдания на кресте, в сравнении с восьмьюдесятью годами моральных терзаний Гаутамы Будды, пред которыми блекнут все муки плоти! Ах, *Monsieur l'Abbe*, не находите ли вы более сложным, более достойным и более *божественным согласиться жить ради Человечества*, нежели умереть ради него? И как умереть? Жестокой и неотвратимой смертью, от которой Иисус сам хотел бы *избавиться*, поскольку молил своего небесного отца, чтобы *миновала его чаша сия*. И это тоже, слово в слово, пересказ евангельского текста. Так неужели вы надеетесь заинтересовать йога или фанатичного факира этими страданиями, особенно если будете настаивать на их *буквальном восприятии*?¹

Аббат Рока наставляет меня также в истинном значении обращения (святого) Павла, очевидно, полагая, что *мне оно до сих пор непонятно*. Святой Павел, по его мнению, был «посвященным ессейской школы... совершенным назаритом, как он сам гово-

---

¹ Я могу предложить аббату Рока обратиться к запискам месье Жаколио об увиденном им в Индии. Те, кто постоянно живут в этой стране, едва ли не каждый день могут наблюдать сцены, которые так его поразили. Представьте себе фанатичных йогов, которые в каждое новолуние подвешивают себя за кожу на спине к железным крюкам на концах горизонтальной балки, подвижно закрепленной на вершине высокого столба. Эта перекладина, подобно детским качелям, подбрасывает их поочередно высоко в воздух, заставляя их извиваться до тех пор, пока кровоточащая плоть не разорвется и добровольная жертва не окажется отброшенной шагов на двадцать. Взгляните на тех, кто ежедневно на протяжении многих лет жжет свое тело на горячих углях, и на тех, кто по самую шею закапывается в песок и остается в таком состоянии по многу дней, ничем не защищенный от палящего солнца, ночного холода, myriad насекомых и диких животных, не говоря уже о голоде, жажде и прочих удовольствиях подобного рода.

рит о себе» (с. 261). Я благодарю аббата за информацию, но, к сожалению, никак не могу ее принять, поскольку назарит-ессей был бы подобен брахману-буддисту, что несовместимо (хотя мы и слышали о некоем гибриде, который, как говорят, недавно жил в Париже и прозывался там «брахмано-буддистским священником»)! Павел, кем бы он ни был, не мог быть в одно и то же время ессеем и назаритом (если под этим словом подразумевается ветхозаветная секта *назореев*, упоминаемая еще в *Книге Бытия*). Ессее питали отвращение к маслу и вину, тогда как назореи использовали и то, и другое (см. Чис., VI, 20). Первые не признавали «*помазанника Господня*» и по несколько раз на дню совершали омовение водой, подобно индусам и буддистам; тогда как назореи никогда не умывались, но помазывали себя с ног до головы маслом. Павел не преувеличивает, когда говорит в «Послании к Галатам» (I, 15 и далее), что с самого рождения был «*избран*» для служения Господу, то есть обещан в *назореев*, но из того, что он говорит в другом своем Послании о постыдности отращивания мужчиной длинных волос (I Кор., XI, 14) — хотя и сам Иисус, и Св. Иоанн всегда изображаются с длинными волосами, — можно заключить, что он оставался назореем¹ только до своего обращения к гностическому Христу. Иоанн Креститель был настоящим назореем, так же как и Иоанн из «Апокалипсиса», но Савл перестал им быть с тех пор, как стал Павлом. Так что «совершенным

¹ *Nazar* = Избранный (См.: Быт., XLIX, 26; Чис., VI, 2; Суд., XIII, 5, и т.д.). Это слово, будучи записанным без масоретских точек, читается как NZR, נזר, и предоставляет ключ к заключенному в этих трех буквах каббалистическому смыслу, поскольку буква *ну* обозначает *матку*, букву *О*, женщину; *заин* — высшую духовную власть, *скипетр*; а *реш* — *голове*, круг. Бритва никогда не должна была касаться волос и бороды истинного назорея.

назаритом» его никак не назовешь. Он также не смог бы остаться и ессеем, поскольку после Бога ессеи превыше всего почитают Моисея и его Книгу Бытия, а также соблюдают шаббат, тогда как Павел отверг и шаббат, и Моисея. И что прикажете делать? Аббат говорит нам одно, а история и оба Завета — другое.

Так что бесполезно говорить оккультисту, «что открывшееся Павлу ни в коем случае не было гностическим Христом... но в действительности *Хрестом*, со всеми тайнами своего унижения и уничтожения». Ибо этот *Хрестос* — в точности то же самое, что и Хрестос-Христос у гностиков. Павел никогда не был апостолом церковного христианства, будучи гностическим противником Петра. Доказательством этому служат собственные слова Павла (уцелевшие после всех *ревизий и исправлений*), равно как и двойственность значения, вносящая дисгармонию во все его Послания. Если два человека обладают не абсолютной, конечно же, истиной, но знанием некоего подтвержденного свидетельствами факта, иными словами, относительной истиной, почему *один из них должен противостоять другому* (Гал., II, 11) и почему Павел с таким презрением говорит о претензиях Петра (Кифы), Иакова и Иоанна на звание «столпов» церкви?

Точно так же бесполезно отсылать меня к работе д-ра Зеппа «Жизнь Христа». Я читала ее двадцать лет назад и не нашла в ней ничего, кроме фанатизма и плагиата, вольного или невольного, с религиозных учений брахманов. Так что с хроно-сидерической системой этого наделенного живым воображением баварца мы знакомы уже не первый день и многое можем сказать о его вычислениях сароса* — японского винегрета, составленного на основе расчетов Плиния и Свида*. Приведу в пример только одно из них. (J.N.Sepp, *Das Leben Jesu Christi*, vol. II, p. 417.)

Каждый теософ знает о великой эре *Маха-юга*, периодизация которой всякий раз возвращает нас к числу 432. Так, *кали-юга*¹ — описанный брахманами черный и злой век, в котором мир искупает свои грехи, совершенные в трех предшествующих югах, и только на завершающей его стадии может рассчитывать на помощь *аватары* — должна продлиться 432 000 лет, тогда как вся *Маха-юга*, состоящая из *сатья-*, *тре-та-*, *дванара-* и *кали-юги*, длится 4 320 000 лет. Это расчеты, смысл которых брахманы открывают только своим посвященным, расчеты, которые заставили наших востоковедов, ничего в них не понимающих, наговорить массу глупостей. Но именитый мюнхенский профессор выпустил kota из мешка. В томе I (с. 9) своей книги он дает нам следующий ключ:

«[Кеплером] установлен факт, что в момент воплощения все планеты сошлись в знаке *Рыб*, который евреи с начала времен называют *созвездием Мессии*. Звезда Волхвов тоже находилась в этом созвездии...» Эту знаменитую планету в нынешнем году мог лицезреть весь Лондон: это прекрасная Венера-Люцифер, которая, согласно каббалистической еврейской традиции, когда-нибудь поглотит 70 планет, начальствующих над различными народами мира. И на основании этих естественных пророчеств д-р Зепп заключает, что согласно указаниям звезд, Мессия должен был появиться в 4320 *лунном году* от сотворения мира — в тот знаменательный год, когда «весь ансамбль планет пребывал в юбилее».

Таким образом, для того чтобы признать произвольные выводы д-ра Зеппа, опубликованные в его «прекрасном монументе христианскому Гнозису», мы должны, закрыв глаза и скрепя сердце:

---

¹ Помимо прочих ошибок, Сент-Ив д'Альвейдр (*Mission des Juifs*) называет ее Золотым Веком, веком духовного возрождения. — Редактор «Le Lotus».

1) поверить в то, что миру только *шесть тысяч лет* отроду и ни днем больше. (Да здравствуют Книга Бытия и хронология Моисея!);

2) согласиться с тем, что это знаменательное сочетание планет имело место именно в 1 году нашей эры, а не за четыре или пять лет до наступления христианской эры, как доказывает сам Кеплер;

3) позабыть о том, что мы уже знаем, ради торжества несбыточных фантазий церковников. А знаем мы, что все эти астрономические вычисления были *заимствованы* евреями у халдеев, из их 432 000 династических лет, а последние заимствовали их из 4 320 000 лет брахманической *Маха-юги*.

И после всего этого мы должны признать сей великолепный образчик «гнозиса» по-баварски! Мы были бы склонны считать, что д-р Зепп обнаружил свои выводы на дне пивной кружки, если бы не знали о появившихся гораздо раньше — в начале нынешнего века — знаменитых вычислениях полковника Уилфорда, ставших результатом милой шутки, которую сыграли над ним брахманы¹. Кстати говоря, эти вычисления по сей день хранятся в томах Библиотеки Королевского Азиатского Общества в Калькутте, равно как и во всех европейских библиотеках. И все-таки, неужели аббат Рока действительно хочет, чтобы мы позабыли о 4 320 000 годах *Маха-юги* ради 4 320 *лунных годов*, прошедших, по мнению д-ра Зеппа, от Сотворения Мира до *Рождества*?

---

¹ Брахманы, устав от назойливости полковника Уилфорда, решившего во что бы то ни стало отыскать в Индии следы Адама, Евы, Ноя и трех его сыновей, сочинили нечто вроде маленькой красивой *пураны*, в которую вписали эти имена на санскрите, после чего вставили этот фрагмент в одну из древних рукописей. Сэр Уильям Джонс сам попался на эту удочку, а вместе с ним и вся Европа. См. «Введение в религиозную науку» Макса Мюллера.

Вполне возможно, впрочем, что аббат Рока был прав, когда говорил, что расхождения между нашими взглядами не так уж и велики. Что ж, тем лучше, тем лучше. Скажем, его метафору о «белом луче, распадающемся на три основных цвета», можно найти и в моей «Разоблаченной Изиде» (Том II, гл. XII), написанной почти двадцать лет тому назад¹. Возможно, когда-нибудь мы с ним сможем понять друг друга. А пока отправляю в «Le Lotus» некоторые свои примечания* к его недавним словам о Христе распятом, просто для того, чтобы показать аббату, что нам, оккультистам, действительно известно кое-что о том, что только *казалось известным некоторым* отцам церкви. Откуда, например, взялась эзотерическая традиция, согласно которой «Христос [с которым вышеупомянутые отцы не могли быть знакомы лично], умирая на кресте... повернул лицо свое, устремил взгляд своих раскрытых глаз и распростер руки к Западу»? В своих примечаниях я все это объясню, кроме, пожалуй, того, как *Распятый*, чьи руки были прибиты большими гвоздями по обеим сторонам горизонтальной перекладины креста, мог простирать их «к Западу» (что было бы поистине чудесным для человека в его положении). Однако это уже мало-значительные подробности.

---

¹ Для наших читателей процитируем этот отрывок из сочинения мадам Блаватской: «...Как белый луч света разбивается призмой на разные цвета солнечного спектра, так и луч божественной истины, проходя через трехгранную призму человеческой природы, распадается на разноцветные фрагменты, именуемые **религиями**. И как лучи спектра через едва заметные оттенки сливаются друг с другом, так и великие теологии, в той или иной степени отдалившиеся от своего первоначального источника, соединяются друг с другом в местах наибольшего сближения всевозможными мелкими ересями, школами и сектами. Соединив их все вместе, мы снова получили бы единую вечную истину, поскольку разделяют их лишь темные полосы человеческих заблуждений и приобретенного несовершенства...» — Редактор «Le Lotus».

А в заключение я скажу, что по-прежнему считаю, что аббат обманывает сам себя своими оптимистическими надеждами. Я признаю Виктора Гюго великим поэтом, но никогда не слышала, чтобы его называли пророком. Что же касается его заключительных слов (*quant au mot de la fin, ou de la faim**), которые мой собеседник подбрасывает мне под видом прощания, то я могу обратить его внимание на следующие обстоятельства: 1) бедность и грязь встречаются практически везде, где правят католические священники; и 2) там, рядом с Махатмами (следуя его собственному выражению), не должно быть бедных хотя бы потому, что там нет богатых; помимо лживых миссионеров, там бывали и другие люди.

И вот теперь, когда я ответила аббату Рока, *католическому священнику*, мне хотелось бы завершить свой чрезмерно многословный ответ обращением к м-ру Рока, моему критику и собеседнику, чья манера изложения своих мыслей становится неизменно вежливой и одухотворенной в тех случаях, когда он забывает о своей сутане. Именно такому м-ру Рока мне хотелось бы высказать свое сожаление по поводу того, что мне постоянно приходится парировать его удары и противоречить ему везде и во всем. И если этот ответ, так же как и предыдущие мои «Примечания», покажется ему очередным «избиением», то могу заверить его, что это не так. Ибо если мы не понимаем друг друга (несмотря на все его уверения в том, что он *прекрасно меня понимает*), то только потому, что наши представления о ценности и значении христианского, брахмано-буддистского и гностического эзотеризма диаметрально противоположны. И даже то обстоятельство, что мы с ним говорим на одном языке, не в силах нам помочь. Он черпает свои выводы и эзотерическую информацию из источников, мне неизвестных, поскольку все это современные исследования, я же излагаю ему точку зрения древних по-

священных и выводы архаического эзотеризма, о которых он, в свою очередь, насколько я могу судить, не имеет ни малейшего представления.

Если обобщить наши точки зрения и сравнить их *без двусмысленности*, то, как мне кажется, основное различие между ними будет состоять в следующем: если я придерживаюсь эзотерической концепции *универсального Христа*, то есть имперсонального и дохристианского **Логоса**, то он отвечает мне сектантскими представлениями о Христе, распространившимися в нашу эру (хотя сама идея Христа появилась задолго до христианской эры), — представлениями церковными и догматическими.

Эзотеризму древнего Гнозиса, утраченному, по его мнению, церковью, он противопоставляет схоластический эзотеризм средних веков. Он пытается переубедить даже меня с помощью хитростей, изобретенных в свое время теологами и розенкрейцерами, которые, дабы избежать костра, скрывали свои истинные взгляды под маской ортодоксии и любви к христианству, против которых они втайне восставали. Учитывая все это, стоит ли удивляться отсутствию между нами взаимопонимания? Что же касается предложения аббата Рока «ценить убеждения и труды ближнего», то я благодарю его за добрые пожелания, хотя и сомневаюсь в том, что он когда-нибудь сможет оценить *деликатность моих манер* в сочетании с *абсолютной откровенностью моего языка*. Я же со своей стороны могу уверить его в том, что всегда ценила его как талантливого писателя, наделенного широкими взглядами и добрым сердцем, равно как и бесстрашного священника, способного с редким для нашего времени мужеством высказывать свои убеждения.

Как бы то ни было — *vera pro gratiis*, даже если за этим выражением следует его противоположность — *veritas odium parit*.

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ЕВАНГЕЛИЙ

I

«...скажи нам, когда это будет? и какой признак *Твоего присутствия и кончины века?*»¹ — спросили ученики **Учителя** на горе Елеонской.

На этот вопрос Человек Скорбей, *Христос*, шедший навстречу своим мукам и в то же время — навстречу своему триумфу в новом качестве *Христоса*, или Христа², дал поистине пророческий и весьма глубокомысленный ответ, который стоит процитировать целиком. Вот что сказал Иисус:

---

¹ Мат., XXIV, 3 и далее. Курсивом выделены фрагменты, исправленные в ходе недавней ревизии текста Нового Завета, имевшей место в 1881 году и обусловленной тем, что предыдущая версия, составленная в 1611 году, изобиловала ошибками — вольными и невольными. Слово «присутствие», поставленное вместо «пришествия», и «кончина века», вместо «конца света», полностью изменили смысл фразы, что очевидно для всех, даже самых искренних христиан, исключая разве что адвентистов.

² Тот, кто никогда не задумывался и, следовательно, не постиг огромнейшей разницы между двумя греческими словами — *χρηστός* и *χριστός*, никогда не сможет понять, в чем заключается подлинный эзотерический смысл Евангелий; никогда не сможет разглядеть Дух, заживо погребенный под нагромождением букв евангелического текста — безжизненных, как само Мертвое море, и порождающих лишь *формальное*, такое же безжизненное христианство.

Берегитесь, чтобы *кто* не прельстил вас; ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: «я Христос», и многих прельстят. Также услышите о войнах... Но это еще не конец: *Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство, и будут глады, моры и землетрясения по местам; Все же это начало болезней... И многие лжепророки восстанут и прельстят многих... и тогда придет конец... когда увидите мерзость запустения, реченную чрез пророка Даниила... Тогда, если кто скажет вам: «вот здесь Христос», или «там», — не верьте... Итак, если скажут вам: «вот, Он в пустыне», — не выходите; «вот, Он в потаенных комнатах», — не верьте; Ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет *пришествие* Сына Человеческого...*

На основании вышеприведенного отрывка *каждый* может сделать для себя два очевидных вывода, касающихся фраз, исправленных в новом издании Евангелия: а) «пришествие Христа» означает *присутствие Христа* в духовно возрожденном мире, а вовсе не телесное возвращение «Христа» Иисуса; б) этого Христа не следует искать ни в пустыне, ни «в потаенных комнатах», то есть ни в одном из храмов и ни в одной из церквей, сотворенных человеком; поскольку Христос — истинный эзотерический **Спаситель** — это *не человек*, но **Божественный Принцип**, заключенный в каждом человеческом существе. Тот, кто пытается воскресить в себе Дух, *распятый земными страстями* и похороненный в «склепе» грешной плоти; кто нашел в себе силы откатить в сторону *камень материи* от дверей своего *внутреннего* святилища, тот *воскрешает в себе Христа*¹. «Сын Человеческий» — не дитя рабыни-плоти, но сын свободной женщины-Духа², плод собственных деяний человека, его духовных трудов.

¹ «Ибо вы храм [в *переработанной* версии Нового Завета — «святилище»] Бога живого». (2 Кор., VI, 16.)

² Дух, или Святой Дух, у евреев, как и у большинства древних народов, а также и у ранних христиан, считался суш-

С другой стороны, на протяжении всей христианской эпохи описанные Матфеем предзнаменования никогда не проявлялись так ярко и явственно, как в наше время. Когда еще народы восставали друг на друга так ожесточенно, как сейчас? Когда еще имели место столь свирепые «глады» (другое название вопиющей нищеты и повсеместной пытки недоеданием огромных масс пролетариата) и столь частые и масштабные землетрясения, как в последние годы? Крепкие в вере милленаристы* и адвентисты* могли бы сказать, что «пришествие (воплощенного) Христа» уже близко и что уже пришло время готовиться к «концу света». Теософы — во всяком случае те из них, кому понятен скрытый смысл ожидания пришествия вселенских Аватар, Мессий, Сосиошей и Христов, — знают, что это будет не «конец света», но «кончина века», то есть окончание цикла, которое, действительно, уже не за горами¹. Если наши читатели уже успели позабыть заключительные фра-

---

ностью женского рода. *София* у гностиков и третья сефира *Бина* (женская ипостась Иеговы у каббалистов) — все это женские принципы, «Божественный Дух», или *Руах*. «*Ахат Руах Элохим Хайим*». «Едина Она — Дух Элохим Жизни», — сказано в «Сефер Иецире». (гл. I, параграф 9.)

¹ С концом этого столетия приближаются к своему завершению сразу несколько важных циклов. Прежде всего, это истечение 5000 лет цикла кали-юги; и к тому же окончание мессианского цикла самаритянских евреев (а также евреев-каббалистов), связанного со знаком *Рыб* (Ихтис, или «Рыбо-человек» *Даг*). Этот последний цикл — исторически сравнительно короткий, но глубоко оккультный, продолжается около 2155 солнечных лет; однако истинное его значение можно понять только при исчислении его лунными месяцами. Начинаясь он в 2410-м и 255 гг. до н.э., когда точка равноденствия входила, соответственно, в созвездие Овна и в созвездие Рыб. Когда через несколько лет она войдет в созвездие Водолея, у психологов будет неизмеримо больше работы, нежели сейчас, ибо характер человечества в значительной мере изменится.

зы статьи «Знамения времени»*, напечатанной в «Lucifer» за минувший октябрь, пусть они перечитают их заново, и тогда им станет понятно значение этого цикла.

Предупреждение о «лже-Христах» и лже-пророках по сей день продолжает истолковываться благочестивыми христианами, поклоняющимися мертвой букве своего писания, как относящееся прежде всего к мистикам вообще и, разумеется, к теософам в частности.

Подтверждением тому является недавно вышедшая в свет работа м-ра Пембера «Ранний период существования Земли». Но, что бы там ни говорилось, совершенно очевидно, что к теософам слова Евангелия от Матфея едва ли применимы. Ибо теософы никогда не утверждали, что Христос находится «здесь» или «там», в пустыне или в большом городе; и наконец, они никогда не призывали искать Его в «потайных комнатах» — за алтарем какой-либо церкви. Будь они христиане или язычники по своему рождению, они тем не менее всегда выступали против облачения в материю и, следовательно, неправомерного принижения того, что является самым чистым и величественным идеалом, символом символов, а именно — бессмертного Божественного Духа, заключенного в человеке, как бы этот Дух ни назывался — Гор, Кришна, Будда или Христос. И никто из них ни разу не сказал: «Я — Христос», поскольку те из них, кто родился на Западе, считают себя пока что только *христианами*¹, хотя и прилагают все усилия к тому, чтобы стать *христианами* в духе. Это предостережение Христа скорее можно отнести к тем, кто в своей гордыне и тщеславии не желает вести жизнь

---

¹ Самый ранний христианский автор — Юстин Мученик — в своей «Первой Апологии» называет своих собратьев по вере *христианами* (χρηστιανοί), а не христианами.

*Христоса*¹ (которая только и может снискать человеку право носить имя *Христа*), но при этом самонадеянно полагает себя христианином (благословенным, помазанником) — исключительно по праву обряда крещения, через который он прошел, когда ему было всего лишь несколько дней от роду. И как же можно сомневаться в пророческом даре того, кто высказал это предостережение, видя толпы лжепророков и псевдоапостолов (*Христа*), наполнивших землю? Именно они раскололи на бесчисленное множество маленьких кусочков единую божественную Истину — теперь только в протестантском мире монолит Вечной Истины разбит на триста пятьдесят с лишним сект, и число их продолжает расти. Возьмем для примера округленную цифру 350 и предположим, что одной из этих сект удалось-таки более или менее приблизиться к истине; тогда выходит, что остальные 349 учений *по необходимости должны быть ложными*². Но ведь каждая из этих сект утверждает, что Христос находится именно в ее «потаенной комнате», и отказывает в этой привилегии всем другим, в то время как подавляющее большинство сектантов ежедневно распинает Христа на кресте материальной обыденности: по сути дела — на «столбе позора», как называли его древние римляне!

---

¹ «Во II в. Климент Александрийский прямо заявлял о нетождественности этих понятий, утверждая (lib. III, cap. XVII, p. 53, *et circa* — Psal. 55, D), что те, кто верит в Христа (то есть *доброто человека*), называются и в действительности являются *христианами, т.е. добрыми людьми*» (Stromata, lib. II, ch. IV, цит. по кн. Higgins, Anacalypsis, I, 568). И Лактанций говорит (Divine Institutes, lib. IV, ch. vii), что только по невежеству своему люди называют себя христианами, хотя надо говорить — христиане.

² В одной только Англии — свыше 239 различных сект. (Whitaker's Almanac.) В 1883 г. насчитывалось всего 186 наименований, но с каждым годом их число стабильно растет. Только за последние четыре года появились 53 новые секты!

Преклонение перед мертвой буквой библейского текста это не что иное, как одна из форм *идолопоклонства*. Главный догмат веры не может быть двуликим Янусом. «Оправдание» *через Христа* не может быть достигнуто по нашей воле и прихоти, *будь то* оправдание «верой» или «деяниями»; и потому, когда Иаков (II, 25) противоречит Павлу (Евр., XI, 31) и *наоборот*¹, один из них неизбежно должен быть неправ. Следовательно, Библия отнюдь *не является* «Словом Божиим», но, в лучшем случае, содержит в себе слова обыкновенных, подверженных заблуждениям людей и *несовершенных* наставников. Однако если читать ее *эзотерически*, можно найти в ней если не *всю* истину, то, по крайней мере, «*ничего кроме истины*», в какой бы аллегорической форме она ни была изложена. И все же: *Quot homines tot sententiae.*

«Принцип Христа», пробужденный и воссиявший Дух Истины универсален и вечен; и потому истинный Христос не может быть монополизирован никем из людей, даже если кто-то из них присвоит себе титул «Викария Христа» или же «Главы» той или иной государственной религии. Дух «Хреста», как и дух «Христа», невозможно ограничить рамками какой-либо одной веры или секты уже потому, что эта вера или секта, утверждая собственную непогрешимость, стремится вознестись над остальными. Само

---

¹ Справедливости ради следует отметить, что это противоречие появилось, несомненно, вследствие позднейших искажений, внесенных в Послания Св. Павла. Павел сам был гностиком, то есть «Сыном Мудрости», посвященным в истинные *мистерии Христа*, хотя бы он и грозил (или, возможно, делал вид, что грозит) некоторым гностическим сектам, коих в его время было великое множество. Но его Христос не был тем Иисусом из Назарета, как не был и человеком вообще, что убедительно доказал м-р Джеральд Массей в своей лекции «Павел — гностический оппонент Петра». Павел был Посвященным, истинным Учителем-Строителем, или Адептом, как это показано в «Разоблаченной Изиде», том II.

это имя используется сейчас в столь нетерпимой и догматической манере, что христианство превратилось в наши дни в религию чванства *par excellence*, в средство для удовлетворения личных амбиций, в синектуру для тех, кто стремится к богатству, мистификации и власти; в настоящее прибежище для лицемеров. Столь благородный в древности эпитет, о котором Юстин Мученик сказал: «*Одним только этим именем, коим клеймят нас как преступников, мы прославлены*», ныне осквернен и унижен. Миссионер гордится тем, что ему удается *обратить* язычника, для которого христианство становится *профессией*, но почти никогда — религией: источником доходов, получаемых из миссионерского фонда, а также удобным предлогом для оправдания всех своих мелких прегрешений и преступлений, начиная с пьянства и кончая воровством, — ведь все это уже искуплено кровью Иисуса. Но тот же миссионер готов, не колеблясь, публично осудить на вечные муки в адовом пламени самого великого святого, если последний не прошел в свое время через бессмысленный и бесполезный обряд крещения водой, сопровождаемый бормотанием *непонятных* молитв и пустыми ритуалами.

Мы намеренно говорим о «непонятных молитвах» и «пустых ритуалах». Лишь немногим христианам из числа мирян знакомо истинное значение слова *Христос*; а те представители духовенства, которым все-таки удалось его узнать, скрывают это знание от своих прихожан, поскольку воспитывались они в духе неразмышления над подобными вопросами; размышление же приравнивалось к сомнению и почиталось *греховным*. Они требуют слепой, безоговорочной веры и *запрещают любые исследования как непростительный грех*, хотя все, что ведет к постижению истины, ничем иным, кроме как святым, быть не может. Ибо что есть Божественная Мудрость, или

Гнозис, как не сущностная реальность, стоящая за мимолетными внешними образами существующих в природе объектов, как не сама душа проявленного **Логоса**? И почему же тогда люди, стремящиеся к достижению единства с вечным и абсолютным Божеством, должны отказываться от мысли о проникновении в его тайны, какими бы отпугивающими они ни казались? И почему они должны произносить имена и фразы, подлинный смысл которых остается для них тайной за семью печатями, простым, мало что значащим звуком? Не кроется ли истинная причина в том, что один не слишком шепетильный общественный институт, именуемый церковью, боится утратить свою власть над душами людей, пугая и грозя каждому, кто попытается выйти за установленные ею рамки, объявляет его богохульником, стараясь уничтожить самый дух исследования? Но теософия — «Божественная Мудрость» — никогда не обращала внимания на эти окрики, имея мужество высказывать собственное мнение. Скептики и фанатики наверняка навесят на нее за это качество очередной ярлык: первые — какой-нибудь пустой «-изм», вторые назовут «сатанизмом». Но уничтожить теософию ни тем ни другим не удастся. Теософов уже называли и атеистами, и ненавистниками христианства, и даже врагами Бога и богов. Но, не являясь никем из перечисленных, теософы приняли решение — публично, на страницах печатных изданий, четко и ясно изложить свои идеи и свое кредо или, по крайней мере, пояснить свою позицию в отношении монотеизма и христианства, чтобы непредвзятый читатель мог сам во всем разобраться, дав оценку как теософам с их верой, так и вере клеветующих на них и самим клеветникам. Ни один искренне стремящийся к истине человек не станет возражать против такого честного и открытого диспута; и новый свет, пролитый на эти проблемы, —

даже если его будет слишком много — никого не ослепит, хотя поначалу и вызовет удивление. Напротив, такие люди будут только благодарны «Lucifer»; а те, о ком сказано — «*qui vult decipi decipiatur*», пусть и впредь позволяют дурачить себя как угодно!

Редакция вышеназванного журнала намерена начать публикацию целого цикла статей*, посвященных скрытому значению, или эзотеризму, Нового Завета. Священные книги всех великих мировых религий являются своеобразными хранилищами, в аллегорической и символической форме отражающими тайные учения Мистерий Посвящения, известные человечеству в более или менее завуалированной форме с доисторических времен. И Библия в этом смысле также не является исключением. Первые авторы *Логий* (ныне — Евангелий), безусловно, знали *истину*, всю истину; однако их наследникам достались уже только догма и форма, ведущие скорее к установлению в сердце человека понятия иерархической власти, нежели к постижению истинного духа так называемого учения Христа. Отсюда и постепенное извращение подлинной сути. Как справедливо отмечает Хиггинс, в Христологии Св. Павла и Юстина Мученика мы имеем эзотерическую религию Ватикана: утонченный гностицизм — для кардиналов, более грубая его форма — для простого народа. Именно эта последняя — только еще более материалистическая и извращенная — дожила до нашего времени.

Идея публикации указанного цикла статей была подсказана письмом, напечатанным в октябрьском номере нашего журнала* под заголовком «Противоречивы ли учения, приписываемые Иисусу?» Однако было бы ошибкой усматривать в нашем решении попытку опровергнуть или же принизить значение критики м-ра Джеральда Массея. Противоречия, отмеченные этим высокообразованным лектором и пи-

сателем, слишком очевидны, чтобы их мог опровергнуть какой-либо «проповедник» или апологет Библии; поскольку м-р Массей лишь более лаконичным и сильным языком изложил то, что было сказано о потомке Иосифа Пандиры (или Пантеры) из книги Талмуда «Сефер Толдош Иешу» во втором томе «Разоблаченной Изиды». Следовательно, его убежденность в поддельном характере Библии и Нового Завета *в их ныне существующей редакции* разделяется также и автором настоящей статьи. Как можно, учитывая недавний пересмотр текста Библии и выявленные при этом многие тысячи ошибок, неточно переведенные выражения и интерполяции (из которых только часть была признана и исправлена), упрекать кого-то в неверии в авторитетность этих писаний!

Однако против одной короткой фразы в упомянутом письме редакторы хотели бы возразить. М-р Джеральд Массей пишет:

Какой прок от ваших «клятв на Библии», если книга, на которой вы клянетесь, является собранием фальшивок — уже разоблаченных или таких, что вот-вот будут разоблачены?

Безусловно, такой маститый и высокообразованный ученый-символист, каким является м-р Дж. Массей, никогда не скажет, что «Книга Мертвых», или Веды, или любое другое древнее Писание это всего лишь «собрание фальшивок»¹. Так почему бы

---

¹ Исключительно богатый материал, изученный и сопоставленный этим талантливым египтологом, позволяет утверждать, что он в полной мере постиг секрет создания Нового Завета. М-р Массей хорошо видит разницу между духовным, божественным, чисто метафизическим Христом и выдуманным «земным персонажем» — телесным Иисусом. Ему также известно, что христианский канон, и в особенности Евангелия, Деяния и Послания, составлены из фрагментов гностической мудрости, у которой — *до-христианская* основа, уходящая своими корнями в **мистерии** Посвящения. Но

в том же самом свете не посмотреть и на Ветхий, и, *в еще большей степени*, на *Новый Завет*?

Все эти сочинения следует признать «собраниями фальшивок», если трактовать их с позиций экзотерической мертвой буквы, как это делали древние, и в особенности современные толкователи-теологи. К тому же каждое из Писаний было превращено в орудие укрепления власти и реализации политических амбиций беспринципного духовенства. Все они насаждали суеверия, все превращали своих богов в изрыгающих проклятия молохов и демонов, и все принуждали народы служить этим чудовищам более ревностно, нежели Богу Истины. Но если все хитроумные догмы и злонамеренные искажения комментаторов вполне очевидны и являются «фальшивками, уже разоблаченными», то сами тексты — это кладези универсальных истин; хотя для мира непосвященных и грешников они являются набором загадочных слов, начертанных «пальцами человеческой руки» на стене дворца Валтасара; *и требуется Даниил, который помог бы прочесть и понять их.*

И все-таки **истина** не может позволить себе остаться без свидетелей. Кроме великих мудрецов, Посвященных в символику Писаний, есть еще скромные ученики, постигающие секреты мистерий архаического эзотеризма; ученые, владеющие древнееврейским и другими мертвыми языками, — те, что посвятили себя разгадыванию речений Сфинкса ми-

---

метод теологического изложения и все эти вставленные отрывки и фразы (как, например, в «Евангелии от Марка», XVI, стих 9 и далее до конца) как раз и превращают Евангелия в «собрание (*нечестивых*) фальшивок», дискредитирующих **Христоса**. Однако же оккультист, отличающий одно течение от другого (истинно гностическое от *псевдо*-христианского), знает, что те фрагменты, которые не подверглись теологическому искажению, заключают в себе древнюю мудрость. И м-р Джеральд Массей знает это так же хорошо, хотя его взгляды и отличаются от наших.

ровых религий. И хотя никто из них не обладает всеми «семью ключами» к этой великой загадке, все же они знают достаточно, чтобы утверждать: *существовал* универсальный язык мистерий, на котором и были составлены все Мировые Писания — от Вед до «Откровения» и от «Книги Мертвых» до «Деяний». По крайней мере, один ключ (числовой и геометрический)¹ к Сокровенному Языку сейчас уже обнаружен; этот древний язык долгое время оставался и продолжает оставаться скрытым, но факт его несомненного существования подкрепляется массой свидетельств, подтверждаемых неоспоримыми математическими вычислениями. Действительно, если настаивать на принятии Библии в ее буквальном смысле на фоне всех тех открытий, что были сделаны востоковедами, и всех достижений независимых исследователей и каббалистов, то нетрудно предвидеть, что уже нынешнее новое поколение в Европе и Америке отвергнет ее так же, как это сделали все материалисты и логики. Ибо, чем больше изучаешь древние религиозные тексты, тем яснее понимаешь, что основа у Нового Завета та же, что и у Вед, и у египетской теогонии, и у аллегорий маздеизма. Искупление кровью, соглашения, скрепленные кровью, и передача крови от богов людям и от людей богам (в виде жертвоприношения) — вот первая ключевая нота в каждой космогонии и теогонии; душа, жизнь и кровь — эти слова были синонимами в каждом языке и прежде всего у евреев; дать кровь означало

---

¹ «Ключ к разгадке этого языка, насколько это известно автору, был найден, как ни странно, геометром, использовавшим для этого открытое интегральное соотношение числовых значений длины диаметра круга и длины его окружности». «Это соотношение составляет 6561 для диаметра и 20612 для длины окружности». (Каббалистическая рукопись.) В одном из будущих номеров «Lucifer» мы, с разрешения автора этого открытия, расскажем о нем подробнее. — Ред. «Lucifer».

дать жизнь. Многие легенды (географически) отделенных друг от друга народов производят душу и сознание новосотворенного рода человеческого из крови его божественных создателей. Берос записал одну халдейскую легенду, согласно которой новая раса людей произошла из праха, смешанного с кровью, пролившейся из отрубленной головы бога Бела. «Вот почему люди обладают разумом и причастны к божественному знанию», — комментирует Берос¹. А Ленорман показал (*The Beginnings of History, etc.*, p. 52), что «Орфики... говорили, что нематериальная часть человека, его душа [его жизнь] произошла из крови Диониса Загрея, разорванного на куски Титанами...» Кровь «оживляет мертвого», то есть метафизически дает сознательную жизнь и душу человеку, созданному из материи или праха — такому, как наш современный материалист. Мистическое предписание — «Истинно говорю вам, если не *вкусите плоти Сына человеческого* и не *выпьете крови его*, не обретете жизни в себе» [Иоан., VI, 53] — никем и никогда не может быть понято в его истинном *окультурном* значении, за исключением тех, кто уже обладает некоторыми из *семи ключей*, но при этом не возлагает слишком больших надежд на Св. Петра². Кто бы ни произнес эти слова — Иисус из

---

¹ Cory, *Ancient Fragments*, p. 59. Так же считают Санхуниафон и Гесиод. Они оба полагают, что *оживление* человечества стало возможным благодаря отданной богами части своей крови. Но кровь и *душа* суть одно и то же (*нефеш*), и кровь богов означает здесь оживляющую душу.

² Существование этих *семи* ключей, по сути дела, уже признано, благодаря глубоким изысканиям в области египтологии, осуществленным все тем же м-ром Дж. Массеем. Хотя и отрицая учения эзотерического буддизма, понятые им, к сожалению, абсолютно превратно, в своей лекции «Семь душ человека и их кульминация во Христе» м-р Массей сообщает (с. 21): «...Эта система мышления, этот тип представлений, эта семеричность сил в различных аспектах была известна в Егип-

Назарета или Иешуа Бен-Пантера, совершенно очевидно: это сказал **Посвященный**. Их правильная интерпретация возможна только с помощью *трех* ключей: один из них открывает *психическую* дверь, другой — *физиологическую*, и третий, выявляя неразрывную связь между теогонией и антропологией, раскрывает тайну земного бытия. Именно за распространение некоторых из этих истин с *одной-единственной целью* — *спасти мыслящее человечество от умопомрачения материализма и пессимизма* — мистиков часто объявляли слугами Антихриста, причем порою к этим обвинениям присоединяли свои голоса даже самые добропорядочные, искренне верующие и уважаемые люди из числа христиан.

Первым ключом к постижению затемненного смысла мистического имени Христа является понимание древних мистерий ариев, сабеев и египтян. Гнозис, вытесненный впоследствии христианской догматикой, был поистине универсален. Он был эхом изначальной Религии Мудрости, некогда бывшей наследием всего человечества; и, следовательно, можно с уверенностью утверждать, что в своем чисто метафизическом аспекте Дух Христа (божественный *Логос*) присутствовал в человечестве с самого его появления. Автор клементинских поуче-

---

те, по меньшей мере, семь тысячелетий тому назад, что подтверждается некоторыми ссылками на Атума [бога, «лицетворявшего отцовство, представляемое как *источник вечной души*» — *седьмого* принципа у теософов], фигурирующими в надписях, обнаруженных недавно в Саккара. Я говорю — «в различных аспектах», *поскольку Гнозис Мистерий имел, по меньшей мере, семеричную природу* — элементарную, биологическую, элементарную (человеческую), звездную, лунную, солнечную и духовную — и *только охватив взглядом всю систему в целом, мы сможем научиться различать отдельные ее части, отличать одну от другой, определять кто и что, коль скоро мы стремимся проследить эту символическую Семерку во всех ее различных ипостасях*».

ний* прав: мистерия Христа, которую, как ныне считается, проповедовал Иисус из Назарета, «идентична» той, что с самого начала была открыта «тем, кто был достоин» (как сказано в другой лекции)¹. Из Евангелия, со слов Луки, мы узнаем, что этими «достойными» были посвященные в мистерии Гнозиса: они были «признаны достойными» получить «воскресение из мертвых» в этой жизни; это «те, кто знает, что смерть более не властна над ними, ибо они равны ангелам и суть сыны Божьи и сыны Воскресения». Следовательно, такими являлись величайшие из Адептов *всех религий*; а вышеприведенные слова адресованы тем, кто, даже не будучи Посвященным, искренне стремится *жить жизнью* и достигает вследствие этого духовного озарения по мере того, как его личность — «Сын» — сливается со своим «Отцом» — индивидуальным божественным Духом, *Богом, пребывающим внутри* каждого из нас. Это «воскресение» не может быть исключительной привилегией одних христиан, но является духовным правом каждого человека, имеющего душу и дух, какую бы религию он ни исповедовал. Такой индивидуум становится *Христо-человеком*. И с другой стороны, те, кто игнорирует в себе Христа (принцип), так и умрут *невоскрешенными язычниками*, невзирая на крещение, причастия, формальные молитвы и веру в догмы.

Чтобы понять все вышесказанное, читатель должен усвоить архаическое значение этих двух терминов — *Хрестос* и *Христос*. Первый, разумеется, означает нечто большее, нежели просто «хороший», «превосходный человек», тогда как второй вообще неприменим ни к одному из обычных людей, но только к Посвященным в момент *их второго рождения и вос-*

---

¹ «Гностическое и историческое христианство».

кресения¹. Тот, кто находит Христа, признавая в нем свой единственный «путь», становится последователем и Апостолом Христа, даже если такой человек ни разу не проходил через обряд крещения и никогда в жизни не встречался с «христианином», не говоря уже о том, что и самого себя он таковым не считает.

II

Слово «Хрестос» существовало задолго до того, как мир услышал о христианстве. Оно встречается с V в. до н.э. — у Геродота, Эсхила и других классических греческих авторов, где оно употреблялось по отношению как к людям, так и к предметам.

Так, у Эсхила (Choerphogoe, 901) мы читаем о *μαντεύματα* (*пифохрестах*) — «оракулах пифийского Бога» (Greek-English Lexicon), возвещавшихся через пифию; *Пифохрестос*, это именительный падеж единственного числа прилагательного, образованного от *храο χράω* (Euripides, Ion, 1218). Более поздние значения, весьма вольно выведенные из первоначального, многочисленны и многообразны. Языческие классики использовали глагол *χράομαι* («вопрошать оракула») в нескольких значениях, ибо он означал также «предопределенный», *предназначенный* оракулу, в смысле *требуемой им жертвы* или жертвы **слову**, поскольку слово *хрестерион* обозначало не только «местонахождение оракула», но также — «предназначенное оракулу приношение»². *Хрестес*, *χρήστης* это

¹ «Истинно, истинно говорю я тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Иоан., III, 5). Вмещается в виду *рождение свыше*, духовное рождение, достигаемое во время наивысшего и последнего посвящения.

² Слово *χρεών* Геродот объясняет (7.11.7) как речение оракула, в то время как у Плутарха (Lives: Nicias, XIV, b) τὸ χρεών

тот, кто объяснял, толковал оракулы, «*прорицатель, предсказатель*» (Liddell and Scott, Greek-English Lexicon); а *хрестериос*, χρηστήριος — тот, кто принадлежит или служит оракулу, Богу или «Учителю»¹, что бы там не говорил каноник Фаррар².

— «предначертание», «необходимость». См.: Геродот, VII, 215; V, 109; и Софокл «Филоклет», 437.

¹ Здесь имеются в виду типичные взаимоотношения между *гуру*, учителем, и *чела*, учеником.

² В своей новой книге «Первые дни христианства» каноник Фаррар отмечает: «Пс. XXXIV, 8, χρηστός, “благой” (Avg. *dulcis*, Вульг. *suavis*). Ср.: Лук., V, 39; VI, 35. В словах *хрестмос* (“благой”) и Христос некоторые предполагают забавную игру слов, основанную на созвучии...» (vol. I, p. 158). Но тут нечего предполагать, поскольку с этой «игры слов» как раз все и началось. Только имя Христус *не* было «искажено и преобразовано в *Хрестос*», как убеждает читателя наш ученый автор (I, p. 19); но, напротив, существительное и прилагательное *Хрестос* было искажено и переименовано в *Христус* и в такой форме присвоено Иисусу. В примечании к слову «Христианин», встречающемуся в «Первом Послании Петра» (IV, 16) и в позднейших списках *исправленному на христианина*, каноник Фаррар снова отмечает: «...Возможно, нам следует читать так, как неверно написал невежественный язычник, — *христианин...*» (I, p. 171). Разумеется, следует, ибо наш красноречивый автор должен помнить завет своего Учителя — отдавать кесарю кесарево. К тому же, м-р Фаррар должен признать, что слово *христианин* было впервые придумано насмешливыми и глумливыми антиохийцами в 44 г. н.э. и вплоть до репрессий Нерона широкого распространения не имело. «Тацит (Анналы, XV, 44), — пишет он, — использует слово “*Christianos*” с оттенком пренебрежения. Общеизвестно, что в Новом Завете оно употребляется лишь трижды и всякий раз в связи с выражением недоверия (Деян., XI, 26; XXVI, 28, так же как и IV, 16)» (vol. I, p. 147). Не только Клавдий с тревогой и подозрением наблюдал за христианами, прозванными так в насмешку за их стремление к овеществлению субъективного принципа (или атрибута), но и все языческие народы. Тацит, например, говоря о тех, кого в народе называли «христианами», описывает их как категорию людей, *вызывавших стойкое и всеобщее отвращение за свои гнусности и преступления*. Чему удивляться? — история повторяется. Безусловно, на свете есть множество благородных, искренних и добродетельных

Все вышесказанное свидетельствует о том, что термины «Христос» и «христиане», первоначально произносившиеся как *Хрестос* и *христиане*, *χρηστιανοί*¹, были заимствованы из храмовой терминологии язычников, при этом их значение осталось прежним. Бог евреев заменил теперь оракула и других богов; родовое понятие «Хрестос» стало принадлежностью одного лица; и новые термины, такие, как *Christianoi* и *Chrestodoulos* («последователь или слуга Хрестоса»), были созданы из старого материала. Это наглядно показано Филоном Иудеем — монотеистом, который пользуется этим термином в своих, монотеистических целях. Ибо он говорит о *θεόχρηστος* (*теохрестос*), то есть о том, что «провозглашено Богом» (или о тех, кто провозглашен Богом), и о *λόγια θεόχρηστα* (*логия теохреста*) — «изречениях, исходящих от Бога», что является доказательством того, что он писал в период (между I в. до н.э. и I в. н.э.), когда ни христиане, ни хрестиане еще не были известны под этими именами, но все еще называли себя назаряями. И хотя между двумя словами — *χράω*, «вопрошатель или получать ответ от Бога или оракула» (*χρεώ* — более ранняя, ионическая форма этого слова), и *χρίω* (*хрию*), «натирать, помазывать», — большая разница, это не помешало духовенству превратить термин Филона (*θεόχρηστος*) в другой — *θεόχριστος* («помазанный Богом»). Таким образом, в

мужчин и женщин, являющихся *христианами* (*христианками*) по рождению. Но сейчас нас интересуют только мерзости, творимые обращенными в христианство «язычниками»; только *моральный облик* индийских прозелитов, от которых открещиваются даже сами миссионеры. Мы хотим провести параллель между новообращенными 1800-летней давности и современными язычниками, на которых «снизошла благодать».

¹ Юстин Мученик, Тертуллиан, Лактанций, Климент Александрийский и др. произносили и писали именно так.

чисто догматических целях буква η была заменена на ι; и, как мы это теперь наблюдаем, подмена с успехом удалась.

Мирское значение слова *Χρηστος*, часто встречающегося в греческой классической литературе, было тем же, что и в мистериях. Выражение Демосфена ὁ χρηστέ (De corona, 318 [330]) означает просто — «о добрый человек»; у Платона читаем (Phaedrus, 264 C): χρηστὸς εἶ, ἵτι με ἠγεῖ, «ты очень добр, раз так думаешь...». Однако в эзотерической фразеологии храмов «хрестосом»¹ — слово, которое, подобно причастию *Chrestheis*, было образовано по тому же правилу от глагола χράσσει («вопрошать Бога») и имело тот же самый смысл — назывался тот, кого мы могли бы назвать Адептом, а также — высшим чела, учеником. Именно в этом значении мы встречаем его у Эврипида (Ion, 1320) и Эсхила. Этот эпитет применялся к тем, кого бог, оракул или еще кто-либо вышестоящий удостоивал своим упоминанием. Тому можно привести следующий пример.

---

¹ См. «Греко-Английский Словарь» Лидделла и Скотта. На самом деле *Χρηστος* — тот, кто постоянно получает предостережения, советы и наставления от оракула или прорицателя. М-р Дж. Массей не совсем точен, когда говорит, что «...В своей гностической форме имя Хрест, или Хрестос, обозначает *Благого Бога*, а не человека», поскольку обозначало оно все-таки последнего, то есть доброго, святого человека; но он абсолютно прав, когда добавляет, что *Chrestianus* означает «благость, доброту или великодушие (своего рода ранняя версия “Приятности и Света” Мэттью Арнольда)». «*Chrestoi*, то есть *Благие Люди*, существовали и раньше. Многочисленные греческие надписи свидетельствуют о том, что умерший герой, приравненный к святым, то есть “Благой”, титуловался именем *Χρηστος*, или Хрестос; из этого значения — “Благой” — Юстин, главный апологет, выводит слово *христианин*. Это отождествляет его с гностическим источником и, согласно Марциону, с проявляющим себя “Благим Богом”; то есть с Ун-Нефер или Благо-открывателем из египетской теологии». (Agnostic Annual)

Встречающееся у Пиндара выражение χρῆσεν οἰκιστῆρα (Odes: Pythia, IV, 6) означает — «оракул провозгласил его переселенцем». В этом случае дух греческого языка допускает, чтобы такого человека называли χρῆστός (Хрестос). Следовательно, этим словом можно было назвать любого ученика, признанного учителем, равно как и просто любого хорошего человека. Но теперь греческий язык допускает довольно странные этимологии. Христианская теология постановила, что имя «Христос» следует производить от χρίω, χρίσω (Хрисо) — «помазанный благовонными мазями или маслом». Но это слово имеет несколько значений. У Гомера (Илиада, XXIII, 186; также — Одиссея, IV, 252) и у многих других древних авторов оно употребляется в значении — «натирать тело маслом после купания». Таким образом, слово χρίστης (Христес) скорее обозначает — *чисто вымытый*, в то время как Хрестес (χρήστης) — это «жрец, пророк»; то есть именно последний термин более применим к Иисусу, нежели «намазанный, помазанный», так как Норк, ссылаясь на авторитет Евангелий, показал, что Иисус никогда не был помазан ни как царь, ни как священник. Словом, мы видим здесь глубочайшую тайну, разгадать которую (я на этом настаиваю) можно, лишь опираясь на обширные познания в области *языческих мистерий*¹. Не авторитет ранних отцов церкви, пре-

---

¹ И вновь я должна обратиться к авторитету м-ра Массея (которого я цитирую практически непрерывно как несомненного знатока и исключительного специалиста в данном вопросе): «Мое толкование, или скорее объяснение слова “христианин”, — говорит он, — отталкивается от египетской мумии-Христа, называвшейся египтянами *Карест* и являвшейся символом бессмертного духа в человеке, внутренним Христом (по выражению Павла), воплощенным проявлением божества, Логосом, Словом Истины (*Макхеру* у египтян). Но мумия была не просто символом! Сохраняемая мумия оставалась *мертвым телом того, кто был Карестом*

следовавших свои собственные цели, является наиболее достоверным источником для определения значений терминов *Хрестос* и *Христос*, но свидетельства, оставленные древними, жившими в до-христианские века. Ибо последние никаких целей не преследовали, а потому утаивать или исказить что-либо им не было никакой нужды; в силу этого, их свидетельства, безусловно, более достоверны. Эти свидетельства можно обнаружить, обратившись сперва к классикам древности, объясняющим в своих сочинениях значение этих слов, а затем — к мистической символике, определяющей их истинный смысл.

Слово *Хрестос*, как уже говорилось, имеет несколько значений. Оно может быть отнесено и к Божеству и к Человеку. В первом значении оно употребляется в Евангелиях (например — Лук., VI, 35), обозначая — «добрый, милосердный» (*χρηστός ἐστὶν ἐλπί τοῦς*); и в «Первом Послании Петра» (II, 3), где сказано — «благ Господь» (*χρηστός ὁ Κύριος*). С другой стороны, Климент Александрийский подразумевает под этим словом просто доброго человека: «Все, кто верит в *Хреста* (доброго человека), называются и в действительности являются христианами, то есть добрыми людьми (*Strom., lib. II, ch. iv*)». Скрытность Климента вполне естественна, ибо его христианство, как справедливо отмечает Кинг в своих «Гностиках и их наследии», было не более чем хилой веточкой, привитой к могучему стволу платонизма, первоначально им исповедуемого. Прежде чем стать христианином, он был Посвященным-неоплатоником; и, как бы ни изменились его взгляды, это не могло освободить его от ранее данного обязатель-

---

(мумифицированным), и потому живым людям надлежало заботиться о ее сохранности. Со временем, вследствие постоянного повторения, мумия стала прообразом воскресения из мертвых (но не воскресением мертвого!). Более подробное объяснение этой традиции см. ниже.

ства хранить в тайне некоторые вещи. Будучи теософом и *гностиком* (то есть тем, кто *знает*), Климент просто не мог не знать, что *Христос* — это «Путь», тогда как *Хрестос* — одинокий путник, следующий по этому «Пути» к достижению конечной цели, которая и есть тот самый *Христос* — сияющий в славе Дух **Истины**, воссоединяясь с которым душа (Сын) становится **Единой** с Духом (Отцом). О том, что Павел, несомненно, знал эту истину, говорят его собственные слова. Ибо что еще может означать его фраза — οὗς παλιν ὠδίνω ἄχρις οὗ μορφωθῆναι χριστὸς ἐν υμῖν, звучащая в официальном переводе как: «Я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос»; что еще она может означать, как не эзотерическое напутствие: «пока вы не отыщете в себе *Христоса* как свой единственный “путь”». (Гал., IV, 19)

Таким образом, Иисус из Назарета или из Луда¹ был Хрестосом; и это так же бесспорно, как и то, что при жизни своей он никогда не носил титул *Христос*, вплоть до самого последнего своего испытания. Вполне возможно, что, как предполагает Хиггинс, «Иисуса сначала звали — *χρειζος*, потом —

---

¹ Или Лидды. Согласно раввинской традиции, зафиксированной в Вавилонской «Гемаре» под названием «Сефер Толдош Иешу», Иисус был сыном человека по имени Пандира, и жил он за сто лет до начала христианской эры, а именно — во время правления еврейского царя Александра Ианнея и его жены Саломеи (между 106 и 79 г. до н.э.). Обвиненный иудеями в колдовстве, которому он обучался в Египте, и в похищении из Святая Святых Непроизносимого Имени, Иегошуа (Иисус) был приговорен к смерти Синедрионом в Луде. Его забросали камнями, а затем распяли на дереве в канун праздника Песах (Пасха). Источником этих сведений называются талмудические сочинения *Сота* и *Синедрион*. См.: «Разоблаченная Изида», II, 201; Арнобий (*Adv. Gentes*, I, 43); Элифас Леви, «*La Science des Esprits*»; и лекция Дж. Массея «Исторический Иисус и мифический Христос».

χρηζος, и только после этого — χρισος. Написание χρεϊζος использовалось до того, как в алфавите утвердилась буква “Н” [заглавная буква “эта”]». Но преподобный Р.Тейлор в своем ответе Паю Смиуту (цит. на с. 113) утверждает: «Лестный эпитет **Хрест...** означал не более чем просто “хороший человек”».

Здесь опять-таки можно призвать в свидетели многих античных писателей, удостоверяющих, что *Христос* (или вернее — *Хрейстос*) это эпитет, применявшийся, наряду с *χρηζος*=Хрестос, в отношении язычников-неиудеев до начала христианской эры. В «Philopatris», 17, сказано: πάντα, εἰ τύχη γε χρηστὸς καὶ ἐν ἔθνεσι, то есть — «если хрестос может быть среди язычников», и т.д.

Тертуллиан разоблачает в III главе своего «Apologeticus» слово «*Christianus*» как результат «ловкой интерпретации»¹; а д-р Джон Джонс, напротив, приводит подкрепленные достоверными источниками

---

¹ «*Christianus vero, quantum interpretatio est, de unctione deducitur. Sed et cum perperam Chrestianus pronunciatur a vobis (nam nec nominis certa est noticia penes vos), de suavitate vel benignitate compositum est*»*. Каноник Фаррар прилагает большие усилия к тому, чтобы представить эту допущенную различными отцами церкви *lapsus calami* как следствие распространения в то время страхов и антипатий. «...Не приходится сомневаться, — пишет он (The Early Days of Christianity, vol. I, с. 60), — ...в том, что название “христиане”... было прозвищем, придуманным язвительными антиохийцами... Понятно, что авторы священных писаний старались не употреблять это слово [христиане], поскольку его использовали их враги... (Тацит, «Анналы», XV, 44). Общеупотребительным оно стало только после того, как на него пролился свет добродетелей, присущих христианству...» Такому выдающемуся мыслителю, каким является каноник Фаррар, столь неубедительное и жалкое объяснение просто не к лицу. Что же касается «добродетелей христианства», проливающих свет на это имя, то мы надеемся, что автор не имел в виду ни Александрийского епископа Кирилла, ни Евсевия, ни императора Константина, снискавшего себе славу убийцы, ни Пап из рода Борджиа, ни Святейшую Инквизицию.

данные о том, что *Христос* (χρηζος) «было обычным именем, которым называли его [Христа] гностики и даже неверовавшие», и утверждает, что истинным его именем должно быть χριζος, или Христос, повторяя тем самым «благочестивую ложь» ранних отцов — ту ложь, которая привела к грубой материализации всей христианской системы¹. Но я, в меру своих сил и знаний, попытаюсь объяснить истинный смысл всех этих терминов.

Слово «Христос», или «состояние Христа», всегда было синонимом «состояния Махатмы», то есть единства человека с заключенным в нем божественным принципом. Как говорит Павел (Еф., III, 17): «κατοικῆσαι τὸν χριστὸν διὰ τῆς πίστεως ἐν ταῖς καρδίαις ὑμῶν». «Найдете Христа в сердце своем через *знание*», а не через веру, как сказано в переводе*; ибо *Pistis*, как будет подробнее показано ниже, есть «*знание*».

Существует и другое, гораздо более убедительное доказательство тому, что имя *Христос* имеет до-христианское происхождение. Это имя содержится в пророчестве Эритрейской Сивиллы. Читаем: ΙΗΣΟΥΣ ΧΡΕΙΣΤΟΣ ΘΕΟΥ ΥΙΟΣ ΣΩΤΗΡ ΣΤΑΥΡΟΣ. Набор существительных; для непосвященного — полнейшая бессмыслица. Но если прочесть их эзотерически, перед нами возникнет настоящее пророчество (правда, касается оно не Иисуса) — фраза из мистического катехизиса Посвященного. В пророчестве говорится о нисхождении на Землю Духа Истины (Христоса), после пришествия которого (опять-таки не имеющего ничего общего с возвращением Иисуса) наступит Золотой Век. Эта фраза указывает на необходимость прохождения через распятие плоти, или материи, во имя достижения блаженного состояния внутренней (или субъективной) *теофании* и *теопнейстии**. Если

¹ Цит. по Г.Хиггинсу (См. vol. I, с. 570).

прочсть ее экзотерически, то слова «*Iesous Chreistos theou huios soter stauros*» (что буквально означает — «Иесус, Христос, Сын Бога, Спаситель, Крест») могут показаться блестящим поводом для христианского пророчества; но это пророчество *язычника*, а не христианина.

Если уж братья за объяснение имени *Iesous Chreistos*, то следует прежде всего обратиться к изучению мифологии, так называемых «фантастических историй» древних, ибо в них — ключ. Задумайтесь над сущностью Аполлона, солнечного бога, Врачевателя, и над аллегорическими образами его сыновей — Януса (или Иона), дельфийского жреца, благодаря посредничеству которого возносимые смертными молитвы достигали бессмертных богов; и Асклепия, прозванного *Сотером*, то есть Спасителем.

Вот страничка эзотерической истории, пересказанная символическим языком древнегреческих поэтов.

Город Хриса¹ (ныне произносится — Криса) был построен в память о Креусе (или Кревсе) — дочери царя Эрехтея, матери Януса (или Иона), родившей его от Аполлона; а точнее — в память об опасности, которой Янусу удалось счастливо избежать². Мы

---

¹ В дни Гомера этот город, известный своими мистериями, являлся одним из главных центров Посвящения. В ходе этих мистерий имя *Хрестос* использовалось как титул. В «Илиаде» (II, 520) этот город упоминается как «Криса» (Κρῖσα).

Д-р Кларк предполагает, что его руины находятся под нынешней *Крестоной* — небольшим городком, или вернее — деревней в Фокее, недалеко от Крисского залива. (E.D. Clarke, *Travels in various Countries of Europe, Asia and Africa. vol. VII, chap. vi, «Lebadea to Delphi», p. 239.*)

² У слов *χρητός* (*Хретос*) и *χρηστός* (*Хрестос*) — один и тот же корень — *χρῶ*, означающий в одном случае — «вопросать оракул», а в другом — «освященный», *избранный*, принадлежащий какому-либо храму или оракулу, или предназначенный для нужд оракула. С другой стороны, слово *χре*

узнаем, что Янус, оставленный в пещере своей матерью, желавшей «скрыть позор девственности, родившей сына», был найден Гермесом, забравшим младенца в Дельфы и воспитавшим его при святилище и оракуле его отца Аполлона. Там Янус, под именем Хресис (χρησις), сперва стал *Хрестесом* (жрецом, прорицателем или Посвященным), а затем едва не стал *Хрестерионом*, «священной жертвой»¹, когда его мать, не узнав собственного сына и сочтя Януса, на основании туманного сообщения оракула, внебрачным сыном своего мужа, решила в ревности своей отравить его. Узнав о готовящемся злодействе, Янус преследовал Креусу до самого алтаря с намерением убить, но пифия спасла ее, открыв обоим тайну их родства. Впоследствии, в память об этом чудесном спасении, Креуса построила город Хрису, или Крису. И вся эта аллегория — не более чем символическое отображение сопутствующих Посвящению испытаний².

(χρῶε) означает «обязательство, обет, долг» или же того, кто связан какой-либо клятвой или обетом.

¹ Эпитет χρῆστός ставился также перед именем собственным в качестве комплимента, например, у Платона в «Феэте» (166 А) *Хрестосом* назван Сократ; или же в качестве прозвища, как, например, у Плутарха (Vitae: Phocion, ch. X, sec. 2), который удивляется, почему такой грубый и глупый человек, как Фокион, мог быть прозван *Хрестосом*.

² Окультист может разглядеть в мифе (если это, конечно, миф) о Янусе множество странных, наводящих на размышление особенностей. Одни видят в Янусе персонификацию *Космоса*, другие — *Coelus* (небес); отсюда и «двуликость», объясняемая его двойственной природой — духовной и материальной; но он не только «Janus Bifrons» (двуликий), он еще и *Quadrifrons* — совершенный квадрат, эмблема каббалистического божества. Храмы, посвященные Янусу, строились с *четырьмя* равными сторонами; на каждой стороне — дверь и *три* окна. Ученые-мифологи видят в этом символ *четырех* времен года и *трех* месяцев в каждом сезоне (итого — 12 месяцев, составляющие полный календарный год). Однако

Зная, таким образом, что Янус — солнечный Бог и сын Аполлона, Солнца — это также «Инициатор» (то есть Посвятитель) и «Открывающий Врата Света» (то есть тайной мудрости мистерий); что он рожден от Крисы (эзотерически — *Хрис*) и что он был *Хрестосом*, устами которого говорил Бог; что он был, в конце концов, Ионом, прародителем ионийцев, и, как говорят некоторые, *аспектом* Асклепия, другого сына Аполлона, мы получаем ту нить Ариадны, которая выведет нас из этого лабиринта аллегорий. Однако у нас нет возможности подробно останавливаться здесь на всех сопутствующих аспектах мифологии. Достаточно выявить связь между мифическими персонажами седой древности и позднейшими небылицами, появление которых знаменует собою начало нашей цивилизованной эры.

Асклепий (Эскулап) был божественным врачом, «Целителем», «Спасителем», за что его и прозвали — Σωτήρ; но этот титул носил также и Янус Дельфийский, в то время как **Иасо** — дочь Асклепия — была богиней исцеления; под ее покровом

во время мистерий Посвящения он становился Дневным Солнцем и Ночным Солнцем. По этой причине его часто изображали с числом 300 в одной руке и числом 65 — в другой, то есть с числом дней солнечного года. Таким образом, *Ханох* (в Библии — *Канох* и *Енох*), является ли он сыном Каина, сыном Сифа или же сыном Мафусала, это один и тот же персонаж (что подтверждается авторитетом каббалы): как *Ханох* (согласно Фуэрсту), «он — *Инициатор, Руководитель астрономического круга и солнечного года*», как сын Мафусала, проживший, согласно традиции, 365 лет и взятый на небо живым, и как представитель Солнца (или бога). (См. «Книгу Еноха».) У этого патриарха есть много общих черт с Янусом, которого эзотерически называют — *Ион*, но каббалистически — *IAO*, или *Иегова*, «Господь Бог Творения», мистический *Йод* или *единица* (фаллическое число). Ибо Янус или *Ион* это также и *Consivium, a conserendo*, потому что он начальствует над творениями. Он изображается оказывающим гостеприимство Сатурну (*Хроносу*, времени) и является *инициатором* года, или времени, разделенного на 365.

вительством находились все те, кто готовился к посвящению в храме ее отца; этих новообращенных или *хрестов* (chrestoi) называли «сыновьями Иасо». (См.: Aristophanes, Plutus, 701.)

Теперь, если мы вспомним, что имена **Иесуса** в различных вариациях — Иасиус, Иасион, Ясон и Иасус — были широко распространены в Древней Греции, и особенно, среди потомков Ясиуса (Ясидов), так же как и среди «сынов Иасо» — *Мистов* и будущих Эпоптов (Посвященных), то что может помешать нам истолковать таинственные слова из Сивиллиной книги в их истинном значении, никак не связанном с христианским пророчеством? Тайная доктрина учит, что первые два слова — ΙΗΣΟΥΣ ΧΡΕΙΣΤΟΣ означают всего-навсего «сын Иасо, Хрестос», или — слуга Бога-оракула. Действительно, *на ионийском диалекте* имя **Иасо** звучит как **Иесо**; и выражение Ιησοῦς (*Iesous*), в своей архаической форме — ΙΗΣΟΥΣ означает просто — «сын Иасо, или *Иесо*», «целитель».

Безусловно, подобное истолкование не может вызвать никаких нареканий, равно как и написание *Иесо* вместо *Иасо*, так как последняя форма является *аттической* и поэтому неточной, ибо это имя — *ионическое*. «Иесо», от которого образовано «ho Iesous» (сын Иесо) — то есть родительный падеж, а не именительный, может быть только *ионическим словом и никаким другим*, особенно если принять во внимание возраст Сивиллиной книги. Сивилла из Эритреи не могла произнести эти слова иначе, ведь Эритрея, место ее обитания, была городом в Ионии (от имени Ион, или Янус), напротив Хиоса; так что *ионическая* форма предшествовала *аттической*.

Если оставить на время мистическое значение этих слов Сивиллы, ставших ныне такими знаменитыми, и прочесть их буквально, памятуя все сказанное выше, то остававшиеся доселе загадочными сло-

ва будут выглядеть следующим образом: «Сын **Иасо**, **Хрестос** (жрец или слуга) **сын(а) Бог(а)** (Аполлона) **Спасителя от Креста** (плоти или материи)»¹. Поистине, христианство должно оставить всякую надежду быть понятым, пока из него не будет выметен весь догматизм и мертвая буква не будет принесена в жертву вечному Духу истины, который есть Гор, и Кришна, и Будда, равно как и гностический Хрестос, и истинный Христос Павла.

В своих «Путешествиях по разным странам Европы, Азии и Африки» д-р Э.Д.Кларк описывает увиденный им языческий монумент.

...Внутри святилища, за алтарем, мы увидели обломки *мраморной бемы (кафедры)*, на задней стенке которой обнаружили надпись — прекрасно сохранившуюся, нигде не поврежденную и вполне разборчивую, являющую собой, пожалуй, единственный известный пример *надгробной* надписи на памятнике столь замечательной формы.

Эта надпись гласила: ΧΡΗΣΤΟΣ ΠΡΩΤΟΥ ΘΕΣΣΑΛΟΣ ΛΑΡΕΙΣΑΙΟΣ ΠΕΛΑΣΓΙΩΤΗΣ ΕΤΩΝ ΙΗ ΗΡΩΣ; или «Хрестос, первый, Фессалоникиец из Ларисы, Пеласгиот, 18-летний герой»; Хрестос *первый (protou)* — почему? Если понимать эту фразу буквально, в ней отсутствует какой-либо смысл; но прочитанная эзотерически, она ясна и конкретна. Как показывает д-р Кларк, слово «Хрестос» встречается в эпитафиях практически всех древних жителей Ларисы, но ему всякий раз предшествует имя собственное. Если эпитет Хрестос стоит после имени, он означает про-

---

¹ *Стаuros* превратился в крест — орудие распятия — гораздо позже, когда он начал восприниматься как христианский символ, изображаемый греческой буквой Т (*tau*). Изначально этот символ имел фаллическое значение, олицетворяя мужское и женское начало, великого змия-искусителя, тело, которое должно быть покорено драконом мудрости, семигласного солнечного Хнуфиса, или Дух гностического Христоса, или, опять-таки, Аполлона, убивающего Пифона.

сто «добрый человек», то есть посмертную похвалу усопшему (примерно то же самое можно встретить и в наших современных эпитафиях). Но если слово Христос употребляется самостоятельно и за ним следует слово «*protou*», смысл его совершенно меняется, особенно если умерший характеризуется как «герой». Оккультист, прочитав эту фразу, сказал бы, что умерший был неофитом, скончавшимся на 18-м году своего *неофитства*, но успевшим достичь первого или высшего класса ученичества, «героически» выдержав все подготовительные испытания; однако он умер, так и не успев приобщиться к последней тайне, познав которую он стал бы «Христом», *помазанным*, воссоединившимся с духом Христа или Истины в себе самом. Он не достиг конца «Пути», хотя и выдержал как герой все ужасы подготовительных теургических испытаний.

Наша уверенность в правильности этого прочтения станет абсолютной, когда мы прочтем у д-ра Кларка, где он нашел эту надпись. Как отмечает Годфри Хиггинс, она была обнаружена именно там, «где я и предполагал ее найти, — в Дельфах, в храме Бога, называемого ИЕ», который у христиан превратился в Йах, или Иегову, объединенного с Христом Иисусом. Этот храм был расположен у подножия Парнаса, в Гимнасии, «рядом с Касталийским источником, который протекал мимо руин Криссы (вероятно, городка, именуемого Крестона) и впадал в Крисский залив». (Higgins, Anacalypsis, I, 582.) И еще: «В начале своего пути от [Касталийского] источника она [река] отделяет развалины Гимнасия, где ныне стоит *Монастырь Паная*, от деревушки *Кастри*, так же как, возможно, ранее отделяла его от древних *Дельф...*» — местопребывания великого оракула Аполлона, города Криса (или Креуса), великого центра посвящений и пророков-*Chrestoi*, где претенденты на последнее *испытание* принимали помазание

священными маслами¹, перед тем как войти в заключительный, сорокадевятичасовой транс (что практикуется на Востоке по сей день), из которого они выходили уже во всей славе адептов-*Christoi*.

...В Клементинских «Похвалах» сказано, что отец помазал своего сына «маслом, собранным в лесу с Древа Жизни, и от этого помазания он был прозван Христом»; отсюда и произошло название — христиане. Но оно опять-таки имеет египетское происхождение. Гор был тем сыном, которого помазал отец. Способ этого помазания от Древа Жизни, изображенный на некоторых памятниках, выглядит весьма примитивным. Но именно этот египетский Гор превратился затем в гностического Христа, изображаемого на гностических камнях как связующее звено между *Карестом* и Христом, а также как двуполый Гор. («The Name and Nature of the Christ» Gerald Massey.)

М-р Дж. Массей объединяет греческого Христоса или Христа с египетским *Карестом* — «способом достичь бессмертия через мумифицирование» и очень серьезно аргументирует свое утверждение. Он начинает с того, что по-египетски Слово Истины — *Ма-Кхеру* и что этот титул принадлежит Гору. Таким образом, утверждает м-р Массей, Гор предшествовал Христу как провозвестник Слова Истины, Логоса, или божественной природы человека. В той же самой его работе читаем следующее:

Гнозис делился на три категории — астрономическую, духовную и доктринальную; все три могут быть идентифицированы с египетским Христом. В астрономической — это созвездие Ориона, называвшееся *Саху*, или *мумия*. Считалось, что душа Гора воскресла и заняла свое место на небе в виде звезд Ориона. В мумии виде-

---

¹ Демосфен сообщает (De Corona, 259 [313]), что в ходе греческих мистерий претенденты на посвящение помазывались маслом. Так делается сейчас и в Индии, во время *йоги-ческих* мистерий, где используются различные мази и притирания.

ли символ сохранения, спасения, и потому она воспринималась как образ Спасителя, как пример бессмертия. Плутарх и Геродот сообщают, что в Египте существовал обычай: во время пиров, перед трапезой и весельем, в залу вносили мумию усопшего и обносили вокруг собравшихся, дабы напомнить всем, что после смерти они тоже уподобятся этому символу, то есть тоже обретут бессмертие! Этот символ бессмертия назывался *Карест* или *Каруст*; он и был египетским Христом. Глагол *Карес* означает «бальзамировать, натирать, создавать мумию как символ бессмертия»; такая мумия называлась *Карест*; таким образом, замена *Кареста* на *Христа* не означает просто замену одного слова на другое.

Теперь мы можем рассматривать это понятие не только как греческое слово, означающее «помазанный» или «намазанный», но как видовое определение.

Карест заворачивался в цельный кусок ткани без швов — обычную одежду Христа! Длина ткани роли не играла: некоторые полосы достигали в развернутом виде 1000 ярдов в длину, но при этом не имели ни единого шва... Ныне это цельное одеяние египетского *Кареста* служит нам напоминанием о мистическом Христе, ставшем историческим в Евангелиях, где он изображается облаченным в плащ или хитон, не имеющий ни единого шва. Объяснение данному факту не могли дать ни греки, ни евреи; но зато его наилучшим образом объясняет *кету* — египетская ткань, бесшовное одеяние или бинты, изготавливавшиеся для вечного ношения; в такую одежду облачали мумию-Христа — символ бессмертия в египетских гробницах...

...Далее, Иисус был предан смерти в точном соответствии с указаниями по изготовлению *Кареста*. Ни одна кость не должна быть сломана. Настоящий *Карест* должен быть совершен в любой своей части. «Это тот, кто воскресает целым и невредимым; тот, кого люди не знают по имени».

В Евангелиях Иисус воскресает без единого повреждения, как хорошо сохраненный *Карест*, демонстрируя тем самым физическое воскресение мумии. Однако, согласно египетской традиции, мумия преобразуется. Умерший говорит: «Я одухотворяюсь. Я становлюсь ду-

шой. Я воскресаю как Бог». Эта трансформация в духовный образ — *Ka* — в Евангелиях опущена; и в результате христианский Христос — существо не физическое и не духовное. Гностические образы уцелели, но сам Гнозис исчез.

...Написание этого имени по латыни как *Chrest* — исключительно важно, поскольку именно оно позволяет мне доказать идентичность имени Христа с египетским *Карестом*, или *Карустом* — набальзамированной мумией, являвшей собою образ воскресения в египетских гробницах, символ бессмертия, подобие Гора, который воскрес из мертвых, проложив тем самым путь из гробницы для своих учеников и последователей. *Более того, все тот же Карест, или мумию-Христа, мы видим в катакомбах Рима.* На памятниках раннехристианского времени невозможно обнаружить никаких указаний на предполагаемое историческое воскресение Иисуса. Однако этот прискорбный факт компенсируется находками, изображающими Лазаря, восстающего из мертвых. Снова и снова мы встречаем это изображение как типический пример воскресения; и ни на одном из них нет указания на какого-либо реального человека! Эта сцена не во всем идентична евангельскому выходу из гроба. Она — чисто египетская по своему виду; и Лазарь — это типичная египетская мумия! Таким образом, Лазарь являет собой тип воскрешения через мумию; Лазарь *есть* Карест, египетский Христос, воспроизведенный в рисунках гностиков на стенах римских катакомб как форма гностического Христа, который *не был и не мог быть историческим лицом.*

И коль скоро сам персонаж был заимствован из Египта, то, возможно, и имя его также пришло оттуда. И если это так, то Лаз (или иначе — Рас) означает «восставать, пробуждаться», тогда как *ару* со всей очевидностью значит «мумия». Добавим греческое окончание *s* и получаем — *Lazarus*. По мере «очеловечивания» мифа, типическое представление о воскресении, обнаруживаемое в гробницах Рима и Египта, превратилось в историю о Лазаре, восставшем из мертвых. И этот тип Христа из катакомб (*Карест*) отнюдь не ограничивается одним только Лазарем.

Благодаря *Каресту* мы имеем возможность проследить истоки Христа и христиан вплоть до древних гроб-

ниц Египта. Мумии изготавливались по образу Христа. Само их название тождественно встречающемуся в греческих надписях слову *Chrestoi*. Таким образом, упоминаемые в египетских источниках почтенные усопшие, воскресшие как последователи Гора-Макхеру (Слова Истины), были настоящими христианами, οἱ χριστοί. Термин *Ма-Кхеру* относился к тем праведным людям, которые заслужили право на венец жизни и наделили его на праздник, называвшийся «Приди ко мне», — так Гор Всепрощающий зовет к себе тех, кто смог обрести «Благословение его отца — Осириса»; тех, кто сделал Слово Истины законом своей жизни и потому был Оправдан = οἱ χριστοί на земле; то есть христиан.

На относящемся к пятому веку изображении Мадонны с младенцем (обнаруженном на кладбище Св. Валентина) новорожденный ребенок покоится в ящике или в яслях, что указывает на тот же самый *Карест*, или тип мумии; а по солнечному диску и кресту равноденствия позади детской головки в нем можно узнать божественного младенца из солярного мифа. Таким образом, исторический младенец Христос уже появился на свет, но он явно ведет свое начало от *Кареста* — символа умершего Христа, мумии, напоминавшей египтянам о воскресении за тысячи лет до начала христианской эры. Это еще раз доказывает, что Христос из христианских катакомб является пережитком египетского культа *Кареста*.

Плюс ко всему, как утверждает Дидрон, существовало изображение Христа, где тело последнего было *окрашено в красный цвет*!¹ Существовало даже предание, что кожа у Христа была красного цвета. Это предание также можно рассматривать как пережиток культа мумии-Христа, ибо существовавший с первобытных времен обычай окрашивать какую-либо вещь в красный цвет означал превращение этой вещи в *табу*. Мертвое тело покрывалось красной охрой — это был самый примитивный способ мумифицирования (или помазания). Так, Бог Пта говорит Рамзесу II, что «перекрасил его плоть в ярко-красный цвет». Кроме

---

¹ Потому что в каббалистическом смысле это новый Адам, «небесный человек», а Адам был сотворен из красной глины. [Прим. Е. П. Блаватской.]

того, известно, что в греческих мистериях Посвященных мазали глиной (Demosthenes, De corona, 313). А у маори (у которых тоже был обычай создавать *Карест*, или Христа) обряд помазания красной охрой назывался *Кура*.

С другой формой наследования культа мумий мы встречаемся, когда узнаем, что в числе пагубных ересей и смертных грехов, в которых обвиняли рыцарей-тамплиеров, был нечестивый обряд поклонения мумии с красными глазами. А надо полагать, что их идол, называвшийся Бафомет, тоже был мумией... Мумия была самым ранним человеческим изображением Христа.

У меня нет ни малейшего сомнения в том, что древнеримские празднества, именуемые харистиями, ведут свое происхождение из культа *Кареста* и *Евхаристии* — праздника в честь *манов* усопших друзей и родственников, ради которого раз в году было принято организовывать дружественные встречи-примирения.

Именно здесь нам следует искать принципиальное единство между Христом египтян, христиан и римских катакомб. Христианские мистерии, по невежеству объявленные необъяснимыми, на самом деле объясняются с помощью гностицизма и мифологии, но никак иначе. Они вовсе не являются непостижимыми для человеческого разума, как это утверждают сегодня их малообразованные, но высокооплачиваемые толкователи. Это не более чем ребяческая уловка невежд, стремящихся как-то оправдать собственную беспомощность, — тех, кто понятия не имеет, что такое гнозис, или наука мистерий, которая только и способна удовлетворительно объяснить все эти вещи, проследив их развитие от самых истоков. И только в Египте мы сможем отыскать корни нынешней религиозной символики, определить происхождение природы и имени Христа и убедиться в том, что Христос был некогда мумией, а наша нынешняя христология — не что иное, как мумифицированная мифология. (Agnostic Annual, «The Name and Nature of the Christ» Gerald Massey.)

Все вышесказанное является чисто научным объяснением, хотя, может быть, излишне *материалистическим*, — именно потому, что это наука, хотя сам

автор статьи — широко известный спиритуалист. Истинный оккультизм обнаруживает в христианстве те же самые мистические элементы, что и в других вероисповеданиях, но решительно отрицает его догматический и *исторический* характер. Неоспоримым фактом является то, что в словах Ἰησοῦς ὁ χριστός (см.: Деян., V, 42; IX, 34; 1 Кор., III, 11, и т.д.) артикль «о» перед словом *Христос* указывает, что это просто прозвище, подобное тому, что носил Фокион, упоминаемый как Φωκίων ὁ χριστός (Плутарх, «Жизнеописания»). И все же реальный человек (Иисус), носивший этот титул, — где бы и когда бы он ни жил, — несомненно был великим Посвященным и «Сыном Бога».

Ибо, повторим еще раз, прозвище Христос и история с распятием вызваны к жизни событиями гораздо более древними и полностью основаны на них. Повсюду — и в Индии, и в Египте, и в Халдее, и в Греции — эти легенды имеют в своей основе один и тот же первоисточный сюжет: добровольное самопожертвование *logoi* — *лучей* единого **Логоса** (непосредственной проявленной эманации из Единого, вечнокрытого Бесконечного и Непостижимого), воплотившихся в человечестве. Они согласились *пасть в материю* и потому называются «Падшими». Это таинство принадлежит к числу тех великих мистерий, рассказ о которых явно выходит за рамки журнальной статьи; но данная тема во всех подробностях будет рассмотрена мною в отдельной книге «Тайная Доктрина».

И наконец, хотя об этимологии обоих терминов нами сказано вполне достаточно, можно добавить к уже перечисленным фактам еще несколько дополнительных. Слово χριστός являлось в греческом языке отглагольным прилагательным от корня χρίω, означающего «быть натертым» (*мазью* или *бальзамом*), и в конце концов превратилось в христианской теоло-

гии в «помазанника». Но таким же образом можно превратить в «помазанника» и Кришну, первый слог имени которого — *Кри* — на санскрите означает, помимо всего прочего, «выливать, натирать, покрывать»¹. Христианские филологи стремятся свести значение имени Кришна к корню *Криш*, «черный»; но, если проанализировать этимологию этого санскритского слова (Хришна) более тщательно, сравнив его с греческими корнями, содержащимися в именах Христос и Христос, можно убедиться, что они имеют общее происхождение².

В «Христианских надписях» Бекха (их насчитывается 1287) ни на одной, датируемой ранее чем третьим веком, это имя не написано иначе как *Chrest* или *Chreist*. (Agnostic Annual, «The Name and Nature of the Christ» Gerald Massey.)

Однако, вопреки мнению востоковедов, эти имена невозможно расшифровать только лишь с помощью астрономии и знания знаков Зодиака с учетом фаллической символики. Потому что звездные символы мистического характера — или, иначе, их персонализации в Пуранах или Библии — выполняют исключительно астрономические функции, в то время как их духовные прообразы управляют всем ми-

¹ Потому-то это учение и увековечено в **мистериях**. Чистая монада, «бог» воплощается и становится *Христосом*, или человеком, проходящим через испытание жизнью на земле. Последовательность таких испытаний рано или поздно приводит его к *распятию плоти* и в конечном счете к достижению состояния Христоса.

² Наиболее авторитетные источники выводят греческое слово *Христос* из санскритского корня *гхриш*, «трение»; таким образом: *гхарш-а-ми-то*, «тереть», и *гхриш-та-с*, «натертый, воспаленный». Кроме того, корень *Криш* имеет еще дополнительное значение «пахать, делать борозды», а также — «причинять боль, терзать, мучить»; а слово *гхриш-та-с* — «натираение». Все эти термины имеют отношение к состояниям Христоса и Христоса. Каждый должен умереть как Христос,

ром — незримо, но весьма эффективно. На самом высоком уровне они существуют в виде абстракций; на уровне астральном — в форме проявленных идей; и на нашем (низшем) уровне становятся мужскими, женскими и андрогинными силами. *Скорпион* как *Христос-Мешиах*, и *Лев* как *Христос-Мессия* задолго до начала христианской эры уже были свидетелями предписываемых древними мистериями испытаний и последующих триумфов Посвящения; первые символизировал Скорпион, а Лев олицетворял блистательный триумф «солнца» истины. Мистическую философию этой аллегории ясно представляет себе автор «Источника Мер». Вот что он пишет:

...*Первый* [Христос], заставив себя спуститься в преисподнюю [к Скорпиону, то есть воплотиться в чреве земной женщины] ради спасения мира, стал Солнцем, лишенным своих *золотых лучей и увенчанным черными*¹ *лучами* (шипами, символизирующими эту утрату); а вто-

---

то есть убить в себе все личностное, все страсти, полностью отринуть идею собственной обособленности от «Отца» — Божественного Духа в человеке, чтобы воссоединиться с вечной и абсолютной *Жизнью и Светом (Сат)*, достичь благословенного состояния *Христоса*, возрожденного человека, обретшего духовную свободу.

¹ Востоковедам и теологам полезно было бы прочесть, изучить и подумать как следует над аллегорией Вишвакармана — «Всетворящего» — Ведического Бога, мирового зодчего, который принес себя в жертву *самому себе* (или Вселенной) после жертвоприношения всех миров (*которые суть тоже он сам*), совершив тем самым «Сарва-Медха», всеобщее жертвоприношение. В аллегории Пуран его дочь *Йога-сиддха* («Духовное сознание»), жена *Сурьи* (Солнца), жалуется ему на чрезмерную яркость своего мужа; и Вишвакарман, приняв форму *Такшаки* — «резчика и плотника», закрепляет Солнце на своем токарном станке и отсекает часть его блеска. Сурья после этого кажется покрытым черными шипами, превращаясь таким образом в Викарттану («лишенного своих лучей»). Все эти имена и термины использовались кандидатами на Посвящение во время испытаний. Иерофант-Инициатор (Посвячитель) олицетворял в данном случае Вишвакармана — отца и

рой — уже торжествующий *Мессия*, пребывающий на *вершине небесного свода*, персонифицированный в виде *Льва из колена Иудина*. В обоих случаях он является обладателем креста: и в своем унижении (как сын совокупления), и будучи Иеговой, когда крест — как закон творения — находится в полной его власти...*

согласно утверждению авторов догматического христианства. Поскольку, как утверждает далее все тот же автор, Иоанн, Иисус и даже Аполлоний Тианский «лишь кратко излагали историю все того же Солнца — в различных его аспектах и состояниях»¹. Объясняется это, как он полагает:

...довольно просто, поскольку имена *Иисус* (на иврите — *ישו*) и Аполлоний (или Аполлон) обозначают примерно одно и то же — *солнце на небосводе*. И следовательно, история странствий одного из них среди *знаков* [Зодиака], с персонификацией его страданий, триумфов и чудес, вполне могла стать *историей другого*, тем более что при описании подобных странствий в те времена повсеместно использовались сходные методы персонификации.

Тот факт, что в указе Константина об учреждении государственной церкви было сказано: «Древний день Солнца провозглашается особым днем поклонения

главного *делателя* богов (земных адептов); а кандидат (посвящаемый) — Сурью, Солнце, которому надлежало отсечь от себя все пылкие страсти, надеть терновый (с шипами) венец и *предать свое тело распятию* (на кресте или на токарном станке), дабы воскреснуть и заново родиться к новой жизни, уже будучи прекрасным «Светом Мира» — Христом. Но, видимо, никто из востоковедов не смог разобраться в этой поучительной аллегории, не говоря уже о том, чтобы применять ее на практике! [Прим. Е.П. Блаватской.]

¹ Автор «Источника мер» полагает, что данное предположение «способствует пониманию того, почему “Жизнеописание Аполлония из Тианы”, составленное Филостратом, так долго никем не переводилось и оставалось скрытым от широкого круга читателей. Те, кто изучал это сочинение в оригинале, неизбежно приходят к выводу, что либо “Жизнеописание Аполлония” было списано с Нового Завета, либо

Иисусу Христу как день Воскресения»*, доказывает, что они — в этой «Государственной Церкви» — прекрасно знали о том, что эта аллегория покоится «на астрономическом основании», как это и утверждает автор. Однако то обстоятельство, что и Пураны и Библия изобилуют солярными и астрономическими аллегориями, ни в коей мере не мешает другому — все подобные писания (включая и эти два) продолжают оставаться *закрытыми* книгами для наших «авторитетных» ученых (!) Не противоречит оно и другой истине, а именно: все эти учения в первооснове *не являются творением смертного человека*.

Таким образом, «Христос» — как бы его ни называли — означает нечто большее, нежели просто *Карест* (мумия) или даже «помазанник» и *избранник* (в теологии). Оба последних наименования относятся скорее к *Хрестосу*, то есть к человеку скорбящему и страждущему, в его физическом, ментальном и психическом состояниях; и оба — согласно этимологии¹,

---

сюжеты Нового Завета были заимствованы из «Жизнеописания Аполлония», поскольку идентичность *способов построения* этих сюжетов очевидна».

¹ «На иврите слово פִּיחַ, *шиах*, как глагол означает «спускаться, нисходит (в преисподнюю)»; а как существительное — «нечто тернистое» или, опять же, «преисподняя», а также «жалоба, плач». Причастием типа *хифиль*, образованным от этого слова, будет פִּיחֵם, *Мешиах*, или по-гречески — *Messias*, или *Христос*, означающее «тот, кто заставляет себя спускаться в преисподнюю» (или в ад — в догматическом варианте). В эзотерической философии это нисхождение *в преисподнюю* имеет глубокий мистический смысл. Принято считать, что Дух «Христос», или вернее — «Логос» (*читай* — *Logoi*), «нисходит в преисподнюю», облеченный во плоть, то есть *рождается в образе человека*. После того как Ангелы Света похитили у *Элохимов* (или богов) их тайну — *творческий* «огонь жизни», они были низвергнуты в преисподнюю, в пучину материи, или, как говорят добрые теологи, в бездонную пропасть *Ада*. Так сказано в Космогонии и Антропологии. Однако во время мистерий *Хрестос*, *неофит* и т.д. (то есть смертный человек) мог

приводимой Фуэрстом и автором «Источника Мер» (с. 255), соотносятся с древнееврейским понятием *Мешиах*, от которого происходит слово *Мессия*. Христос — это венец славы для страждущего Хрестоса из мистерий, претендента на окончательное **воссоединение**, к какой бы расе и религии он ни принадлежал. Для настоящего последователя **Духа Истины** по сути дела не важно, жил ли Иисус как человек и Хрестос во времена, названные христианскими, или раньше, или же он вовсе не жил на земле. Адепты, жившие и умиравшие ради блага человечества, существовали во все века; и в древние времена многие добрые и святые люди носили прозвище, или титул, Хрестос — еще до того, как был рожден на свет Иисус из Назарета, или, по-другому, Иисус (Иегошуа) Бен Пандира¹. Следовательно, из всего вышесказанного можно сделать обоснованный вывод, что Иисус (или Иегошуа), подобно Сократу, Фокиону, Феодору и многим другим, носивший прозвище *Хрестос*, то есть «добрый, прекрасный», кроткий и святой Посвященный, указывавший людям путь к состоянию Хрестоса сам превратился в Путь в сердцах своих наиболее ревностных почитателей. Христиане, подобно всем прочим «герое-поклонникам», постарались предать забвению всех прочих Хрестосов, казавшихся им соперниками их Богочеловека. Но, несмотря на то, что голос **Ми-**

спуститься в подземелья Посвящения и, пройдя испытания, постичь последние, окончательные тайны бытия во время «Сна Силоама», или заключительного *транса*, превращавшего его в нового Посвященного. Гадес (Аид), Шеол и Патала — одно и то же. То, что практиковалось на Западе 2000 лет назад во время **мистерий**, на Востоке существует и поныне.

¹ Этот факт подтверждают некоторые классики. У Лукиана (Iupp. Conf., 16): Φωκίων ὁ χριστός и Φωκίων ὁ ἐπίκλην (λεγόμενος, прозванный) χριστός. В «Федре» (266 E) читаем: «Ты имеешь в виду Феодора Хрестоса?» То же самое и у Плутарха; к тому же Χρηστός (Chrestos) было собственным именем (см.: Thesaur. Steph.) оратора и ученика Ирода Аттического.

стерий на Западе умолк на многие столетия, а Элевсис, Мемфис, Антий, Дельфы и Креса стали кладбищами для науки, некогда столь же могучей на Западе, как и по сей день на Востоке, им на смену идут в наши дни новые продолжатели их великого дела. Сейчас 1887 год, и девятнадцатый век приближается к своему завершению. Но двадцатое столетие несет человечеству новые, невиданные испытания и потому может стать последним столетием *нынешней* эры.

III

Никто не может считаться христианином до тех пор, пока не уверует (или не сделает вид, что уверовал) в Иисуса (через крещение) и в спасение «через кровь Христову». Чтобы вас считали хорошим христианином, необходимо, в качестве *conditio sine qua non*, продемонстрировать веру в догмы, утверждаемые церковью, и самому проповедовать их; выполнив это условие, человек волен вести частную и общественную жизнь, основанную на принципах, диаметрально противоположных тем, что были изложены в Нагорной Проповеди. Главное, что от него требуется, это слепо верить (или *создавать видимость* веры) и выказывать почтение к еkkлезиастическим учениям той церкви, к которой он принадлежит.

Вера — ключ к христианству,

— говорит Чосер; а наказание за отсутствие таковой или за ее недостаток наилучшим образом описано в Евангелии от Марка (гл. XVI, стих 16): «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет».

И тот факт, что самые тщательные поиски вышеприведенной фразы в древнейших текстах оказались

бесплодными, похоже, не вызывает у церкви ни малейшего смущения; равно как и то, что последний пересмотр текста Библии привел всех ищущих и любящих истину ученых, принимавших участие в этой акции, к единодушному выводу, что подобных *нехристианских* высказываний нет ни в одном библейском сборнике, за исключением позднейших фальсификаций. Добрые христиане уже усвоили эти слова утешения, ставшие надеждой и опорой для их милосердных душ. И отнять у этих избранных сосудов Бога Израилева убежденность в вечном проклятии для всех прочих, кроме них самих, — это все равно что отнять у них самую жизнь. И жаждущие истины, но богобоязненные ревизоры испугались; они оставили этот пассаж-подделку (интерполяцию из одиннадцати стихов — с 9-го по 20-й), успокоив свою совесть сноской весьма двусмысленного содержания, которое сделало бы честь дипломатическим способностям самых изощренных иезуитов. Текст сноски уведомляет «верующего», что:

В двух древнейших греческих манускриптах и некоторых других источниках часть текста — начиная с 9-го стиха и до конца — отсутствует. Некоторые источники предлагают *иную концовку Евангелия*,

— и ни слова более. Но в двух «древнейших греческих манускриптах» заключительные стихи *действительно отсутствуют, как будто их никогда и не было*. Жаждущие обрести истину ученые и богобоязненные «ревизоры» знают это гораздо лучше нас с вами; и тем не менее эту вопиющую ложь печатают в самом центре протестантского богословия; ей позволено жить дальше, являя себя взорам грядущих поколений теологов, а следовательно — и их будущих прихожан. Разумеется, заблуждаться на счет этой явной лжи ученые не могут, но все-таки *делают вид*, будто верят в истинность этих жестокосердных слов, достойных *теологического Сатаны*. И самое скверное то, что

этим Сатаной-Молохом стал их собственный Небесный *Бог бесконечного всепрощения и справедливости*, с которым неразрывно связан их воплощенный символ любви и милосердия, живший среди людей на Земле!

Воистину, неисповедимы ваши парадоксальные пути, о церкви Христовы!

Я не собираюсь повторять здесь набившие оскомину аргументы и логические рассуждения относительно всей теологической системы в целом, ибо это делалось уже не раз, причем самыми блистательными «атеистическими умами» Англии и Америки. Я хочу лишь вкратце повторить одно пророчество, которое является естественным заключением, выведенным из нынешних умонастроений христиан. Несовершенная вера в *мертвую букву* Библии, равно как и вера в *воплощенного Христа*, продержится не более четверти века. Церкви будут вынуждены распрощаться со своими драгоценными догмами; в противном случае XX век станет свидетелем упадка и полного краха христианства, а вместе с ним даже и самой веры в Христа как чистого Духа. Само это имя уже начинает вызывать неприязнь, а потому теологическое христианство должно умереть, чтобы *впредь никогда не воскресать* в своей нынешней форме. Это, по сути дела, было бы наилучшим решением всех проблем, если бы не реакция, которая неизбежно за этим последует: результатом многовекового засилья слепой веры станет грубый материализм, который будет править бал до тех пор, пока на смену поверженным идеалам не придут новые — *универсальные* и потому несокрушимые, построенные на скале вечных истин, а не на зыбучем песке человеческой фантазии. Антропоморфизм идеалов, утверждаемый нынешними догматиками, сменится, в конечном счете, их полной нематериальностью. Иначе как же христианские догмы — полная противоположность догматам других

экзотерических и языческих религий — смогут претендовать на какое-либо превосходство над ними? Ведь в основе своей все эти догматы имеют одни и те же астрономические и физиологические (или фаллические) символы. В астрологическом смысле любая догма какой угодно религии может быть изначально возведена к Солнцу и знакам Зодиака. И коль скоро наука сравнительной символики или любая теология владеют только двумя ключами, открывающими тайны религиозных догм, причем ни одним из них в полной мере, то как же они могут проводить разграничения или изыскивать различия между, скажем, религиями Кришны (Хришны) и Христа; между спасением через кровь «первородного, первозданного мужчины» — в одной и кровь «*единородного Сына*» — в другой, гораздо более молодой религии?

Изучайте Веды: прочтите хотя бы поверхностные и зачастую искаженные переводы наших крупнейших востоковедов и задумайтесь над тем, что узнали. Обратите внимание на то, чему учили за тысячи лет до начала нашей эры брахманы, египетские иерофанты и халдейские маги: сами боги были некогда обычными смертными (в своих предыдущих рождениях), но обрели бессмертие, *пожертвовав собственную кровь своему Верховному Божеству*, или наставнику. «Книга Мертвых» учит, что смертные «уподобились богам благодаря породнившему их слиянию жизни и крови». Смертные принесли в жертву Богам кровь своих первородных сыновей. В своем «Индуизме» (с. 36) профессор Моньер Вильямс приводит строку из переведенной им «Тайттирия-Брахманы»: «Благодаря жертвоприношению боги достигли небес». А в «Гандья-Брахмане» говорится: «Господь всего сотворенного (Праджапати) принес себя в жертву богам». ...И опять же в «Сатапатха-Брахмане»: «Тот, кто, зная это, совершает жертвоприношение *Пурушамедха* (или первозданного мужа), становится всем».

Когда я слышу, как ведические ритуалы называют «отвратительными человеческими жертвоприношениями» и даже людоедством (*sic*), мне всякий раз хочется спросить: а чем, собственно, они отличаются от христианских? Хотя одно отличие все-таки есть. Христианам преподносится «историческая» (но при вдумчивом рассмотрении — в высшей степени философичная) новозаветная драма Распятия, а также «реальная» драма Авраама и Исаака¹; тогда как брахманизм — во всяком случае, его философские школы — учит своих последователей, что это (*языческое*) жертвоприношение «первозданного мужа» есть чисто аллегорический и философский символ. Если прочесть Евангелия *буквально*, они предстанут перед нами только как слегка видоизмененные версии того, что церковь объявляет сатанинским искажением (интуитивным) христианских догм в языческих религиях. Так что у материализма есть все права указывать на одно и то же чувственное поклонение и одни и те же «солярные» мифы, лежащие в основе всех религий. Так, поверхностный критический анализ *свастики*, *египетского креста* и креста обыкновенного приводит профессора Жоли (*Man before Metals*, p. 189-190) ко вполне обоснованному выводу: все это — просто сексуальные символы. Зная, что

...отец священного огня [в Индии] носил имя *Тваштри*, то есть божественного плотника — создателя *Свастики* и *Прамантхи*, от трения которых родился божественный ребенок *Агни* (по латыни — *Ignis*); и что мать его звали *Майя*; а ребенок получил прозвище *Акта* (пома-

---

¹ См. статью преп. Т.Г.Хедли «Дочь солдата» в этом же номере. Обратите внимание на отчаянный протест этого *истинного* христианина против буквального понимания англиканской церковью таких фраз, как «жертвоприношение крови», «Искупление кровью» и т.д. Похоже, обратный процесс уже начался: вот вам еще одна *примета времени*.

занный, *χρηστός*), после того как жрецы вылили ему на голову опьяняющую *сому*, а на его тело — масло, очищенное жертвоприношением...

зная все это, он с полным правом утверждает:

...Близкое сходство, существующее между некоторыми церемониями культа *Агни* и определенными обрядами католической религии, можно в некоторой степени объяснить общностью их происхождения. *Агни* — в состоянии *Акта* (*помазанника*) — напоминает Христа; *Майя* — его мать Марию; а *Тваштри*, это Св. Иосиф, библейский плотник.

Удалось ли этому ученому профессору из Тулузы объяснить все, лишний раз обращая наше внимание на то, что и так бросается в глаза? Конечно нет. Но если, не подозревая об эзотерическом значении этой аллегории, он ничего не смог добавить к ранее известному, то разрушить во многих учениках веру в «*божественное происхождение*» христианства и его церкви, увеличив тем самым число сторонников материализма, ему наверняка удалось. Ибо никто из посвятивших себя этим сравнительным исследованиям уже не может считать религию Запада чем-то иным, как только бледной копией более древних и величественных философий.

Источник всех религий — включая иудео-христианскую — следует искать в нескольких первоначальных истинах, каждая из которых необъяснима в отрыве от остальных, поскольку заключает в себе детали, без которых целостное философское восприятие становится невозможным. Все они являются, в большей или меньшей степени, преломленными лучами единого солнца истины; и истоки их надлежит искать в архаических записях Религии Мудрости. Без света последней даже величайшие из исследователей увидят лишь смутные очертания этих истин, облаченные в созданные воображением личины, в осно-

ву которых положены главным образом персонифицированные знаки Зодиака.

Множество аллегорий и всевозможных *завес*, «туманных изложений», иносказаний и притч в несколько слоев покрывают оригинальные эзотерические тексты, положенные в основу (*как это уже известно*) Нового Завета. Откуда же в таком случае взялись Евангелия, жизнеописания Иисуса из Назарета? Разве не твердили нам постоянно, что никакой человеческий, *смертный* разум не смог бы сам придумать биографию этого еврейского реформатора, равно как и завершившую ее ужасную драму на Голгофе? Мы заявляем, опираясь на авторитет эзотерической восточной школы, что сюжет этот заимствован у гностиков (а именно — само имя «Христос» и мистико-астрономические аллегории) и из писаний древних *Танаимов*. (Каббалистическая связь между Иисусом, или Иошуа, и библейскими персонификациями). Одной из этих персонификаций является мистическое эзотерическое имя Иеговы — не мифического Бога непосвященных евреев (ничего не знающих о своих собственных мистериях) и еще более невежественных христиан (заимствовавших его впоследствии), но Иеговы языческих посвящений. Это неоспоримо подтверждают глифы, или мистические комбинации различных символов, сохранившиеся до наших дней в римско-католической иероглифике.

Гностические тексты содержали краткое изложение основных обрядов, коими сопровождалось таинства Посвящения, в то время еще не окончательно стертые из человеческой памяти; однако и эта информация необходимо облекалась в полуаллегорическую форму, прежде чем доверялась бумаге или пергаменту. Но древние *Танаимы* — Посвященные, у которых талмудисты позднее заимствовали мудрость каббалы (*устной традиции*), знали тайный язык

мистерий; именно на этом языке были написаны *Евангелия*¹. И только тот, кто владеет древним эзотерическим шифром — тайным значением цифр (некогда общим достоянием всех народов), в состоянии в полной мере оценить гений, проявившийся в соединении египетско-еврейских, ветхозаветных аллегорий и имен с аллегориями и символами языческих греческих гностиков — величайших из всех мистиков своего времени. Епископ Ньютон доказывает это, сам того не замечая, когда говорит, что «Св. Варнава — сотоварищ Св. Павла, упомянутый в его послании (глава IX) — обнаруживает... имя Иисуса распятым в числе 318»; то есть Варнава разглядел имя Иисуса Христа в мистическом греческом ИΝΤ, где буква *tau* является глифом креста. Один каббалист, автор неопубликованной рукописи «Ключ к строению Тайного Языка», заметил по этому поводу:

Однако это только игра еврейскими буквами *Йод, Хет* и *Шин*. Отсюда — IHS как монограмма Христа, дошедшая до нашего времени. Ее написание — יח , или 381; но сумма этих букв может быть представлена и как 318, или число Авраама и его Сатаны, Иошуа и его Амалика. Несложно доказать, что это также число Иакова и его противника. Годфри Хиггинс придает особое значение числу 608. Это число имени Мелхиседека, ибо числовое значение его имени — 304, а Мелхиседек был жрецом Наивысшего Бога, у которого нет начала и не будет конца.

Ключом к разгадке тайны Мелхиседека служит тот факт, что

В древних Пантеонах две планеты считались существующими изначально и вечно [*эоническая вечность* —

---

¹ Так, если три Синоптические Евангелия являют собой комбинацию языческой-греческой и еврейской символики, то «Откровение» написано на тайном языке Танаимов — реликте египетской и халдейской мудрости, а «Евангелие от Иоанна» является чисто гностическим.

Е.П.Б.]. Это Солнце и Луна, или Осирис и Изиды. Отсюда и фраза: «нет начала и не будет конца». 304, умноженное на два, дает 608. Таково же и числовое значение слова Сет, носитель которого символизировал смену времен года. Ряд авторитетных источников утверждает, что число 888 соотносится с именем Иисуса Христа и является противоположностью числа 666, связанного с Анти-Христом... Значение имени Иошуа неизменно определялось числом 365, соответствующим числу дней солнечного года, в то время как Иегова удовлетворялся ролью определителя продолжительности лунного года. Но в христианском Пантеоне Иисус Христос был одновременно и Иеговой и Иошуа...

Это еще одна иллюстрация к тому, что христианское значение составного имени Иисус-Христос целиком основано на гностическом и восточном мистицизме. И совершенно естественно и правильно, что летописцы, подобные посвященным гностикам, будучи связанными обетом молчания, не раскрывали эту завесу таинственности, но продолжали окружать покровом тайны глубинный смысл своих древнейших священных учений. Но право отцов церкви покрывать все это толстым слоем своей собственной эвгемеристической фантазии весьма сомнительно¹. Гностический сочинитель и летописец никого не обманывал. Ибо каждый Посвященный в тайны архаического гнозиса — как в до-христианскую, так и в христианскую эпоху — прекрасно знал значение каждого слова из этого «тайного языка».

---

¹ «Претензия христианства на обладание божественным авторитетом основана на невежественном убеждении в том, что мистический Христос мог воплотиться в человека и действительно сделал это. Тогда как Гнозис утверждает, что телесный Христос — не более чем иллюзорное присутствие трансматериального человека. Следовательно, любое отождествление Христа с исторической личностью является фальсифицированием и дискредитацией Духовной Реальности». (G.Massey. «Gnostic and Historic Christianity»)

Как утверждает Гиббон, эти гностики — вдохновители первоначального христианства — были «наиболее культурными, наиболее образованными и наиболее зажиточными из всей массы христиан». (The History of the Decline and Fall of the Roman Empire, ch. XV.) Так что буквальное восприятие собственных текстов не грозило ни им самим, ни их смиренным последователям. Но совершенно иначе дело обстояло с жертвами распространителей выдумок, известных ныне как *ортодоксальное* и *историческое* христианство. Их последователи впали в то же заблуждение, что и «несмысленные Галаты», которых Павел порицает (Гал., III, 1-5) за то, что они, «начавши духом» (то есть с веры в Дух [Христоса]), «оканчивают плотию» (то есть верой в *телесного* Христа). Ибо таково подлинное значение греческой фразы: «ἐναρξάμενοι πνεύματι ὄν σαρκί ἐπιτελείσθε»¹. То, что Павел был гностиком и основателем новой *гностической* секты, которая, хотя и выступала против других гностических сект, но, подобно им, признавала Христа-Духа, — совершенно очевидно для всех, кроме догматиков и теологов.

Не менее очевидно и то, что подлинные учения Иисуса, когда бы он ни жил, могли быть заимствованы только из учений гностиков; против этого отождествления христианства с гностицизмом с самого начала выступали фальсификаторы, которые стремились низвести Дух в материю, принизив тем

---

¹ Анализ этой фразы выявляет следующее значение: «Неужели вы, стремившиеся поначалу к *Христу-Духу*, закончите теперь верой в телесного Христа»; так как в противном случае она не имеет вообще никакого смысла. Глагол ἐπιτελοῦμαι означает не «достигать совершенства», но «заканчиваться, приобретать определенный вид». Подтверждением тому является борьба, которую Павел вел до конца своих дней с Петром и ему подобными, и его собственный рассказ о том, что он назвал видением Духовного Христа, но не Иисуса из Назарета, как написано в «Деяниях».

самым благородную философию изначальной Религии Мудрости. Как сообщает Евсевий (Hist. Eccles., book IV, ch. 7), только один Василид (по определению Климента — «философ, посвятивший себя размышлениям о Божественных вещах») оставил 24 тома своих «Толкований Евангелия», но все они были сожжены по приказу Церкви.

И поскольку эти «Толкования» были написаны в ту пору, когда Евангелия в их нынешнем виде еще не существовали¹, это лишний раз доказывает, что Евангелие, которое было передано Василиду апостолом Матфеем и учеником Петра Главкием (Clemens Alexandrinus, Strom., VII, ch. XVII), в значительной мере отличалось от нынешнего текста Нового Завета. Об этом учении вряд ли можно с уверенностью судить по тем необъективным отрывкам, которые оставил для потомков Тертуллиан. Однако даже того немногочисленного, что сообщил нам этот ярый фанатик, вполне достаточно, чтобы идентифицировать основные гностические учения по их терминологии и персоналиям с *Тайной Доктриной Востока*.

...Говоря о Василиде — «набожном, богоподобном, теософическом философе» (как описывал его все тот же Климент Александрийский), Тертуллиан восклицает: «После этого Василид, этот *еретик*, как с цепи сорвался². Он утверждал, что есть Всевышний Бог по имени Абракасас, который создал Разум [Махат], именуемый греками *Nous*. Из него произошло Слово, а из Слова — Провидение, из Провидения — Добродетель и

---

¹ Supernatural Religion, vol. II, ch. «Basilides».

² В «Разоблаченной Изиде» спрашивается: «Разве римская церковь не считала такой же **ересью** взгляды фригийского епископа Монтана? Интересно наблюдать, как эта церковь поддерживает одного *еретика*, Тертуллиана, в его нападках на другого *еретика*, Василида, когда эти нападки содействуют достижению ее собственных целей.

Мудрость, а из этих двух — опять-таки Добродетели, *Начальства*¹ и *Власти*; а от них — творение бесчисленных ангелов. И только среди низших ангелов, создавших этот мир, помещает он *самым последним* Бога евреев, коему отказывает даже в праве называться собственнo Богом, но именует лишь одним из ангелов»². («Разоблаченная Изида», Том II, с. 189.)

Еще одно доказательство того, что «Евангелие от Матфея» в его традиционном греческом варианте отличается от исходного, написанного на иврите, предоставляет нам такой авторитетный источник, как Св. Жером (или Иероним). Подозрение в постепенной и сознательной *эвгемеризации* принципа Христа, имевшей место с самых первых дней существования учения о нем, превращается в уверенность после знакомства с признанием Иеронима, содержащимся во второй книге его «Комментариев к Матфею». Ибо оно прямо указывает на факт намеренной подмены всего Евангелия: нынешний канонический его вариант был явно переписан этим чересчур ревностным отцом церкви³. Он рассказывает о том, как был по-

¹ «Разве сам Павел не говорит о "*Начальствах и Властях на небесах*" (Еф., III, 10; I, 21); и не признает ли он, что есть много *богов* и *Господ* много (Κυριοί)? И что есть ангелы, силы (Δυνάμεις) и *Начала*? (См.: I Кор., VIII, 5; и Рим., VIII, 38.)» [«Разоблаченная Изида», т. II, с. 189, прим.]

² Тертуллиан «Liber de praescriptione haereticorum». Несомненно, что только благодаря откровенно казуистическому, жульническому подходу, Иегова, который представлен в *каббале* как просто сефирот, третья сила (левой руки) среди эманаций (Бина), смог вознестись до уровня *Единого*, абсолютного Бога. Даже в Библии он всего лишь один из Элохимов (См.: Быт., III, 22 — «Господь Бог» не проводит никаких различий между собой и другими).

³ Это *исторический факт*. О том, как далеко зашло это *переписывание* изначальных гностических текстов, искажающее их смысл и приведшее в конце концов к созданию Нового Завета, можно судить, прочитав «Сверхъестественную религию», которая, если не ошибаюсь, уже выдержала 23 издания.

слан в конце IV в. «их Преподобиями» епископами Хромацием и Гелиодором в Кесарию, дабы сличить греческий текст Евангелия (единственный текст, бывший в их распоряжении) с его оригинальной еврейской версией, которую назореи хранили в своей библиотеке, и сделать ее перевод. Иероним перевел ее, но против своей воли; ибо, как он сам говорит, это *Евангелие «содействует скорее разрушению, нежели назиданию»*¹. Но «разрушению» чего? Очевидно, разрушению догмы, утверждавшей, что Иисус из Назарета и *Христос* — одно и то же лицо; и следовательно — разрушению новоиспеченной религии². В том же письме Святой (который советовал своей пастве убивать собственных отцов и попирать ногами вскормившие их груди, переступая через тела своих матерей, в том случае, если родители становятся преградой между ними и Христом) признает, что Матфей вовсе не хотел, чтобы его Евангелие стало *всеобщим достоянием*; следовательно, это был *эзотерический* манускрипт. И хотя он признает также, что это Евангелие «было написано еврейским письмом и его собственной (Матфея) рукой», в другом месте он противоречит сам себе, убеждая потомков в том, что оно было *искажено и переписано учеником Манихея по имени Селевк...* и поэтому «ушам церкви, конечно же, не пристало внимать ему».

Огромный реестр источников, использованных для данной работы ее автором, поистине впечатляющ. Один список английских и немецких критиков Библии кажется бесконечным.

¹ Подробности этого инцидента см. в «Разоблаченной Изиде», том II, с. 180-183. Вера в непогрешимость церкви должна быть поистине слепой, иначе она не смогла бы продержаться так долго и не исчезала бы сейчас так стремительно.

² См.: Hieronymus, *De viris illustribus* liber, cap. 3; H. Olshausen, *Nachweis der Echtheit der sammtlichen Schriften des Neuen Testaments*, p. 35. Греческий текст «Евангелия от Матфея» — единственный, когда-либо бывший в распоряжении церкви.

Нет ничего удивительного в том, что значение терминов *Хрестос* и *Христос* превратилось, вследствие их отождествления с «Иисусом из Назарета» (выведенным из имени *Иошуа-Назорей*), в мертвую букву для всех, кроме нехристианских оккультистов. Поскольку даже каббалисты не располагают достоверными источниками, на которые можно было бы положиться. «Зогар» и каббала были извращены христианами до неузнаваемости; и если бы не копия халдейской «Книги Чисел», мы не имели бы сейчас ничего, кроме грубых подтасовок. И пусть наши братья, так называемые христианские каббалисты Англии и Франции, многие из которых к тому же еще и теософы, воздержатся от чересчур горячих протестов, ибо *все это — история (читайте Мунка)*. Утверждать, как это до сих пор делают некоторые немецкие востоковеды и современные критики, что каббала никогда не существовала до того самого дня, когда в XIII в. испанский еврей Мозес де Леон был обвинен в создании этой «подделки», так же глупо, как и утверждать, что все имеющиеся в нашем распоряжении каббалистические труды это оригиналы, сохранившиеся неизменными с того самого времени, когда рабби Шимон Бен Йохай передал эту «традицию» своему сыну и последователям. Ни одна из этих книг не сохранилась в своем первоизданном виде, все они подверглись искажению в руках христиан. Мунк — один из наиболее образованных и талантливых специалистов своего времени в данной области — подтверждает это, но в то же время, как и мы, протестует против предположения, что все это — постхристианская подделка. Ибо он говорит:

Для нас совершенно очевидно... что автор пользовался древними документами, в том числе и некоторыми *Мидрашим* (или собраниями традиционных представлений и библейских толкований), не сохранившимися до наших дней.

Далее, цитируя Толука, он добавляет:

Гаи Гаон, умерший в 1038 г., был, насколько нам известно, первым автором, который развил теорию *сефиротов* и дал им имена, которые мы опять-таки наблюдаем у каббалистов (ср.: Jellinek, Moses ben Schem-tob de Leon, etc., p. 13, note 5); этот доктор, *близко знакомый с сирийскими и халдейскими христианскими учеными*, благодаря им смог познакомиться с некоторыми гностическими сочинениями.

И, как убедительно доказывает Мунк, эти «гностические сочинения» и эзотерические доктрины стали неотъемлемой частью каббалистических трактатов (не говоря уже о многочисленных более поздних интерполяциях, которые мы находим теперь в «Зогаре»). Нынешняя каббала уже не еврейская, а христианская.

Таким образом, в результате деятельности нескольких поколений наиболее активных отцов церкви, неустанно трудившихся над уничтожением древних документов и составлением собственных интерполяций для тех из них, которым все же посчастливилось уцелеть, от *гностицизма* — законного наследника древней Религии Мудрости — остались только невразумительные и почти неузнаваемые осколки. Однако даже эти крохи будут вечно сиять, подобно чистому золоту; и какими бы тенденциозными ни были отзывы Тертуллиана и Епифания об учениях «еретиков», оккультист способен даже в них разглядеть первоизданные истины, некогда передававшиеся по всему миру в ходе мистерий Посвящения. Среди прочих сочинений, содержащих глубокомысленные аллегории, следует выделить «Апокрифические Евангелия» и недавно признанный драгоценнейшей реликвией гностической литературы фрагмент, известный под названием «*Pistis-Sophia*»*, «Знание-Мудрость».

В своей следующей статье, посвященной эзотерическому характеру Евангелия, я намерена показать,

что те, кто переводит слово *Пистис* как «вера», заблуждаются. Слово «вера» в значении «*благодать*», или «нечто, во что необходимо слепо и беспрекословно верить», вошло в обиход только с возникновением христианства. Павел в своих Посланиях нигде не употребляет это слово в подобном значении; а Павел несомненно был **Посвященным**.

ИСТОКИ ОБРЯДНОСТИ В ЦЕРКВИ И МАСОНСТВЕ

I

Очень часто (и очень несправедливо) теософов обвиняют в язычестве или даже атеизме. Это грубая ошибка, особенно в том, что касается последнего обвинения.

В большом обществе, состоящем из представителей разных народов и рас, каждому и каждой из которых никто не запрещает верить, во что им самим заблагорассудится, придерживаться той религии, в лоне которой они родились и воспитывались, или же нет, остается не так уж много места для атеизма. Что же касается «язычества», то эта характеристика вообще не может служить обвинением. И чтобы показать, насколько она абсурдна, достаточно будет предложить нашим злопыхателям отыскать во всем цивилизованном мире хотя бы одного человека, который *не* выглядел бы «язычником» в глазах людей, принадлежащих к иной, нежели он сам, вере. И не важно, принадлежит ли человек к уважаемым и ортодоксальным кругам или же к одной из так называемых еретических «сект». Это взаимное обвинение поддерживается всегда, хотя и негласно. Это своего рода ментальная игра в бадминтон, где участники перебрасывают волан, из вежливости не говоря друг другу ни слова, но при этом стараясь угодить

сопернику по голове. По сути дела, ни один теософ, как и ни один нетеософ, не может быть язычником; но, с другой стороны, на свете нет ни одного живого человека, который не был бы язычником в глазах того или иного сектанта. Однако с обвинением в атеизме дело обстоит несколько иначе.

Прежде всего мы спрашиваем — что такое *атеизм*? Это неверие и отрицание существования Бога или богов или просто отказ признавать какое-либо персонифицированное божество, если верить эмоциональному определению Р.Холла, который трактует атеизм как «жестокую систему», поскольку «она не оставляет ничего *наверху* [?], что могло бы вызывать наше благоговение, и ничего вокруг нас, что пробуждало бы в нас нежные чувства» (!). Если принять первое определение, то под него не подпадает большинство наших коллег, ибо огромное множество людей в Индии, Бирме, да и в других странах тоже, верит в существование богов и иных небожителей и испытывает к некоторым из них *благоговейное* почтение. К тому же ряд западных теософов наверняка признается в своей искренней вере в духов, пространственных или планетарных, призраков или ангелов. Многие из нас признают факт существования ниже- и вышестоящих разумных существ; причем некоторые из них не менее величественны, чем любой «персонифицированный» Бог. И в этом нет никакого оккультного секрета. Мы снова повторяем то, что мы публично признали в ноябрьском номере «Lucifer» (редакционная статья)*. Большинство из нас верит в жизнь духовного *Эго* после смерти, в планетарных Духов и *нирманакая* — тех великих Адептов прошлых веков, которые, отказавшись от своего законного права на нирвану, остаются в наших сферах бытия не как «духи», но как полностью духовные человеческие существа. Если не считать видимой телесной оболочки, от которой они

освободились, они остались такими же, какими были, чтобы помогать страждущему человечеству, насколько это возможно без нарушения кармического закона. Поистине, это «Великое Самоотречение»; непрестанное осознанное самопожертвование, которое длится веками и зонами, вплоть до того дня, когда глаза незрячего человечества наконец раскроются, и не только некоторые, но *все* люди смогут увидеть универсальную истину. Эти существа тоже могли бы считаться богом или богами, если бы только позволили воздвигнуть пусть даже самый маленький алтарь в свою честь и через него зажгли в наших сердцах искру, которая непременно разгорелась бы в пламя обожания от одной только мысли об этом, самом чистом из всех, жертвоприношении. Но они этого никогда не сделают. Поистине, «сердце есть [единственный] храм истинной веры», тогда как любой другой храм в этом случае следует признать всего лишь символом показной набожности.

О прочих невидимых существах мы можем сказать, что некоторые из них стоят неизмеримо выше человека по шкале божественной эволюции, но есть и те, кто гораздо ниже нас. Последним нам нечего было бы сказать; а первым нечего сказать нам, поскольку мы для них все равно что не существуем вовсе. Гомогенное не может иметь никакого представления о гетерогенном; так что пока мы не научимся сбрасывать свою смертную оболочку и общаться с ними «дух к духу», нам вряд ли удастся познать их истинную природу. Более того, ни один истинный теософ не сомневается в том, что **Высшая Сущность** каждого смертного человека имеет ту же самую природу, что и эти боги. К тому же первая наделена свободной волей и, следовательно, несет большую ответственность, нежели последние; и потому мы считаем, что воплощенное **Эго** если и не

более божественно, то, во всяком случае, более значительно, нежели любой духовный **Разум**, который *только ожидает воплощения*. В философском плане причина этого предпочтения очевидна и вполне понятна каждому метафизику восточной школы.

Воплощенное **Эго** вынуждено преодолевать на своем пути больше препятствий, чем чистая божественная Сущность, не связанная с материей. Божественная Сущность не может иметь никаких персональных заслуг, тогда как *Эго* движется к окончательному совершенству через муки существования — испытания и боль. Тень кармы не может пасть на то, что божественно и чисто и настолько отлично от нас, что между нами нет и не может быть никакого общения. Что же до тех божеств, которые считаются в индуистском эзотерическом пантеоне ограниченными и потому подверженными действию кармы, то ни один истинный философ никогда не станет им поклоняться, так как это просто знаки и символы.

Так можно ли считать нас атеистами только потому, что мы, веруя в Духовные Воинства, то есть в реальность тех существ, совокупности которых ныне поклоняются как *личностному* Богу, наотрез отказываемся признать, что они представляют **Единого** Неведомого? И потому, что мы считаем, что этот вечный Принцип, это Совокупное Все, или *Абсолютность Всеобщности*, не может быть выражен человеческими словами или отождествлен с чем-то, что имеет ограничительные, обуславливающие признаки? И можем ли мы оставить без протеста обвинение в идолопоклонстве, выдвигаемое против нас прежде всего католиками? То есть теми, чья религия такая же языческая, как и у всех почитателей солнца и стихий, чья вера была сформулирована для них во всех подробностях за много столетий до 1 года христианской эры и чьи ритуалы и догматы ничем не

отличаются от тех, что бытуют у народов-идолопоклонников — во всяком случае, у тех из них, что продолжают существовать в духе по сей день (если таковые еще остались)? По всей поверхности земли — от Северного полюса до Южного, от ледяных пучин Арктики до выжженных зноем равнин Южной Индии, от Центральной Америки до Греции и Халдеи — люди поклонялись Солнечному Огню, символу божественной Творческой Силы, Жизни и Любви. Союз Солнца (мужского элемента) с Землей и Водой (материей, женским элементом) восхваляли в храмах всей Вселенной. Если язычники отмечали праздник, посвященный этому союзу, за девять месяцев до зимнего солнцестояния, то есть в день, когда, как говорят, зачала Изида, то точно так же поступают и римско-католические христиане. Великий и священный день *Благовещения*, день, когда Дева Мария «обрела благодать у [ее] Бога» и зачала «Сына *Всевышнего*», отмечается христианами *за девять месяцев до Рождества*. Отсюда и поклонение Огню, светильники и лампы в церквях. Почему? Да потому, что Вулкан, бог Огня, женился на Венере, дочери Моря. Именно поэтому маги на Востоке и девы-весталки на Западе хранили и поддерживали священный огонь. Солнце было «Отцом», Природа — вечной Девой-Матерью: Озирис и Изида, Дух-Материя, причем последнюю почитали в каждом из трех ее состояний как язычники, так и христиане. Отсюда и девы, даже в Японии, облаченные в голубые одежды, усеянные звездами, стоящие на лунном серпе, символизируя женскую природу (в ее трех стихиях — воздух, вода и земля); отсюда и Огонь, или «мужское» Солнце, каждый год оплодотворяющее Природу своими яркими лучами («раздвоенными языками, подобными пламени» Святого Духа).

В «Калевале» — древнейшей эпической поэме финнов, восходящей к дохристианским временам, в

чем не сомневается ныне ни один ученый, мы читаем рассказы о богах Финляндии: богах воздуха и воды, огня и леса, Небес и Земли. В великолепном переводе Дж.М.Кроуфорда, в руне L (том II), перед читателем предстает целая легенда о Деве Марии —

*Мариатта, Матерь-Дева,
Дочь-краса Страны Полночной...*

Укко, великий Дух, чьей обителью является Юмяла — небо, или рай, избрал Деву Мариатту своим носителем, чтобы воплотиться через нее в образе Богочеловека. Она зачала после того, как сорвала и съела красную ягоду (*марья*). Отвергнутая своими родителями, она родила «Сына бессмертного» *в хлеву, прямо в яслях*. После этого «Священный Младенец» исчез и Мариатта отправилась на его поиски. В дороге она спрашивает у звезды, «путеводной звезды Страны Полночной», где ее «священный младенец лежит сокрытый», но звезда гневно отвечает ей:

*Даже знай я, не сказала б.
Это сын меня твой создал
И светить заставил вечно
Здесь, в холодном мраке ночи...*

и более ничего не говорит Деве. Не помогла ей и золотая луна, потому что младенец Мариатты сотворил и ее и подвесил посреди огромного небосвода:

*Чтобы я во тьме бродила
Одиноко вечерами.
Мой удел — тоска и холод.
Только днем он спать велел мне
И светить другим во благо...*

И только «Серебряное Солнце», сжалившись над Матерью-Девой, говорит ей:

*Там твой золотой младенец,
Там он спит, священный мальчик,
Погружен по пояс в воду,
Скрыт густыми камышами.*

Мариатта приносит священного младенца домой. Она зовет своего ребенка «Цветочком»,

Но другие называют Сыном Скорби.

Что это — постхристианская легенда? Вовсе нет, ибо, как уже было сказано, поэма является преимущественно языческой, и ее дохристианское происхождение общепризнано. При наличии такой информации в литературных источниках все ехидные замечания по поводу идолопоклонства и атеизма, язычества и безбожия должны немедленно прекратиться. Более того, сам термин *идолопоклонство* имеет христианское происхождение. Он применялся назорейями на протяжении двух с половиной столетий нашей эры по отношению к тем народам, у которых существовали храмы и церкви, статуи и образы, поскольку сами ранние христиане *не имели ни храмов, ни образов, ни статуй*, к которым они питали стойкое отвращение. Таким образом, прозвище «идолопоклонники» гораздо более подходит нашим обвинителям, нежели нам, о чем мы еще поговорим в данной статье. С их Мадоннами на каждом перекрестке и тысячами статуй, начиная от Христа и Ангелов во всех мыслимых формах и заканчивая папами и святыми, католикам небезопасно критиковать индусов или буддистов за идолопоклонство. И мы можем это доказать.

II

Начнем с происхождения слова *God*. Каково первоначальное, этимологическое значение этого термина? Различные варианты истолкования его происхождения и значения столь же многочисленны, сколь и разнообразны. Один из них производит это слово от древнеперсидского мистического термина *goda*, означающего «само», то есть нечто излучающее себя из абсолютного Принципа. Исходная форма слова —

godan, откуда — Водан, Воден и Один (восточный корень практически не изменился в языках германских рас). Так, немцы переделали его в *Gott*, и отсюда было образовано прилагательное *gut*, «хороший», а также слово *gotze*, идол. Древнегреческие слова *Zeus* и *Theos* легли в основу латинского *Deus*. Эта *goda*, или эманация, не может быть идентичной тому, из чего она исходит, поскольку представляет собой периодическое и конечное проявление. Древний поэт Арат, написавший: «Зевсом наполнены все улицы и все торжища человеческие; Им наполнено море и гавани»*, не ограничивал свое божество таким преходящим отражением, принадлежащим нашему, земному уровню, каким был классический Зевс или даже его прототип — Дьяус, но видел в нем универсальный, вездесущий Принцип. Прежде чем внимание людей привлеч сияющий бог *Дьяус* (небо), был ведический *Тад* («То»), который, по убеждению посвященных и философов, не мог иметь никакого определенного имени, поскольку был той абсолютной Тьмою, которая лежит в основе всякого проявленного излучения. Люди непосвященные и невежественные стали называть мифического Юпитера (позднейшее отражение Зевса) «Отцом», но то же самое произошло и с Сурьей, Солнцем — первым проявлением в мире майи и сыном Дьяуса. Так Солнце очень скоро стало единым и взаимозаменяемым с Дьяусом, теперь для одних это «Сын», а для других — «Отец» в сияющих небесах; однако об ограниченной, конечной природе Дьяус-питара можно судить хотя бы по тому, что Земля была предназначена ему в жены. Лишь после того как метафизическая философия окончательно пришла в упадок, *Дьяус-притхиви*, «Небо и Земля», стали восприниматься как Универсальные космические родители — не только людей, но также и богов. Первоначальная, абстрактная и поэтическая, концепция идеальной причины

постепенно огрубела. Дьяус, небо, очень скоро превратился в Дьяус-Рай, обитель «Отца», а в конечном счете — и в самого Отца. Тогда Солнце, ставшее символом последнего, получило дополнительные титулы — *Дина-Кара*, «творец дня», и *Бхаскара*, «творец света»; то есть Отцу были присвоены эпитеты Сына, и наоборот. Господство ритуализма и антропоморфических культов установилось с тех пор во всем мире, что привело к духовной деградации последнего, и даже в наш цивилизованный век положение не изменилось.

Итак, после того как мы установили общность их происхождения, нам остается лишь сопоставить обоих богов — бога язычников и бога евреев — на основании их собственных *откровений* и фрагментарных рассказов о себе и интуитивно заключить, кто из них ближе к высочайшему идеалу. Процитируем полковника Ингерсолла, который проводит параллели между Иеговой и Брахмой. Первый из них, обращаясь к евреям «из облака и дыма на горе Синай», говорит:

«Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим... Не поклоняйся им и не служи им; ибо я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня». [Исх. XX, 3,5.] Сравните этот пассаж со словами, которые индусы вкладывают в уста Брахмы: «Я один для всего человечества. И те, кто искренне служит другим богам, сами того не зная, поклоняются мне. Я — тот, кто имеет долю во всяком поклонении; и я же — награда для всех поклоняющихся». Сравните эти высказывания. Если первое напоминает подземелье, где пресмыкаются скользкие порождения зависти, то второе сравнимо с инкрустированным множеством солнц небосводом...

Первое высказывание принадлежит богу, подстегивавшему фантазию Кальвина, когда он дополнял свое учение о предопределении картинами Ада, мощенного черепами *некрещеных* младенцев. Идеи,

заключенные в верованиях и догматах наших церквей, куда более богохульны, нежели те, коих придерживаются *темные* язычники. *Амуры* Брахмы, в образе оленя, со своей собственной дочерью, принявшей вид оленихи, или же Юпитера с Ледой, ставших лебедями, представляют собой величественные *аллегии*. Они никогда не преподносились как откровение, но всегда считались продуктом поэтической фантазии Гесиода и других мифотворцев. Но можем ли мы сказать то же самое о *непорочных дочерях* бога римско-католической церкви — Анне и Марии? А ведь малейший намек на то, что евангельские сюжеты тоже являются аллегорическими и к тому же могут звучать откровенно богохульно, если не видеть в них ничего, кроме мертвой буквы, воспринимается урожденными христианами как непростительное святотатство.

Поистине, они могут гримировать и перекрашивать бога Авраама и Исаака, как им заблагорассудится, но им все равно не удастся опровергнуть Марциона, который утверждал, что Бог *Независти* никак не может быть Богом-«Отцом Иисуса». Ересь это или нет, но «Небесный Отец» христианских церквей остается с тех пор гибридным существом — смесью Юпитера, бога языческих толп, с «ревнивым Богом» Моисея. Экзотерически — это **Солнце**, чьей обителью является рай, или, эзотерически, небо. Разве не породил он **Свет**, «сияющий во Тьме», День и светлого Дьяуса, Сына; и разве он не **Всевышний** — *Deus Caelum*? И, опять же, разве это не *Terra*, «Земля», вечно непорочная, но всегда плодovitая Дева, которая, будучи оплодотворенной в нашей, земной сфере жаркими объятиями своего «Господа» — животворящими лучами Солнца, становится матерью всего, что живет и дышит на ее необъятной груди? Отсюда и святость ее плодов — *хлеба и вина* — в ритуализме. Отсюда также и древний

messis, великое жертвоприношение богине урожая (Церере Элевсинской, или, опять-таки, Земле): *messis* для посвященных, *missa* для профанов¹, ныне превращенная в христианскую мессу, или литургию. Древнее жертвоприношение плодов Земли Солнцу, «Всевышнему» *Deus Altissimus*, по сей день именуемому в масонстве «В[еликий] А[рхитектор] В[селенной]», легло в основу важнейшего из всех ритуалов новой религии. Озирис-Изида (Солнце и Земля)², Бел и крестообразная Астарта вавилонян; Один или Тор и Фригга у скандинавов; Белен и *Virgo Paritura* у кельтов; Аполлон и *Magna Mater* у греков — поклонение всем этим парам имело одно и то же значение, которое целиком перешло впоследствии к христианам и было трансформировано ими в Господа Бога или Святого Духа, нисходящего на Деву Марию.

Отец (*Deus Sol*, или *Solus*) и Сын также стали взаимозаменяемыми: это «Отец» в полуденной славе, который становится «Сыном» на заре, когда последний, как говорят, «был рожден». Эта идея достигает апофеоза ежегодно 25 декабря, во время зимнего солнцестояния, когда, как принято считать, рождается Солнце, а значит, и солнечные боги всех народов. *Natalis solis invicti*. «Предтеча» возрождающегося Солнца *растет и набирается сил* до наступления весеннего равноденствия, когда бог-Солнце начинает свой ежегодный путь под знаком Овна, или *Агнца*, в первую лунную неделю месяца. День 1 марта праздновала вся языческая Греция, поскольку его *неотенія* была посвящена Диане. По тем же самым

¹ От латинского *pro*, «перед», и *fanum*, «храм»; то есть непосвященные, которые стоят перед храмом, но не осмеливаются войти в него. (См. труды Рагона.)

² Земля и Луна, ее породившая, тоже взаимозаменяемы. Поэтому все лунные богини служили также и символами Земли. См.: «Тайная Доктрина», Символизм.

причинам христианские народы отмечают свою Пасху в первое воскресенье после первого полнолуния, следующего за весенним равноденствием. Вместе с празднествами язычников христианство скопировало также и облачения их жрецов и иерофантов. Кто сможет это отрицать? В своем «Житии Константина» Евсевий признает (и это, возможно, единственная истина, когда-либо изреченная им за всю его жизнь), что «для того, чтобы сделать христианство более привлекательным для язычников, жрецы [Христа] переняли храмовую утварь и одежды, которые использовались в языческом культе». Он мог бы еще добавить, что они переняли также «их ритуалы» и догматы.

III

Какой бы ненадежной ни была историческая наука в ее нынешнем состоянии, она все-таки подтверждает, основываясь на фактах, изложенных в сочинениях древних авторов, что церковный ритуализм и франкмасонство происходят из одного и того же источника и их становление шло рука об руку. Но поскольку масонство, несмотря на все свои ошибки и позднейшие нововведения, всегда было намного ближе к истине, чем церковь, последняя очень скоро начала преследовать масонов. В своей основе масонство было просто архаическим гностицизмом или ранним эзотерическим христианством; тогда как церковный ритуализм представлял собою (как и представляет *до сих пор*) *эзотерическое язычество* в чистом виде, только несколько *переработанное* (слово «реформированное» здесь не подходит). Почитайте труды Рагона* — масона, который «позабыл» включить в свои сочинения больше, чем знает все современное масонство. Изучите и сравните друг с другом разрозненные, но

многочисленные высказывания греческих и латинских авторов, многие из которых были посвященными, высокообразованными неопитами и участниками мистерий. Ознакомьтесь, наконец, с изощренной и злобной клеветой отцов церкви в адрес гностиков, мистерий и прошедших через них посвященных, и тогда перед вами, возможно, откроется истина. Но несколько философов, понуждаемых сложившейся политической обстановкой — преследованиями и репрессиями со стороны фанатичных епископов раннего христианства, которые в то время не имели еще ни общепринятого ритуала, ни церковных догм, — именно эти язычники создали для христиан и то и другое. Искусно сочетая истины Религии Мудрости с милыми сердцу невежественной толпы экзотерическими фантазиями, именно они заложили первоначальный фундамент для нынешних ритуалистических церквей и для лож современного масонства. Этот последний факт убедительно подтверждается Рагоном в его *ante-omniae* современной литургии, которую он сравнивает с древними мистериями и ритуалами ранних масонов. К тому же самому выводу можно придти, аналогичным образом сравнив церковные облачения, священные сосуды и празднества, установленные в латинской и прочих церквях, с ритуальными атрибутами и праздниками языческих народов. Однако пути церквей и масонства значительно разошлись с тех пор, когда они были едины. И если спросят, как в этом может удостовериться непосвященный, последует ответ: древнее и современное масонство обязательны для сведения каждого восточного оккультиста.

Масонство, несмотря на свою сложную атрибутику и современные нововведения (в особенности — библейский Дух), приносит пользу как в моральном, так и в физическом плане, или, во всяком случае,

приносило еще каких-нибудь десять лет назад¹. Это была подлинная *ecclesia** в плане братского единения и взаимопомощи, единственная *религия* в мире, если рассматривать это понятие как производное от слова *religare* — «связывать» воедино, поскольку эта религия объявляла всех принадлежащих к ней людей «братьями», независимо от *расы* и *вероисповедания*. Нет смысла судить о том, смогло ли бы масонство приносить больше пользы, чем оно приносит сейчас, будь у него в руках огромные богатства. Во всяком случае, мы не замечаем, чтобы от этой организации исходило какое-нибудь явное, видимое зло и никто, кроме римской церкви, пока еще не обвинял их ни в каких грехах. Но вправе ли *церковное* христианство выдвигать подобные обвинения? Пусть церковная и светская история ответит на этот вопрос. Известно, что церковь разделила все человечество на Каинов и Авелей; что она истребила миллионы во имя своего Бога — поистине, Господа *Множеств*, жестокого Иеговы Саваофа; и вместо того чтобы способствовать развитию цивилизации, которой очень любят похвалиться ее последователи, церковь сдерживала ее на протяжении всех долгих и беспросветных лет средневековья. Лишь вследствие неослабевающих атак со стороны науки и восстаний стремящихся к свободе людей церковь начала терять твердую почву под ногами, будучи не в силах более сдерживать просветление. Но разве она не смягчила, как говорят, «варварский дух язычества»? Ни в малейшей степени — решительно заявляем мы. Имен-

---

¹ Со времени появления масонства раскол между британскими и американскими масонами и французским «Grand Orient»* «сыновей вдовы» стал первым за всю его историю. Не будет большого преувеличения, если мы назовем эти две секты масонства масонскими протестантами и масонской римско-католической церковью, во всяком случае, в том, что касается ритуализма и братской любви.

но христианство, с его *odium theologicum*, когда у него не осталось больше сил сдерживать человеческий прогресс, заразило своим смертоносным духом нетерпимости, своим бессердечным эгоизмом, жадностью и жестокостью современную цивилизацию, преподнеся все это под маской кроткого, но *лицемерного* христианского учения. Разве языческие Цезари были когда-нибудь более кровожадными или более холодными в своей жестокости, чем современные монархи с их армиями? Когда еще миллионы пролетариев голодали так, как теперь? И когда еще человечество проливало столько слез и претерпевало столько страданий?

Да, были дни, когда церковь и масонство были едины. То были времена интенсивной моральной реакции, переходный период мысли, тяжелый, как ночной кошмар, век борьбы и раздоров. Но когда появление новых идей привело к кажущемуся падению старых храмов и разрушению языческих идолов, на самом деле произошла лишь перестройка этих храмов, ибо новые были воздвигнуты из старых материалов и установлены в них были прежние идолы, только под новыми именами. То была эпоха вселенского переустройства, но переустройство это оставалось исключительно поверхностным и не затрагивало глубин. История никогда не сможет рассказать нам, сколько полуиерофантов и даже высших Посвященных были вынуждены стать ренегатами, чтобы не дать погибнуть секретам Посвящения; но зато нам могут помочь в этом традиция и вдумчивое исследование. Претекстату, проконсулу Ахайи IV века нашей эры, приписывают утверждение, будто «отнять у греков их священные мистерии, *связывающие воедино все человечество*, было бы равносильно тому, чтобы отнять у них жизнь». Вероятно, Посвященные разделяли это мнение и потому *nolens volens* присоединившись к последователям

новой веры, повсюду сосредоточивавшим в своих руках деспотическую власть, старались вести себя соответственно. Точно так же поступили некоторые эллинизированные еврейские гностики, так что далеко не один «Климент Александрийский» (по виду новообращенный, но в душе — все тот же ревностный неоплатоник и языческий философ) инструктировал в свое время невежественных христианских епископов. Иными словами, новообращенный *malgré lui* смешивал между собой две экзотерические мифологии — древнюю и новую, при этом полученную смесь он делал достоянием широкой публики, а священные истины оставлял для себя.

О том, какого рода христианами они становились, можно судить хотя бы на примере Синезия, неоплатоника. Любому ученому известно, и ни один из них не станет отрицать тот факт, что любимый и самый преданный ученик Гипатии — девы-философа, мученицы и жертвы подлого Кирилла Александрийского — не был даже окрещен, когда египетские епископы впервые предложили ему возглавить епископальную епархию в Птолемаиде. И каждый ученик знает, что, хотя Синезий и окрестился после того, как принял предложенную должность, это крещение было настолько *поверхностным*, что свое согласие он подписал только после того, как были приняты его условия и гарантированы будущие привилегии. Весьма любопытен основной пункт этого договора. В соответствии с этим условием *sine qua non*, Синезию дозволялось воздерживаться от проповеди тех (христианских) учений, в которые он — новый епископ — сам не верит! Кроме того, хотя он и был окрещен и рукоположен в сан сначала дьякона, потом священника, а затем и епископа, он так и не развелся со своей женой и не отказался от своей платонической философии: можно добавить, что подобное увлечение едва ли возбуждалось в то время

всем остальным епископам, а ведь Синезий жил уже в V веке нашей эры.

Подобного рода соглашения между посвященными философами и невежественными жрецами реформированного иудаизма были весьма распространенным явлением в те годы. Первые стремились сохранить свои «мистические обеты» и собственное достоинство; ради этого они пошли на компромисс с амбициозностью, невежеством и нарастающей волной массового фанатизма — компромисс, о котором их последователям оставалось только сожалеть. Они верили в Божественное Единство, **Единого**, или *Solus'a* — необусловленного и непознаваемого; и все же они согласились воздавать публичные почести и отдавать дань уважения *Sol'u*, Солнцу, движущемуся между своими двенадцатью апостолами, 12 знаками Зодиака, или, по-другому, 12 сыновьями Иакова. *Hoi polloi* ничего не знали о первом и поклонялись последним, а в их лице — своим освященным временем древним богам. Переделать прежний, солнечно-лунный, культ и космические божества в Престолы, Архангелов, Власти и Святых было совсем несложно, тем более что вышеназванные звездные титулы перекочевали в новый, христианский, канон почти не меняя своих имен. Так что, пока «Великий Избранник» шепотом твердил во время мессы о своей абсолютной преданности Верховному Универсальному Единству «непостижимого Труженика» и торжественно провозглашал громким голосом «Священное Слово» (ныне замененное масонским «Словом, произносимым шепотом»), его помощник перечислял нараспев целый «*Kyrielle*» имен тех малых звездных существ, которым поклонялись массы. Непосвященному неопиту, лишь несколько месяцев или недель назад возносившему молитвы быку Апису и священному павиану, божественно-

му ибису и сокологоловому Озирису, орел Св. Иоанна¹ и святой Голубь (свидетель Крещения, воспаривший над головою Агнца Божьего) казались совершенно естественной эволюцией и продолжением его собственной, национальной священной зоологии, которую он обожествлял всю свою сознательную жизнь.

---

¹ Утверждение, будто Иоанн Евангелист стал Святым покровителем масонства только после XVI века, является ошибочным и даже вдвойне ошибочным. Потому что между Иоанном «Богословом», «Пророком» и автором «Откровения», и Иоанном Евангелистом, которого теперь изображают в компании с Орлом, существует огромная разница, так как последний Иоанн является порождением Иринейя, как и само четвертое Евангелие. И тот и другое появились в результате спора Епископа Лионского с гностиками; и никто никогда не сможет сказать, каково было подлинное имя автора самого величественного из Евангелий. Но мы точно знаем, что Орел является законной собственностью Иоанна, автора «Апокалипсиса», изначально написанного за много столетий до начала н.э. и лишь *переработанного* для того, чтобы он смог заслужить каноническое гостеприимство. Этот Иоанн, или *Oannes*, был признанным покровителем всех египетских и греческих гностиков (которые были первыми Строителями, или *масонами*, «Храма Соломона», а еще раньше — пирамид) с самого начала времен. Его спутником был *Орел* — наиболее архаичный из символов, являвшийся египетским *Ах*, птицей Зевса, посвященной Солнцу у всех древних народов. Он был известен также и евреям — вернее их Посвященным каббалистам — как «символ сефиры Тиферет, духовного эфира, или воздуха», согласно утверждению м-ра Майера (*Qabalah*, р. 230). У друидов орел был символом Верховного Божества и, опять же, частью херувического символа. Взятый на вооружение дохристианскими гностиками, он занял место у подножия египетского *Tau*, после чего в статусе *Rose-Croix* был помещен у подножия христианского креста. Будучи прежде всего птицей Солнца, Орел по необходимости ассоциируется с каждым солнечным богом и является символом всякого пророка, способного взглядываться в астральный свет и видеть в нем тени Прошлого, Настоящего и Будущего так же легко, как Орел может смотреть на Солнце.

IV

Таким образом, можно не сомневаться в том, что и современное франкмасонство, и церковный ритуализм ведут свое происхождение непосредственно от посвященных гностиков, неоплатоников и ставших отступниками Иерофантов языческих мистерий, секреты которых были ими утрачены, но сохранены теми, кто не мог идти ни на какие компромиссы. И если церковь и масоны не прочь позабыть подлинную историю своего происхождения, то теософы не желают ее забывать. Они повторяют: масонство и три великие христианские религии были получены их приверженцами по наследству. «Церемонии и тайные слова» первого и молитвы, догмы и ритуалы последних суть искаженные копии чистого язычества (тщательно скопированные и позаимствованные также и евреями) и неоплатонической теософии. Также эти «тайные слова», используемые по сей день библейскими масонами и связанные с «коленом иудиным», «Тувал-Каином»* и прочими зодиакальными титулами Ветхого Завета, являются еврейскими *псевдонимами* древних богов языческих *толп*, но не богов иерограмматиков* — интерпретаторов *истинных* мистерий. И факты, которые будут изложены ниже, убедительно это подтверждают. Добрые братья-масоны вряд ли станут отрицать, что номинально они являются настоящими *Solicoles* — почитателями Солнца в небесах, в котором ученый Рагон видел величественный символ В[еликого] А[рхитектора] В[селенной], с чем мы полностью согласны. У него возникает единственная проблема с доказательством того, что вышеупомянутый В[еликий] А[рхитектор] В[селенной] был не экзотерическим мальком *профанов*, именуемым *Sol*, но *Solus*'ом высших *эпоптов*, а доказать это вряд ли возможно. Огни *Solus*'а, дух

которого исходит от «Сияющей Звезды», представляют собой герметическую тайну; и, если масон не изучает *истинную теософию*, у него нет никаких шансов ее разгадать. Однако похоже, что даже маленькие шалости Чуди* выходят за рамки его понимания. До сего дня масоны и христиане считают воскресенье святым и называют его «Божьим» днем, но при этом они прекрасно понимают, что *Sunday* и *Sonntag* в протестантских Англии и Германии означают все тот же *день Солнца*, как и 2000 лет тому назад.

А вы, добрые преподобные отцы, священники, пасторы и епископы, столь милосердно именующие теософию «идолопоклонством» и предрекающие, приватно и публично, ее последователям вечные муки, можете ли вы похвастать тем, что в ваших церквях и храмах есть хотя бы один ритуал, каноническое облачение или священный сосуд, который не был бы позаимствован вами у язычества? Более того, признание данного факта было бы небезопасным как для вашей официальной истории, так и для вероисповедания, насаждаемого вашей жреческой братией.

Приведем еще несколько фактов, подтверждающих наши утверждения.

«Римские жертвователи должны были исповедаться перед жертвоприношением», — пишет дю Шуль. Жрецы Юпитера надевали высокие квадратные черные шапки (взгляните на современное облачение армянских и греческих священников), головной убор *фламинов**. Черная *сутана* римско-католических священников есть не что иное, как черный *hierocoraces* — широкое платье митраитских жрецов, названное так из-за того, что оно было *черным, как вороново крыло* (ворон — *corax*). Царь-жрец в Вавилоне носил золотое кольцо-печать и туфли, которые должны были целовать побежденные цари, а также белую мантию и золотую тиару, к которой были

прикреплены две ниспадающие ленты. Папы тоже носят кольцо-печать и туфли, причем для тех же самых целей, а еще в их костюм входят белая атласная мантия, отороченная золотыми звездами, тиара с двумя украшенными драгоценными камнями ниспадающими лентами и т.д., и т.п. Белый полотняный *стихарь* (*alba vestis*) был одеянием жрецов *Изиды*; жрецы Анубиса выбривали волосы на макушке (*Ювенал*) [VI сатира], отсюда — тонзура; *риза* христианского «*Отца*» является копией верхней одежды финикийских жрецов-жертвователей, называвшейся *calasiris*, — она завязывалась на шее и ниспадала *до пят*. Епитрахиль перешла к нашим священникам от женской одежды, которую носили *галли** — храмовые мужчины-*Nautches**, исполнявшие те же обязанности, что и еврейские *кадешим** (См. 4 Цар., XXIII, 7, где упоминается это слово); *их пояс чистоты* [?] был *эфодом* у евреев и шнуром *Изиды*; жрецы *Изиды* давали обет целомудрия. (Подробнее — см. труды Рагона.)*

Древние язычники использовали *святую* воду или окропление водой для очищения своих городов, полей, храмов и людей — точно так же, как это сейчас делается в римско-католических странах. Купели, наполненные очистительной водою, стояли у дверей каждого храма, они назывались *favissae* и *aquiminaria*. Перед жертвоприношением понтифик или *curio** (отсюда французское — *cure*) окунал в святую воду лавровый венок и опрыскивал присутствующих на богослужении верующих; и то, что обозначалось тогда словами *lustrica* и *aspergilium*, называется теперь кропилом (или по-французски — *goupillon*).

Последнее использовалось также жрицами Митры, которым оно служило символом вселенского *лингама*. Во время мистерий его погружали в очистительное молоко, коим потом опрыскивали при-

сутствующих. Кропило служило также символом вселенского оплодотворения; так что в основании христианской практики использования святой воды лежит фаллический, по сути своей, ритуал. Более того, идея, лежащая в его основе, является чисто оккультной и принадлежит к церемониальной магии. Очищение могло совершаться огнем, серой, воздухом и водой. Для привлечения внимания небесных богов использовались *омовения*, для изгнания богов нижнего мира — *проклятия*.

Сводчатые потолки соборов и церквей, греческих или латинских, часто раскрашиваются в синий цвет и расписываются золотыми звездами, символизируя тем самым купол небес. Такая манера росписи существовала в храмах египтян, поклонявшихся Солнцу и звездам. Опять же, христианская и масонская архитектура, следуя примеру язычников, продолжает отдавать дань уважения востоку (или точке на востоке). Рагон подробно описывал этот факт в своих уничтоженных томах. *Princeps porta* — дверь мира и «Царя Славы» (под которым раньше подразумевалось Солнце, а теперь — его человеческий символ, Христос) — есть дверь восхода; в любом храме или церкви она обращена на восток¹. Через эти «двери жизни» — великие врата, сквозь которые лучи восходящего светила каждое утро проникали в *продолговатый квадрат*² земли, или скинию Солнца, вно-

---

¹ Исключение составляют разве что храмы и часовни раскольников-протестантов, которым абсолютно все равно, где их воздвигать и как потом использовать. Я знаю, что в Америке часовни сдаются внаем для проведения собраний, торгов и даже театральных зрелищ, ныне часовня, только вчера проданная за долги, может быть немедленно переоборудована под винную лавку или публичный дом. Разумеется, я говорю только о часовнях, а не о соборах и церквях.

² Масонский термин; символ Ноева Ковчега и Ковчега Завета, а также — Храмов Соломона, Скинии и Стана израильтян, поскольку все они имели форму «прямоугольника».

сили «новорожденного» младенца, чтобы погрузить его в купель крещения; и не случайно именно слева от этого сооружения (со стороны мрачного севера, куда отправляются «подмастерья» и где претенденты проходят *испытание водой*) ныне размещаются купели, а в древних церквях, которые были до этого языческими храмами, — колодцы (*piscinas*) с очистительными водами. Алтари языческой Лютеции* были просто закопаны — впоследствии их обнаружили под хорами *Собора Парижской Богородицы*, а древние «святые» колодцы благополучно существуют в вышеназванном храме до сих пор. Практически каждая великая древняя церковь на континенте, если она хоть немного старше эпохи средневековья, являлась некогда языческим храмом, о чем свидетельствуют сохранившиеся указы различных епископов и римских пап. Известно, что Григорий Великий (*Platine en sa Vie*)* отдал своему миссионеру в Англии, монаху Августину, следующее распоряжение: «Разрушь идолов, но не трогай храмы! Окропи их святой водой, внеси туда реликвии, и пусть народы молятся в тех местах, которые им привычны».

Обращаясь к сочинениям кардинала Барония*, находим в его «Хрониках» под XXXVI годом следующее признание. Святой церкви, по его словам, было *дозволено перенимать ритуалы и церемонии, которые использовали в своих культах идолопоклонники-язычники*, поскольку она (церковь) *очищала их своею святостью!* А в книге Фомы «*Les Antiquites Gauloises et Francoises*» [«Галльские и французские древности»] (книга II, гл. 19) читаем, что епископы Франции заимствовали и *использовали церемонии язычников для обращения оных ко Христу*.

Меркурий и Аполлон изображались в виде параллелепипедов и прямоугольников. Такую же форму имеет и Кааба — великий храм в Мекке.

Это было тогда, когда Галлия была еще языческой страной. Но не хранят ли ритуалы и церемонии, по сей день практикуемые в христианской Франции и других римско-католических странах, благодарную память о язычниках и их богах?

V

Вплоть до IV века в церквях не было никаких алтарей. До этого времени алтарем служил *стол*, установленный посреди храма для проведения таинства *причастия* или братских трапез (*саена*, так как поначалу мессу служили вечером). Точно так же в масонских «ложах» всегда есть стол для банкетов, которыми обычно завершаются собрания ложи. На этих банкетах новоявленные Хирамы Абифы*, «сыновья вдовы», подкрепляют свои тосты *воодушевлением* — масонским методом *пресуществления*. Можем ли мы назвать эти банкетные столы *алтарями*? А почему бы нет? Первые церковные алтари были копиями языческих римских *ара тахита*. Латины устанавливали квадратные и продолговатые камни рядом со своими гробницами и называли их словом *ара*, алтарь; они посвящались богам — *ларам* и *манам*. Наши алтари являются производными из этих квадратных камней — одной из форм пограничных камней, известных как боги *термины** — Гермесы и Меркурии (отсюда — *Mercurius quadratus, quadriceps, quadrifrons*, и т.д., и т.п., — *четырёхликие* боги, символами которых эти квадратные камни служат со времен глубочайшей древности). Камень, на котором короновали древних королей Ирландии, был точно таким же «алтарем». Такой камень, только наделенный еще и голосом, есть и в Вестминстерском аббатстве. Таким образом, наши алтари и престолы восходят непосредственно к приапическим пограничным камням язычников — к богам *терминам*.

Надеемся, что процерковно настроенный читатель не слишком разгневется на нас, если мы скажем, что христиане приняли *языческую* манеру богослужения *в храме* только в правление Диоклетиана? Вплоть до этого времени они испытывали непреодолимое отвращение к алтарям и храмам и на протяжении первых 250 лет нашей эры считали их мерзостью. Эти ранние христиане были христианами в полном смысле этого слова, тогда как современные христиане заслуживают прозвания язычников даже в большей степени, чем все древние идолопоклонники. Первые были *теософами* своего времени, но с IV века христиане становятся эллино-иудейскими язычниками *минус* философия неоплатоников. Прочтите то, что Минуций Феликс говорил римлянам в III веке:

Вы воображаете, будто мы [христиане] скрываем то, чему поклоняемся, потому что *не будет у нас ни храмов, ни алтарей*. Но какой образ Бога можем мы воздвигнуть, если Человек — сам образ Бога? Какой храм можем мы воздвигнуть этому Божеству, если вся Вселенная — плод Его трудов — едва ли может вместить его? Как сможем мы установить в каком-нибудь, даже самом огромном, здании престол для этого Всемогущества? Не лучше ли освятить храм для этого Божества в своем собственном сердце и духе? [*Октавий*, XXXII, 1-2.]

Тогда *христиане*, подобные Минуцию Феликсу, помнили заповедь **Посвященного Учителя** *не молиться в синагогах и храмах*, как это делают *лицемеры*, «чтобы показаться пред людьми» (Мтф., VI, 5). Они помнили слова Павла, Посвященного Апостола, «мудрого строителя» (1 Кор., III, 10) — о том, что **человек** — это единственный храм Божий, в котором живет Святой Дух, Дух Божий (1 Кор., III, 16). Они следовали подлинно христианским заповедям, тогда как современные христиане подчиняются надуманным канонам собственных церквей и установлениям своих церковных старост. «Теософы —

отъявленные атеисты! — восклицает один из корреспондентов «Church Chronicle». — Ни одного из них никогда не видели присутствующим на богослужении... церковь им противна». И далее, откупорив чаши своего гнева, выплескивает их содержимое на *безбожников* и *язычников* из Теософского Общества. Современный церковник побивает камнями теософа так же, как его древний праотец, фарисей из «синагоги либертинцев» (Деян., VI, 48), побил камнями Стефана за то, что он проповедовал учение, которое повторяют ныне следом за ним многие христианские теософы, а именно — что «Всевышний не в рукотворенных храмах живет» (Деян., VII, 48); и они «подстрекают некоторых» так же, как это делали те бесчестные судьи древности (Деян., VI, 11), свидетельствовать против нас.

Поистине, друзья, вы — достойные продолжатели своих предшественников, как коллег Савла, так и присных папы Льва X, циничного автора незабвенной фразы: «Как полезна нам эта сказочка о Христе», «*Quantum nobis prodest hac fabula Christi!*»!

VI

Теория «солярного мифа» превратилась в наши дни в набившую оскомину банальность, на которой зиждется все современное востоковедение и символизм, она применяется без разбора ко всем учениям всех религий, кроме церковного христианства и государственной религии. Не приходится сомневаться в том, что Солнце с незапамятных времен и на протяжении всей древности было символом Животворящего Божества у всех народов, а не только у парсов, и ритуалисты не составляют исключения из этого правила. Так было раньше, так есть и сейчас. Наша центральная звезда является «Отцом» для *профанов* и Сыном вечно непознава-

емого Божества для *эпоптов*. Рагон, тот же масон, говорит:

...Солнце являлось наиболее возвышенным и естественным символом **Великого Архитектора**, как самая точная и очевидная аллегория из всех, которые человек моральный и добросердечный (*истинный Мудрец*) когда-либо связывал с бесконечным и вечным *Разумом*. [*La Messe et ses mysteres*, p. 4.]

Если не считать последнего утверждения, то Рагон абсолютно прав, ибо он показывает, как этот символ постепенно отклонялся от тех идеалов, которые первоначально олицетворял, пока из символа объекта не превратился в сам объект в умах его невежественных почитателей. А далее великий масонский писатель убедительно свидетельствует о том, что ранние христиане считали *физическое* Солнце одновременно Отцом и Сыном. О посвященные Братья, — восклицает он, — можете ли вы забыть о том, что

в храмах существующей религии днем и ночью горит большой *светильник*? Он подвешен перед главным алтарем — хранилищем ковчега Солнца. Еще один *светильник* горит перед алтарем девы-матери как символ *лунного* света. Климент Александрийский говорит нам, что египтяне первыми стали использовать лампы в религиозных целях... Кто не знает, что наиболее священная и ужасная обязанность была доверена именно весталкам? И если масонские храмы освещаются тремя астральными огнями — *солнцем*, *луной* и *геометрической звездой*, и тремя огнями жизни — *Иерофантом* и двумя *Епископами* [надзирателями; по-французски — *Surveillants*], то только потому, что отец масонства, ученый Пифагор, простодушно предположил, что нам не следует говорить о божественных вещах в отсутствие света. Язычники отмечали праздник *светильников* (*Lampadephoria*), посвященный Минерве, Прометею и Вулкану. Но Лактанций и некоторые другие ранние отцы новой веры были настроены против привнесения в церковь языческих лампад. «Если они *соблаговолят по-*

размыслить, — пишет Лактанций, — о свете, который мы называем **Солнцем**, то скоро поймут, что Бог не нуждается в их лампадах». А Вигиланций добавляет: «Под маскою религии церковь утвердила языческую традицию возжигать нечестивые свечи, хотя **Солнце** и так освещает нас тысячами огней. Разве последнее не является гораздо большей честью для **Агнца Божьего** [так он называет солнце?], помещенного в центре престола [Вселенной] и наполняющего его светом своего Величия?»

Подобные высказывания свидетельствуют о том, что ранняя церковь тех лет поклонялась **Великому Архитектору Вселенной** в образе **Солнца**, единственного в своем роде... [*La Messe et ses mysteres*, p. 19-20.]

В самом деле, если христианские кандидаты произносят слова масонской клятвы, повернувшись на восток потому, что их «Достопочтенный» («Venerable») находится в восточном углу, и потому, что так делали неофиты во время языческих мистерий, то в церкви, в свою очередь, существует аналогичный ритуал. Во время торжественной мессы главный престол (*ara maxima*) украшают Ковчегом, или дарохранильницей (ящиком, в котором хранится гостия*) и шестью зажженными тонкими свечами. Эзотерическое значение дарохранильницы и ее содержимого, символизирующих Христа-Солнце, состоит в том, что под ними подразумевается сияющее светило, тогда как шесть свечей — это шесть планет (больше ранние христиане не знали), три справа и три слева. Это точная копия семисвечника из синагоги, имеющая к тому же точно такое же значение. «*Sol est Dominus Meus!*» — «Солнце — мой Господь!» — восклицает Давид в *Псалме XCIV*, что остроумно переведено в официальной версии как «Господь есть Бог великий», «Царь великий над всеми Богами» (стих 3) или, вернее, над всеми планетами! Ж.Огюстен Шаго* более откровенен в своей «*Philosophie des religions comparees*» (том II, с. 18), ибо он пишет следующее:

На этой Земле всех следует считать *дэвами* (демонами), за исключением Бога *Пророков* (Посвященных), возвышенного IAO; и *если вы видите в Христе что-то еще помимо Солнца*, значит, вы поклоняетесь *дэву*, призраку, каковыми являются все дети *ночи*.

Восток является страной света, где восходит дневное светило — великий даритель и хранитель жизни, творец всего, что живет и дышит на этой планете, так стоит ли удивляться тому, что все народы Земли поклонялись в его лице видимому представителю невидимого Принципа и Причины и что *месса* совершается в честь того, кто является подателем *messis*'а, или «урожая»? Но между поклонением идеалу *как таковому* и его физическому символу — части, призванной олицетворять это идеальное **Все**, существует огромная разница. Для ученых египтян Солнце было «оком» Озириса, но не самим Озирисом, точно так же, как и для ученых зороастрийцев. Уже для ранних христиан Солнце стало Божеством *in toto*; а современные христианские церкви с помощью казуистики, софистики и догм, которые они объявили неоспоримыми, ухитрились навязать эту веру даже образованному миру, гипнотизируя его уверениями в том, что *их* бог является единственным истинным, живым Божеством, создателем Солнца, но *не самим Солнцем* — демоном, которому поклоняются «язычники». Но велика ли разница между злобным демоном и антропоморфным Богом, каким он рисуется, например, в «Притчах Соломоновых»? Этот «Бог» грозит бедным, беспомощным и невежественным людям карой: «За то и я *посмеюсь* вашей гибели; *порадуюсь*, когда придет на вас ужас», чтобы принудить их обратиться к нему с молитвами, когда к ним «придет... ужас, как буря, и беда, как вихрь!» (Прит., I, 27). Сравните этого Бога с великим Аватарой, ставшим героем христианской легенды; попробуйте отождествить его с

этим истинным Посвященным, который сказал: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» [Мтф., V, 4], и каков же будет результат? Одним только этим отождествлением можно оправдать и сатанинскую радость Тертуллиана, который смеялся и ликовал* при мысли о том, как его *неправоверный* ближний будет жариться в адском пламени, и совет Иеронима христианскому новообращенному наступить на грудь собственной матери-язычницы, если она воспротивится его намерению *оставить ее навеки*, чтобы последовать за Христом; и, наконец, этим можно превратить всех церковных тиранов, убийц и *omnes gentes* святой инквизиции в величайших и благороднейших представителей *практического* христианства, когда-либо живших на земле!

VII

Ритуализм раннего христианства, как уже было убедительно подтверждено, происходит из древнего масонства. А последнее, в свою очередь, является наследником уже почти исчезнувших ко времени его возникновения мистерий. И потому мы считаем необходимым сказать о них несколько слов.

Общеизвестно, что на протяжении всей древности помимо популярного вероисповедания, составленного из мертвых догм и пустых экзотерических церемоний, у каждого народа был еще *тайный* культ, известный миру под именем **мистерий**. Страбон* — один из многих, кто подтверждает истинность этого утверждения (См.: «Geographica», lib. X, ch. iii, Sect. 9). Ни один человек не мог быть к ним допущен без предварительной специальной подготовки. Неофиты получали наставления в верхних храмах, после чего уже в подземелье проводилась окончательная церемония мистерий. Эти наставления были последним уцелевшим наследием архаической мудро-

сти, и *инсценировались* они только под руководством высших Посвященных. Мы не случайно использовали слово *инсценировали*, потому что *изустные* наставления передавались *шепотом* только в подземельях, в торжественной тишине и абсолютной тайне. А во время открытых занятий, посвященных изучению общих вопросов, знания по космогонии и теогонии передавались в форме аллегорий; *modus operandi* поэтапной эволюции Космоса, мира и, наконец, нашей земли, богов и людей — все было переведено на язык символов. Во время праздничных мистерий, разворачивавшихся на глазах и при участии широкой публики, *инсценировались персонифицированные истины*, которые непросвещенные массы *слепо* принимали на веру. Только высшие посвященные, *эпюты*, понимали их язык и подлинное значение. Все это уже сейчас хорошо известно научному миру.

Едва ли не все древние народы были уверены, что подлинными мистериями того, что так нефилософично именуется *творением*, были переданы избранным представителям нашей (пятой) расы первыми династиями ее *божественных* правителей — богов во плоти, «небесных воплощений», или так называемых *Аватар*. В последних стансах из «Книги Дзиан», опубликованных в «Тайной Доктрине» (том II), речь идет как раз о тех, кто правил потомками, «...происшедшими от Священного рода»; в них говорится, что они «...вновь спустились и установили мир с пятой [расой]... учили и наставляли ее...»

Фраза «установили мир» указывает на существование в прошлом какого-то *конфликта*. Судьба атлантов в нашей философии, равно как и *допотопных* людей в Библии, подтверждает это предположение. Опять же, за много столетий до Птолемея аналогичное оскорбление священному знанию было нанесено посвященными египетских святилищ. Сохранявшие свою чистоту на протяжении бесчис-

ленных столетий, священные учения богов вновь оказались искаженными эгоизмом и личными амбициями. Значение мистических символов довольно часто осквернялось богохульными интерпретациями, и вскоре Элевсинские мистерии остались единственными, сохранившими свою первоизданную чистоту от подделок и святотатственных нововведений. Они устраивались в честь (Цереры) Деметры, Природы, и проводились в Афинах. В ходе этих мистерий проходили посвящение лучшие умы Греции и Малой Азии. В своей 4-й Книге Зосим* утверждает, что эти посвященные охватывали все человечество¹, а Аристид называет мистерии общим храмом земли.

В целях сохранения воспоминаний об этом «храме», а в случае необходимости и его восстановления, начался процесс *отделения* некоторых избранных из числа посвященных. Этот *отбор* начался при первых же признаках осквернения и упадка священных аллегорий, его производили в каждом столетии высшие Иерофанты. А великие *Элевсинии* в конце концов разделили печальную судьбу всех остальных мистерий. Их первоначальное величие и предназначение описал Климент Александрийский, сообщающий, что великие мистерии раскрывали тайны устройства Вселенной и что эти тайны были началом, и концом, и наивысшей целью человеческого знания, ибо познавший их посвященный мог видеть Природу и все вещи такими, *как они есть* (*Strom.*, кн. V, гл. xi). Иными словами, это был пифагорейский *гнозис* ἡ γνῶσις τῶν ὄντων. Эпиктет описывает эти наставления в самых восторженных тонах: «Все, что они предписывали, было установлено нашими учителями для просветления человечества и

¹ В своем сочинении «De Natura Deorum» (Lib. I, xlii), Цицерон говорит: «*Omitto Eleusinem sanctam illam et augustam, ubi initiantur gentes orarum ultimae*»*.

исправления наших обычаев» (*apud Arrian. Dissert., lib. III, cap. 21*)*. То же самое утверждает в «Федоне» Платон: целью мистерий было возвращение душе ее изначальной чистоты или *того совершенного состояния, которое она когда-то утратила*.

VIII

Настал тот день, когда мистерии, точно так же, как и экзотерические религии, отступились от своей изначальной чистоты. Это началось тогда, когда государство решило по совету Аристогитона (510 г. до н.э.) превратить *Элевсинии* в постоянный и щедрый источник дохода. Был издан специальный указ на этот счет. Отныне никто не мог пройти посвящение, не уплатив предварительно определенную сумму денег за эту привилегию. Этот дар, право на который прежде можно было заслужить лишь ценою непрестанных, почти сверхчеловеческих усилий, направленных на обретение добродетелей и совершенства, теперь продавался и покупался за золото. Миряне и даже сами жрецы согласились с этим осквернением и в конце концов утратили прежнее уважение к внутренним мистериям, что привело к окончательной профанации священной науки. Прореха, появившаяся в завесе, с каждым столетием становилась все шире, и верховные Иерофанты, опасавшиеся окончательного разглашения и извращения наиболее священных тайн природы, делали все возможное для того, чтобы исключить их из *внутренней* программы, раскрывая их лишь очень немногочисленному избранному меньшинству. И вскоре эти *отделенные* стали единственными хранителями божественного наследия веков. А семь столетий спустя мы видим, как Апулей, невзирая на свое искреннее влечение к магии и мистике, беспощадно высмеивает в своем «Золотом Осле» [книга VIII, гл. 27, 28, 29; книга IX, гл. 8.] лицемерие и

порочность некоторых слоев *полупосвященного* жречества. Опять-таки, благодаря ему мы узнаем, что в его время (II век н.э.) мистерии получили настолько широкое распространение, что во всех странах люди всякого звания и состояния — мужчины, женщины и даже дети — сплошь стали *посвященными*! Посвящение стало едва ли не такой же неременной процедурой для каждого, как впоследствии крещение для христиан, при этом первое деградировало точно таким же образом, как и последнее в наши дни, то есть выродилось в бессмысленную, догматичную и чисто формальную церемонию. А еще немного времени спустя фанатики новой религии наложили на мистерии свою тяжелую лапу.

Эпопты — те, «кто видит вещи, как они есть», постепенно исчезли, эмигрировав в страны, недоступные для христиан. Поэтому *мисты* (от слова *Mystes*, «скрытый») — «те, кто может видеть вещи только такими, какими они кажутся», очень скоро стали единственными хозяевами положения.

Первые, «отделенные», остались хранителями подлинных секретов, тогда как мисты, знавшие эти секреты лишь поверхностно, заложили первый краеугольный камень в основание современного масонства; именно этому, полуязыческому, полуобращенному, первоначальному братству масонов христианство обязано своим ритуализмом и большинством своих догм. Титул *масонов* по праву носят и *эпопты* и *мисты*, так как и те и другие *отстроили*, во исполнение своих обетов и повелений своих давно ушедших Иерофантов и βασιλεῖς, «царей»: первые — «нижние», а вторые — «верхние» свои *храмы*. Так о них говорили в древности, а в некоторых странах продолжают говорить и по сей день. В своей «Электре» (707) Софокл, упоминая основание Афин, места проведения Элевсинских мистерий, называет их «священным сооружением богов», то есть утвер-

ждает, что Афины были построены *богами*. Посвящение называли «вхождением в храм» и «очищением», или *восстановлением храма* — при этом имелось в виду *тело* посвященного и те метаморфозы, которые происходили с ним во время последнего, наивысшего испытания (см. Иоан., II, 19). К тому же эзотерическую доктрину иногда именовали «Храмом», а массовую экзотерическую религию — «городом». *Построить храм* означало основать эзотерическую школу, а под «строительством города» подразумевалось создание массового культа. Таким образом, истинные «масоны» *нижнего Храма*, или *подземелья*, священного места инициации, остались единственными выжившими хранителями настоящих *масонских* секретов, ныне утраченных для мира. Но мы не имеем ничего против того, чтобы современное Братство масонов именовало себя «Строителями *верхнего Храма*», ибо *кажущееся* превосходство используемого ими эпитета на самом деле так же иллюзорно, как и пламя горящего куста Моисея в ложах храмовников.

IX

Неверное истолкование аллегии, известной как нисхождение в Аид, стало источником бесчисленных несчастий. Экзотерическая «сказка» о Геркулесе и Тесее, нисходящих в нижние сферы; о путешествии Орфея, проложившего себе дорогу в эти же сферы своею лирой (*Овидий*. *Метаморфозы*, X, 40-48); или о Кришне и, наконец, о Христе, который «сошел во Ад и на третий день восстал из мертвых», — была искажена до неузнаваемости непосвященными *редакторами* языческих обрядов, переделывавшими их в христианские догмы и ритуалы.

В астрономическом плане это *сошествие во ад* символизирует Солнце, покидающее в момент

осеннего равноденствия высшие звездные сферы. Предполагалось, что в это время Солнце вступает в сражение с демоном Тьмы и последний одерживает победу над нашим светилом. После этого якобы наступает *временная смерть* Солнца, нисходящего на определенный срок в нижние миры. Но мистически здесь имеются в виду посвятительные ритуалы, совершавшиеся в подземельях храма, называемых нижним миром, или преисподней. Вакх, Геракл, Орфей, Асклепий и все прочие «посетители» подземелий *нисходили в преисподнюю, откуда возвращались на третий день*, ибо все они были посвященными и «Строителями нижнего Храма». Слова, произнесенные Гермесом в адрес Прометея, прикованного к опаленным солнцем скалам Кавказа, иначе говоря, привязанного собственным невежеством к своему физическому телу и терзаемого стервятниками страсти, предназначены для каждого неопита, каждого *Хрестоса*, проходящего испытание. «Не надейся, что муки твои окончатся, пока не придет [какой-нибудь] бог, который согласится принять на себя твои страдания и снизойти в темный Аид и мрачные глубины, окружающие тартар» (*Эсхил. Прометей Прикованный, 1026-1029*). Это значит, что, пока Прометей (или человек) не найдет «Бога», или Иерофанта (Посвятителя), который добровольно снизойдет в подземелья посвящения и обойдет вместе с ним вокруг тартара, стервятник страсти не перестанет терзать его внутренности¹.

---

¹ Речь идет о темной области подземелья, где посвящаемый кандидат должен был навсегда отринуть свои низменные страсти и пороки. Отсюда и аллегории у Гомера, Овидия, Вергилия и других, воспринимаемые современными учеными исключительно буквально. Флегетон — это река в тартаре, в которую Иерофант трижды погружал посвящаемого, после чего испытания заканчивались и человек *рождался заново*. Прежний грешный человек навеки оставался в мрачном

Эсхил, как связанный обетами посвященный, не мог сказать большего, но менее набожный (или более решительный) Аристофан отважился открыть тайну тем, кто еще не окончательно ослеплен предрассудками, в своей бессмертной сатире на *нисхождение Геракла в Преисподнюю* («Лягушки», 340-343). Там мы видим хор «блаженных» (посвященных), Елисейские Поля, прибытие Бахуса (бога Иерофанта) вместе с Гераклом, торжественную встречу с факелами, символы **новой Жизни и Вознесения** из тьмы человеческого невежества к свету духовного знания — вечной **Жизни**. В каждом слове этой талантливой сатиры угадывается скрытый смысл, зашифрованный поэтом:

*Восстань, уж факелы горят... и ты идешь,
Иаххе, в руке их сжав и ими потрясая,
Звезда взошедшая ночного ритуала.*

Все окончательные посвящения всегда происходили ночью. Следовательно, если в древности говорили о ком-то, кому доводилось спускаться в Аид, значит, речь шла о *полностью Посвященном*. Тем же, кому это утверждение покажется бездоказательным, я могу предложить ответить на один вопрос. Если не на основе вышеизложенной гипотезы, то как еще они могут объяснить смысл нижеследующей фразы из шестой книги «Энеиды» Вергилия? Что еще мог иметь в виду поэт, говоря о старом Анхизе, который, пребывая в Елисейских Полях, советует Энею, своему сыну, отправиться в Италию... чтобы сражаться в Лациуме с народом грубым и варварским, но перед этим «*спуститься в Аид*» (то есть пройти посвящение).

потоке, так что на третий день из тартара выходил человек, уже не существующий как *личность и индивидуальность*. А такие персонажи, как Иксион, Тантал, Сизиф и др., персонафицировали различные человеческие страсти.

Благожелательные церковники, по любому поводу посылающие нас в тартар и в нижние сферы, даже не подозревают, какое благопожелание для нас заключают в себе их угрозы и какой святостью должен обладать человек, чтобы быть допущенным в это священное место.

Мистерии существовали не только у язычников. Беллармин (*De Eccl. Triumph.*, lib. 3, cap. 17) сообщает, что ранние христиане, следуя примеру языческих церемоний, установили у себя традицию собираться по ночам в церквях перед своими праздниками и устраивать ночные бодрствования, или «радения». Поначалу эти церемонии проводились с назидательным целомудрием и достохвальной святостью. Но очень скоро эти «собрания» оказались сопряженными с такими моральными злоупотреблениями, что епископы сочли необходимым запретить их. Можно назвать десятки сочинений, в которых говорится о безнравственности языческих религиозных празднеств. Часто цитируется «*De Legibus*» (II, xv, 37) Цицерона, где он говорит о Диагонде, фиванце, который не нашел иного способа прекратить эти беспорядки во время церемоний, кроме как совсем запретить мистерии. Однако если мы сравним освященные авторитетом столетий и гораздо более древние, чем наша христианская эра, языческие мистерии с христианскими *аганэ** и прочими ритуалами новой религии, едва родившейся на свет, но уже утверждающей, будто она обладает гораздо большим очистительным влиянием на своих обращенных, то нам останется только пожалеть о ментальной слепоте поборников последней и процитировать для их же блага двустеишие Роскоммона*, в котором он спрашивает:

*Если все так хорошо было поначалу,
Почему же ты пришел к жалкому финалу?*

Х

Первоначальное христианство, будучи порождением первоначального масонства, тоже имело свою организацию, тайные слова и степени посвящения. «Масонство» — очень древнее явление, хотя сам термин вошел в обиход сравнительно поздно, даже в первые века нашей эры его еще не было. Павел называл себя «мудрым строителем» и действительно был таковым. Древние масоны называли себя различными именами. Большинство александрийских эклектиков, теософов Аммония Саккаса* и впоследствии неоплатоников на самом деле были масонами. Все они были связаны обетом молчания, считали себя Братством и имели собственные отличительные знаки. В ряды эклектиков или филалетов входили наиболее ученые и просвещенные люди того времени и даже несколько венценосных особ. Автор «Эклектической философии» говорит:

Их учения разделяли и язычники, и христиане, в Азии и в Европе, так что некоторое время казалось, что все идет к окончательному слиянию религиозных верований. Императоры Александр Север и Юлиан признавали их. Однако их преобладающее влияние на формирование религиозных идей вызвало зависть александрийских христиан... Школа перебралась в Афины и в конце концов была закрыта императором Юстинианом. Ее последователи *эмигрировали в Персию*¹, где приобрели множество учеников.

Возможно, читателю покажутся интересными некоторые дополнительные детали. Мы знаем, что Элевсинские мистерии существовали дольше остальных. И если тайные культы малых богов, таких, как

---

¹ Мы можем добавить сюда также Индию и Центральную Азию, ибо мы отмечаем их влияние во всех азиатских странах. — Е.П.Б.

куреты, дактили, Адонис или кабиры и даже божества Древнего Египта, были полностью уничтожены жестокой и мстительной рукою бессердечного Феодосия¹, то расправиться с Элевсинскими мистериями было не так просто. Они действительно были религией человечества и сияли если и не светом своей первозданной чистоты, то, во всяком случае, блеском всего своего древнего великолепия. Потребовалось несколько столетий для их ликвидации, так что окончательно запрещены они были только в 396 году нашей эры. Именно тогда «Строители *верхнего*, или городского, Храма» вышли на авансцену и энергично принялись обучать своим собственным ритуалам и специфическим догматам нарождающуюся и потому агрессивную и погрязшую в междоусобных склоках церковь. Тройной *Sanctus* римско-католической мессы есть тройственное S.S.S. ранних масонов, ставшее ныне префиксом в их документах и во «всех письменных *balustre*, как заглавная буква в слове *Salutem*, здоровье», — следуя лукавому объяснению ученого масона. «Это троекратное масонское приветствие является наиболее древним из всех, используемых ими» (Рагон).

XI

Однако этим их влияние на христианскую религию не исчерпывается. Во время Элевсинских мистерий вино олицетворяло Бахуса и Цереру, точнее — вино и хлеб, или зерно². Церера, или Де-

---

¹ Убийца фессалоникийцев, истребленных этим благочестивым сыном церкви.

² Бахус имеет безусловно индийское происхождение. Павсаний утверждает, что он первым предпринял поход на Индию и первым перебросил мост через Евфрат. «Канат, соединявший два противоположных берега, выставлен на обозрение до сих пор, — сообщает этот историк, — он сплетен из виноградных лоз и побегов плюща» (*Periegesis*, X, xxix,4).

метра, была женским *производительным принципом* Земли, супругой отца Эфира, или Зевса, а Бахус, сын Зевса-Юпитера, был ее, Земли, проявленным отцом: иными словами, Церера и Бахус были персонификациями Субстанции и Духа, двумя животворящими принципами в Природе и на Земле. Иерофант-Посвяtitель символически являлся для претендента перед его последним мистическим *откровением* хлебом и вином, которые претендент должен был есть и пить в знак того, что дух должен оживить материю, то есть божественная мудрость Высшей Сущности должна войти в его внутреннюю Сущность, или Душу, благодаря тому, что будет дано ему в откровении.

Этот ритуал был воспринят христианской церковью. Иерофант, которого именовали «Отцом», перешел теперь со всеми атрибутами — *минус* знание — в «отца-священника», отправляющего ныне все то же причастие. Сам Иисус называл себя лозой, а *своего*

Арриан и Квинт-Курций объясняли аллегорию рождения Вакха из бедра Зевса тем, что он был рожден на индийской горе Меру (от *Μῆρος*, бедро). Мы знаем также, что Эратосфен и Страбон считали индийскую теорию происхождения Вакха всего лишь выдумкой, призванной угодить Александру, который, как предполагалось, подчинит себе Индию, как это якобы сделал некогда Вакх. Но, с другой стороны, Цицерон называет этого бога сыном Фионы (Thyone) и Ниса (Nisus); а имя Диониса (*Διώνυσος*) объясняется как *бог Дис с горы Ниса (Nysa) в Индии*. Вакх, коронованный венцом из плюща (*Kissos*), есть Кришна, одно из имен которого — *Kissen*. В одном из своих символических значений Дионис был прежде всего богом, освобождавшим *души людей* от их плотской темницы — Аида и человеческого тартара. Цицерон называет Орфея сыном Вакха, к тому же существует традиция, согласно которой Орфей не только считается уроженцем Индии (его называют *ὄρφνός* — темно- или смуглокожим), но и отождествляется с Арджуной — *чела* и приемным сыном Кришны. (См.: «Five Years of Theosophy», статья: «Была ли известна письменность до Панини?»*)

«Отца» — земледельцем, а его наказ во время последней Вечери свидетельствует о совершенном знании им символического значения (см. ниже, примечание) хлеба и вина и отождествляет его с древними *логосами*. «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную» [Иоан., VI, 54]. «Какие странные слова», — добавляет тот же автор [Иоан., VI, 60]. «Слова [*remata*, или тайные высказывания], которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» [Иоан., VI, 63]. Так оно и есть; потому что «дух животворит». Более того, *remata* Иисуса являются подлинными тайными высказываниями *Посвященного*.

Однако между этим благородным ритуалом, древним, как сама символика, и его позднейшей антропоморфной интерпретацией, ныне известной как *пресуществление*, пролегла огромная пропасть церковной софистики. Не кажется ли вам, что Его обличение: «Горе вам, законникам, что *вы взяли ключ разумения*» (но даже и теперь не позволяете открывать людям тайны *гнозиса*) — звучит сейчас во сто крат более злободневно, нежели в Его времена? Более того, в этот *гнозис* вы «сами не вошли и входящим воспрепятствовали», и до сих пор продолжаете препятствовать [Лук., XI, 52]. И это обвинение справедливо не только в отношении современного жречества. Масоны — последователи или, по крайней мере, преемники «Строителей верхнего Храма» мистерий, казалось бы, должны лучше других разбираться в подобных вещах, но и они отвечают насмешками или презрением даже своим собратьям, если они напоминают им об истинном происхождении их движения. Некоторые крупнейшие современные ученые и каббалисты, являющиеся по совместительству масонами, — мы не станем называть их имена — встретили более чем холодный прием со стороны своих братьев. Это старая, очень старая история. Даже Рагон, превос-

ходящий ученостью всех масонов нашего столетия, сокрушается по этому поводу, выражая свое сожаление в следующих словах:

Все древние источники свидетельствуют о том, что посвящения в те времена сопровождалось впечатляющим церемониалом и снискали себе вечную славу своими великими истинами и знаниями, которые они распространяли. И все-таки *некоторые современные масоны, как правило, не отличающиеся высокой образованностью*, спешат объявить шарлатанами всех тех, кто справедливо напоминает им об этих древних церемониях и пытается объяснить их значение! [*Cours philosophique et interpretatif des initiations anciennes et modernes*, p. 87, note 2 (Paris, 1841).]

XII

Vanitas vanitatum! Ничто не ново под луной. И *литании Девы Марии* подтверждают это самым убедительным образом. Папа Григорий I установил *поклонение* Деве Марии, а Халкедонский Собор провозгласил ее матерью Бога. Однако автор *литаний* даже не потрудился (или ему не хватило ума?) изменить ее прежние, языческие, атрибуты и титулы. И я в состоянии это доказать. В знаменитой литании нет ни одного символа или метафоры, которые не принадлежали бы, помимо Девы Марии, какой-нибудь языческой богине или богиням, коих насчитывается великое множество. Это прежде всего все языческие царицы, девы и матери. Все эти три эпитета применимы к Изиде, Рее, Кибеле, Диане, Люцифере, Люцине, Луне, Теллус, Латоне *triformis*, Прозерпине, Гекате, Юноне, Весте, Церере, Левко-тее, Астарте, *небесной* Венере и Урании, *Alma Venus* и т.д., и т.д., и т.д.

Помимо исконного значения троицы (*эзотерического* — Отец, Мать, Сын), разве эта западная *тримурти* (три лица) не обозначает в масонском панте-

оне «Солнце, Луну и Достопочтенного»? По сути дела, это лишь немного видоизмененные германские и скандинавские *Огонь, Солнце и Луна*.

Возможно, именно ясное осознание этого факта побудило ученого масона Ж.М.Рагона сформулировать свой символ веры следующим образом:

...Сын — это тот же Гор, сын Озириса и Изиды; он — Солнце, каждый год спасающее мир от бесплодия и повсеместного вымирания рас. [с. 326.]

И тут же он, как ни в чем не бывало, продолжает разговор о посвященных Деве Марии литаниях, храмах, празднествах, мессах и церковных богослужениях, а также о паломничествах, молебных, якобинцах, францисканцах, весталках, чудесах, обетованных жертвах, нишах, статуях и т.д., и т.д., и т.д.

Де Мальвиль, великий еврейский ученый и переводчик раввинской литературы, отмечает, что евреи наделяли луну всеми теми эпитетами, которые используются в литаниях для прославления Девы. А в литаниях Иисуса он обнаружил все атрибуты Озириса (Вечного Солнца) и Гора (Ежегодного Солнца).

И он убедительно это доказывает.

Mater Christi — это мать Спасителя у древних масонов, являющегося также Солнцем. Египетские *hoi polloi* утверждали, что младенец Гор, символ великой центральной звезды, был сыном *Осирета* (Osireth) и *Осет* (Oseth), души которых вошли после их смерти в Солнце и Луну. У финикийцев *Изида* стала *Астартой*, и под этим именем они обожествляли Луну, персонифицированную в образе женщины, голова которой была увенчана двумя рогами — символами первой и последней четверти луны. Астарту изображали обычно в момент осеннего равноденствия, то есть непосредственно после того, как Князь Тьмы убил ее мужа (Солнце) и последний спустился в Аид,

поэтому Астарта оплакивает потерю своего супруга, который одновременно был ее сыном, точно так же, как Изиды плачет над телом своего мужа, брата и сына (Озириса-Гора). При этом Астарта держит в руке крестообразный жезл, собственно говоря — крест, и стоит, рыдая, на полумесяце. Христианская Дева Мария часто изображается аналогичным образом — стоящей на новой луне в окружении звезд и оплакивающей своего сына *juxta crucem lacrymosa dum pendebat filius* (См.: *Stabat Mater Dolorosa*)*. Так не является ли она законной наследницей Изиды и Астарты, спрашивает автор?

Действительно, вам достаточно лишь повторить текст *литании Деве Марии*, одобренный римско-католической церковью, чтобы воспроизвести древние заклинания, посвященные *Адонае* (Венере), матери Адониса, Солнечного бога у множества народов; *Милитте* (ассирийской Венере), богине природы; *Алитат*, которую арабы символически изображали в виде двух лунных серпов (рогов), *Селене*, жене и сестре *Гелиоса*, Солнечного бога греков; или же *Magna Mater, Vas honestissime, purissime, castissime*, Универсальной Матери всех Существ, ибо **Она есть Мать-Природа**.

Поистине, Мария (Мариам) — это Изиды *Мурियोнос*, Богиня-Мать, у которой тысяча имен! И как Солнце было *Фебом* в небесах, *Аполлоном* на земле и *Плутоном* в еще более низких сферах (после заката), так и луна в небесах была *Фебой*, на земле — *Дианой* (*Геей*, *Латоной*, *Церерой*), а в Аиде становилась *Гекатой* и *Прозерпиной*. Так стоит ли удивляться тому, что Марию называют *regina virginum* — «Царица Дев», и *castissima* (целомудреннейшая), если даже молитвы, возносимые ей в шестом часу утра и вечера, в точности копируют песнопения «язычников» — неевреев, исполнявшиеся *в то же самое время* в честь *Фебы* и *Гекаты*? Стих из

«Литании Девы» *stella matutina*¹ в точности воспроизводит, как нам говорят, аналогичный стих из языческой литании, посвященной *triformis*. Собор, осудивший Нестория, впервые назвал Марию «Матерью Бога», *mater dei*.

В следующем номере мы подробнее расскажем об этой знаменитой «Литании Девы» и полностью раскроем ее происхождение. По ходу изложения будут приведены свидетельства как классических, так и современных авторов, плюс факты из *религиозных анналов* эзотерической Доктрины. А пока что приведем еще несколько подробностей из истории церковного ритуализма и объясним этимологию некоторых его наиболее священных терминов.

XIII

Для начала несколько слов о собраниях «Строителей верхнего Храма» в раннем христианстве. Рагон ясно указывает на происхождение следующих терминов:

а) «слово “месса” образовано от латинского *Messis*, “урожай”, откуда, в свою очередь, происходит существительное *Messias*, “тот, кто собирает урожай”, то есть Христос, Солнце»;

б) слово «лога», используемое масонами, малообразованными наследниками посвященных, происходит от корня *loga* (на санскрите — *лока*), означающего *сфера*, или *мир*. По-гречески это *logos* — *слово*, или *речь*, а в полном своем значении — «место, где об-суждаются определенные вещи»;

---

¹ «Утренняя Звезда», или «Lucifer». Несмотря на то что сам Иисус величает себя этим титулом (Откр., XXII, 16), его все-таки превратили в *имя Дьявола*, как только его избрал для себя теософский журнал.

в) празднования *логоса* у ранних *посвященных* масонов превратились в *synaxes* — «собрания» братьев с молитвами и ритуальным ужином (*caena*), где приносились только бескровные жертвы — плоды и злаки. Вскоре эти жертвы стали называть *hostiae*, или чистыми и священными *hosties*, в противоположность нечистым жертвоприношениям (например военнопленных, *hostes*, откуда происходит слово *hostage*, «заложник»). И поскольку в жертву приносились начатки урожая, первые плоды *messis*'а, то отсюда пошло и слово «месса». Ни один из отцов церкви также не упоминает, в отличие от ряда ученых, о том, что слово *месса* происходит от еврейского *missah* (*oblatum*, приношение), а это значит, что первое объяснение так же правомерно, как и второе. Более полное исследование происхождения и значения слов *missa* и *mizda* см. в книге Кинга «Гностики и их наследие» (с. 124 и далее).

Вместо слова *synaxis* греки использовали иногда другой термин — *agyrmos*, ἀγῦρμός (скопление людей, собрание). Последний был связан с мистериальным посвящением. Оба слова — *synaxis* и *agyrmos*¹ — были забыты христианами, но зато у них осталось и распространилось слово *missa*, или месса. Теологи предпочитают считать, скрывая при этом подлинную этимологию, что термин *messias* (Мессия) образован от латинского слова *missus* (посланник, *посланный*). Но даже если это так, он по-прежнему применим к Солнцу, *ежегодному посланнику*, несущему свет и новую жизнь земле и ее порождениям. Еврейский

---

¹ Гезихий называет этим словом (*agyrmos*) первый день посвящения в мистерии Цереры, богини урожая, но в том же самом значении употребляет и слово *Synaxis*. Ранние христиане также называли свои мессы (до того, как этот термин вошел в обиход) и празднования своих мистерий словом *Synaxis*, образованным из двух частей: *sun* — «с», и *ago* — «я веду» (отсюда греческое — *synaxis*, или собрание).

вариант слова Мессия — *mashiah* (помазанник) — образован от *mashah* (помазывать) и, следовательно, не согласуется с тем смыслом, который вкладывают в него теологи, и не соответствует ему. Так же маловероятно и происхождение латинской *мессы* (*missa*) от другого латинского слова — *mittere, missum* — «посылать» или «прогонять». Потому что суть и основа церемонии причастия заключается в освящении и жертвоприношении гостии, или *hostia* (приношения), для чего используется особая облатка (тонкий хлеб, типа лепешки), символизирующая тело Христа в Евхаристии, и эта испеченная из муки облатка является прямым продолжением приношений начатков урожая или злаков. Опять же, первые *мессы* представляли собой *саenas* (полдни или ужины), превратившиеся из простого приема пищи у римлян, которые перед обедом «умывались, помазывались и надевали трапезную одежду», в священную трапезу, в память о последней Вечере Христа.

Обращенные евреи апостольских времен устраивали свои *супахес*, чтобы читать Евангелия и писать письма (Послания). Св. Юстин (150 г. н.э.) сообщает, что эти торжественные собрания устраивались в день, именуемый *солнечным* (*Sunday dies magnus*). В этот день верующие пели псалмы и устраивали «крещение легким ужином с чистой водой и *агапэ* священного *саена* с хлебом и вином». Может ли это гибридное производное из языческих римских обедов, возведенных изобретателями церковных догм в ранг священной мистерии, иметь что-либо общее с еврейским *Мессией* — «тем, кто заставляет себя спускаться в преисподнюю» (или Аид), или с его греческой транслитерацией — *Messias*? Как утверждает Норк, Иисус «никогда не был помазан ни как первосвященник, ни как царь», и поэтому его титул *Мессия* не может быть соотнесен с известным еврейским эквивалентом. Тем более что греческое слово «пома-

занный», или «натертый маслом», — гомеровский термин *chris*, χρίς или *chrío*, χρίω — действительно означает *смазывать маслом тело*. (См. «Lucifer» за ноябрь, декабрь 1887 и февраль 1888, «Эзотерический характер Евангелия».)

Еще один высокопоставленный масон, автор¹ «Источника Мер», суммирует всю эту многовековую путаницу следующим образом:

...Дело в том, что *Мессий* было двое: один — заставляющий себя спускаться в преисподнюю ради спасения мира²; это солнце, лишенное своих *золотых лучей* и *увенчанное черными лучами* (в знак понесенной потери), имеющими вид шипов; *другой* — торжествующий *Мессия*, достигший *вершины небесного свода*, персонифицированный как *Лев из колена Иудина*. В обоих случаях с ним связан крест... [с. 256].

Во время *Ambarvales*, празднеств в честь Цереры, *Arval* (помощник Верховного жреца), облаченный в белые одежды, раскладывал на *hostia* (жертвенном возвышении) хлебную лепешку, воду и вино, первым пробовал вино для *возлияний* сам, а затем давал *отведать* его всем остальным. Дальнейшее *жертвоприношение* осуществлял сам Верховный жрец. Оно символизировало три царства Природы: растительное царство (хлебная лепешка), минеральное царство (сама жертвенная чаша, или *кубок*), и *покров* (похожее на шарф одеяние) Иерофанта, конец которого последний символически набрасывал поверх чаши с жертвенным вином. Этот покров шили из чисто белой шкуры агнца.

---

¹ Дж. Ральстон Скиннер. Ключ к еврейско-египетским мистериям в источнике мер.

² С незапамятных времен каждый посвящаемый, прежде чем пройти главное испытание, произносит — как в древности, так и сейчас — слова торжественного обета: «И я клянусь пожертвовать, если потребуется, своею жизнью ради спасения моих братьев, к коим я причисляю все человечество, и умереть, если это будет необходимо для торжества истины...»

Современный жрец повторяет, с точностью до жеста, действия языческого жреца. Он поднимает хлеб и просит освятить его, благословляет воду, которой надлежит быть в кубке, и наливает в него вино, окуривает алтарь и т.д., и т.п., а перед тем как подойти к алтарю, оmyвает свои пальцы со словами: «Я умою руки свои *среди младенцев* и окружу алтарь твой, о Господь». А делает он это потому, что точно так же поступал древний *языческий* жрец, только последний говорил при этом: «Я умываю (очистительной водой) руки мои среди *младенцев* (полностью посвященных братьев) и окружаю алтарь твой, о великая Богиня» (Церера). Верховный жрец трижды обходил при этом вокруг алтаря, на котором были расставлены приношения, держа высоко над головою кубок, прикрытый сверху краем белоснежной шкуры агнца...

Священное облачение римского папы, *покров*, «имеет форму шарфа, сотканного из белой шерсти и вышитого пурпурными крестами». А в греческой церкви священник покрывает переброшенным через плечо краем своего покрывала потир.

Древний Верховный жрец трижды повторял за время богослужения: «*O redemptor mundi*» — в честь Аполлона, «Солнца»; *mater Salvatoris*, посвященное Церере, земле; *Virgo paritura* — Богине-Деве и т.д.; и произносил *семь тройственных поминовений*. (Прислушайтесь, о масоны!)

Число три, столь почитаемое в древности, продолжает пользоваться уважением и сейчас, ибо оно проявляется пятикратно во время мессы. Мы видим тоекратное повторение *introibo*, тоекратное *Kyrie eleison*, три *mea culpa*, три *agnus Dei*, три *Dominus Vobiscum*. Подлинно масонская серия! А если мы добавим к этому три *et cum spiritu tuo*, то христианская месса даст нам все те же *семь тройственных поминовений**.

Язычество, масонство и теология — вот историческая троица, правящая ныне миром *sub rosa*. А теперь позвольте нам завершить сей очерк словами масонского приветствия и следующим обращением:

Прославленные сподвижники Хирама Абифа, посвященные и «сыновья вдовы». Царство тьмы быстро рассеивается, но есть еще области, коих не касалась рука ученого, — черные, как египетская ночь. *Fratres, sobrii estote et vigilate!*

ПОКЛОНЕНИЕ ЗВЕЗДНЫМ АНГЕЛАМ В КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

[Мотивом написания данной статьи было отнюдь не желание «выискивать ошибки» в христианской религии, в чем почему-то часто обвиняют наш «Lucifer». Мы не испытываем никакой особой враждебности к папизму и не выделяем его в этом плане из числа других догматических и ритуальных верований. Мы просто утверждаем, что «нет религии выше Истины». Но поскольку мы непрестанно подвергаемся нападкам со стороны христиан (среди которых самыми непримиримыми и самыми *высокомерными* нашими недоброжелателями являются католики), называющих нас «идолопоклонниками» и «язычниками» и обвиняющих нас во всевозможных иных прегрешениях, то по необходимости должны время от времени высказываться в свою защиту ради восстановления истины.

Теософов обвиняют в том, что они верят в астрологию и в *Дэвов* (Дхиан Коганов), коим поклоняются индусы и северные буддисты. А два чересчур импульсивных миссионера из центральных провинций Индии назвали нас «звездопоклонниками», «сабеянами» и даже «*дьяволо-*поклонниками». Но, как и большинство других обвинений в наш адрес, это ничем не обоснованная ложь и заблуж-

дение. Ни один теософ и ни один *окультист* в подлинном смысле этого слова никогда не *поклонялся* дэвам, натхам*, ангелам или даже *планетарным* духам. Признание *факта существования* подобных созданий (которые, какими бы возвышенными они ни были, все-таки остаются конечными и ограниченными *созданиями* поэтапной эволюции) и даже почтительное отношение к некоторым из них — это еще не *поклонение*. Данное понятие ныне уже почти истерто до дыр, благодаря растяжимости своего значения, обусловленной бедностью английского языка. Обращаясь к судье, например, мы называем его «достойным поклонения»*, хотя это вовсе не означает, что мы действительно воздаем ему *божественные* почести. Мать часто боготворит своих детей, муж — свою жену и наоборот, но никто из них при этом не возносит молитв объекту своего поклонения. Однако к окультистам это слово никоим образом не применимо. Хотя окультисты могут испытывать величайшее почтение к некоторым высшим духам — сравнимое, пожалуй, с тем уважением, которое некоторые христиане испытывают к Архангелам Михаилу и Гавриилу, а также к своему (Св.) Георгию из Каппадокии*, ученому поставщику Константинова войска, — этим все и ограничивается. Ибо в представлении теософов эти планетарные «ангелы» занимают положение не более высокое, нежели то, которое приписывает им Вергилий:

Они похваляются силой эфирной и произрастают
Из семян небесного рождения*.

— точно так же, как и любой смертный. Все они являются оккультными силами, обладающими властью над определенными проявлениями природы. Когда они обращают внимание на смертного, они в состоянии оказать ему помощь в некоторых делах,

но, в целом, чем дальше держится от них человек, тем лучше для него.

Однако с католиками — нашими набожными гонителями — дело обстоит совершенно иначе. Паписты поклоняются этим духам и воздают им *божественные почести* с самых первых дней существования христианства и до настоящего времени, вкладывая в выделенные слова буквальный смысл, что мы намерены доказать в данной статье. Даже для протестантов ангелы в целом (так же как и Семь Звездных Ангелов в частности) являются «предвестниками Высочайшего» и «прислуживающими духами», за помощью к которым они обращаются и которые занимают вполне определенное иерархическое положение в «Книге Общих Молитв»*.

Однако факт поклонения папистов звездным и планетарным ангелам известен далеко не всем. Культ этот претерпел немало превратностей и превращений. Несколько раз его отменяли, но затем восстанавливали вновь. Данная статья как раз представляет собой попытку краткого изложения истории его роста, последнего восстановления и периодических попыток сделать этот культ официальным. Правда, последние несколько лет его можно считать *вышедшим из употребления*, но *de jure* он до сих пор не отменен. И поэтому мне доставит особое удовольствие доказать, что если кто-то и заслуживает звания идолопоклонников, то не теософы, оккультисты, каббалисты и астрологи, но, напротив, большинство самих христиан, и прежде всего католики, которые, помимо Звездных Ангелов, поклоняются также клану более или менее сомнительных святых и Деве Марии, из которой их церковь сделала настоящую *богиню*.

Изложенные ниже отдельные исторические факты заимствованы из различных достоверных источников, от которых католикам будет непросто отмах-

нуться и которые им будет сложно опровергнуть. Ибо мы опираемся на следующие авторитеты: а) различные документы *из архивов Ватикана*; б) сочинения известных и благочестивых католических светских и церковных авторов — ультрамонтанов* до мозга костей; и, наконец, в) папскую буллу. Поистине, вряд ли можно представить себе более авторитетные источники.]

В середине VIII века христианской эры скандально известный архиепископ Адальберт из Магдебурга, чье имя занимает одно из первых мест в анналах магии, предстал перед судьями. Он был обвинен (и впоследствии осужден) вторым собором в Риме, где председательствовал папа Захария, за использование в своей церемониальной магии имен «Семи Духов», в то время наиболее почитаемых церковью, и прежде всего имени **Уриила***, с помощью которого архиепископ производил свои наиболее значительные магические феномены. Как легко можно заметить, *церковь не выступает против магии как таковой*, но только против тех магов, которые не желают придерживаться ее методов и правил вызывания духов.

Как бы то ни было, характер чудес, производимых преподобным колдуном, никак не позволял отнести их к разряду «чудес, совершаемых соизволением Божиим и во славу Его», и потому они были объявлены *нечестивыми*. Более того, Архангел **Уриил** (*lux et ignis*) был скомпрометирован этими феноменами, и его имя оказалось осквернено. Но коль скоро это позорное пятно, брошенное на репутацию одного из «Престолов» и «Посланников Всевышнего», могло бы сократить число этих еврейских *сантарши** до шести, нарушив тем самым всю небесную иерархию, то была придумана хитрая отговорка, которая, впрочем, была далеко не новой и оказалась столь же малоубедительной, сколь и малоэффективной.

Было объявлено, что Уриил епископа Адальберта — «огонь Божий» — был вовсе не тем Архангелом, о котором сказано во второй «Книге Ездры»*; и даже не тем прославленным персонажем, который часто упоминается в магических книгах Моисея — особенно в 6-й и 7-й. Сферой, или планетой, этого истинного Уриила византиец Михаил Глика называет Солнце. Так как же это возвышенное существо — друг и товарищ Адама и Евы до их грехопадения и, впоследствии приятель Сифа и Еноха, о чем знает каждый набожный христианин, — как могло оно потворствовать колдовству? Нет и еще раз нет! Самая мысль об этом выглядит абсурдной.

Таким образом, столь почитаемый отцами церкви Уриил остался таким же неприступным и незапятнанным, как и прежде. А за грешки епископа Адальберта, связанные с использованием черной магии, ответственность несет *демон* с тем же самым именем (и довольно странный, надо сказать, демон, поскольку он абсолютно нигде не упоминается). Как нам пытаются внушить один защитник веры с тонзурой, этот «зловный» Уриил связан с неким могущественным словом, принадлежащим к оккультной природе. Это слово известно только масонам очень высокой степени, и только они теперь могут им пользоваться. Но поскольку самому автору данной теории это «слово» также неизвестно, то и все попытки доказать ее истинность заведомо обречены на провал.

Подобная попытка обелить доброе имя Архангела могла быть продиктована только обожествлением последнего и преклонением перед ним. Св. Амброзий избрал Уриила своим покровителем и относился к нему едва ли не как к божеству¹. Опять же, знаменитый отец Гастальди, доминиканский монах, сочинитель и инквизитор, доказал в своем серьезном

---

¹ De Fide, etc., lib. II, cap. iii, § 20, сноска.

труде «Об ангелах» («De Angelis»), что поклонение «Семи Духам» во все века было *узаконено* церковью и что оно было необходимо для моральной поддержки и укрепления веры детей (римской) церкви. Словом, тот, кто пренебрегает этими богами, поступает так же скверно, как и любой «язычник», который их совсем не признает.

Даже будучи осужденным и заочно лишенным сана, епископ Адальберт сохранил за собою большое число сторонников в Германии, которые защищали и поддерживали не только самого колдуна, но и его опозоренного Архангела. Вследствие этого имя Уриила осталось в католических служебниках и после суда; «престол» был просто оставлен «под подозрением». В соответствии со своей достойной восхищения политикой, церковь объявила, что «блаженный Уриил» не имеет ничего общего с «проклятым Уриилом» каббалистов, и на этом дело было оставлено.

Чтобы нагляднее представить себе, какую свободу действий предоставляют теологам подобные отговорки, необходимо вспомнить, что говорят о небесном сонме оккультные доктрины. Мир Бытия начинается с духовного огня (или Солнца) и его семи «пламеней», или лучей. Эти «Сыновья Света» именуется иногда «раздвоенными», потому что они, говоря аллегорически, существуют одновременно и на небе и на земле, и это обстоятельство было использовано церковью как идеально подходящий крюк, на который она подвесила своего *двойного* Уриила. Кроме того, Дэвы, Дхиан Коганы, Боги и Архангелы идентичны друг другу, только им приходится *непрестанно* изменять свои формы, имена и места обитания. Звездные боги сабеян стали каббалистическими и талмудическими ангелами у евреев, сохранив без изменения свои эзотерические имена, а затем, уже в виде архангелов, перекочевали со всеми пожитками в христи-

анскую церковь, где заняли более высокое положение.

Эти имена являются их «мистическими» титулами. Они настолько загадочны, что даже сами католики не уверены в их значении, тем более сейчас — после того как церковь, желая скрыть их скромное происхождение, по несколько раз изменила каждое из них. Сам благочестивый де Мирвиль признает следующее:

Говорить об их [ангелов] именах и атрибутах с точностью и определенностью вовсе не так просто, как нам того, возможно, хотелось бы. Так что когда говорят, что эти духи являются теми самыми *семью помощниками*, которые окружают престол Агнца и составляют семь его *рогов*; и что символизирует их знаменитый храмовый семисвечник... и когда мы утверждаем, что именно они упоминаются в «Откровении» как *семь звезд* на ладони Спасителя или как ангелы, изливающие на землю *семь язв*, — мы лишь повторяем те неполные и несовершенные истины, к которым развивающие эти идеи комментаторы подходят, как правило, с величайшей осторожностью¹.

Здесь автор, возможно, сам того не зная, изрек великую истину, которая могла бы стать еще более великой, если бы он добавил, что *ни одна* истина, *когда-либо* изреченная церковью, не была полной и совершенной. Ибо в противном случае что стало бы с той таинственностью, которая абсолютно необходима для придания авторитетности вечно непостижимой догме о Священной «Невесте»?

Эти «духи» называют себя *первичными принципами*. Но что они в действительности собою представляют, никто даже не пытается объяснить. В первые века христианства церковь не делала этого сознательно, а сейчас она сама знает о них не больше, чем любой ее преданный сын-мирянин, ибо она уже утратила этот секрет.

---

¹ De Mirville, Des Esprits, etc., vol. II, p. 351-352, глава «Духи до их Падения».

О проблеме присвоения имен этим ангелам де Мирвиль говорит нам, что она «породила споры, которые не утихали веками. И по сей день *эти семь имен остаются загадкой*».

И все же они встречаются в некоторых служебниках и секретных документах Ватикана, наряду с астрологическими именами, известными многим. Но, поскольку их использовали каббалисты и, среди прочих, епископ Адальберт, церковь не желает признавать эти титулы, хотя и поклоняется этим существам. Обычно используются следующие их имена: **Михаил**, «*quis ut Deus*», «который как Бог»; **Гавриил**, «сила (или власть) Бога»; **Рафаил**, или «божественная добродетель»; **Уриил**, «Божий свет и огонь»; **Саальфиил** (Саалтиэл), «речь Бога»; **Иегудиил** (Иехудиэл), «восхваление Бога»; и **Варахиил** (Барахиэл), «благословение Бога»*. Все эти «семь» — *абсолютно канонические* персонажи; но это не их подлинные мистические имена, представляющие собою магические силы. И даже среди этих «подстановок» имя Уриила, как мы показали, оказалось серьезно запятнанным, а три последних имени были объявлены «подозрительными». И все-таки им продолжали поклоняться, даже безымянным. Неправомерно также утверждать, что три последних, столь «подозрительных» имени совсем не упоминаются в Библии, поскольку их можно обнаружить в некоторых древнееврейских списках. Одно из них, в частности, приводится в главе XVI «Бытия» как имя ангела, который явился Агари; и все три выступают как «Господь» (Элохим), явившийся Аврааму у дубравы Мамре в облике «трех мужей», возвестивших о грядущем рождении Сарой Исаака (Быт., XVIII). Более того, «Иегудиил» прямо упоминается в главе XXIII «Исхода» как ангел, в котором заключено «имя» (в оригинале — *восхваление*) Бога (см. стих 21).

Эти архангелы получили новые имена благодаря своим «божественным атрибутам», и это обстоятельство позволяет без труда, простым эзотерическим методом преобразования, идентифицировать их с халдейскими великими богами и даже с семью Ману и семью индийскими Риши¹. Они также тождественны семи сабеянским богам и семи Сиденьям (Престолам) и Добродетелям каббалистов, а теперь они превращены католиками в «Семь Очей Господа» и в «Семь Престолов», вместо «Сидений».

И каббалистам, и «язычникам» должно быть очень лестно видеть, что их Дэвы и Риши стали «полновластными посланниками» христианского Бога. Так что их биография продолжается, не прерываясь, вплоть до сего дня.

После печального инцидента с епископом Адальбертом и почти до XV столетия только три первых из семи имен Архангелов красовались в церквях во всем блеске своей святости. Прочие четыре были отправлены в изгнание — но не сами ангелы, а только их имена.

Практически каждый, кто побывал в Риме, наверняка посетил там привилегированный Храм Семи Духов, построенный специально для них великим Микеланджело: знаменитая церковь более известна как «Св. Мария Ангелов». Ее история довольно поучительна, но мало известна столь часто посещающей ее публике. И потому нелишним будет вкратце воспроизвести ее снова.

В 1460 году в Риме появился великий «святой» по имени Амадей. По происхождению своему он был дворянином из Лузитании. Будучи в Португалии, Амадей прославился своими пророчествами и благочестивыми видениями¹. А папа Сикст полюбил его настолько, что разрешил ему основать у Св. Петра

---

¹ Умер в Риме в 1482 г.

в *Монторио* францисканский монастырь. В одном из видений Амадею было ниспослано откровение: Семь Архангелов явились этому святому человеку и возвестили ему свои *настоящие* мистические имена, объявив те имена, которые использует церковь, подставными. И «ангелы», безусловно, сказали правду, поскольку их общеизвестные имена действительно были ненастоящими. А пришли они к Амадею с одной простой и скромной просьбой: они потребовали, чтобы их снова почитали под их законными родовыми именами, чтобы их культ был официально восстановлен среди верующих и чтобы в их честь был воздвигнут храм. Но мудрая церковь с самого начала отказалась признавать их настоящие имена, поскольку они принадлежали халдейским богам, и заменила их по этой причине астрологическими *прозвищами*. Так что первое их требование было невыполнимым, коль скоро «это были имена демонов», как поясняет Бароний. Но не менее демоническими были и «подставные» халдейские имена перед тем, как они подверглись изменению в интересах еврейской ангелологии.

Но если это действительно *имена демонов*, то «почему, — вполне резонно спрашивает де Мирвиль, — их дают христианам и католикам при крещении?» Ведь если из перечисленных имен последние четыре являются демоническими, то такими же, по необходимости, должны быть и первые три — Михаил, Гавриил и Рафаил.

Однако «святые» визитеры оказались не менее упрямыми, чем церковь. В тот же самый день и час, когда Амадею было дано откровение в Риме, на Сицилии, в Палермо, произошло еще одно чудо. При раскопках развалин старой часовни было чудесным образом обнаружено не менее чудесное изображение Семи Духов. В тот самый час, когда Амадей наблюдал свое видение, на картине были обнаружены имен-

но *те семь тайных имен, написанных* «под портретом каждого из ангелов»¹, — сообщает хронист.

Не знаю, что сказали бы по этому поводу в наш век всеобщего неверия авторитетнейшие и образованнейшие лидеры различных психических и телепатических обществ, но на папу Сикста IV это *совпадение* произвело сильнейшее впечатление. Он уверовал в чудодейственные способности Амадея так же безоговорочно, как м-р Бруденель — в абиссинского пророка «герра Пауля»².

Похоже, что это было единственное совпадение на тот день. Вся святая римская и апостольская церковь была построена на таких чудесах и сейчас продолжает стоять на них, как на камне Истины, благо Бог всегда своевременно *поставлял* их для нее³. Так что,

---

¹ De Mirville, Des Esprits, etc., vol. II, p. 355.

² «Герр Пауль» — не менее чудесное порождение весьма запутанной и крайне однобокой фантазии м-ра Уолтера Безанта.

³ По этому поводу можно сделать замечание и задать вопрос. «Чудеса», совершавшиеся в лоне матери церкви, — от апостольских и до церковных чудес в Лурде — если и не столь же замечательны, как чудеса, приписываемые «герру Паулю», то, во всяком случае, имеют более широкое распространение и, следовательно, более пагубно воздействуют на человеческий разум. Следует признать, что либо оба вида чудес возможны, либо и те и другие фальшивы и являются результатами действия *опасных гипнотических и магнетических сил, коими обладают* некоторые люди. М-р У.Безант явно пытается убедить читателей в том, что его роман написан в интересах той части общества, которая с легкостью позволяет другой его части обманывать себя. Но если это так, то почему бы не проследить все эти феномены *до их первоначального, подлинного источника, а именно — до веры в самую возможность сверхъестественных проявлений, — веры, внушенной и поддерживаемой описанием библейских и впоследствии церковных чудес?* Ни один абиссинский пророк и ни один «оккультный философ» никогда не выдвигал столь масштабных притязаний на способность творить чудеса и на *божественную помощь* и тем более не требовал за них уплаты «лепты Св. Петра»*, как римская церковь, самочинно объявившая себя «Невестой Христовой».

когда в тот же самый день в Пизе было *обнаружено* написанное очень архаичной латынью древнее пророчество, связанное как с находкой, так и с откровением, это произвело настоящий фурор среди верующих. Пророчество, как мы помним, предрекало *возрождение* в указанный период культа «планетарных ангелов». А также то, что в правление папы Климента VII, на месте маленькой, полуразрушенной часовни будет воздвигнут монастырь Св. Франсуа де Поля. «Предсказание исполнилось в точности», — с гордостью заявляет де Мирвиль, забывая о том, что

Так почему же наш автор, если он и вправду горит желанием спасти миллионы англичан от обмана, разоблачая используемые мошенниками нечистоплотные приемы, — почему он не попытался сначала разоблачить более масштабный обман, прежде чем обрушиться на *мелкие* шалости, если таковые действительно имеют место? Пусть он сначала объяснит британской публике «чудо» превращения воды в вино и воскрешения Лазаря на основе своей *иллюзионистско-гипнотическо-мошеннической* гипотезы. Ибо если один вид чудес может быть объяснен слепой верою и месмеризмом, то почему мы не можем сказать то же самое и о других чудесах? Быть может, потому, что автор не смеет обращаться с библейскими чудесами, в которые верит каждый протестант и католик (можно добавить сюда также и *божественные* чудеса в Лурде — католическое изобретение), так же вольно, как с феноменами какого-нибудь «окултного философа» или спиритического медиума, поскольку желает остаться *популярным* писателем? В самом деле, не много храбрости и решительности перед лицом возможных последствий требуется для того, чтобы обидеть беспомощного, а теперь еще и до крайности перепуганного *профессионального* медиума. Однако вышеназванные качества (*и в придачу к ним — безграничная любовь к истине*) абсолютно необходимы для того, кто решится потревожить миссис Гранди в ее логове. Клеветники, злословящие на «эзотерических буддистов», слишком коварны и осторожны. Они ищут дешевой популярности у зубоскалов и материалистов, будучи совершенно уверенными в том, что ни один *профессиональный* медиум никогда не осмелится прямо назвать клеветников их собственными именами или потребовать от них удовлетворения, так как перед ним непрестанно

церковь сама позаботилась о его исполнении, реализовав на практике все содержащиеся в нем предписания. И все-таки это событие по сей день именуется «пророчеством».

Однако церковь согласилась в полной мере удовлетворить пожелания своих «высокородных» небесных просителей только в XVI столетии.

И хотя к тому времени во всей Италии вряд ли можно было бы найти церковь или часовню, где не была бы вывешена мозаичная или рисованная копия чудесного изображения, только в 1516 году было завершено строительство великолепного «Храма Семи Духов», воздвигнутого рядом с полуразвалившейся часовней в Палермо. Но даже этого «ангелам» показалось мало. По словам хрониста — «блаженные духи не удовлетворились одной лишь Сицилией и тайными молитвами. Они требовали повсеместного поклонения и публичного признания всем католическим миром».

Похоже, что сами небожители не совсем свободны от амбициозности и тщеславия, свойственных нашему материальному уровню! И вот что придумали ревнивые «пастыри» для достижения своей цели.

Антонио Дука — еще один пророк (в анналах римской церкви), в то время только что назначенный

маячит призрак закона против хиромантии. Что же касается «эзотерического буддиста» или «окультурного философа», то они еще менее опасны, ибо они отвечают всем своим предполагаемым клеветникам абсолютным презрением, и неуклюжие обвинения какого-то романиста не в состоянии вывести их из равновесия. Да и о чем им беспокоиться? Ведь они — не профессиональные пророки и не взимают с тех, кто в них уверовал, «лепту Св. Петра», так что большинство клеветнических измышлений способно их только рассмешить. Однако м-р Уолтер Безант все-таки высказал в своем романе одну великую истину — подлинный перл предвидения, брошенный в большую кучу грязи: настоящий «окультурный философ» никогда не станет *«прятать свой свет под судом»*.

пастором палермского «Храма Семи Духов», тоже начал получать божественные откровения — примерно те же, что и Амадей. На сей раз Архангелы потребовали у римских пап через Антонио признания собственной божественности, а также официального и повсеместного поклонения, в котором они упоминались бы под своими *настоящими именами* — так же как и до скандала с епископом Адальбертом. Они также настаивали на том, чтобы в их честь был воздвигнут особый, *только им посвященный* храм, причем непременно на руинах знаменитых древних *терм* Диоклетиана. Согласно традиции, на постройку этих терм были согнаны 40 000 христиан и 10 000 мучеников, а в числе помогавших им были такие прославленные «святые», как Марцелл и Фразон. Однако с тех пор, как сказано в булле LV папы Пия IV, «это место использовалось для самых нечестивых целей и для демонических [магических?] обрядов».

Однако, как явствует из различных документов, все было далеко не так гладко, как того хотелось бы «блаженным духам», и бедному Дуке в свое время здорово досталось из-за них. Невзирая на энергичную протекцию семейств Колонна, использовавших все свое влияние на папу Павла III, и личную просьбу Маргариты Австрийской, дочери Карла V, в силу тех же загадочных (а для нас — вполне понятных) причин, «Семь Духов» никак не могли быть удовлетворены, хотя уважением и поклонением верующих они никогда обделены не были. Нелегкая миссия Дуки увенчалась успехом, по сути дела лишь тридцать четыре года спустя, хотя еще десятью годами ранее (а именно — в 1551-м) папа Юлий III приказал произвести предварительное очищение *терм*, после чего была возведена первая церковь, названная «*Св. Марией Ангелов*». Но «Блаженные Престолы», не удовлетворившись этим названием, вызвали войну, в ходе которой этот храм был раз-

граблен и разрушен. Иными словами, они повели себя не как светлейшие архангелы, но как злобные каббалистические *призраки*.

После этого они продолжали являться ясновидящим и святым еще чаще, чем прежде, еще более шумно и настойчиво требуя для себя отдельного и обособленного места поклонения. Они *потребовали*, чтобы посвященный им храм был восстановлен на прежнем месте (в *термах*) и назывался бы «Церковью *Семи Ангелов*».

Однако трудности оставались прежними. Папы объявили их изначальные титулы именами демонов (то есть языческих богов), и потому их упоминание в церковных богослужениях могло бы иметь фатальные последствия. Признать «мистические имена» Семи Ангелов было невозможно. Но не приходится сомневаться и в том, что после обнаружения «чудесной» картины с семью именами эти имена широко использовались во время церковных богослужений. Так что в эпоху Возрождения папа Климент XI приказал составить специальный отчет об этом изображении и о нанесенных на нем именах. Эта деликатная миссия была поручена знаменитому астроному того времени, иезуиту Жозефу Бьянчини. А результаты исследования оказались настолько же неожиданными, насколько и губительными для почитателей семи сабеянских богов — папа хотя и приказал сохранить картину, в то же время распорядился, чтобы семь ангельских имен были *аккуратно стерт*ы с нее. И «хотя это традиционные имена», которые «не имеют *ничего общего*» и «совершенно отличны от имен, использовавшихся Адальбертом» (епископом-колдуном из Магдебурга), как лукаво заявляет хронист, само их упоминание было запрещено в святых церквях Рима.

Так обстояли дела с 1527 по 1561 год. Пастырь пытался удовлетворить требования своих *семи* «на-

ставников» — церковь боялась признать даже халдейские подмены «мистических имен», «оскверненные причастностью к колдовству». Мы не знаем, впрочем, почему не были введены в обиход мистические имена блаженных «Престолов», во все времена гораздо менее известные, нежели их «заменители». Очевидно, вера в них на самом деле была не такой уж крепкой, раз уж «Семи Архангелам» пришлось отстаивать свои права на протяжении 34 лет, упрямо не соглашаясь ни на какие другие имена, несмотря на то что церковь оставалась глухой ко всем их пожеланиям. Оккультисты не скрывают причины, побудившей их отказаться от использования этих имен: *это их опасно магический характер*. Но почему их так боится церковь? Разве не говорили Апостолам, и в особенности Петру, — «что вы свяжете на земле, то будет связано на небе» [Мат., XVIII, 18]; и разве не была дана им власть над всеми демонами — известными и неизвестными? И тем не менее некоторые мистические имена можно обнаружить, наряду с их заменами, в старых римско-католических служебниках, отпечатанных в 1563 году. Один из них* хранится в библиотеке Барберини. В нем приводится полный текст мессы, в котором тут и там зловеще поблескивают запретные, подлинно сабеянские имена семи «великих богов».

И «боги» в очередной раз потеряли терпение. Действуя в чисто иеговистском духе, они наслали чуму на своих «жестоковыйных» почитателей. В 1553-м разразилась страшная эпидемия, «когда почти весь Рим оказался во власти дьявола», — говорит де Мирвиль (не уточняя при этом, распространялась ли власть дьявола также и на духовенство). Только тогда пожелания Дуки были приняты в расчет. Семь его вдохновителей были названы наконец их собственными именами, и тогда «эпидемия прекратилась как по волшебству, и блаженные еще раз

доказали, — добавляет хронист, — проявив свои божественные способности, что не имеют ничего общего с демонами, которые носят те же самые имена» — то есть с халдейскими богами¹.

«Тогда Павел IV со всей поспешностью вызвал в Ватикан Микеланджело». Грандиозный план последнего был принят, и работа по восстановлению церкви началась. Строительство продолжалось более трех лет. В архивах этого знаменитого ныне сооружения можно обнаружить следующую запись: «Невозможно рассказать обо всех чудесах, происшедших за это время, ибо это было *одно беспрестанное чудо, продолжавшееся три года*». В присутствии всех своих кардиналов папа Павел IV повелел восстановить семь имен на «чудесной» картине в их прежнем виде и написать их также на огромной копии этой картины, которая по сей день увенчивает высокий церковный алтарь.

В 1561 г. великолепный храм был посвящен Семи Ангелам. Духи достигли своей цели, а три года спустя, практически одновременно, Микеланджело и Антонио Дука умерли. Они не были больше нужны.

Дука стал первым человеком, похороненным в церкви, к возведению которой он призывал большую часть своей жизни, пока не удовлетворил наконец требования своих небесных покровителей. На его могиле начертан краткий перечень полученных им откровений, а также молитв и заклинаний, постов и радений, к коим он прибегал в течение жизни, чтобы как можно чаще лицезреть великую «Семерку» и получать от нее откровения. В ризнице за небольшую плату можно просмотреть ряд документов, опи-

---

¹ Еще раньше они проявили свои способности, вызвав войну и разрушение церкви и наконец — эпидемию, что является, с точки зрения оккультиста, далеко не *ангельским* поведением.

сывающих и удостоверяющих некоторые феномены, входящие в состав «беспреданного чуда, продолжавшегося три года». Описания «чудес» подкреплены *письменным одобрением* папы и нескольких кардиналов. Единственное, чего им не хватает, это одобрения Общества Психических Исследований, что должно вызывать немалую досаду у «Семи Ангелов», поскольку без него их триумф не может быть полным. Будем же надеяться, что ученые исследователи привидений вскоре направят в Рим своего «смышленного паренька», а «блаженные» отыщут для себя в Кембридже какого-нибудь «Дуку».

Но что же стало со столь осторожно используемыми «мистическими именами» и с именами новыми? Сначала имя Евдиила было заменено одним из каббалистических имен. А спустя сто лет все семь имен в одночасье исчезли по приказу кардинала Альбици. В старой и почтенной церкви *Санта Мария делла Пиета* на Пьяцца-Колонна «чудесное» изображение Семи Архангелов сохранилось до сих пор, однако имена под ним соскоблены и заново перекрашены. *Sic transit gloria mundi*. Вскоре имена «семи» в очередной раз исчезли из службников, перестав упоминаться в мессах и вечерних богослужениях, несмотря на то что «они совершенно отличны» от имен «планетарных духов», помогавших в свое время епископу Адальберту. Однако «не рьяса делает человека монахом», и точно так же смена имени никоим образом не мешает человеку оставаться тем же, кем он был до сих пор, ничего не меняя в его характере. Так что культ Семи Ангелов не исчез. Им продолжали поклоняться, и подтверждение этого факта — наиглавнейшая цель данной статьи.

Станет ли кто-нибудь отрицать его? А если даже и станет, то я могу напомнить читателю о том, как сравнительно недавно, в 1825 г., один испанский

гранд, заручившись поддержкой архиепископа Палермского, попытался убедить Льва XII восстановить сразу и богослужение ангелам, и их имена. И папа согласился вернуть церкви богослужение, хотя и не разрешил использовать старые имена¹.

«Это богослужение, усовершенствованное и дополненное по приказу Павла IV (записи о нем сохранились до сего дня в *Ватикане* и *Минерве*), оставалось в силе на протяжении всего первосвященства Льва X». Больше всех восстановлению старого культа радовались иезуиты, поскольку из этого события они смогли извлечь для себя немалую пользу, закрепив успехи своей миссионерской деятельности на Филиппинских островах. Папа Пий V узаконил это же «богослужение» в Испании, объявив в своей булле о том, что «невозможно переусердствовать в воздаянии почестей *этим семи пастырям* мира, *представленным семью планетами*» и что «...служит утешением и хорошим предзнаменованием для нынешнего века то, что милостью Божьей культ *этих семи ярких светильников* и *этих семи звезд* вновь воссиял во всем своем блеске в христианской общине»².

Тот же самый «святейший папа позволил также монахиням *Matritensis* отмечать *празднество Иегудиила* — покровителя их монастыря». Не знаю, правда, было ли ему присвоено при этом другое, менее языческое имя — да это и не важно.

В 1832 году последовала еще одна петиция с просьбой восстановить и распространить культ «Семи

---

¹ История заимствована из сочинения маркиза де Мирвиля (*Des Esprits, etc.*, vol. II, p. 358). Поскольку трудно отыскать более ревностного паписта и ультрамонтана, чем он, то в его свидетельстве вряд ли можно сомневаться. Похоже, что он даже гордится своим идолопоклонством, коль скоро в полный голос требует его *официальной* и повсеместной реставрации.

² De Mirville, *Des Esprits, etc.*, vol. II, p. 357-358.

Духов Божьих». На этот раз ее подписали *восемьдесят семь епископов* и тысячи других должностных лиц, многие из которых имели немалый вес в римской церкви. Другая петиция — за подписью кардинала Патризи и короля Фердинанда II, говоривших *от имени народа Италии*, была написана в 1858 г., и, наконец, еще одна — в 1862-м. Однако после 1825 г. новые запреты на церковные богослужения в честь семи «духов-звезд» уже не издавались. И по сей день эти богослужения продолжают открыто совершаться в Палермо, в Испании и даже в самом Риме — в «Св. Марии Ангелов» и в «*Gesu*» хотя во всех других местах они запрещены, и все «по вине Адальбертовой ереси», как это любят утверждать сторонники культа Звездных Ангелов. На самом же деле причина кроется совсем в другом, и мы уже говорили, в чем именно. Даже семь подставных имен (и в особенности — четыре последних) слишком явно запятнали себя связью с черной магией и астрологией.

Авторы, подобные де Мирвилю, начинают впадать в отчаяние. Не осмеливаясь обвинять церковь, они выпускают пар, выплескивая свою злость на средневековых алхимиков и розенкрейцеров. Несмотря ни на что, они требуют восстановления официального поклонения, и образование в 1862 году в Италии, Баварии, Испании и других странах влиятельной ассоциации, имеющей целью восстановление культа Семи Духов *во всей его полноте* и во всей католической Европе, позволяет надеяться на то, что в ближайшие годы семь индийских Риши, ныне благополучно разместившиеся в созвездии Большой Медведицы, станут, по милости и воле какого-нибудь непогрешимого римского понтифика, узаконенными и почитаемыми покровителями христианства.

Почему бы и нет? Ведь является же по сей день (Св.) Георгий «Святым покровителем не только

Святой Руси, протестантской Германии и блистательной Венеции, но также и старой доброй Англии, чьи солдаты, — по словам У.М.Брейтуэйта¹, — готовы поддерживать престиж своей страны ценой собственной жизни». И уж, конечно, наши «семь богов» никак не могут быть хуже, чем был при жизни мытарь и мошенник Георгий Каппадокийский!

С мужеством истинных верующих христианские защитники Семи Звездных Ангелов даже не пытаются ничего отрицать, во всяком случае, они хранят молчание, когда их обвиняют в воздаянии божественных почестей халдейским и иным богам. Они даже признают справедливость этих утверждений и с гордостью принимают все обвинения в звездопоклонстве. Сколько раз французские академики предъявляли их своему покойному лидеру, маркизу де Мирвиллю! И вот что он пишет в свое оправдание:

Нас обвиняют в том, что мы принимаем звезды за ангелов. И это обвинение приобрело настолько широкую и настолько скандальную известность, что мы вынуждены со всей серьезностью дать на него ответ. Попытка обойти его молчанием не может быть расценена иначе как признак нашей неискренности и трусости, поскольку наша *предполагаемая ошибка* многократно повторяется как в Писании, так и в нашей теологии. Мы рассмотрим... точку зрения, некогда общепризнанную, а ныне отвергаемую, согласно которой наши **семь основных духов** обладают властью не над семью известными планетами (какое утверждение как раз и вменяют нам в вину), но над семью **основными** планетами², а это совершенно разные вещи³.

---

¹ «St. George for Merry England», by W.M.Braithwaite. «Masonic Monthly», № 2.

² Эти «основные планеты» суть те же самые *мистические планеты* языческих посвященных, только искаженные религиозной догмой и священниками.

³ De Mirville, Des Esprits, etc., vol. II, p. 359-360.

И автор спешит сослаться на авторитет Бабинета — астронома, пытавшегося доказать в статье, опубликованной в «Revue des Deux Mondes» (май 1855 г.), что на самом деле, помимо Земли, мы имели только **семь** больших планет.

«Семь *основных* планет» это еще один шаг к признанию чисто оккультного постулата. Согласно эзотерической доктрине, каждая планета *семерична* по числу своих принципов, так же как и человек. Иными словами, *видимая планета представляет собою физическое тело* звездного существа, *атмой*, или духом которого является Ангел, или Риши, или Дхиан Коган, или Дэва — как бы мы это ни назвали. Любой оккультист сразу же скажет вам, что это учение глубоко оккультно (прочтите хотя бы то, что говорится о строении планет в «Эзотерическом буддизме»). Это подлинный догмат Тайной Доктрины — в чистом виде, если убрать скрывающие его идолопоклоннические наслоения. А то, чему учит, и в особенности то, что *практикует* церковь, есть чистейшая **астролатрия**.

Нет нужды специально останавливаться на расхождении между учением, или теорией, и практикой святой римско-католической церкви. Достаточно будет напомнить читателю всего два слова — «иезуит» и «иезуитство». Дух Истины покинул римскую церковь уже много веков назад (если он, конечно, вообще когда-либо приближался к ней). Протестантская церковь, преисполненная братского духа и любви к своей сестре-церкви, сказала бы на это: «Аминь». А сектант, чье сердце вмещает в себя как любовь к Иисусу, так и ненависть ко всякому ритуализму и к его матери — папской власти, просто усмехнулся бы.

В «A Terrible Indictment»* в адрес протестантов, напечатанном в виде передовицы к «Times» за 7 ноября 1866 г., сказано:

Под влиянием епископов все связанные с теологией исследования неуклонно хирели, пока английские критики Библии окончательно не превратились в объект насмешек для зарубежных ученых. Возьмите работу любого теолога, который намеревается стать настоятелем или епископом, и вы увидите перед собою не беспристрастного исследователя, делающего достоянием гласности результаты своего *честного исследования*, но заправского адвоката, изначально преследующего цель — *изобразить черное белым* в угоду собственной традиционной системе.

И если протестанты не признают «Семерых Ангелов», не воздают им божественные почести и, вследствие этого, не стыдятся и не боятся их имен, в отличие от католиков, то, с другой стороны, они повинны в «*иезуитстве*» иного рода — столь же нелицеприятном. Ибо, непрестанно подчеркивая свою веру в Писание как в исходящее непосредственно от Бога *Откровение*, ни одно слово которого не может быть изменено под страхом вечного проклятия, они трепещут и содрогаются при каждом новом научном открытии, поскольку стараются избежать конфронтации со своим заклятым врагом. Для них геология, антропология, этнология и астрономия являются практически тем же, чем являются Уриил, Саальфиил, Иегудиил и Варахиил для римско-католической церкви, потому что хрен редьки, как известно, не слаще. И поскольку ни та ни другая из двух религий не склонна воздерживаться от проклятий, клеветы и гонений на магию, оккультизм и даже теософию, то будет только справедливым и оправданным, если ученики, постигающие священную науку древности, в конце концов устав от их нападков, бесстрашно выскажут прямо в лица обеим всю правду.

Magna est veritas et praevalabit.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЛАНЕТЫ

Ни одна звезда из мириадом, сияющих на огромном полотне ночного неба, не может состязаться в яркости с планетой Венерой. Ей уступает даже Сириус-Сотис — собачья звезда, возлюбленная Изидой. Венера — настоящая царица всех наших планет, жемчужина в венце нашей Солнечной системы. Эта прекрасная утренняя и вечерняя звезда вдохновляет поэтов и сопутствует одинокому пастырю. Но не будем забывать, что

Звезды не только светят, но и учат,

хотя их тайны до сих пор неведомы большинству людей, включая астрономов. Поистине, они — «и красота, и тайна». Однако, если верить Байрону, «обычно полагают, что там, где тайна, всегда таится зло». Таким образом, извращенное злобой человеческое воображение смогло разглядеть зло даже в этих ясных глазах, глядящих на наш мир сквозь пелену эфира. Следовательно, жертвами клеветы и наговоров могут быть не только отдельные мужчины и женщины, но и целые звезды и планеты. Известно, что репутация и сама судьба человека или группы людей часто приносятся в жертву интересам другого человека или группы людей. И эта несправедливая практика, увы, имеет место не только внизу, на земле, но уже распространилась и на небеса, ибо Венера — сестра

нашей Земли¹ — оказалась принесенной в жертву нашей маленькой планете ради вящего утверждения ее «богоизбранности». Венере была уготована роль козла отпущения, *Азазэля** звездного неба, взявшего на себя грехи Земли, или, вернее, грехи одного из сословий рода человеческого — духовенства, оклеветавшего прекрасное светило с низменной целью: принизив ярчайшую из планет, возвысить себя и укрепить власть над суеверной и невежественной толпой, сделав свое могущество фактически незыблемым.

Это произошло в средние века. И теперь грех лежит у порога христианства — грех его научных вдохновителей, возведших заблуждение в ранг религиозной догмы (что, впрочем, можно назвать скорее правилом, нежели исключением).

В самом деле, весь небесный мир, планеты и их владыки, древние боги поэтического язычества — Солнце, Луна, стихии и все неисчислимое сонмище миров (во всяком случае, те из них, которые были известны отцам церкви) — разделили ту же участь. Их всех оболгали и унизили, руководствуясь одним лишь неукротимым желанием — во что бы то ни стало доказать, что одна маленькая теологическая система, созданная на основе и из исходного материала все того же язычества, является единственно правильной и священной, а все, что предшествовало ей или появилось позже, целиком и полностью ошибочно. Нам предлагают уверовать в то, что Солнце и

---

¹ «Венера — вторая Земля, — утверждает Рейно в «Terre et Ciel», — поскольку если бы между этими двумя планетами было возможно сообщение, то их обитатели могли бы принять их за два разных полушария одного и того же мира... Они смотрятся на небе *как две сестры*. Сходные по своему устройству, эти два мира также напоминают друг друга по своей роли во Вселенной». (De Mirville, Des Esprits, etc., vol. IV, p. 164.)

звезды и даже сам воздух очистились и «спаслись» от первородного греха и сатанинского языческого элемента лишь после 1 г. н.э. Схоластам и схолиастам*, чья природа «не приемлет ни кропотливого исследовательского труда, ни последовательных умозаключений», удалось-таки доказать, на радость непогрешимой церкви, что до Рождества весь Космос находился под властью Сатаны (довольно сомнительный комплимент в адрес Бога!); и христианам пришлось поверить этому под страхом осуждения. Никогда утонченная софистика и казуистика не проявляли столь явственно свое истинное лицо, как в случае с экс-сатанизмом и последующим «спасением» различных небесных тел. И прекрасная, но несчастная Венера пострадала в этой войне с так называемыми божественными аргументами в гораздо большей степени, нежели ее звездные коллеги.

Но в то время как история прочих шести планет — их постепенного преобразования из греко-арийских богов в семитских демонов и, наконец, в «божественные атрибуты *семи очей* Господа» — известна лишь образованным людям, история Венеры-Люцифера уже давно стала домашней притчей чуть ли не во всех, даже самых безграмотных семьях в римско-католических странах.

И все же ради тех, кто, возможно, не знаком с этим разделом астральной мифологии, воспроизведем этот сюжет еще раз.

Венера, которую Пифагор называл за ее неповторимую яркость *sol alter*, не могла не привлекать самого пристального внимания древних теогонистов. Прежде чем Венера стала называться Венерой, в догесиодовской теогонии ее называли Эосфором (или Фосфором) и Геспером, детьми зари и сумерек. Более того, у Гесиода эта планета разделена на два божественных существа. Это два брата: Эосфор (на латыни *Люцифер*) — утренняя звезда, и Геспер — ве-

черная звезда. Они — дети Астрея и Эос, звездного неба и зари, а также Кефала и Эос (Theog., 378-382; Hyginus, Poeticum Astronomicum, II, XLII). Преллер, цитируя Дешарма, называет Фаэтона идентичным Фосфору, или Люциферу (Griechische Mythologie, I, 365). И, ссылаясь на авторитет Гесиода, добавляет, что Фаэтон был сыном все тех же вышеупомянутых божеств — Кефала и Эос.

Когда Фаэтон, или Фосфор, «яркое утреннее светило», был еще юношей, его увезла Афродита (Венера), чтобы сделать ночным сторожем своего святилища (Theog., 986-991). Он был «звездой светлой и утренней» (см.: Отк., XXII, 16), которую возлюбила за яркий свет богиня зари Аврора; постепенно затмевая сияние своего возлюбленного, богиня как бы похищает звезду, чтобы затем снова возвратить ее на вечерний горизонт, где она охраняет небесные врата. Ранним утром Фосфор, «выйдя из вод Океанских, священную в небо возносит главу, дабы всем возвестить света божественного приближенье». (Илиада, XXIII, 226; Одиссея, XIII, 93-94; Virgil, Aeneid, VIII, 589; Decharme, Mythologie de la Grece Antique, p. 247.) С факелом в руке он летит сквозь космос перед колесницей Авроры. А вечером он становится Геспером — «самой прекрасной звездой из всех, что сияют на небе» (Илиада, XXII, 317-318). Он — отец Гесперид, охраняющих вместе с драконом золотые яблоки; прекрасный гений с ниспадающими золотыми локонами, воспетый и прославленный во всех древних *эпиталамах* (свадебных песнях как грековязычников, так и ранних христиан). Когда ночь подходит к концу, он возглавляет свадебный *кортеж*, чтобы доставить новобрачную в объятия ее жениха. (Decharme, Mythologie de la Grece Antique, p. 248.)

Пока, как видим, не заметно никакого сближения и никакой аналогии между поэтической персонифи-

кацией звезды (чисто астрономическим мифом) и *сатанизмом* христианской теологии. Напротив, описание планеты под именем Геспера (вечерней звезды) и тесная связь последнего с греческим эдемским садом и охраняющим его драконом навевают, при наличии достаточной свободы воображения, до боли знакомые ассоциации с третьей главой книги «Бытие». Но этого явно недостаточно для оправданного возведения теологической стены из клеветы и искажений, призванной полностью отделить христианство от язычества.

Но из всех греческих *эвгемеризаций** Люцифер-Эосфор является, возможно, самым сложным для истолкования. У римлян планета стала Венерой, или Афродитой-*Анадиоменой* — рожденной из пены богиней, Божественной Матерью, тождественной финикийской Астарте и еврейской Астарот. Всех их связывали с Утренней Звездой и называли Девами Моря, или *Mar* (отсюда — Мария), Великой Бездны. Все эти титулы применяются ныне римской церковью по отношению к христианской Деве Марии. Все эти древние богини были связаны с луной и полумесяцем, с драконом и планетой Венерой. Но эти же атрибуты относятся и к матери Христовой. И если финикийские мореплаватели, руководствовавшиеся в своих странствиях вечерней и утренней звездой («оком их богини-матери», служившим *им* маяком), укрепляли на носу судов изображения богини Астарты (или Афродиты, Венеры Эрикинии), то разве не то же по сути делают по сей день моряки-католики, устанавливающие на носу кораблей Мадонну — благословенную Деву Марию, именуемую также «Девой Морской»? Признанная покровительница христианских моряков, их звезда — «*Stella Del Mar*»... изображается стоящей на полумесяце. Подобно древним языческим богиням, она тоже «Царица Небесная» и тоже «Утренняя Звезда».

Объясняет это что-нибудь или нет — пусть решает сам читатель. Мы же добавим, что Венера-Люцифер не имеет ничего общего с тьмою, ибо она — свет. Само слово «люцифер» означает «светоносный», подразумеваемая первый направленный луч, разрушающий губительную беспросветность ночи. Когда же планету-звезду назвали Венерой, она превратилась в символ зари, стала целомудренной Авророй. Профессор Макс Мюллер небезосновательно предполагает, что Афродита, рожденная из моря, является персонификацией утренней зари — самого красивого в природе зрелища (*Lectures on the Science of Language*, II, p. 408-409), поскольку до своей ассимиляции греками Афродита была персонификацией Природы, жизнью и светом языческого мира, что подтверждается восторженным обращением Лукреция к Венере, которое цитирует в своем сочинении Дешарм. Это *божественная* Природа во всей своей полноте; *Адити-Пракрити* до того, как она превратилась в Лакшми. Это та Природа, пред величественным и светлым ликом которой «улетают ветры, умиротворенное небо изливает потоки света и улыбаются морские волны» (Лукреций)*.

Когда же ее отождествляли с сирийской богиней Астартой (Иеропольской Астарот), сияющая планета персонифицировалась как величественная женщина, держащая в одной руке факел, а в другой — крестообразный жезл с изогнутым навершием. (См.: Lucian, *De Dea Syria*; Cicero, *De Natura Deorum*, lib. III, cap. XXIII.) Наконец, астрономически планета изображается в виде шара, *установленного на вершине креста* — символа, с которым не пожелал бы соседствовать ни один дьявол; тогда как планета Земля изображается в виде сферы, расположенной *под крестом*.

Но эти кресты никак не могут быть христианскими символами; в них мы видим египетский *крукс*

ансата — атрибут Изиды (Венеры, Афродиты, словом — Природы) или планету ♀. Изображение Земли в виде перевернутого *крукс ансата* † также имеет огромное оккультное значение, на котором, впрочем, нет необходимости останавливаться в настоящий момент.

Что же говорит по этому поводу церковь, и как она объясняет сие «несовместимое сочетание»? Церковь верит в дьявола и, разумеется, не захочет расстаться с ним. «Дьявол — один из основных столпов веры», — нимало не краснея, признается поборник *Ecclesia Militans*¹.

Все александрийские гностики говорят нам о падении эонов* и плером*, и все они связывают это падение с *желанием знать*, —

пишет другой доброволец из той же самой армии, как обычно, клеветца на гностиков и отождествляя *желание знать* (или оккультизм, магию) с сатанизмом². И тут же цитирует текст «Philosophie de l'histoire» Шлегеля, дабы показать, что семь руководителей (планет) «Поймандра»*,

посланные Богом разделить проявленный мир на семь кругов, влюбились в свою собственную красоту³; и это самопоклонение приобрело такие масштабы, что в конце концов привело их к падению.

---

¹ Это слова де Мюссо («Moeurs et pratiques des demons»), и его мнение разделяет кардинал де Вентура. Дьявол, по его словам, «один из самых важных персонажей, чья жизнь теснейшим образом связана с жизнью церкви; без него... грехопадение человека было бы невозможно. Если бы не он [дьявол], то распятый Победитель смерти, Спаситель и Искупитель был бы просто нелепейшим статистом, а Крест превратился бы в насмешку над здравым смыслом». Если это так, то получается, что мы должны быть благодарны бедняге дьяволу.

² Де Мирвиль, восклицающий: «Нет дьявола, нет и Христа».

³ Это еще одна версия мифа о Нарциссе — греческой жертве собственной красоты.

Таким образом, ангелы согрешили, и самое прекрасное из творений Господних «восстало против своего Создателя». Это творение, следуя теологической фантазии, и есть Венера-Люцифер, или, вернее, Дух или Владыка этой планеты, оживляющий ее. Данное учение основывается на следующем рассуждении. Трое главных героев звездной катастрофы, описанной в «Откровении», согласно свидетельству отцов церкви, суть «Verbum, Люцифер, его похититель, и великий Архангел, победивший Люцифера». Их «чертоги» (астрологи называют их «домами») расположены на Солнце, Венере-Люцифере и Меркурии, что совершенно очевидно, поскольку расположение этих небесных тел в Солнечной системе соответствует иерархическому расположению «героев» главы XII «Откровения», а «их имена и судьбы» (?) тесно связаны в теологической (экзотерической) системе «с этими тремя великими метафизическими названиями». (De Mirville, Memoire addressed to the Academy, vol. IV, p. 159-160.)

В результате этого теологического предания, Венера-Люцифер была превращена в сферу и владение падшего архангела-сатаны до его отступничества. А необходимость привести это заявление в соответствие с тем фактом, что метафора «Утренняя Звезда» применяется также и к Иисусу и к его непорочной матери и что планета Венера-Люцифер входит к тому же в число «звезд» семи планетарных духов, коих почитают под другими именами приверженцы римско-католической церкви¹, побудила поборников

---

¹ Знаменитый Храм Семи Ангелов в Риме, построенный в 1561 г. Микеланджело и существующий до сих пор под именем «Церкви Св. Марии Ангельской». В старых римских требниках, отпечатанных в 1563 г. (один или два экземпляра до сих пор хранятся в Палаццо Барберини), описана религиозная служба (*officio*) семи ангелов, а также указаны их *древние* и оккультные имена. То, что «ангелы» являются все теми же языческими пастырями (только под другими именами, ибо

латинских догм и верований выдвинуть следующее объяснение:

Люцифер — завистливый сосед Солнца [Христа] — сказал себе в великой гордыне своей: «Я поднимусь так же высоко, как и оно!» Но Меркурий [Св. Михаил] не дал ему исполнить задуманное, хотя и его сияние тоже затмевают ослепительные лучи Солнца, и даже больше, нежели свет Люцифера; и теперь Меркурий — единственный, кому доверено приближаться к Солнцу и быть стражем славы его. (De Mirville, Des Esprits, etc., vol. IV, p. 160.)

Но если эти учения *теологического* христианства верны, то речь может идти скорее о стражах его «беславия».

Однако здесь не замедлило проявиться раздвоенное копыто иезуита. Рьяный защитник римско-католического демонопоклонства и в то же время поборник культа семи планетарных духов делает вид, что его очень удивляют совпадения, существующие между древними языческими и христианскими *преданиями*, между сказкой о Меркурии и Венере и *исторической правдой* о Св. Михаиле «ангеле лица» — земном двойнике, или *ferouer* Христа. Об этих совпадениях он говорит следующее:

... подобно Меркурию, архангел Михаил — *друг* Солнца, его *ferouer*, можно даже сказать — его Митра, ибо Ми-

---

еврейские имена были заменены греческими и латинскими) семи планет, подтверждается словами папы Пия V в его булле испанскому духовенству, дозволяющей и одобряющей поклонение упомянутым семи звездным духам: «Невозможно переусердствовать в возвеличивании этих *семи владык* мира, *олицетворяемых семью планетами*; отрадно для нашего века взирать на установленное Божьей милостью поклонение этим *семи ярким светильникам* и этим *семи звездам*, вернувшее себе былую славу в христианской республике». (De Mirville, Des Esprits, etc., 2nd Memoire addressed to the Academy; ch. «Les Sept Esprits et l'histoire de leur culte», vol. II, p. 357-358.)

хаил — *психопомпический* гений, провожающий отлетевшие от тел души в предназначенные для них обитатели, и, подобно Митре, он — *известный противник демонов*. (De Mirville, Des Esprits, etc., vol. IV, p. 160.)

В качестве подтверждения процитированного выше вывода приводится недавно обнаруженная (Хвольсоном) книга *набатеев**, в которой зороастрийский Митра назван «*великим недругом планеты Венеры*»¹. (De Mirville, Des Esprits, etc., vol. IV, p. 160.) В этом что-то есть. Какое откровенное признание абсолютного тождества небесных персонажей, а также наличия *заимствований* из самых разных языческих источников! Весьма любопытное, хотя и несколько бессовестное. Как в более древней маздеистской аллегории Митра завоевывает планету Венеру, так и в христианской традиции Михаил поражает Люцифера и оба победителя получают в качестве боевого трофея планету побежденного божества.

Митра владел в древние времена [сообщает Деллингер] звездой Меркурий, расположенной между Солнцем и Луной, но затем получил планету побежденного и с момента своей победы отождествляется с Венерой. (Paganisme et Judaisme, vol. II, p. 109.)

В христианской традиции, — добавляет ученый маркиз Мирвиль,

...Св. Михаилу были дарованы на *Небесах трон и чертог поверженного им врага*. Более того, подобно Меркурию — [*демоно-*]богу, коему в золотые для него времена язычества были посвящены все мысы на земле, *в нашей религии Архангел является святым покровителем все тех же мысов*. (De Mirville, Des Esprits, etc., vol. IV, p. 160, 162.)

А это значит (если это вообще хоть что-нибудь да значит), что *сейчас* (по крайней мере) Люцифер-

---

¹ Геродот свидетельствует об идентичности Митры и Венеры; фраза из «The Book of the Nabathean Agriculture»*, очевидно, была неверно истолкована.

Венера является *священной* планетой, не имеющей ничего общего с Сатаной, коль скоро ее законным наследником стал Св. Михаил.

Следом за вышеупомянутой ремаркой идет достаточно хладнокровный вывод:

Очевидно, что язычество *использовало* [причем *намного раньше*], и довольно умело, все основные черты и характеристики князя лица *Господня* [Михаила], применив их к *Меркурию*, египетскому *Гермесу-Анубису* и гностическому *Гермесу-Христу*. Каждый из них исполнял функции первого божественного советника и считался богом, ближе всех стоявшим к солнцу, *quis ut Deus*. (De Mirville, Des Esprits, etc., vol. IV, p. 160.)

Уточним только, что это Св. Михаил позаимствовал со временем все указанные титулы и атрибуты. Это добрые отцы церкви и мастера-масоны из храма *церковного* христианства хорошо знали, как использовать языческий материал для своих новых догматов.

Достаточно изучить некоторые египетские *картунши*, на которые указывал еще Розеллини («Египте», vol. I, p. 283), чтобы обнаружить в них Меркурия (двойника Сириуса в нашей Солнечной системе) под именем Сотис, коему неизменно предшествуют такие титулы, как «*sole*» и «*solis custode, o sostegno, dei dominati... il forte, grande dei vigilantissimi*» — «страж солнца, охранитель царств и сильнейший из всех неуспяно бодрствующих». Все эти эпитеты и атрибуты связываются ныне с Архангелом Михаилом, унаследовавшим их от *демонов* язычества.

Более того, те, кто бывал в Риме, могут подтвердить удивительный факт присутствия в Ватикане статуи Митры в качестве одного из известнейших христианских символов. Для мистиков это предмет особой гордости. Они усматривают

...в его львиной голове и орлиных крыльях, присущих храброму Серафиму, повелителю пространства

[Михаилу]; в его кадуцее, копьё, в двух обернувшихся вокруг него змеях борьбу доброго и злого начал, а в двух ключах, которые упомянутый Митра держит, подобно Св. Петру, — ключи, которыми Серафим-покровитель последнего открывает и закрывает Небесные врата, *astra cludid et recludid*. (De Mirville, Des Esprits, etc., vol. IV, p. 162.)

Подводя итог вышесказанному, мы можем утверждать, что теологический роман о Люцифере основан на различных мифах и аллегориях языческого мира и что это — не переданная через *откровение* догма, но чисто человеческое изобретение, призванное поддержать суеверие.

Меркурий является одним из *приближенных* к Солнцу или египетских *кинокефалов* (дословно — *сторожевых псов Солнца*); другим является *Эосфор* — самая яркая из планет, «*qui mane oriebaris*», рано встающая, или по-гречески — ὀρθρινός. Она идентична *Амону-Ра*, египетскому светоносцу, и называется всеми народами «*вторым порождением света*» (первое — Меркурий), началом его (Солнца) путей мудрости (Архангела Михаила также называют *principum viarum Domini*).

Так чисто астрономическая персонификация, основанная на оккультном значении, которое, похоже, никто за пределами сферы восточной мудрости так и не смог разгадать, превратилась в религиозную догму, неотъемлемую часть христианского откровения. Но неуклюжая замена персонажей явно не в состоянии убедить людей вдумчивых в том, что в одну и ту же троицу могут входить, с одной стороны, Слово или Иисус, Бог и Михаил (с дополняющей их иногда Пречистой Девой) и, с другой стороны, Митра, Сатана и Аполлон-Абаддон (и все это исключительно по прихоти и собственному почину римско-католических комментаторов). Если Меркурий и Венера (Люцифер) являются (в астрономиче-

ском плане, благодаря их орбитам и расположению относительно Солнца) символами Бога-Отца, Сына и их викария Михаила — Победителя Дракона в христианском предании, то как же мы можем называть Аполлона-Абаддона — Повелителя Бездны, Люцифера, Сатану или Венеру демонами и дьяволами? И если нам говорят, что победитель или Меркурий-Солнце, или тот же Св. Михаил из «Откровения», получил в награду за свой подвиг имущество поверженного ангела, а именно — его планету, то почему позор и посрамление до сих пор должны преследовать очищенное таким образом светило?

Люцифер стал теперь «Ангелом Лица Господня»¹, поскольку «это лицо отражается в нем». А по нашему мнению — прежде всего потому, что поток солнечных лучей, отражаемых поверхностью Меркурия, в семь раз интенсивнее того, что достигает нашей Земли, и вдвое сильнее светового потока, освещающего поверхность Люцифера-Венеры.

Таким образом, у христианского символа снова обнаруживается астрономическое происхождение. Однако и с астрономической, и с мистической, или символической, точки зрения Люцифер так же безупречен, как и любая другая планета. И выдвигать в качестве доказательства его демонической природы и тождества с Сатаной очертания полумесяца Венеры, напоминающие отломанный рог, — форменная чушь. А связывать это явление с «мистическим драконом» из «Откровения» и его рогами,

---

¹ «Как в библейской, так и в языческих теологиях, — говорит де Мирвиль, — у Солнца есть свой бог, свой защитник и свой святотатственный узурпатор; иными словами — свой Ормузд, своя планета Меркурий [Митра] и свой Люцифер-Венера [или Ахриман] — планета, отнятая у своего древнего владельца и переданная своему победителю». (De Mirville, Des Esprits, etc., vol. IV, p. 164.) Следовательно, Люцифер-Венера сейчас — снова *святая* планета.

«один из которых оказался отломанным»¹, как это утверждают два французских демонолога — маркиз де Мирвиль и шевалье де Мюссо, поборники воинствующей церкви, и надеяться, что современный читатель — читатель второй половины нынешнего столетия — поверит в это, равносильно оскорблению общественного вкуса.

И кроме того, у дьявола не было никаких рогов вплоть до IV века христианской эры. Это чисто патристическое изобретение, вызванное стремлением связать бога Пана и языческих фавнов и сатиров с сатанинским преданием христианства. Демоны язычества были такими же безрогими и бесхвостыми, как и сам Архангел Михаил в представлении своих почитателей. В языческом символизме «рога» были признаком божественной власти и творческих способностей, а также символом плодородия в природе. Отсюда бараньи рога Амона, Бахуса и Моисея на древних изображениях, коровьи рога у Изиды и Дианы, и т.д., и т.п., и даже у самого Господа Бога пророков Израиля. Ибо Аввакум свидетельствует о том, что «избранному народу» этот символизм был так же близок, как и язычникам. В главе III, 3-4, этот пророк говорит о «Святом — от горы Фаран» и о Господе Боге, «от Фемана грядущем», добавляя, что «блеск [Его славы] — как солнечный свет», а «от руки Его лучи (рога), и здесь тайник Его силы».

И наконец, прочитав текст «Книга пророка Исаии» в его еврейском оригинале, можно убедиться в том, что в главе XIV, 12, речь идет вовсе не о Люцифере, но просто о «яркой звезде»* — הילל, Хиллель. И невозможно не удивляться тому, что даже об-

---

¹ В «Откровении» ничего не сказано об «отломанных рогах» дракона, но в главе XIII, 3, Иоанн просто говорит, что видел, «что одна из голов его как бы смертельно была ранена». Иоанн и его поколение вообще ничего не знали о «рогатом» дьяволе.

разованные люди конца нашего столетия настолько невежественны, что до сих пор связывают ярчайшую из планет (равно как и многие другие объекты и явления в природе, по аналогичным причинам) с **ДЬЯВОЛОМ!**¹

---

¹ Еврейский оригинал этого фрагмента звучит так: «*Аик Нафалта Ми-Шамаим Хиллель Бен-Шахар Нигдата Ла-Арец Холеш Ал-Гоум*», что значит: «Как упал ты с небес, Хиллель, Сын Зари, как был сброшен ты на землю — ты, попиравший народы». Здесь словом «Люцифер» переводится слово ללל, *Хиллель*, означающее — «сияющий ярко или в славе». Но также очевидно и то, что, благодаря игре слов, которой так подвержен еврейский язык, глагол *хиллель* можно перевести и как «выть» и отсюда, путем несложной деривации, вывести, что *хиллель* может означать также «воющий» и в данном случае обозначать дьявола (хотя вряд ли кто-то может похвастать тем, что самолично слышал, как эта тварь «выла», если она вообще способна на такое). В своем «Еврейско-английском словаре» (статья לל) Джон Паркхерст сообщает: «В сирийском переводе этого фрагмента так и написано — ללל «выть», и даже *Иероним* сообщает по указанному поводу, что данное слово буквально означает «выть»... «Следовательно, — говорит *Михаэлис* (Michaelis), — я перевожу: **Вой, Сын Зари**», то есть — ты, звезда первой величины». Но в таком случае великий еврейский мудрец и реформатор Хиллель тоже может быть назван «воющим» и связан с дьяволом!

ЕСТЬ ЛИ ДУША У ЖИВОТНЫХ?

I

Вечно обгаренная кровью, Земля есть не что иное, как огромный алтарь, на котором все живое приносится в жертву — неизменно, непрестанно...

*Comte Joseph De Maistre
«Soirees de Saint-Petersbourg»*

Западные народы любят подвергать осмеянию (даже не разобравшись в них как следует) всевозможные «застарелые религиозные предрассудки» Востока; но, пожалуй, ничто не вызывает у них такого презрения и ехидства, как огромное уважение, испытываемое обитателями Востока к животной жизни. Разумеется, пожиратели *плоти* не могут симпатизировать тем, кто исповедует полный отказ от мясной пищи. Мы — европейцы — остаемся, по сути дела, цивилизованными варварами, коих отделяют от их пещерных предков, высасывавших кровь и мозг из сырых костей, всего лишь несколько тысячелетий. И не приходится удивляться тому, что тех, кто столь дешево ценит даже человеческую жизнь, устраивая частые и почти всегда чудовишно несправедливые войны, оставляют совершенно равнодушными смертные муки бессловесных тварей, равно как и каждодневное жертвоприношение мил-

лионов безвинных и абсолютно безвредных жизнью (ибо мы слишком большие эпикурейцы, чтобы вкушать тигриные бифштексы или котлеты из крокодила; нет, нам подавай нежную плоть ягненка и златоперого фазана). Иного и нельзя было ожидать в нашу эпоху пушек Круппа и ученых вивисекторов. Неудивительно и то, что «мужественный» европеец смеется над мягкосердечным индусом, содрогающимся при одной только мысли об убийстве коровы, и демонстрирует полное непонимание философии буддистов и джайнов с их трепетным отношением к любой форме чувственной жизни — от слона до комара.

Но если мясоедение действительно могло стать жизненной необходимостью — «аргумент тирана»! — для западных народов и бесчисленные жертвы по необходимости должны каждодневно возноситься по всем городам и весям цивилизованного мира на алтарь божества, осужденного Святым Павлом, но по-прежнему почитаемого теми, «чей Бог — их собственный желудок»; если все это (и не только это) — неизбежные реалии нашего «железного века», то какие оправдания может иметь убийство ради развлечения? Рыбная ловля, охота и прочий жестокий спорт, составляющий одно из самых популярных «развлечений» цивилизованной жизни, безусловно, является наиболее предосудительным занятием с точки зрения оккультной философии и великим грехом в глазах последователей религиозных систем, непосредственно исходящих из эзотерической доктрины — индуизма и буддизма. И почему последователи этих двух, в настоящее время древнейших в мире, религий именуют всех животных — от млекопитающих до наимельчайших насекомых — своими «меньшими братьями», чем неизменно вызывают насмешки европейцев? Этот вопрос будет подробно рассмотрен ниже.

Какими бы преувеличенными ни казались мои опасения, все-таки мало кто из нас действительно представляет себе, какие душераздирающие сцены происходят каждое утро на бесчисленных скотобойнях так называемого цивилизованного мира, а также каждодневно разворачиваются в сезон охоты. Первый солнечный луч еще не успел пробудить дремлющую природу, а во всех уголках земли мириады гекатомб уже готовы возгореться, салютуя восходящему светилу. Никогда еще языческий Молох не услаждал свой слух столь многоголосым воплем своих агонизирующих жертв, как сейчас, слушая горестные крики, доносящиеся из всех христианских стран, подобно нескончаемому гимну страданиям природы, — каждый день и целый день с утра и до вечера. В древней Спарте — чьи суровые граждане не иронизировали тем не менее по поводу благородных побуждений человеческого сердца — мальчика, уличенного в истязании животных ради собственного удовольствия, приговаривали к смерти, полагая, что его природа слишком испорчена, чтобы позволить ему жить дальше. Но в цивилизованной Европе, стремительно прогрессирующей во всех отношениях, кроме христианских добродетелей, *сила* по-прежнему остается синонимом *правды*.

Абсолютно бессмысленное и безжалостное истребление огромного множества животных и птиц исключительно ради забавы, пожалуй, нигде не практикуется с таким рвением, как в протестантской Англии, где милосердное учение Христа, похоже, не сделало сердец ее обитателей ни на йоту мягче, чем во времена Нимрода — «могучего охотника перед лицом Господа». Христианская этика с такой же легкостью поддается парадоксальным силлогизмам, как и языческая. Один «спортсмен» как-то сказал автору этих строк, что, коль скоро «даже воробей не упадет на землю, если не будет на то воли Отца

Нашего», то каждый, кто ради спортивного интереса подстрелил сотню воробьев, сто раз исполнил таким образом волю своего Отца!

Так и без того унылый жребий бессловесных тварей стократ усугубляется руками человека, превращаясь в неумолимый рок. Похоже, что *разумная* душа человека специально создана для того, чтобы стать убийцей *неразумной* души животного — в самом прямом смысле, ибо христианская доктрина учит нас, что *душа животного умирает вместе с его телом*. Или, может, легенда о Каине и Авеле имеет двойное значение? А вот и еще один позор нашего просвещенного века — научные живодерни, именуемые «вивисекционными лабораториями». Зайдите в одно из таких заведений в Париже и посмотрите, как делает свое страшное дело Поль Берт или кто-нибудь еще из этой братии, справедливо прозванной «учеными мясниками из института». Мне же достаточно будет всего лишь перевести весьма убедительное описание, оставленное очевидцем этого процесса — известным французским сочинителем, доподлинно изучившим *modus operandi* этих «заплечных дел мастеров»:

Вивисекция — это то, чем промышляют научные живодерни, где применяются *пытки*, с профессиональной аккуратностью организованные мясниками-академиками. Ткани и мышцы одной и той же жертвы могут подвергаться жесточайшим пыткам днями, неделями и даже месяцами. При этом применяются самые разнообразные орудия и присутствует бесстрастная аудитория, задача которой — наблюдать и анализировать происходящее; каждое утро назначаются до десятка помощников, между которыми распределяются «обязанности»: один *работает* с глазом, другой — с лапами, третий — с мозгом, четвертый — с костной тканью и т.д. Только к вечеру, после целого дня напряженных трудов, их пока еще неопытные руки расправляются наконец с живою плотью, доверенной их попечению. Результаты их трудов акку-

ратно складировать в подвале, чтобы на следующее утро снова заняться ими, если только дыхание жизни и чувствительность еще не покинули несчастную жертву! Мы знаем, что сторонники закона Граммонта пытались восстать против этой мерзости; но Париж оказался в этом отношении несговорчивее Лондона и Глазго. (De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. VI, p. 160-161).

А ведь эти джентльмены очень горды собой и похваляются *великой* целью, которую они преследуют, и *великими* тайнами, которые они раскрывают. «Нелепость и ложь!» — восклицает тот же самый автор.

Что касается раскрытых ими секретов, то, за исключением локализации нескольких церебральных функций и некоторых способностей, им по праву принадлежит только один секрет — секрет *бесконечной пытки*, пред которым жуткий естественный закон *автофагии* (взаимного пожирания), ужасы войны, кровавое увеселение охоты и страдания животных под ножом мясника — ничто! Слава нашим ученым мужам! Они превзошли все прежние достижения в пыточном ремесле, навеки утвердив за собою неоспоримое звание магистров боли и отчаяния! (De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. VI, p. 161).

Оправданием для мясоедения, убийства и даже узаконенных пыток животных (например, все той же вивисекции) обычно служит стих или два из Библии, превратно истолкованные и искаженные так называемой схоластикой, представленной Фомой Аквинским. Даже де Мирвиль, всегда защищающий права церкви, называет эти тексты —

...библейскими поблажками, *вырванными у Бога* после потопа наряду со многими другими, человеческой слабостью. (De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. VI, p. 161).

Как бы то ни было, эти тексты полностью опровергаются другими фрагментами из той же самой Библии. Мясоеды, охотники-спортсмены и даже вивисекторы (конечно, если в числе последних есть такие, кто верит в акт творения и Библию) обычно

цитируют, оправдывая свои действия, тот стих из книги «Бытие», где Бог дарует *дуальному* Адаму власть «над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (I, 28); христиане понимают это так, что им дана власть над жизнью и смертью каждого животного на планете. На это гораздо более философичные брахманы или буддисты могут возразить: «Во все нет. Эволюция начинает формировать будущее человечество на гораздо более ранних, нижестоящих уровнях бытия. Поэтому убивая животное или даже насекомое, мы тем самым задерживаем прогресс существа, направляющегося к своей конечной естественной цели — **человеку**»; а тот, кто изучает оккультную философию, добавит от себя: «Аминь» — и уточнит, что при этом замедляется не только эволюция убиенного существа, но и процесс формирования следующей, более совершенной человеческой расы.

Какая же из спорящих сторон права, чьи аргументы более логичны? Ответ на этот вопрос зависит прежде всего от собственных убеждений того, кто намерен стать посредником в этом споре. Если он верит в так называемый акт творения, то на прямой и конкретный вопрос: «Почему убийство человека рассматривается как наитягчайший грех против Бога и природы, и в то же время убийство миллионов живых существ — это просто спорт?» — он наверняка ответит: «Потому что Бог создал человека по собственному образу и подобию, вследствие чего взор человеческий *обращен ввысь*, к своему Отцу и к своей колыбели — небесам (*os homini sublimē dedit*)*, в то время как животное смотрит *вниз*, на свою земную колыбель; ибо Бог сказал: “...да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их” (Быт., I, 24)». И опять же «потому, что человеку дарована бессмерт-

ная душа, а бессловесная тварь лишена бессмертия — даже краткого посмертного существования».

На это любой чистосердечный наблюдатель мог бы возразить, что, если авторитетом в этом деликатном споре признается Библия, то в ней нет ни малейшего намека на то, что человек имеет больше оснований претендовать на небесное происхождение, нежели любое пресмыкающееся животное — как раз напротив; ибо в той же книге «Бытие» мы читаем, что Бог, сотворив «человека» и благословив «их» (I, 27-28), точно так же сотворил «рыб больших» и «благословил их» (I, 21-22). Более того, «создал Господь Бог человека из праха земного» (II, 7); а что есть «прах», как не измельченная земля? Соломон — царь и проповедник — безусловно признается авторитетным и самым мудрым из всех библейских пророков; и тех истин, которые он излагает в своем «Екклесиасте» (гл. III), уже достаточно для того, чтобы окончательно и бесповоротно закрыть эту спорную тему. «Сказал я в сердце своем о сынах человеческих... чтобы они видели, что они сами по себе — животные» (III, 18); «...что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна... и нет у человека преимущества пред скотом...» (III, 19); «Все идет в одно место; все произошло из праха, и все возвратится в прах» (III, 20); «*Кто* знает: дух сынов человеческих восходит ли *вверх*, и дух животных сходит ли *вниз*, в землю?» (III, 21).

И в самом деле — «кто знает»? Во всяком случае, не наука и не «школа богословия».

Если бы целью этой статьи была проповедь вегетарианства, то подтвердить его необходимость на основании Библии или Вед не составило бы труда. Ибо если не подлежит сомнению то, что Бог даровал *дуальному* Адаму — «мужчине и женщине» из главы I книги «Бытие», мало чем напоминающему нашего предка-подкаблучника из главы II, — власть

«над всяким животным»; то равным образом очевидно, что «Господь Бог» нигде и никогда не приказывал Адаму или кому-то еще из людей пожирать живых тварей или уничтожать их из спортивного интереса. Как раз наоборот. Ведь, говоря о растительном царстве и о «плоде древесном, сеющем семя», Бог абсолютно ясно указывает: «Вам [людям] сие будет *в пищу*» (I, 29).

Эту истину настолько живо восприняли ранние христиане, что на протяжении первых столетий они даже не притрагивались к мясу. Вот, что Тертуллиан пишет Минуцию Феликсу в «Octavius»*:

... Нам не дозволено смотреть и даже слушать рассказы (*novere*) о смертоубийстве человеческом — нам, христианам, *отказывающимся вкушать блюда, к коим может быть примешана кровь животных.*

Однако автор вовсе не ставит себе целью пропаганду вегетарианства, но лишь защищает «права животных» и пытается показать ошибочность грубого попрания этих прав на основании авторитета Библии, хотя и понимает, что спорить с теми, кто строит свои доводы на неправильных интерпретациях библейского текста, — дело заведомо безнадежное. Тому, кто отвергает учение об эволюции, никогда не удастся избавиться от затруднений; но он все равно ни за что не признает, что гораздо более логичным и правдоподобным было бы признать физического человека всего лишь признанной вершиной животного мира, а *очеловечивающее* его духовное Эго — промежуточным принципом между душой животного и божеством. Бесполезно убеждать его в том, что он ни за что не отыщет ключ к истине, пока не примет и не признает помимо тех библейских стихов, которые оправдывают его действия, всю массу противоречащих им высказываний и *кажущихся* несоответствий; ибо он все равно не поверит. И все-таки Библия напол-

нена состраданием к человеку и милосердием и любовью к животным.

Примером тому может служить оригинальный еврейский текст из главы XXIV книги «Левит». Хотя перевод 18-го стиха этой главы звучит так: «Кто убьет скотину, должен заплатить за нее, скотину за скотину», в оригинале написано не «скотину за скотину», но «жизнь за жизнь» или, точнее, — «душу за душу», *нефеш тахат нефеш*¹. И если суровость закона в данном случае не доходит, как в Спарте, до убийства «души» человека за «душу» животного, все-таки, даже возместив убитую душу живой душой, преступник должен был понести дополнительное наказание, достаточно строгое.

Но и это еще не все. В книге «Исход» (XX, 10 и XXIII, 11-12) говорится о том, что отдыхать в день шаббата должны не только люди, но и животные. «А день седьмой — суббота... не делай в оный никакого дела ни ты... ни скот твой»; также и в саббатический *год*: «...в седьмой [год] оставляй ее (землю) в покое...», «...чтобы отдохнул вол твой и осел твой...». Эти заповеди, если они хоть что-то значат, доказывают, что даже бессловесным тварям древние евреи не возбраняли поклоняться их божеству и что во многих случаях животные ставились наравне с самим человеком. Вся проблема заключается в том, что «душа», *нефеш*, ошибочно воспринимается как нечто отдельное от «духа» — *руах*, хотя в Библии ясно сказано, что «Бог... вдунул в лице (через ноздри) его *дыхание жизни*, и стал человек душою живою», *нефеш* — не больше и не меньше, чем то же животное, душа которого называется так же — *нефеш*. Лишь благодаря дальнейшему развитию *душа* превращается в *дух*, являющий собою следующую

---

¹ Сравните, насколько отличаются друг от друга переводы этого стиха в «Вульгате»* и в текстах Лютера и де Ветте.

(в сравнении с душой) ступень той же самой лестницы, в основании которой лежит **вселенская душа** или дух.

Это заявление наверняка озадачит многих благонамеренных мужчин и женщин, которые — как бы ни любили они своих кошек и собачек — слишком привязаны к учениям своих церквей, чтобы позволить себе признать подобную ересь. Уверена, что они в один голос воскликнут: «Как?! *Неразумная* душа собаки или лягушки имеет ту же божественную и бессмертную природу, что и наша собственная?»; и все-таки это — факт. И утверждает оный не только автор данной статьи, но и такой авторитетный для каждого христианина персонаж, как король проповедников — Святой Павел. Наши оппоненты, столь презрительно относящиеся ко всем заявлениям современной и эзотерической науки, возможно, с большим уважением воспримут слова своего собственного святого апостола на сей счет. Тем более что самую верную интерпретацию им дал не теософ и не оппонент оногo, но опять-таки добрый и набожный христианин — еще один святой, одинаково почитаемый служителями как римско-католической, так и протестантской церкви — Иоанн Златоуст. Это он объяснил и прокомментировал Послания Павла.

Христиане уже поняли, что экспериментальная наука не на их стороне; но, пожалуй, их еще больше разочарует то, что даже индусы не могут похвастать таким же трепетным отношением к животным, какое демонстрирует Святой Павел в своем «Послании к Римлянам». Индусы требуют гуманного отношения к бессловесным тварям на основании учения о переселении душ и проистекающего из него вывода об идентичности принципа, или элемента, оживляющего как человека, так и животное. Но Святой Павел идет еще дальше: он утверждает (Рим., VIII, 21), что животные *живут с надеждой на освобождение*

«от рабства тлению» так же, как и любой добрый христианин. Точная цитата этого стиха из Послания великого апостола и философа будет приведена в настоящем очерке ниже, когда придет время раскрыть его истинное значение.

Тот факт, что многие интерпретаторы — отцы церкви и схоласты — старались уклониться от выявления истинного значения текстов Святого Павла, еще не доказывает, что этот потаённый, внутренний смысл отсутствует вовсе, но скорее является свидетельством неискренности теологов, на чьей непоследовательности следует остановиться особо. Некоторые готовы до конца отстаивать свои теории, невзирая на их очевидную несостоятельность. А те, кто смог признать свои прежние заблуждения подобно Корнелию Лапиду, приносят бедным животным свои *amendes honorables*. Рассуждая о роли в великой драме жизни, предопределенной природой для животных, Корнелий заявляет:

Назначением всех тварей является служение человеку. Поэтому они ожидают своего обновления вместе с ним [своим хозяином] (*cum homine renovationem suam expectant*). (Comment. Apocal., ch. V, p. 137).

Разумеется, «служение» человеку вовсе не означает, что животных можно пытаться, убивать без всякой необходимости и подвергать разного рода мучениям; а смысл слова «обновление» практически не нуждается в пояснениях. Христиане понимают под обновлением восстановление тела после второго пришествия Христа и ограничивают его человеком, исключая из претендентов на обновление животных. Те же, кто изучает Тайную Доктрину, видят в нем последовательную серию возвращений, направленных на совершенствование формы как на объективном, так и на субъективном уровне существования, длинную цепь эволюционных трансформаций — от животного к человеку и далее.

Разумеется, последнее утверждение также с негодованием будет отвергнуто христианами. И нам скажут, что смысл Писания всегда истолковывался иначе; что ничего подобного в Библии нет да и быть не может. Бессмысленно спорить на эту тему. То, что люди благоговейно называют «Словом Божиим», уже не раз подвергалось ошибочным интерпретациям, и печальные последствия этих недоразумений хорошо известны. Одна лишь фраза: «проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих» (Быт., IX, 25) — послужила причиной многолетних бедствий и незаслуженных страданий несчастных негров-рабов. Главным же противником аболиционизма* долгое время оставалось американское духовенство, оставившее свою правоту *с Библией в руках*. А ведь уже давно доказано, что рабство — причина постепенного упадка любой страны. Даже гордый Рим пал из-за того, что «большинство в древнем мире составляли рабы», как справедливо отмечает Гейер.

И все же ошибочные интерпретации Библии во все времена настолько глубоко въедались в мозг даже самых лучших, самых интеллигентных представителей христианства, что даже один из величайших поэтов христианского мира — Мильтон, отстаивая право человека быть свободным, как видно, напрочь отказывает в этом праве бедным животным:

Бог лишь над птицей, рыбой, зверем бессловесным
Власть дал нам полную; и это право мы
Вершим Его веленьем. Но не сделал
Он человека человеку господином;
Лишь для Себя оставив это право.
Все люди пред лицом Его — равны¹.

Но убийства и прочие «злоупотребления» не могут не создавать ощущения неправоты — неизбежной в тех случаях, когда неверные умозаключения

---

¹ Paradise Lost, Book XII, lines 67-71.

привлекаются в качестве аргумента в заранее пред-
решенном деле. И это несоответствие между посыл-
ками и заключениями, наличными фактами и из-
влекаемыми из них выводами вкладывает в руки
сторонников восточного *филозоизма** мощное оружие,
с помощью которого они могут разбить даже самые
хитроумные аргументы своих критиков.

Автор настоящего очерка также хотела бы пролить
некоторый свет на эту в высшей степени серьезную
и интересную проблему. Римско-католические писа-
тели, желая доказать подлинность множества исто-
рий о чудесных воскрешениях животных, произве-
денных их святыми, тем самым превратили эту тему
в предмет нескончаемых дебатов. «Душа, заключен-
ная в животном, — по мнению Боссюэ, — есть са-
мая важная и самая сложная из всех философских
проблем».

В связи с явным несоответствием этих историй
церковному учению о том, что животные, хотя и не
совсем бездушны, не имеют *вечной* или бессмертной
души и оживляющий их принцип умирает вместе с
телом, небезынтересно будет узнать, как же ученые-
схоласты и священнослужители примиряют сие ут-
верждение с другим — доказывающим, что чудесное
воскрешение животных все же возможно.

Несмотря на ограниченность объема и, следова-
тельно, возможностей очерка (подробный обзор за-
нял бы целые тома), автору хотелось бы, наглядно
продемонстрировав несостоятельность схоластических
и теологических интерпретаций Библии, убедить чи-
тателя в том, что убийство животного — особенно
ради развлечения или вивисекции — есть тяжкое
преступление. И прежде всего следует остановиться
на том, что, несмотря на всю невообразимость тех-
нологии воскрешения людей или животных после
того, как жизненный принцип навсегда отлетает от
их физических оболочек, если такое воскрешение все

же возможно, то оно должно быть равно возможным как для человека, так и для животного. Иными словами: либо то, что мы столь вольно именуем «душой», даровано природой как людям, так и животным; либо и те, и другие вовсе ее лишены.

II

Что за химера этот человек! Какой невероятный сумбур, какое нагромождение противоречий! Называет себя мерилом всех вещей, хотя сам — всего лишь жалкий земляной червь! Огромноеместилище истин и в то же время вечный пленник неопределенности! Слава и позор вселенной!

Паскаль

Перейдем теперь к представлениям христианской церкви о природе души животного. Попробуем понять, как она примиряет свои сообщения о воскрешении мертвых животных с собственным утверждением, что душа животного умирает вместе с его телом; поговорим также о некоторых чудесах, связанных с животными. Но, прежде чем нанести эгоистичным представлениям христианства, приведшим ко многим несправедливостям и жестокостям по отношению к животному миру, решительный и окончательный удар, необходимо, чтобы читатель ознакомился с теми сомнениями, которые одолевали еще отцов церкви, когда они пытались дать правильную интерпретацию словам Святого Павла на эту тему.

Забавно, как карма заставила двух самых неутомимых защитников католической церкви — месье де Мюссо и маркиза де Мирвиля, из сочинений которых заимствовано несколько приводимых в данной статье описаний вышеупомянутых чудес — невольно создать оружие, ныне направленное

против их искренних, но все же не совсем верных убеждений¹.

День неизбежного великого сражения между креационистами*, или христианами и всеми, кто верит в так называемый акт творения и персонифицированного бога, и эволюционистами*, то есть индусами, буддистами, разного рода вольнодумцами и, наконец, но не в последнюю очередь, большинством ученых, уже недалек; и потому нелишним будет еще раз вспомнить и коротко изложить позицию как тех, так и других.

1. Христианский мир настаивает на своем праве распоряжаться жизнью животного, основывая свои претензии на: а) упомянутых выше библейских текстах и их последующих схоластических интерпретациях; б) предполагаемом отсутствии у животных души, аналогичной божественной или человеческой: человек продолжает жить после смерти, животное — нет.

2. Восточные эволюционисты, основывая свои выводы на авторитете великих философских систем, утверждают, что убийство всякого живого существа (по причинам, изложенным на предыдущих страницах) есть грех против эволюционного продвижения и трудов природы.

3. Западным эволюционистам, вооруженным новейшими достижениями науки, нет никакого дела ни до христиан, ни до язычников. Некоторые ученые верят в эволюцию, а некоторые — нет. Но в одном, по крайней мере, они вполне солидарны, а именно в том, что физическое, точное исследование не дает никаких оснований полагать, что человек имеет

---

¹ Справедливости ради следует признать, что де Мирвиль первым признал заблуждение церкви в данном вопросе и попытался — насколько ему хватило сил и смелости — встать на защиту животных.

больше шансов оказаться обладателем бессмертной, божественной души, нежели, скажем, его собака.

Таким образом, если азиатские эволюционисты обращаются с животными так, как им предписывают их научные и религиозные убеждения, ни христианская церковь, ни материалистические школы так и не выработали традицию конкретного практического применения для своих теорий. Первые, утверждая, что каждое живое существо было расчетливо и намеренно создано Богом (так же, как, возможно, и каждый человеческий младенец) и потому с момента своего рождения и до самой смерти находится под неусыпной опекой мудрого и доброго Провидения, в то же время наделяют низшие создания одной лишь временной, смертной душой. Последние, называя и человека, и животное одинаково бездушными порождениями некоей до сих пор не открытой природной силы, на практике почему-то возводят между ними непреодолимую стену.

Человек науки — наиболее убежденный материалист — приходит в ужас от одной только мысли о нанесении какого-либо увечья своему собрату-человеку (не говоря уже о том, чтобы замучить его до смерти), но при этом без всяких содроганий учиняет вивисекцию над живым животным. Среди этих великих материалистов (несмотря на то, что многие из них все-таки склонны считать себя людьми религиозными) вряд ли можно найти таких, кто мог бы последовательно и логично определить истинный моральный статус животного на этой планете и диапазон человеческих прав над ним.

Теперь необходимо привести несколько примеров, подтверждающих истинность вышеприведенных заключений. Рассчитывая на достаточно высокий уровень культуры своего читателя, я могу заранее утверждать, что многие авторитеты, здесь цитируемые, хорошо ему знакомы, вследствие чего достаточным

будет ограничиться кратким изложением сделанных ими выводов (начав со священнослужителей).

Как уже было сказано, церковь настаивает на *подлинности* чудес, производимых ее святыми. Среди множества подобных сверхъестественных проявлений мы изберем только те, которые имеют непосредственное отношение к нашей теме, а именно — чудесные воскрешения мертвых животных. Как мы видим, те, кто наделяет человека бессмертной душой, независимой от тела, которое она оживляет, готовы с легкостью уверовать в возможность возвращения души — вследствие какого-то божественного чуда — в оболочку, которую она покинула, казалось бы, навсегда. Но как можно распространять аналогичную возможность на животных, если та же самая вера учит, что животное не имеет независимой души и его душа умирает вместе с телом?

Более двух столетий начиная со времени Фомы Аквинского церковь убежденно проповедовала, что душа животного умирает вместе с его физическим организмом. Что же в таком случае возвращается, заново оживляя прах? За разрешение этого вопроса взялась схоластика; и вот — невзирая на очевидную сложность задачи — ее стараниями неразрешимые противоречия наконец удалось примирить.

Церковники, как правило, начинают с того, что называют чудесные воскрешения животных явлением частым и столь же несомненным, как и «воскресение Господа нашего Иисуса Христа». (*De Beatificatione, etc.*, by Pope Benedict XIV). Болландисты* приводят соответствующие примеры в огромном количестве. Как остроумно отмечает агиограф XVII столетия отец Бюрины — в связи с чудесным *воскрешением* дрофы святым Реми:

Мне скажут, без сомнения, что я сам — гусак, если верю во все эти «сказки синей птицы»... Такому шутнику я отвечу, что если он намерен оспорить это утверж-

дение, то ему придется также вычеркнуть из жизни Святого Исидора Испанского тот эпизод, когда он оживил мертвую лошадь своего учителя; из биографии Святого Николая из Толентино — случай, когда он вернул к жизни куропатку вместо того, чтобы съесть ее; а говоря о Святом Франциске, позабыть, что он когда-то вытащил тушу ягненка из горячей печи, где он жарился, и оживил его, а также то, что ему удалось однажды воскресить *вареных* рыб, после чего они начали *плавать в соусе*... Кроме того, ему [скептику] придется иметь дело с более чем сотней свидетелей (из числа которых хотя бы некоторых можно с уверенностью признать людьми вполне здравомыслящими), доказывая, что все они — либо лжецы, либо глупцы.

Вышеприведенный пример подтверждается и другим, гораздо более авторитетным, нежели отец Бюриньи, служителем церкви, а именно — папой Бенедиктом (Бенуа) XIV. (В числе множества свидетелей этих воскрешений болландисты называют такие имена, как Святой Сильвестр, Франсуа де Поль, Северин Краковский и др.) «Только он добавляет, — говорит цитирующий его кардинал де Вентура:

...что подлинное воскрешение подразумевает *точное и идентичное* воспроизведение формы¹, так же как и субстанции, присущих умершему при жизни; и коль скоро эта форма (или душа) животного всегда умирает вместе с его телом согласно учению Святого Фомы, то Богу в каждом таком случае чудесного воскрешения приходится создавать для воскрешаемого животного новую форму; из чего следует, что воскрешенное животное *не полностью тождественно* тому, которое было до смерти (*non idem omnino esse*)». (Pope Benedict XIV, De Beatificatione, etc., lib. IV, chap. XXI, art. 6).

Все это сильно напоминает магическую майю. И хотя данное объяснение вряд ли можно назвать

---

¹ В схоластической философии словом «форма» обозначается нематериальный принцип, *оживляющий или одушевляющий тело*.

исчерпывающим, из него со всей очевидностью проистекает следующий вывод: поскольку принцип, одушевлявший тело животного при жизни — его временная душа, умирает или дезинтегрируется после смерти тела, Бог ради сотворения чуда воскрешения *создает* «нечто вроде *оживляющей души*» — как сообщают нам папа и кардинал, — души, опять-таки отличной от человеческой и потому не являющейся «самостоятельной, эфирной и вечной сущностью».

Помимо вполне естественного протеста против классифицирования подобного явления как «чуда», производимого святым, — ибо за спиной у него в данном случае стоит Бог, «создающий» ради вящей славы одного святого совершенно новую душу, равно как и новое тело, — уже само учение Фомы вызывает возражения. Ибо, как вполне резонно замечает Декарт:

Если душа животного все же отлична от его тела (и, следовательно, нематериальна), то можем ли мы при этом не считать ее *духовной* и, следовательно, *разумной*?

Вряд ли необходимо напоминать читателю, что Декарт представлял себе животное как обычный автомат, «хорошо заведенный часовой механизм», как сообщает Мальбранш. Таким образом, принять картезианскую* теорию о животных — значит разделять взгляды современных материалистов. А если автомат способен ощущать любовь, благодарность и т.п., и, без сомнения, наделен памятью, то все эти качества должны быть «свойствами материи», ибо так нас учит материализм. Но если животное — «автомат», то почему нельзя сказать то же самое о человеке? Точная наука — анатомия, физиология и пр. — не находит ни малейшей качественной разницы между телами людей и животных; и, как справедливо замечает Соломон, кто знает: «восходит ли вверх» дух человека, и если — да, то почему этот путь должен быть закрыт для животных? Таким образом, в сво-

ей метафизике Декарт так же непоследователен, как и прочие.

Что же говорит по этому поводу сам Святой Фома? Надеясь животных душою (*анима*) и называя ее *нематериальной*, он в то же время отказывается признать ее *духовной*. Как он сам это объясняет:

Ведь в этом случае подразумевалось бы наличие *разума*, добродетели и других особых свойств, присущих только человеческой душе. (*De Mirville, Des Esprits, etc.*, Vol. VI, p. 153).

Однако на Четвертом Латеранском Соборе было решено, что

...Бог создал две отличные друг от друга субстанции — плотскую (*mundanam*) и духовную (*spiritualem*); и все, что не плотское, по-необходимости является духовным...*

Святому Фоме приходится идти на своего рода компромисс, который не называют отговоркой лишь благодаря тому, что это — слова святого. Вот что он говорит:

Душа животного не является ни духом, ни телом, но имеет промежуточную природу¹.

Не очень удачное заявление. Ибо сам же Святой Фома далее говорит:

...Все души — даже у растений — имеют форму своих тел...

и если это справедливо для растений, то разве не справедливо также и для животных? Разумеется, это не «дух» и не материальная субстанция, но нечто, имеющее, по определению Святого Фомы, «промежуточную природу». Однако если душа есть даже у растений, для чего отрицать возможность ее выживания после смерти тела и даже бессмертного суще-

---

¹ Цитируется кардиналом де Вентурой в его «*Philosophie Chretienne*», Vol. II, с. 386; см. также: *de Mirville, Des Esprits, etc.*, Vol. VI, p. 153.

ствования? Противоречие настолько очевидно, что сам де Мирвиль в отчаянии восклицает:

Значит, теперь перед нами уже три субстанции, а не две, как было установлено Латеранским Собором!*

и далее начинает противоречить, насколько ему хватает смелости, «ангельскому доктору».

Великий Боссюэ (см.: «*Traite de la connaissance de Dieu et de soi-meme*») анализирует и сравнивает системы Декарта и Святого Фомы. Никто не может упрекнуть его в том, что в плане логики он отдает предпочтение Декарту; но он полагает, что картезианское «открытие», согласно которому животное есть «автомат», «обеспечивает лучший выход из затруднения», нежели учение Святого Фомы, полностью разделяемое католической церковью. По этой причине отец Вентура сердится на Боссюэ, сетуя на совершение им «столь прискорбной и опасной ошибки». Хотя кардинал и признает наличие у животных души со всеми присущими ей атрибутами, такими как ощущения, привязанности и антипатии, он все же отказывает им в разуме и способности мыслить, следуя учению своего патрона — Святого Фомы.

Позиция Боссюэ, — заявляет отец, — тем более ущербна, что он сам же добавляет: «Я предвижу великую войну против учения церкви, которая развернется под знаменем картезианской философии»*.

И тут он прав, потому что из «чувствующей материи» мозга животного естественным образом проистекает локовская *мыслящая материя*, а из последней — все материалистические школы нашего столетия. Но слабым местом в его воззрениях остается все та же доктрина Святого Фомы, полная изъянов и противоречий. Ибо если душа животного, как учит римская церковь, является оживляющим нематериальным принципом, то очевидно, что, будучи независимой от физического организма, она

не может «умереть вместе с животным», так же как и душа человека. А если мы признаем, что она тоже продолжает жить после смерти тела, то чем она отличается от человеческой души? Но душа человека бессмертна, о чем говорит и сам Святой Фома, хотя из-за этого вновь попадает в лабиринт противоречий.

Душа человека бессмертна, а душа животного обречена на гибель, —

говорит он (Summa..., Vol. V, p. 164), ранее вопросив в этом же грандиозном сочинении (Vol. II, p. 256), —

...бывают ли такие существа, которые вновь возвращаются в ничто?

На этот вопрос он сам же и отвечает:

Нет, ибо в «Екклесиасте» (III, 14) сказано: «...что делает Бог, пребывает вовек...» У Бога «нет изменения и ни тени перемены». (Иак., I, 17).

Следовательно, — продолжает Святой Фома, — ни естественный порядок вещей, ни какое-либо чудо не в состоянии заставить божью тварь вернуться в ничто (исчезнуть); *и ничто в создании божьем не исчезает*, ибо то, что заключает в себе великий свет божественной благодати, служит залогом неистребимости всякого существа. (Фома Аквинский, «Сумма теологии»).

Эту фразу прокомментировал и подтвердил ее точность в специальном примечании аббат Дриу — переводчик.

Именно так, — отмечает он, — ...ничто не исчезает; этот принцип уже стал для современной науки чем-то вроде аксиомы...

А коль скоро это так, то почему из этого универсального закона природы, признанного как наукой, так и теологией, для души животного, и только для нее, должно делаться исключение? Даже если животное лишено разума (в чем, впрочем, сильно усомнился бы любой непредвзято мыслящий человек).

Переходя от схоластической философии к естественным наукам, сформулируем теперь возражения натуралистов, также не признающих, что животное обладает интеллектом, а следовательно, — бессмертной душой.

Чем бы ни было то, что думает, воспринимает и действует, оно должно иметь божественную, небесную природу и на этом основании оставаться вечным и нетленным*, —

писал Цицерон почти две тысячи лет тому назад. Несложно понять, почему м-р Гексли не соглашался с распространенным мнением, будто Святой Фома Аквинский — «король метафизиков» — безоговорочно верил во все чудеса воскрешения, произведенные Святым Патриком¹.

В самом деле, когда речь идет о таких невероятных вещах, как вышеописанные чудеса, преподносимые церковью своим последователям как бесспорная истина, церковным теологам следует проявлять бдительность, чтобы, по крайней мере, высшие авторитеты церкви не противоречили друг другу, демонстрируя тем самым полное невежество

---

¹ Святой Патрик, как говорят, христианизировал «самую сатанинскую страну на планете — Ирландию, не знавшую ничего, кроме магии», и превратил ее в «остров святых», благодаря воскрешению «шестидесяти человек, ранее умерших». «Suscitavit sexaginta mortuos» («Roman Breviary», 1520. Lectio I, II). В рукописи, считающейся знаменитой исповедью этого святого и сохранившейся в соборе Солсбери («De Script. Hibern.», lib. II, cap. I), собственной рукою Святого Патрика написано: «Мне — низжайшему из людей и величайшему грешнику — Бог даровал тем не менее ради противопоставления магическим действиям этого варварского народа чудотворную способность, какой не было даже у величайших из наших апостолов, ибо Он позволил мне, кроме прочих чудес (таких, как воскрешение животных и пресмыкающихся тварей), оживлять мертвые тела, уже много лет как обратившиеся во прах». Безусловно, перед таким чудом воскрешение Лазаря выглядит малозначительным инцидентом.

в вопросах, возводимых, несмотря ни на что, в ранг учения.

Животным, таким образом, было отказано в прогрессе и бессмертии, поскольку животное — «автомат». Согласно Декарту, у животных нет разума, и в этом с ним солидарна средневековая схоластика; у животных могут быть только инстинкты, которые представляют собой произвольные импульсы (таково утверждение материалистов, не признаваемое тем не менее церковью).

Об интеллекте и инстинкте у животных уже достаточно написали Фредерик и Жорж Кювье¹. Их идеи на этот счет были собраны и опубликованы Флурансом — ученым секретарем Академии наук. Вот, что пишет Фредерик Кювье, тридцать лет руководивший зоологическим отделом Музея естественной истории в парижском Ботаническом саду:

Заблуждение Декарта или, вернее, общее заблуждение вызвано отсутствием четкого разграничения между *интеллектом* и *инстинктом*. Сам Бюффон тоже попал в эту же западню, из-за чего вся его зоологическая теория оказалась крайне противоречивой. Признавая наличие у животных чувств, зачастую более острых, чем человеческие, равно как и осознание ими факта собственного существования, он в то же время отрицает наличие у них *мысли, рефлексов, памяти* и так далее — шаг за шагом — всякую возможность мышления. (Buffon, Discours sur la nature des animaux, Vol. VII, p. 57).

Разумеется, ограничиться только этим он не мог, и потому признал далее, что животные обладают *своего рода* памятью — *активной, обширной* и гораздо более цепкой, нежели наша (человеческая) память (Buffon, Discours sur la nature des animaux, Vol. VII, p. 77). Отвергнув возможность существования у жи-

---

¹ Позже немалый свет на эту проблему пролили доктор Романес и доктор Батлер.

вотного *интеллекта*, он в то же время признает за ним способность

...советоваться со своим хозяином, *спрашивать* его и правильно *истолковывать* каждое проявление его воли. (Buffon, Discours sur la nature des animaux, Vol. X, p. 2).

Согласитесь, вряд ли можно было ожидать от великого ученого такого странного нагромождения противоречивых заявлений.

Поэтому прославленный Ф.Кювье был абсолютно прав, когда позволил себе следующее замечание:

...С этим новым механизмом Бюффона еще труднее разобраться, чем с «автоматом» Декарта. (Biographie Universelle, etc., 1847, p. 119. Статья Ф.Кювье о жизни Бюффона).

Как уже было отмечено, необходимо провести разграничительную линию между инстинктом и интеллектом. Сооружение пчелами ульев, возведение плотин бобрами (на реке или даже на сухой поверхности, по воле натуралиста) суть деяния и следствия инстинкта — навеки неизменного и непреложного; в то время как действие интеллекта явно прослеживается в осмысленных действиях животного, когда активизируется уже не инстинкт, но разум, благодаря которому животное можно обучать и тренировать. Уже одна эта возможность обучения животного указывает на его способность к совершенствованию и развитию. Человек наделен разумом, но у ребенка пока есть только инстинкты; а молодое животное демонстрирует и то, и другое в гораздо большем объеме, нежели человеческий младенец.

Уверена, что все участники дискуссии о душах животных знают обо всем этом не хуже, чем мы с вами. И если материалисты не сознаются в этом, то лишь потому, что им мешает гордость. Не признавая наличия души ни у человека, ни у животного, они упрямо не желают соглашаться с тем, что

последние наделены интеллектом — так же, как и они сами, пусть даже в несравнимо меньшей степени. В свою очередь церковники, натуралисты религиозного склада и современные метафизики тоже не отваживаются признать, что человек и животное одинаково наделены душой и одними и теми же способностями — хотя и различающимися по степени своего развития и совершенства, но, по крайней мере, тождественными по своей сути и происхождению. Каждый из них знает (во всяком случае, должен знать), что инстинкт и интеллект — две обособленные противоположности в природе, два соперника, находящиеся друг с другом в постоянном конфликте; и если они не готовы принять версию существования двух душ, или принципов, им придется признать, по крайней мере, наличие у души двух потенциальных возможностей, каждая из которых имеет свою определенную локализацию в клетках мозга, что хорошо известно нашим физиологам, вследствие чего они вполне могут отделять или даже временно уничтожать какую-либо из этих двух способностей, воздействуя на тот или иной орган или часть органа во время своих ужасных вивисекционных пыток. И что же, как не обычная человеческая гордость, побудило самого папу сказать следующее:

Спросишь: для кого все звезды? твердь дана кому?
И услышишь — скажет гордость: «Мне лишь одному.
Для меня природа будит жизнь и красоту.
Для меня была и будет вся земля в цвету.
Для меня лоза и роза расцветают в срок,
Чтоб дарить хмельные росы и медвяный сок.
Мне богатства открывают сотни рудников,
Мне здоровье обещают сотни родников.
Дарит солнце светлый день мне; море даст улов.
Вся земля — мои владенья; небо — мой покров».*

Та же самая неосознанная гордость подтолкнула

Бюффона к тем парадоксальным высказываниям об отличии животного от человека, которые мы находим в его сочинении. Это отличие состоит в «отсутствии у животного мышления, ибо оно, — по словам Бюффона, — не чувствует того, что чувствует». Любопытно, откуда Бюффон это знает? «Оно не думает о том, что думает», — добавляет он, предварительно сообщив читателю о том, что животное способно запоминать (зачастую намеренно), сравнивать и выбирать!¹

Кто станет утверждать, что корова или собака могут быть идеологами? Но все же животное может думать и знать, что оно думает; причем его чувства должны быть тем более обостренными, что животное не может говорить и, следовательно, не может выразить свои мысли вслух. Откуда такая уверенность у Бюффона и у всех остальных? Все-таки благодаря точным исследованиям натуралистов удалось кое-что установить, а именно — то, что животные действительно обладают интеллектом; и коль скоро этот вопрос уже не оставляет сомнений, то, повторив данное Фомой Аквинским определение интеллекта как свойства исключительно бессмертной человеческой души, мы можем заключить, что такая же душа должна быть и у животного.

Воздавая должное *истинной* христианской философии, мы можем лишь добавить, что раннее христианство никогда не придерживалось столь жестоких доктрин, ставших впоследствии подлинной причиной отхода многих достойных людей и блестящих умов от учения Христа и его учеников.

---

¹ *Discours sur la nature des animaux.*

III

О Философия, ты — светоч жизни, искатель добродетели!

Цицерон

Философия — скромная профессия, которая имеет дело лишь с реальными и понятными вещами; мне претят напыщенность и претенциозность, за которыми нет ничего, кроме гордыни.

Плиний

Судьба человека — от самого примитивного и скотоподобного до самого святого — бессмертие — так учит нас теология; но какова же будущая судьба бесчисленных представителей животного царства? Разные римско-католические авторы — кардинал де Вентура, граф де Местр и многие другие — говорят нам, что «животная душа есть сила».

Общеизвестно, что душа животного, эхом вторит им де Мирвиль, —

...создана из земли, ибо так говорит Библия. Всякая живая и активная душа (*нефеш*, или жизненный принцип) исходит из земли; но, как бы это точнее сказать, не из того праха, из которого состоят тела животных, равно как и наши тела, а из *силы* земли — из нематериальной ее *силы* (ибо все силы нематериальны)... соединенной с силами *моря, воздуха* и т.д., то есть с силами тех *царств элементариев* (*principautes elementaires*), о которых уже говорилось выше (а именно — в «Des Esprits», etc., 2nd Memoire, chap. XII, Cosmolatrie).

Под этим термином маркиз Эд де Мирвиль понимает то, что каждый «элемент» (или стихия) в природе является самостоятельным царством, населенным и управляемым присущими ему невидимыми духами. Западные каббалисты и розенкрейцеры называют их *сильфами, ундинами, саламандрами* и

гномами; христианские мистики, такие как де Мирвиль, дают им еврейские имена и классифицируют как различные категории демонов, находящихся под началом у Сатаны (с Божьего позволения, разумеется).

Де Мирвиль тоже восстает против Святого Фомы, который учит, что душа животного умирает вместе с его телом. «Та сила, которую нам предлагают уничтожить, — рассуждает он, — есть самая *существенная* сила на Земле, именуемая *животной душой*»; она же является согласно преподобному отцу Вентуре «самой *значительной* душой после человеческой». Только что он называл ее нематериальной силой, а теперь, как видите, говорит о ней как о «самой *существенной* силе на Земле». (Vol. VI, p. 158).

Но что это за сила? Жорж Кювье и академик Флуранс раскрывают нам ее секрет.

Форма, или сила, тела [не следует забывать, что под формой в данном случае подразумевается душа], — пишет первый, — гораздо более важна для них, нежели материя, поскольку последняя (даже не будучи разрушаемой) постоянно меняется, тогда как форма **остается**». На это Флуранс, которого мы цитировали выше, замечает: «Во всем, что живет, форма проявляет большую *устойчивость*, нежели материя... так как то, что составляет **существо** живого тела, его индивидуальность и «самость», есть его форма. (De la Longevite humaine et de la Quantite de Vie sur le Globe, pp. 50, 49, 53).

«Учитывая, — отмечает в свою очередь де Мирвиль, — что это — доминирующий принцип и философский залог нашего бессмертия»¹, мы можем предположить, что под этим обманчивым термином на самом деле подразумевается душа — и человеческая, и животная. По моему мнению, это скорее то, что мы называем **единой жизнью**.

---

¹ De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. VI, p. 158.

Как бы то ни было, но философия — и мирская, и религиозная — подтверждает вывод, что обе «души» идентичны в человеке и в животном. Похоже, что Лейбниц — философ, которого обожает Боссюэ, — тоже верил в какой-то мере в «животное воскресение». Смерть была для него «всего лишь *временным затемнением личности*»; он уподобляет ее сохранению мыслей во сне или же бабочке, пребывающей в состоянии гусеницы. Для него, сообщает де Мирвиль, —

...воскресение¹ является всеобщим законом в природе; и в чудо оно превращается лишь тогда, когда производится кудесником, в силу своей преждевременности, нетипичности обстоятельств и способа своего осуществления*.

В данном случае Лейбниц, сам того не подозревая, рассуждает как настоящий оккультист. Рост и цветение растений в пятиминутный срок вместо положенных дней и недель, ускоренный рост и развитие растений, животных и людей суть факты, письменно зафиксированные оккультистами. Они только кажутся чудесными; на самом же деле производительные силы природы могут ускоряться и тысячекратно интенсифицироваться посвященными благодаря знанию ими оккультных законов. Аномально быстрый рост вызывается силами природы — либо слепыми, либо частично разумными, подвластными оккультному воздействию человека, — когда они собраны вместе и направлены на создание какой-либо вещи из ее пока еще хаотически разбросанных элементов. Но для чего же называть этот феномен божественным *чудом*, как это делают одни, или сатанинскими происками и богохульным мошенничеством, как это делают другие?

---

¹ Оккультисты называют его «трансформацией» в последовательной череде жизней, по истечению которой как раз и наступает окончательное, *нирваническое* воскресение.

Будучи настоящим философом, Лейбниц никак не мог пренебречь даже таким опасным вопросом, как воскресение из мертвых, и в результате включил в него огромное животное царство во всей его совокупности.

Я считаю, — пишет он, — что души животных тоже вечны... и невозможно найти лучшего свидетельства в пользу нашего собственного бессмертия. (Leibnitz, «Opera philos»).

В 1748 г. миддлтонский приходской священник Дин опубликовал в поддержку Лейбница две небольшие книги. О высказываемых им идеях лучше всего судить по следующему фрагменту:

...В святом Писании неоднократно встречаются указания на то, что для животных тоже существует будущая жизнь. Это учение разделяли некоторые отцы церкви. Здравый смысл, подсказывающий нам, что у животных тоже есть душа, убеждает нас в том, что и будущая жизнь для них также возможна. Тогда как позиция тех, кто верит, будто Бог уничтожает душу животного, ничем не подкреплена и не имеет под собою достаточных оснований» и т.д., и т.п. (Bibliothèque des sciences, Vol. XXIX, 1768).

Многие ученые прошлого столетия встали на защиту гипотезы Дина, объявив ее в высшей степени правдоподобной. Особенно преуспел в этом один протестантский теолог — Шарль Бонне из Женевы. Этот теолог написал весьма курьезную книгу, названную им «Палингенез»¹ или «Новое рождение» (которое, как он пытался доказать, имеет место благодаря некоему невидимому зародышу, заключенному в каждом человеке, и не только человеку, поскольку он, так же как и Лейбниц, никак не мог взять в толк, почему из этой системы надо было исключить животных, ибо в этом

---

¹ Из двух греческих слов: γείνομαι — «рождаться», и πάλιν — «снова».

случае она теряла свою целостность, ведь сам термин «система» обозначает «собрание законов»¹).

Животные [пишет он] — все равно что увлекательные книги, в которых творец описал наиболее любопытные грани своего безграничного разума. Анатом должен изучать их с должным *уважением*; и если у него есть хотя бы крупница той интуитивной деликатности, которая отличает человека морального, он не станет воображать, листая эти страницы, будто перебирает в руках бесчувственные камни. Он никогда не забудет о том, что всё, что живет и чувствует, имеет право на его сострадание и милосердие. Человек рискует поставить под сомнение свою этическую состоятельность, если его имя будет слишком часто связываться со страданиями и кровью животных. Эта истина настолько очевидна, что власть предрержащим никогда не следует упускать ее из своего поля зрения... Что же касается гипотезы *автоматизма*, то я склонен считать ее философской ересью, очень опасной для общества, так как она слишком сильно извращает здравый смысл и естественные чувства человека, чтобы ее можно было считать безвредной. Но как раз поэтому она никогда не получит всеобщего признания.

Что же до дальнейшей судьбы животных, то, если моя гипотеза верна, провидение должно даровать им огромное воздаяние в будущих состояниях²... Я считаю, что их воскресение возможно благодаря душе или форме, наличие которой мы необходимо должны у них признать, ибо душа, будучи простой субстанцией, не может быть *ни разделена, ни растворена, ни тем более уничтожена*. Не признать это заключение — значит неизбежно скатиться к Декартову автоматизму; а затем от автома-

---

¹ См.: *La Palingenesie philosophique*, Vol. II. Также: *De Mirville, Des Esprits, etc.*, Vol. VI, p. 164.

² Мы тоже верим в «будущие состояния» для животных — всех, начиная с высших и заканчивая *простейшими инфузориями*; но мы рассматриваем их как цепь перерождений, в каждом из которых животное приобретает более высокую форму вплоть до человека и далее. Словом, мы верим в эволюцию в самом полном смысле этого понятия.

тизма животного очень скоро и неизбежно приходишь к такому же автоматизму человека...

Современные биологические школы признали теорию «человека-автомата», но это не значит, что их ученики не могут выработать собственных взглядов на сей счет. Я же в данный момент намерена привести окончательное и неоспоримое доказательство того, что ни Библия, ни даже самые философичные ее толкователи — как бы, возможно, ни подводила их интуиция в иных вопросах — *никогда не отрицали бессмертную природу души животного*; более того, *основываясь на тексте Ветхого Завета*, они именно в ней видели самое надежное свидетельство наличия аналогичной души у человека. Достаточно только прочесть некоторые стихи из «Книги Иова» и «Екклезиаста» (III, 17-22), чтобы прийти к вышеуказанному заключению. Правда состоит в том, что там не сказано ни единого слова о будущих состояниях ни того, ни другого. Но если в Ветхом Завете нет никаких определенных указаний на бессмертие души животного, то, напротив, в Новом Завете об этом сказано так же ясно, как и о самом человеке; и теперь я намерена окончательно и бесповоротно доказать это во имя блага всех тех, кто высмеивает индусский *филозоизм* и кто настаивает на своем праве убивать животных по своему желанию и ради собственного удовольствия.

В конце 1-ой части Святой Павел был упомянут как поборник бессмертия для всех животных. По счастью, это не то заявление, от которого христиане могут с легкостью отмахнуться как от «богохульной и еретической трактовки святого Писания группой атеистов и вольнодумцев». Если бы все исполненные высшей мудрости слова апостола Павла (который был прежде всего Посвященным, а уж потом — «всем остальным») были столь же очевидны и понятны, как те его строки, которые посвящены

животным! Ибо, как будет показано ниже, и закон сохранения материи, провозглашаемый материалистической наукой; и закон вечной эволюции, столь решительно отвергаемый церковью; и вездесущность **единой жизни** или объединяющее присутствие во всей природе **единого элемента**, постулируемое эзотерической философией; и тайный смысл «Послания к Римлянам» Святого Павла (VIII, 18-23) суть одно и то же, чему мы намерены привести несомненные и безупречные доказательства. В самом деле, что еще мог иметь в виду этот великий исторический деятель, бесспорно знакомый с философией александрийских неоплатоников, говоря то, что я цитирую ниже, комментируя его слова в свете оккультизма, дабы сделать более понятной свою мысль?

Апостол начинает со слов о том (Рим., VIII, 16-17), что «*сей самый Дух*» (*Параматман*) «свидетельствует духу нашему» (*Атман*) «что мы — дети Божии», и «если дети, то и наследники», — то есть наследники вечности и неразрушимости заключенной в нас бессмертной или божественной сущности. Далее он говорит нам, что: «...нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас». (VIII, 18).

Думается, что «слава», о которой идет речь, не «Новый Иерусалим» — символическое изображение будущего в каббалистических «Откровениях Иоанна Богослова», — но периоды пребывания в *дэвакхане*, а также цепь рождений в последовательно сменяющихся друг друга Расах, когда с каждым воплощением мы становимся все выше и совершеннее как физически, так и духовно, чтобы в конечном счете стать настоящими «сыновьями» и «детьми Божьими» в час «последнего Воскресения», как бы ни называли его люди — христианским, нирваническим или парабрахмическим, поскольку все это на самом деле — одно и то же. Воистину, «...тварь с

надеждою ожидает откровения сынов Божиих...» (VIII, 19).

Под словом «тварь» здесь подразумеваются животные, что будет убедительно продемонстрировано ниже со ссылками на авторитет Иоанна Златоуста. Но кто такие эти «сыны Божии», откровения которых с нетерпением ожидают все твари? Может, это те «сыны Божии», с которыми «пришел и сатана» (Иов., I, 6; II, 1); или же «семь ангелов» из «Откровения...»? Присущи ли они только христианству, или же это — «сыны Бога», сущие во всем мире? (См.: Разоблаченная Изида, Т. I).

Упомянутое «откровение» обещают в конце каждой *манвантары*¹ или мирового периода святые Писания всех великих религий; причем с наибольшей ясностью (если не считать эзотерических комментариев) это обещание изложено в Ведах, где говорится, что в конце каждой *манвантары* наступает *праляя* или разрушение мира (только одно из них известно и ожидается христианами), после чего остаются только Шишты, или остатки — семь Риши и один воин, а также все «семена», из которых должна развиваться новая человеческая «волна следующего Круга»².

---

¹ О том, кого называли «сынами Божьими» в древности, подробно говорится в «Тайной Доктрине», в первой ее части (посвященной архаическому периоду), сейчас уже почти готовой*.

² Это ортодоксальная индусская, равно как и эзотерическая версия. В своем бангалорском типичном образце «Что есть индусская религия?» Деван Бахадур Рагхунатх Роу из Мадраса говорит следующее: «В конце каждой манвантары наступает разрушение мира; но одному воину, семерым Риши и всем “семенам” удастся спастись от разрушения. Им Бог (или Брахма) передает Главный закон, или Веды... и как только начинается новая манвантара, эти законы снова распространяются... и становятся обязательными... до конца этой манвантары. Эти восемь существ называются *Шиштами* или

Однако главное для нас не выяснить, кто же из них более прав — христиане или индусы, — но показать, что брамины, свидетельствуя о том, что «семена» всех творений не исчезают в процессе периодических временных разрушений всего видимого мира, так же как не исчезают «сыны Божьи», или Риши, коим предстоит передать откровение будущему человечеству, — говорят не больше и не меньше, чем тот же Святой Павел; так как последний недвусмысленно заявляет:

И сама (*ipsa*) тварь освобождена будет от рабства тлению,

что может означать только одно: «семя», или неразрушимая душа, хотя и не может достичь дэвакхана будучи в элементарном или животном состоянии, все-таки может усовершенствовать свою форму, прогрессируя в одном направлении с человеком к общей для них обеих цели — «в свободу славы детей Божиих» (VIII, 21).

Но этой «свободы славы» можно достичь только в процессе эволюции или кармического прогресса всех творений. Бессловесная тварь, эволюционировав из полочувствительного растения, должна постепенно превратиться в человека, духа, Бога *и так далее до бесконечности!* Как говорит сам Св. Павел:

остатками, потому что только они остаются после того, как все остальное будет разрушено. Их деяния и заповеди называются, соответственно, *Шиштачара*. Они также зовутся "*Садачара*", так как эти деяния и заповеди — единственное, что существует всегда».

Такова ортодоксальная версия. А ее эзотерический вариант говорит о семи Посвященных, достигших состояния Дхиан Коганов к концу седьмой Расы на этой планете и потому остающихся на ней на всем протяжении ее обскурации вместе с «семенами» всех минералов, растений и животных, коим не хватило времени эволюционировать до состояния человека в предыдущем Круге, или мировом периоде. См.: *А. П. Синнетт*. Эзотерический буддизм.

Мы знаем («мы» значит *посвященные*), что вся тварь (в «Вульгате» так и сказано — *omnis creatura*, или *тварь*) совокупно стонет и мучится доныне (в муках рождения). (VIII, 22)¹.

Как видите, перед нами самое очевидное указание на то, что человек и животное пребывают на земле в равных условиях в том, что касается страданий, вызванных нелегким эволюционным продвижением к цели и неотвратимым кармическим законом. А слово «доныне» следует понимать так: до пятой Расы. Чтобы сделать свою мысль еще более понятной, этот великий христианский посвященный дополняет ее следующим высказыванием:

И не только они (животные), но и мы сами, имея начаток духа, и мы в себе стонаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего. (VIII, 23).

Да, это мы, люди, имеем в себе «начаток духа» или непосредственный парабрахмический свет — нашу атму, или седьмой принцип, благодаря достаточно высокому уровню развития нашего пятого принципа (манаса), гораздо менее развитого у животных. Правда, в порядке компенсации за это их карма не так тяжела, как человеческая. Но это отнюдь не значит, что в один прекрасный день они не достигнут той степени совершенства, которая позволяет полностью развившемуся человеку обрести форму Дхиан Когана.

Что может быть понятнее (даже непосвященному и неподготовленному критику), чем эти слова великого апостола, все равно — трактовать ли их в свете эзотерической философии или с позиций средневековой схоластики! Надежду на спасение или вечную жизнь духовной сущности, освобожденной «от рабства тлению» (периодических возвращений в раз-

---

¹ В оригинальном латинском переводе — «*omnis creatura ingemiscit, et parturit usque adhuc*».

личные материальные формы), разделяют *все живые твари*, а не только человек.

Однако «образец» для животного, печально известный до крайности несправедливым отношением даже к своим собственным собратьям, вряд ли с легкостью согласится признать, что самые высокие его устремления разделяет вместе с ним его домашний скот и даже куры. Известный комментатор библейских текстов Корнелий Лapid был первым, кто прямо обвинил своих предшественников в сознательном и преднамеренном стремлении всеми правдами и неправдами избежать применения слова *тварь* к низестоящим созданиям мира сего. От него мы узнаем, что Святой Григорий Назианзин, Ориген и Святой Кирилл (возможно, тот самый, который отказался признать за человеческое существо Гипатию и обошелся с нею как с диким зверем) настаивали на том, что под словом *тварь* в процитированном выше стихе апостол подразумевает ангелов! Но, как отмечает Корнелий, призывая на помощь все того же Святого Фому:

...Это мнение слишком искажено и несправедливо (*distorta et violenta*) и, кроме того, сводится на нет тем фактом, что ангелы уже давно свободны от рабства тлению.

Столь же неубедительным выглядит и предположение Святого Августина, выдвигающего странную гипотезу, согласно которой «твари», упомянутые Святым Павлом, суть «безбожники и еретики» всех времен! Корнелий возражает преподобному отцу так же хладнокровно, как и его предшественникам — святым братьям.

Поскольку, — говорит он, — ...*твари*, которых апостол упоминает в цитируемом тексте, явно отличны от людей — «не только они, но и мы сами»; к тому же речь идет об освобождении не от греха, но от *предстоящей смерти*. (Cornelius, edit. Pelagaud, Vol. IX, p. 114).

Но даже храбрый Корнелий в конечном счете не решился один идти против всех и потому согласился с тем, что под словом *твари* (как это утверждали Святой Амвросий, и другие, Святой Павел имел в виду *стихии* (!!!) — *то есть* солнце, луну, землю и т.д., и т.п.

К несчастью для святых мыслителей и схоластов и к счастью для животных (если им, конечно, есть какая-то польза от нашей полемики), последние находятся под опекой куда более авторитетной, нежели та, которую готовы предоставить им первые. Я имею в виду уже упоминавшегося ранее Святого Иоанна Златоуста, к которому римско-католическая церковь — полагаясь на свидетельство епископа Прокла, бывшего одно время его секретарем, относится с величайшим почтением. Этот Иоанн Златоуст служил апостолу язычников*, по сути дела, медиумом (да будет мне позволено использовать этот богохульный — в наше время — термин). Касаясь его комментариев к посланиям Святого Павла принято считать, что Святого Иоанна вдохновлял во время их написания сам апостол; иными словами, эти комментарии были написаны под диктовку Святого Павла. В комментариях к VIII главе «Послания к Римлянам» читаем:

Мы можем стенать только по поводу нашего нескорого переселения (смерти); ибо если, по словам апостола, даже тварь, лишенная разума (*mente*, но не *anima*, душа) и речи (*nam si hoc creatura mente et verbo carens*) стенает, но надеется, то тем более стыдно нам терять надежду. (Homelie, XIV, 6).

Но, к сожалению, мы это делаем самым бесславным образом, отказываясь желать себе скорейшего «переселения» в неведомые нам страны. Если бы люди должным образом изучили святые Писания всех народов и истолковали для себя их значение в свете эзотерической философии, то каждый из них если и

не возжелал бы смерти, то, по крайней мере, стал бы к ней равнодушен и предпочел бы использовать отпущенное ему на земле время для спокойной подготовки к следующему рождению, накапливая положительную карму. Но человек по природе софист. И потому мы боимся, что даже этот комментарий Святого Иоанна Златоуста и сделанный им вывод, который решает (или, по крайней мере, должен решить) вопрос о бессмертии души животного для каждого христианина раз и навсегда, вряд ли смогут принести несчастным бессловесным тварям какую-то реальную пользу. В самом деле, хитрый казуист, коего обвиняют его собственные уста, может сказать нам, что, невзирая на природу души животного и даже вследствие ее бессмертия, он все равно делает благое и достохвальное дело, убивая несчастную тварь, ибо тем самым он превращает ее «стенания по поводу нескорого переселения» в вечную славу.

Автор этих строк не настолько наивен, чтобы вообразить, будто, заполнив весь Британский Музей сочинениями о вреде мясоедения, можно побудить цивилизованные народы закрыть все свои скотобойни или же отказаться от своего привычного бифштекса и рождественского гуся. Но если эта скромная статья поможет хотя бы нескольким читателям понять подлинную ценность возвышенных речений Святого Павла и тем самым заставит их задуматься об ужасах вивисекции, для автора этого будет вполне достаточно. В самом деле, когда мир убедится — а это обязательно случится рано или поздно — в том, что животные — такие же вечные создания, как и мы сами, вивисекция и другие бесконечные пытки, коим ежедневно подвергаются несчастные твари, непременно вызовет всеобщий взрыв возмущения и проклятий, после чего сама общественность заставит власть предержавших положить конец этой варварской и позорной практике.

РАСПЯТИЕ ЧЕЛОВЕКА

Прометей есть воплощенное изображение Идеи или соответствующей способности Юпитера, рассматриваемой, однако, в своем независимом состоянии, — свободной от результатов своей деятельности; иными словами — как закон минус производительная энергия.

С. Т. Коулридж

*С точки зрения монизма в абстрактном есть сам Бог, который как абсолютная Сущность несет вселенское страдание в ограниченных Сущностях, причем можно раскрыть это фразой: *Volenti non fit injuria*.*

Гартманн

Я знаю, что висел целых девять ночей на дереве, раскачиваемом ветром, раненый копьем и посвященный Одину — сам себе; на том дереве, о котором никто не может сказать, из какого корня оно растет.

Руническая Песнь Одина, «Эдда»

Подобно Одину Высокому, Я, Человек,
На дереве подвешен,
Словно жертва,
Которую Я Сам Себе принес,
Как Идеал для Самого Себя;
Так Я висел, открытый всем ветрам,
в чащобе Времени;
И так висеть Мне долгие зоны
в агонии,
В невыразимых муках!

Как Прометей,
Прикован я к скале
В горах Кавказа, солнцем опаленных;
Стервятник без конца клюет мне сердце —
То я терзаю сам себя
В невыразимых муках.

Я — Иисус, смиренный и беззлобный,
Подвешенный высоко на Голгофе,
Копьем пронзенный и терновыми шипами,
Что уязвили сердце мне и мозг,
Три долгих дня — три ночи —
три зона,
В невыразимых муках.

И Один, взирая, будто солнце,
На землю и на море,
говорит:
«Пройдет и это»:

и

Прометей стервятнику вдруг крикнул:
«Ай! Ай! Смотри! Ведь я свободен,
А ты свободен ли?
Исчезнут злые Боги
И с ними их дела,
И Зевс-тиран
Низвергнут будет в Бездну
Волею Судьбы —
Хозяйки над Богами и Людьми.
Ай! Ай!»

И Иисус, последний, самый лучший,
сказал:
«Прости им; они не знают сами, что творят.
Смотрите же! Познание придет
и
Утешитель».

Но трое все они едины,
и я, себе же в жертву принесенный;
Невыразима тайна;
Но когда же конец наступит!
О, когда?

И Дух — тот самый Утешитель —
    мне сказал:
    «Воистину! Они едины трое,
    Но Я есмь Бог, Я — тот Единый,
На ком стоит весь Мир и все Странанье,
    И все самопознание,
    Горе Мне!
    Страдать Мне до конца,
Пока весь Мир не возвратится снова
    Туда, откуда вышел, —
    в бездну,
    Где я снова стану всем.
    И будешь ты во мне —
Где Времени не будет и Пространства,
    но
    Будет лишь Любовь».

Люцерн, 1885.
А.И.С.

Прометей есть величайшая «Идея» в греческой мифологии. Он олицетворяет «*Nous Agonistes*» — божественную часть человеческой души, ту искру пламени, которую Прометей принес с Небес и вдохнул в человека. Эта искра индивидуализировалась в человеке и теперь медленно, но уверенно, через жестокие конфликты с низшей, титанической, земной природой, восходит от низшего материального мира к невидимому идеальному. Низшую природу олицетворяет своевольный тиран Зевс, «*Nomos*», или закон феноменального мира, воспринимаемого человеческими чувствами (*Jupiter est quodcumque vides*). Прометей — Новая, или возрожденная Душа, окрещенная в огне (=дух) — противостоит Зевсу. Невидимая, незаметная и ноуменальная, она действует в идеальном мире, прелести которого не дано вкусить низшему, животному разуму человека.

Эта душа Прометея в человеке, спустившаяся с небес, может быть освобождена от земных оков и Стервятника-Времени только разрушением Зевса (то есть его трансформацией, преображением формы), феноменального мира, и его возведением на более высокий уровень, приближенный к идеальному, единственной реальности.

К тому же Прометей олицетворяет еще и бунт просветленной Души против всех ложных, простонародных, жреческих, традиционных, иерархических форм религии — той религии, которая проповедует индивидуальное спасение, продиктованное эгоизмом, вместо стремления к общему, универсальному благу и спасению для всех наделенных чувствами существ.

Прометей есть греческая форма ведантического Атмана — истинное эго, освобожденное от воплощений под личинами личности (*personae*) и мучительного вращения колеса Необходимости и Судьбы и нашедшее пристанище и покой в универсальном, имманентном Космическом Духе, избавленное от страданий Сотворенного мира. Прометей есть идеальный «*Nomos*», или Закон, коему подчинена душа; «Осознанный закон — Царь Царей», Бог, «сидящий на небосводе сердца».

Агония этого «*Nous Agonistes*» — родовые муки расы и каждого человека в отдельности — и есть то Распятие идеального человека, которое олицетворяют Один, Прометей и Христос; но следом за Распятием наступает преобразование, когда исполняется предсказание Прометея:

«Тяжким грузом гнетут мириады страданий,
Но они же подарят мне снова свободу».

У Шеллинга есть замечательное высказывание по поводу мифов о Прометее и Пандоре.

«Здесь [в мифе о Пандоре] стремление человечества к возвышенным вещам преподносится как истинная причина человеческих несчастий. По словам Гесиода, «Эпиметей, обманутый очарованием Пандоры, принял ее губительные дары, дары Бессмертных, и тем самым принес разрушения и бедствия человеческой расе». И теперь Прометей, стремящийся к возвышению этой расы, созданной им же самим по образу Богов, страдает, прикованный к скале, переживая все муки человека, не желающего отказываться от стремления к высшей свободе и знанию. Здесь, на скале, он представляет в своем лице всю человеческую расу. А стервятник, выклеывающий его печень, которая всякий раз вырастает заново, есть образ вечного смятения и неукротимого желания приобщиться к возвышенным вещам, терзаю-

щего всех смертных». (Гесиод, «Труды и дни», 84-89; «Теогония», 510-514.)

В повествовании о Распятии Христа говорится о том, что ему было нанесено пять ран. Возможно, и этот факт имеет символично-эзотерическое значение? Человек воспринимает феноменальный мир с помощью пяти чувств; так может, эти раны на кресте, приведшие к смерти личности (личины высшего человека), символизируют смерть всех низших, земных желаний, порождаемых пятью человеческими чувствами, с последующим переходом к жизни в более чистой и возвышенной сфере, ныне совершенно нам недоступной, поскольку все свои представления о мире мы черпаем из тех же пяти земных чувств? Гвозди, вбитые в ступни ног, лишают человека возможности двигаться вслед объектам своего земного желания; прибитые к перекладине руки — органы приобретения (превратившегося ныне в откровенную жадность) — уже не могут дотянуться до цели нашего стяжательства; а рана в боку умерщвляет сердце — средоточие всех земных желаний, после чего наступает пробуждение в буддистской нирване.

Сам крест, к которому пригвожден человек, является давно и хорошо известным фаллическим символом, представляющим наиболее сильную форму человеческой чувственности, и на этом самом символе человек предается смерти через распятие. (См. редакторское примечание № 1 в конце статьи.)

Примечательно также то, что в легенде Прометей носит на голове венок из растения *Agnus-Castus (lugos)*, листья которого украшали корону победителя в агонии* на Олимпийских играх. Христос в своей победоносной агонии был увенчан колючим аканфом. Этот *Agnus-Castus* использовался также во время фесмофорий, праздника посвященного Деметре — носительнице закона («*nomos*»). Жрицы этой богини спали на листьях этого растения, так как считалось, что они навевают целомудренные мысли*. В христианские времена отзвуки этой традиции сохранились среди монахинь, которые пили воду, настоянную на его листьях, и среди монахов, которые делали из его древесины рукояти своих ножей, что также должно было служить очищению помыслов.

В прекрасной поэме Чосера «Цветок и лист» Королева благородных дам листа, посвятивших себя духовной любви, несет в руке ветви *Agnus-Castus* и при этом поет:

«Suse le foyle, devers moi —
Mon joly cuer est endormy».

«Ее сердце уснуло на земле, но возрадовалось на Небе».

Если кому-то покажется богохульством приписывать божественному Существу проявление скорби, я могу напомнить об одной зафиксированной в Каббале древней традиции, где Шекина (женщина — мать — порождающий элемент Бога) жалуется на распространившееся в мире зло и на разделенность некогда единых двойственных элементов в человеке:

«Горе мне, изгнавшей детей своих; и горе детям, ибо нет им больше места за столом, рядом с их отцом!» (Sympneumata [L.Oliphant, p. 72].)

И разве сам Иисус — Христос, божественный Человек, воплощенный Дух и прообраз грядущей фазы человеческой эволюции — не возопил в предсмертной муке: «Отче, для чего ты меня оставил?» (См. редакторское примечание № 2 в конце статьи.)

И вдохновенный м-р Джон Палсфорд в своем сочинении «Утренняя Заря», содержащем множество предсказаний относительно новой эпохи, наступающего Золотого Века, говорит:

«Бог облекся в скорби всего мира, дабы Его Творение смогло облечься в одеяние Его славы. Ни одна из нынешних аномалий Творения не устоит перед Его славой. Мало сказать, что Он¹ страдает вместе с нами; нам

---

¹ А почему, собственно, «Он», а не Оно? Разве у Божества есть пол? Довольно странная привычка, от которой не могут освободиться даже монотеисты; мужское самомнение, коему свойственно приписывать Божеству собственные мужские качества. Но еще хуже, когда Неведомое низводится до смешного и абсурдного обращением к нему как к «женщине», или «мужчине-женщине», или «отцу-матери», превращающим имперсональный абсолютный принцип в огромного гермафродита! — Е.П.Б[лаватская].

надлежит скорее говорить, что “мы страдаем вместе с Ним”, приписывая ему тем самым львиную долю мучений, испытываемых Его творениями. И страдать он будет до тех пор, пока страдает хоть одно из созданных им существ. Выдержать все это Ему помогает только безграничная Любовь... Он не может освободиться от скорбей и мучений, пока от них полностью не освободятся все Его сыновья и дочери. Первопричина должна присутствовать во всех своих следствиях: и не просто как зритель, но как их непосредственный участник».

«Суетность, конфликты и страдания выведенной из равновесия природы долгое время довлели над нами; но слава совершенной Божественной Благодати скоро явит себя новому типу людей и новой природе».

«Подобно Прометею, прикованному к скале, имперсональный Дух остается прикованным к личности до тех пор, пока осознание собственной геркулесовой силы не разбудит его; и тогда он, разорвав свои цепи, вернет себе свободу». (Д-р Франц Гартманн «Магия: Черная и Белая».)

«Der aetherische Hauch der Gotter, der Funk des Prometheus ist, nach den altesten Mythen, Princip des hohen Lebens im Menschen». (Шеллинг, том I, p. 78.)

То есть:

«Эфирное дыхание Богов — искра Прометеева огня, о которой говорится в самых древних мифах, принцип высшей жизни в человеке».

Примечания редактора

1. Это одна из многих полуэзотерических или мистических интерпретаций *символической и аллегорической драмы*, привитой к дереву христианства, в котором она, увы, прижилась только в своем эзотерическом значении — в виде «мертвой буквы, убивающей все живое».

Одно из *семи эзотерических значений*, приданных мистерии Распятия мистическими изобретателями этой системы (первоначальная разработка и распро-

странение которой уходят в глубину веков — в ту эпоху, когда **Мистерии** находились еще в стадии становления), кроется в геометрических символах, в коих заключена история человеческой эволюции. Евреи, чей пророк Моисей познал египетскую мудрость, позаимствовав у финикийцев их систему счисления, а впоследствии и у соседей-язычников большую часть своего каббалистического мистицизма, с замечательным мастерством приспособили космические и антропологические символы этих «языческих» народов к своим собственным *тайным* писаниям. И если сегодняшнее христианское духовенство уже растеряло ключи от этих символов, то первые составители христианских мистерий прекрасно разбирались в эзотерической философии и мастерски использовали ее на практике. Так, они взяли слово *айш* (одна из еврейских слово-форм, обозначающих человека) и соединили его со словом *шана*, «лунный год», мистически связанным с именем Иеговы, предполагаемого «отца» Иисуса, и выразили полученную мистическую идею в астрономических величинах и символах.

Первоначальная идея «Человека Распятого» в Пространстве принадлежит, безусловно, древним индусам, на что указывает Э. Мур в своем «Индусском пантеоне», приводя в качестве доказательства гравюру Виттобы* — формы Вишну. Платон воспринял ее и выразил в своем равноконечном пространственном кресте $\times$ — «втором Боге, запечатлевшем себя во Вселенной в форме креста». Кришна также изображается «распятым». (См. Монументальное христианство д-ра Дж. П. Ланди, р. 173-74, рис. 72.) Опять же, в Ветхом Завете повторяется странное предписание *распинать людей* перед Господом, *Солнцем*, — что вовсе не является пророчеством, но аллегорией, имеющей недвусмысленное фаллическое значение. Наиболее глубокомысленная из ныне су-

шествующих книг о каббалистической символике — «Ключ к еврейско-египетским мистериям в источнике мер» — свидетельствует:

В символическом изображении шляпки гвоздей на кресте имеют форму цельной пирамиды и квадратного в основании, заостренного кверху обелиска; сами же гвозди представляют собою фаллические символы. Если мы предположим, что человеческие конечности прибиты к кресту *тремя* гвоздями, то они примут в пространстве форму *треугольника* (где каждый гвоздь будет обозначать одну из его вершин). Но ран (или *стигматов*) по необходимости должно быть *четыре* (по числу человеческих конечностей), что указывает уже не на треугольник, а на *квадрат*... Три гвоздя и три раны дают нам число 6, обозначающее 6 граней *развернутого* куба [имеющего форму креста (или человеко-форму) и дающего нам число 7, если считать отдельно три грани на горизонтальной и четыре — на вертикальной ветви креста], на котором распят человек; а это, в свою очередь, указывает на квадратуру круга. *Одна* рана на ногах разделяется на *две*, если рассматривать обе ступни в отдельности. Таким образом, *три* раны превращаются в *четыре* (в *разделенном состоянии*), что вместе опять-таки составит 7 — еще одно, причем наиболее священное [в том числе и *для евреев*] основное *женское* число.

Так, если фаллическое или сексуальное значение «гвоздей на кресте» уже доказано геометрическими и числовыми выкладками, их мистическое значение отмечено лишь вскользь, так же как и вышеприведенные замечания о Прометее. Он (Прометей) был очередной жертвой, распятой на Кресте Любви, на скале человеческих страстей, — жертвой собственной преданности делу возвышения духовного элемента в человечестве.

2. Ныне догматически воспринимаемые слова, столь драматические в силу того, что произнесены они были в роковой час, имеют, вопреки устоявшемуся мнению, более позднее происхождение. 46-й стих XXVII главы «Евангелия от Матфея» в его

нынешней редакции представляет собой искажение, допущенное не слишком шепетильными редакторами его греческого текста. *Или, Или, Лама Савахфани* никогда не означало «Бог мой, Бог мой, зачем ты меня оставил?», ибо в действительности эта фраза означает совершенно обратное. Эти сакраментальные слова звучали во время финального посвящения в древнем Египте (и не только там) — в ходе Мистерии убиения Христа в смертном теле с его животными страстями и воскресения Духовного Человека как просветленного Христа в очищенной оболочке («второе рождение» Павла, «дважды рожденные» или посвященные брахманы и т.д. и т.п.). Эти слова предназначались «Высшей Сущности» Посвященного, живущему в нем Божественному Духу (как бы мы его ни назвали — Христом, Буддой, Кришной или каким-нибудь другим именем), в тот момент, когда лучи утреннего Солнца озаряли погруженное в транс тело претендента, что рассматривалось как возвращение его к жизни, или *новое рождение*. Таким образом, они были адресованы *внутреннему* Духовному Солнцу, а не Солнцу *внешнему*; и означают они, если не искажать их смысл в догматических целях, следующее:

Бог мой, Бог мой, как Ты меня прославляешь!

В процитированной выше работе этот факт убедительно доказан. Вот что говорит ее автор:

...Разумеется, наши версии основаны на оригинальных греческих рукописях (причина отсутствия оригинальных еврейских рукописей, освещающих эти события, кроется в том, что неточность перевода сразу же проявилась бы при сравнении фразы с ее первоисточником в Ветхом Завете). Во всех без исключения греческих рукописях эти слова звучат так:

Ἡλί Ἡλί λαμᾶ σαβαχθανί

Это *еврейские слова*, записанные *греческими* буквами; и на иврите они записывались бы следующим образом:

אֵלִי אֵלִי לָמָּה עָזַבְתָּנִי:

Писание говорит об этих словах следующее: «то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» — преподнося это пояснение как точный перевод. И коль скоро эта трактовка освящена авторитетом Писания, никому даже в голову не приходит усомниться в ее истинности, хотя на самом деле она неверна и подлинный их перевод *диаметрально противоположен каноническому* и выглядит следующим образом:

«Боже мой, Боже мой, как ты меня прославляешь!»

Более того, если слово «лама» действительно означает «почему» или «как», то как глагольная форма переводится как «изумлять, ослеплять», а как наречие может означать «как ослепительно» и т.п. Настойчивому и внимательному читателю эта фраза преподносится как исполнение более древнего пророческого высказывания, на что указывает и сноска на полях Библии, связывающая ее с *первым* стихом *двадцать второго* Псалма*, который гласит:

«Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставил меня?»

Его еврейский текст выглядит так:

אֵלִי אֵלִי לָמָּה עָזַבְתָּנִי:

что, безусловно, напоминает евангельскую фразу, только одно слово в данном случае заменено на другое. Вот как она читается:

«Eli, Eli, lamah azabvthani?»

И следовательно ни один, даже самый изворотливый ученый ум не в состоянии спасти евангельский фрагмент от обвинений в *некорректности*, что наносит весьма ощутимый удар предполагаемой святости всего изложения.

Но ни один, даже самый сильный удар не в состоянии уничтожить змия *слепой* веры, трусливого преклонения перед распространенными верованиями и традициями и того эгоистичного и тщеславного элемента в характере цивилизованного человека, который заставляет его *предпочитать* свою собственную ложь универсальной истине, одинаково принад-

лежащей всему человечеству, включая *низшие* расы «язычников».

Пусть читатель, сомневающийся в этом утверждении, изучит еврейские оригиналы прежде, чем отрицать. Пусть он обратит внимание на наиболее показательные египетские *барельефы*. Особенно на один из находящихся в храме в Филах, изображающий *сцену посвящения*. Два Бога-Иерофанта — один с головою ястреба (Солнце), другой с головою *ибиса* (Меркурий, Тот, бог Мудрости и тайного учения, сподвижник Осириса-Солнца) — стоят над телом претендента, только что прошедшего посвящение. Они льют на его голову двойную струю воды (воды жизни и нового *рождения*), причем струи, изображенные в виде множества маленьких египетских крестиков с рукоятками, пересекаются, образуя форму креста. Так выглядела аллегория пробуждения претендента, который отныне становился Посвященным, когда лучи утреннего солнца (Осириса) касались его темени (*за три дня до этого его погруженное в транс тело укладывали на деревянное тау, которое устанавливали так, чтобы на него падал первый луч рассвета*). Затем появлялись Иерофанты-Посвятители и произносились священные слова, внешне обращенные к Солнцу-Осирису, но на самом деле — ко внутреннему Духовному Солнцу, озаряющему вновь-рожденного человека. Пусть читатель поразмыслит над установленной со времен глубокой древности связью между Солнцем и Крестом (в обеих его символических функциях — порождающей и духовно возрождающей). Пусть он исследует гробницу Бейт-Уали*, созданную в правление Рамсеса II, где он найдет кресты всех форм и во всех положениях, так же как и на троне этого монарха и, наконец, на фрагменте из Зала Предков Тутмоса III, хранящемся ныне в Национальной Библиотеке Парижа и изображающем поклонение Бакхан-Аленре.

В этой замечательной скульптуре и росписи виден диск Солнца, направляющий свои лучи на крест с рукоятью, помещенный поверх другого креста, точными копиями которого являются кресты с Голгофы. Древние папирусы называют их «суровыми ложами, предназначенными для тех, кто пребывает в (духовных) *трудах рождения самих себя*». Множество подобных крестообразных «лож», на которые укладывали погруженных в мертвенный транс претендентов в финальной стадии их последнего посвящения, находили в подземных помещениях египетских храмов после их разрушения. Достойные, но невежественные отцы типа Кирилла и Феофила без смущения пользовались этими крестами, предполагая, что они были принесены и скрыты здесь новообращенными прежних лет. Только Ориген и после него Климент Александрийский и другие бывшие посвященные знали, что к чему. *Но они предпочитали хранить молчание.*

Оккультист, однако же, всегда должен помнить слова Аммиана о том, что если «Истину можно осквернить ложью», то ее может «*в равной степени осквернить и молчание*». (*Amnianus Marcellinus, History, Book XXIX, i, 15*).

БЫЛА ЛИ ОШИБКА?

В редакторских примечаниях к статье «Распятие человека», напечатанной в майском номере «Lucifer», приводится цитата из книги «Ключ к еврейско-египетским мистериям в источнике мер». Сам я не читал эту книгу и не знаю, кто ее автор, но, судя по приведенному фрагменту его сочинения, он, увы, не из тех, кому можно безоглядно доверять. По тому, что и как он говорит о рассматриваемой в статье проблеме, его можно уличить в незнании того факта, что в обоих Евангелиях, где сохранено оспариваемое восклицание Иисуса, воспроизводится халдейский перевод (или Таргум) Псалмов (XXII, 1). Иудеям того времени (во всяком случае, тем из них, кто находил удовольствие в поучении других людей) он был знаком гораздо лучше, нежели еврейский оригинал, и к тому же больше подходил для человека, умиравшего при столь драматических обстоятельствах. Так что противопоставление халдейского варианта еврейскому, а также утверждение, будто один из них является фальсификацией другого, в данном случае выглядит неправомерным. Но в цитате есть и другая ошибка — еще более серьезная, чем первая: для того, чтобы вывести из халдейской версии перевод: «Боже мой, Боже мой, как Ты меня прославляешь!», автор подменяет глагол שבתתי другим глаголом — שבקתי, и таким образом сам фальсифицирует традиционный вариант прочтения. Если предположить, что указанное восклицание представляет собою воспринятую евангелистом халдейскую версию еврейского оригинала, то нельзя не признать, что халдейский переводчик сохранил его значение, изначально заложенное еврейским автором, поскольку его целью был точный перевод. И этим значени-

ем, несомненно, было «Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил?» К тому же в предполагаемом прочтении автора книги тот еврейский глагол, на использовании которого он настаивает, означает «прославлять» в смысле «воспевать хвалу» прославляемому субъекту, что никак не связано с просветлением.

Я никогда не слышал, чтобы евреи использовали фразу, которая напоминала бы по смыслу «Боже мой, Боже мой, как ты меня прославляешь!». Быть может, редакторы «Lucifer» или кто-то из его читателей, кому в этом плане повезло более, нежели мне, просветит меня на сей счет?

Евфрат

8 июня 1888 г.

[Это письмо было переправлено в США, автору «Источника мер», дабы он смог сам ответить своему критику. Мы получили на него ответ, который публикуем ниже. — Редактор «Lucifer».]

Ошибки нет

Письмо «Евфрата» застало меня в провинции, где у меня нет под рукою справочного материала. Новый перевод слов «или, или, лама савахфани» я мог бы обосновать следующим образом. О текстах Нового Завета необходимо судить сообразно их собственным достоинствам, но не более того, поскольку обнаружить какой-либо достоверный их источник не представляется возможным. Таким образом, нам приходится принимать содержащиеся в нем указания и следовать им, не задумываясь над их подлинностью и происхождением. Но кое-что мы все-таки можем сделать, например, перевести записанную греческими буквами еврейскую фразу на алфавит оригинала, для чего необходимо найти точный эквивалент для каждой греческой буквы. В данном случае мы можем получить из одного записанного греческими буквами слова целых два, записанных еврейским квадратным письмом — одинаковых по звучанию, но различных, по написанию и, соответственно, по значению. Одно из них — халдейское ܪܒܘܬܐ,

а другое — еврейское שָׁבַע. Первое в *английской транскрипции* можно записать как «shabak», и означает оно «оставлять, покидать», а второе — «shabach», со значением — «прославлять, возвеличивать». Эти слова, предположительно, заменяют фигурирующее в одном из Псалмов слово *azabthani*, в точности означающее «оставил меня». Но если в греческом тексте, который является для нас в данном случае *единственным* источником, пишется sabas, это слово можно перевести на еврейское (или квадратное) письмо только одним способом — как שָׁבַע или, в *английской транскрипции*, «shabach». Полностью слово в греческом тексте записывается как sabasqani и, следовательно, переводится на еврейский алфавит как שָׁבַחְתָּנִי (*shabach-thani*), что может означать только «прославляешь меня» и ничего более. И любое отступление от этого перевода может быть только следствием искажения и *исправления* текста Нового Завета. Звучащая в самый важный момент всей символически изображенной драмы, эта фраза была заимствована из Мистерий и никогда не имела отношения к реальности. Суть проблемы была изложена весьма образованным евреям, которые выразили в ответ недоумение по поводу того, что столь явное несоответствие между означенным словом и его скорректированным переводом до сих пор не вызывало никаких нареканий, вероятно, из-за того, что *обойти* это противоречие *молчанием* казалось предпочтительнее, чем разоблачать подложный символизм евангельской фразы перед бездумной и невежественной паствой.

Вообще, в процессе выявления подлинного и единственно правильного символического прочтения популярного экзотерического текста, скрывающего этот символизм, очень часто возникают сложные, почти непреодолимые препятствия. И эта закономерность справедлива как для еврейского, так и для греческого языка. Одним из примеров подобных затруднений может служить еврейская фраза, в которой говорится о первом рожденном на свет ребенке. При этом указывается, что этим ребенком был сам Иегова; а простолюдинов всегда отпугивал предлог «от», из-за которого фраза звучала довольно странно: «ребенок *от* Иеговы и дар его». Или возьмем еще один пример обманчивого прочтения: Марголиут,

крупный еврейский ученый, обращает наше внимание на традицию ношения одежды с «бахромой», косвенное указание на которую имеется в Новом Завете — в рассказе о женщине, страдавшей кровотечением, но уверовавшей в то, что одно лишь прикосновение к «краю его одежды» способно исцелить ее. Здесь, по словам Марголиута, греческое слово «*Graspedon*» буквально означает ее желание прикоснуться хотя бы к «бахроме» его одежды. Ношение бахромы изначально было предписано как напоминание о законах и обрядах, о необходимости неукоснительно исполнять их, но с течением времени эта традиция превратилась в обычное суеверие, а бахроме на одежде стали приписывать чудодейственную магическую силу. Вот почему больная женщина решила прикоснуться к его одежде: она надеялась на магическую силу окаймлявшей ее бахромы. Учитель, соответственно, ощутил при этом, что сила ушла из него; но все-таки сказал ей, что она права, чем фактически поддержал ее веру в *фетиш* и его целебную силу. Но точно таким же *фетишем*, и даже более сильным, считалась сама *одежда*, к которой крепилась эта бахрома. У этой одежды было собственное название — «*талиф*». В «Евангелии от Марка» есть рассказ, как будто специально предназначенный для того, чтобы читатель мог убедиться в магических способностях как *бахромы*, так и самого *талифа*. Едва успела женщина, страдавшая кровотечением, исцелиться через прикосновение к краю его одежды, как появляется начальник синагоги и говорит, что дочь его умерла; и начинается следующая история. Он берет девушку за руку и говорит: «*Талифа куми*», что, согласно приводимому ниже переводу, означает: «*Девушка, тебе говорю, встань*». Но слово «*талиф*», образованное от еврейского «*талал*» (что значит одевать, покрывать), переводится как «*одежда*» — та самая, к которой крепится *бахрома*, и не имеет ничего общего со словом «*девушка*». Вся фраза могла бы иметь какой-то смысл лишь в том случае, если бы это слово было *собственным именем* девушки. Тогда она звучала бы как приказ конкретному лицу: «*Талифа, встань!*» Но если эта история действительно является символическим указанием на *фетишизацию талифа* и его *бахромы*, то более правдоподобной будет иная версия: слово «талифа» здесь

предназначено для тех, кто понимает его значение, а парафраза «*Девница, тебе говорю, встань*» — для необразованного простонародья. В этом случае неточный перевод можно трактовать как невинный обман, призванный скрыть истинный смысл еврейской фразы, а всю историю — как глубокомысленную аллегорию, облеченную в форму детской сказки. И действительно, сюжет этого рассказа можно поставить в один ряд с историей о том, как мальчики лепили из глины птичек и у одного из мальчиков птичка ожила и улетела. А в другом греческом фрагменте читаем: «Для чего вы креститесь за мертвых?» Здесь распространенный, но бессмысленный предлог *επι* по ошибке заменил подлинное слово из текста — *υπερ*, означающее — «*ради спасения*». В действительности эта фраза указывала на традицию замещающего крещения — когда на скамейку усаживали живого человека, а сверху на него клали мертвеца. Умершему задавали вопрос: «Желаешь ли ты окреститься?», и когда его «заместитель» отвечал: «Желаю», его (живого человека) крестили *υπερ των νεκρων* — *вместо* или *ради блага или спасения мертвого*. Столь явный подлог вряд ли удовлетворил бы широкую публику, но мог бы привлечь к «высокой церкви» глупцов.

Но один из наиболее занимательных и поучительных образчиков обмана выходит за рамки священного писания, хотя и принадлежит пастырю христианского стада. Он является частью необыкновенной истории, основные персонажи которой царь мясников Константин и непревзойденный теологический дипломат Евсевий. Константин поклонялся Митре, Солнечному Богу, жрецы которого, маги, отмечали день рождения этого Бога 25 декабря каждого года (то есть в день Рождества). Культ этого Бога предписывал *крещение, евхаристические празднества, исповедь и воскресение из мертвых, признавая также ангелов и ад*. Как видите, у этой религии было много общего с христианством, к которому Константин относился едва ли не с таким же уважением, как и к Митре. Так что христианским отцам, во избежание обвинений в плагиате, пришлось заявить, что Дьявол, благодаря присущей ему хитрости и изворотливости, предугадал появление на свет истинной религии и потому заранее подготовил почву, чтобы заявить о своем приоритете, *когда придет время для*

его безбожных проказ. Константин благоволил то Митре, то христианству, в зависимости от обстоятельств, сидя, так сказать, между двух стульев и *меня, при необходимости, только название*. На реверсе его монеты было написано «*Непобедимому Солнцу, моему охранителю*», а на другой стороне — «*первозванные христиане Антиохии*», но изображен господь *восьмого дня*, или дня того самого непобедимого Солнца, именуемого «Sunday». Но пришло время покончить с этой игрой в перевертыши, и император, желая довести до конца работу своих царедворцев по консолидации империи, решил распространить на всей ее территории цементирующее влияние новой формы очень древней персидской и еврейской религии, насаждая ее сильной рукою светской власти. Для этой цели он принял крещение, обставив его с большой помпой и приурочив церемонию к воскресению после Троицына дня. И архиплут Евсевий прокомментировал это событие следующим образом: «В самое Троицыно Воскресенье, седьмой Господний день после Пасхи, **в полуденный час, при свете Солнца Константин был принят Богом своим**». Ну чем не наша песенка «То ли видишь, то ли нет»? «Солнце было на юге, во всей красе и славе дневной, *в наивысшей точке, в самом зените своем*, и душа брата нашего Константина вознеслась вослед за ним, вертикально вверх, *прямо к Богу его*. Так сказал учитель Ложи. Аминь».

И в заключение позволю себе обратить ваше внимание на явную и вопиющую интерполяцию в священном писании, обманные слова которой призваны были сыграть роль цепи, укрепляющей здание церкви Евсевия и Константина. Когда Учитель сказал Петру: «Ты — Петр, и на камне сем Я создам *Церковь Мою*, и врата ада» и т.д., ни о какой церкви никто даже не подозревал, поскольку в то время существовали только храмы и синагоги. Еврейское слово «синагога» означает «паства», и лишь гораздо позже, с началом расколов, схизм, или разделений, появилось то, что было названо словом «Ecclesia» — церковь (или *сепаратисты*, или *отделившиеся*). Представляю, какой глупый и растерянный вид был у Петра, когда он выслушивал эту абракадабру насчет какой-то там церкви. Ныне образованные богословы, коим уже понятна суть проблемы, утверждают, что это высказывание было *про-*

роческим, нацеленным в будущее, и Петр, с помощью Духа Святого, проник в его смысл *ясновидящим взором*. Поистине, нет предела человеческой изобретательности. Однако слишком придирчивое отношение к священному тексту может показаться кому-то непочтительным; а мы способны воспринять высокий идеал и без тщеславного и язвительного любопытства.

Дж. Р[альстон] С[киннер]
Цинциннати.

Примечание

«Евфрат», безусловно, набивает себе цену. Иначе зачем ему было упоминать абсолютно *фантастическую* халдейскую версию, о которой до сих пор никто не слышал? Принято считать, что галилейский диалект во времена Иисуса был арамейским или сирийским. И предложенная Евфратом подстановка халдейской буквы *פ* (*коф*) вместо еврейской *ח* (*хет*) просто делает всю фразу совершенно бессмысленной.

Редакторы «Lucifer» сожалеют о том, что не могут указать Евфрату конкретные номера глав и стихов, подтверждающих правильность нашего варианта прочтения спорной фразы, поскольку они фигурируют в *тайных* книгах священных заклинаний, используемых в процессе посвящения. Но *одна* из редакторов может лично свидетельствовать о том, что наш вариант прочтения анализируемых слов верен, поскольку сама *видела* их в *тайных* книгах посвящения и знает, как они пишутся. Более того, слова эти использовались во всех великих мистериях — митраитских и индийских, египетских и элевсинских. И не будет ничего странного, если скрупулезное изучение древних индусских сочинений или, что еще перспективнее, египетских папирусов выявит использование «евангельских» слов в религиозных ритуалах этих народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

К «ЖИЗНЕННОЙ ВОЛНЕ»

[Первые тридцать четыре стиха... наиболее древние... О происхождении этого древнего сочинения... мы можем лишь догадываться... Это сочинение как бы отщепляет фрагмент от истории Адама и Евы... расщепление прослеживается в нескольких строках.]

Это объяснимо на основе эзотерического учения. Первая глава книги «Бытие» (или элохистическая версия*) вовсе не рассматривает тему сотворения человека. Это то, что индусские Пураны именуют *Первичным* творением, тогда как во второй главе описывается *Вторичное* творение, или сотворение нашей планеты с населяющими ее людьми. Адам Кадмон это не человек, но *протологос*, совокупное древо сефиротов — «Небесный Человек», *носитель* (или Вахана), используемый Эйн Софом для проявления в феноменальном мире (см. «Зогар»). И как «мужской и женский» Адам является «архетипическим человеком», так и *животные*, упоминаемые в первой главе, это только *священные* животные или зодиакальные знаки; тогда как «Свет» связан прежде всего с так называемыми ангелами.

[В более древней космогонии, изложенной в первых тридцати четырех стихах, описание сотворения человека напоминает и соседствует с описанием сотворения животных. «Элохим сотворили человека, мужчину и женщину».]

«Великий кит»* (1, 21) — это *Макара* индуистского зодиака, почему-то переводимый как «Козерог», хотя это даже не «крокодил», как ныне переводится слово «макара», но неопишное водяное чудовище — «Левиафан» в еврейском символизме, и носитель Вишну. Кто бы ни был прав в недавнем полемическом споре между м-ром Гладстоном и м-ром Гексли относительно книги «Бытие», во вменяемых ими друг другу в вину заблуждениях виновата явно не книга. Ее элохистическую часть обвиняют в грубой зоологической ошибке, поскольку эволюция птиц в ней упоминается раньше, чем эволюция рептилий (См. S.Laing, *Modern Science and Modern Thought*), и высмеивают м-ра Гладстона за то, что он ее поддерживает. Однако достаточно перечитать ее еврейский текст (гл. 1, стих 20), чтобы убедиться в том, что рептилии в нем упомянуты прежде птиц.

И сказал Бог: «Да произведет вода [*плавающих и ползающих*, а не] пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею» и т.д. Это уточнение должно положить конец спорам и оправдать книгу «Бытие», ибо на самом деле процесс творения изложен в ней в строгом зоологическом порядке: сперва появляется трава, затем более крупные растения, затем рыбы (или моллюски), рептилии, птицы и т.д. и т.п. Книга «Бытие» есть чисто символическое и каббалистическое сочинение. И ее нельзя ни правильно понять, ни по достоинству оценить, основываясь на одних лишь неточных переводах и неверных истолкованиях христианских реформаторов.

[Во втором рассказе... повествуется... о сотворении Адама из праха и Евы из Адамова ребра. И кроме того, еще раньше в тексте второго рассказа мы находим опровержение изложенного в первой главе сообщения о сотворении человека. Это опровержение заключается в словах: «И не было человека для возделывания земли».]

Потому что Адам был только символом первого земного **человека** или человечества.

[Точно так же мы находим описание нового, повторного сотворения животного царства, происходящего, к тому же, после седьмого дня.]

Книга «Бытие» — восточное сочинение, и потому читать ее желательно на языке оригинала. Если понять ее правильно, то можно убедиться в том, что она ни в чем не противоречит вселенской космогонии и эволюции жизни, как они изложены в Тайной Доктрине архаических эпох. Наука еще не сказала своего последнего слова, и до этого пока что очень далеко. Но эзотерическая философия учит тому, что человек был первым живым существом, появившимся на земле, а весь животный мир последовал *за ним*. Разумеется, подобное утверждение будет немедленно объявлено *антинаучным* абсурдом. Но прочтите очерк «Последняя выдумка науки» в «Lucifer»*.

ТЕОСОФЫ И ИРИНЕЙ

Уважаемый редактор «Christian College Magazine» кратко и сурово бранит полковника Олькотта. Он говорит о чьем-то «непроходимом невежестве» и что «на том же самом основании может покоиться великое открытие полковника Олькотта, будто Иринея написал Евангелие от Иоанна».

Данный журнал является превосходным периодическим изданием, а его издатель — без сомнения, самым замечательным и достойным уважения джентльменом. Но зачем же взваливать на себя вину в таком — прошу прощения — грубо *неверном утверждении*? Полковник Олькотт никогда и не думал говорить, будто Иринея — гипотетический епископ Галлии (кем бы он ни был), чья исключительная нескритичность и доверчивость отмечалась и признавалась всеми, включая даже христианских апологетов, — мог когда-либо написать идеальное произведение, столь преисполненное красоты и поэзии, которое принято всеми как четвертое Евангелие; но просто что слишком усердный отец, носивший это имя, побудил его написать и появление, дабы достичь своей цели в отношении гностиков и еретиков своего времени. Опять же, то, что эти «еретики» отрицали четвертое Евангелие при его появлении, как раньше отрицали само существование Евангелия, сказано нам самим Иринеем.

Теологам опасно пускаться в эту дискуссию. Уже слишком поздно отрицать то, что было широко при-

звано чуть ли не каждым критиком Библии, так же как и некоторыми апологетами: четвертое Евангелие является *произведением совершенно неизвестного*, вероятнее всего, греческого автора и, что совершенно неоспоримо, платоника. Попытка д-ра Г.Эвальда приписать тот факт, что Евангелие никем не подписано, «несравненной скромности» его автора Апостола Иоанна, слишком талантливо и слишком часто опровергалась, и ее поверхностность доказана, чтобы оправдать какую-либо дальнейшую полемику по этому вопросу. Но мы можем также напомнить ученому редактору «Christian College Magazine», столь щедро раздающему своим оппонентам эпитеты невежд, когда он оказывается неспособным ответить на их аргументы, несколько фактов, слишком хорошо известных, чтобы быть легко опровергнутыми. Может ли он отрицать, что в течение более полутора тысячелетий после смерти Иисуса не было ни одного свидетельства о связи автора четвертого Евангелия с «любимым учеником Иисуса», считавшимся автором «Откровения»? И более того, что даже до дней Ириния не было определено прослежено, что такое Евангелие когда-либо было написано?

Как внутренние, так и внешние свидетельства выступают против предположения, что это Евангелие могло быть плодом трудов автора «Апокалипсиса» — отшельника из Патмоса. Различия в стиле писания, языке и огромные расхождения в содержании слишком бросаются в глаза, чтобы отрицать их. Тяжеловесность древнегреческого языка, насыщенного оборотами древнееврейского, в «Апокалипсисе», при сопоставлении с отточенной элегантностью языка автора четвертого Евангелия не выдерживает никакой серьезной критики. Кроме того, подробности последнего в большинстве случаев не согласуются с таковыми в трех синоптических Евангелиях. Неужели Канон Весткотта также

достоин обвинения в «непроходимом невежестве», утверждая:

Невозможно перейти от синоптических Евангелий к Евангелию от св. Иоанна без чувства, что этот переход увлекает из одного мира мысли в другой... [Ничто] не может свести на нет контраст — как в форме, так и в духе — между более ранними и более поздними повествованиями. Различие между четвертым и синоптическими Евангелиями, в отношении не только учения Иисуса, но и излагаемых фактов так велико, что согласовать их невозможно... ни одно из них нельзя считать точным. Если мы верим, что синоптические Евангелия дают правдивое описание жизни и учения Иисуса, то из этого неизбежно следует, что в какую бы категорию мы ни поместили четвертое Евангелие, *как исторический труд оно должно быть отвергнуто.* («Введение к изучению Евангелий» — «Introduction to the Study of the Gospels». Boston, 1860)

Согласно синоптическим Евангелиям, Иисус был распят 15-го ниссана, тогда как четвертое казнит его 14-го — в момент, связанный с приношением пасхального агнца; а общая неточность *всех* Евангелий доказывается уже тем, что среди них нет и двух соглашающихся относительно такого простого вопроса, как надпись на кресте. Синоптические тексты полностью игнорируют воскрешение Лазаря. Это «просто нереальный сюжет, — говорит автор «Supernatural Religion»*, — иллюстрирующий догму: “Аз есмь воскресение и жизнь”, — на коей оно основано... Четвертое Евангелие... *не имеет настоящей исторической ценности.* Абсолютное расхождение между учениями становится понятным, только когда мы узнаем в последнем Евангелии стиль александрийской философии, мистицизм христианских платоников, художественно переплетенные с *христианством Павла* и вложенные в уста Иисуса».

Здесь нельзя сделать ничего лучшего, чем привести выдержку из (говоря словами м-ра Вордсворта)

«выразительного высказывания из неопубликованного исследования одного выдающегося ныне живущего греческого ученого» — высокообразованного директора Элфинстонского колледжа (в Бомбее), прочитавшего это в лекции «О религиях Тибета и исторических аналогиях буддизма и христианства»:

Что может более контрастировать по манере и стилю, чем Павел и Иоанн, и оба или каждый — с Матфеем, Марком и Лукой? И все же Послания и четвертое Евангелие так же насквозь пропитаны лучшим духом трех первых Евангелий, как и фразами, и формами, и ассоциациями, принадлежащими самой сути школ; если мифы, вновь родившиеся в Иудее, таким образом могли срастись с первобытными представлениями греков, нам нечего удивляться, что философская теология с обеих сторон вскоре сама нашла общее основание. Стоицизм Сенеки воспроизводит св. Павла на каждой второй странице, а четвертое Евангелие только становится более четким в свете платонизма Александрии.

Мы приглашаем уважаемого редактора прочесть два тома, написанных этим царем ученых, автором «Supernatural Religion» — анонимным автором, бывшим некоторое время тесно связанным с лондонскими пересудами об одном епископе. Наш критик, кажется, забыл или, возможно, никогда не знал о том, что этот труд менее чем за три или четыре года имел двадцать два издания и что римско-католическая церковь безуспешно предлагала 40 000 фунтов стерлингов тому, кто сможет опровергнуть его аргументы и доказательства, и мы думаем, что деньги все еще не выплачены. Мы вполне отдаем себе отчет, что — как формулирует тот же глубоко эрудированный профессор Вордсворт — «некоторая опрометчивость в показе негативного, вероятно, частично скомпрометировала тот эффект, который способна была произвести такая книга, как “Supernatural Religion”». И все же, если м-р Арнольд со своими поклонниками,

слишком предвзятыми, чтобы в этом случае им верить, думает, что он показал «аутентичность» четвертого Евангелия, другие более беспристрастно и более обоснованно считают, что ничего подобного он не сделал. В любом случае, никто не может отрицать, что такие выдающиеся ученые-теологи, как Бауэр, Люкк, Дэвидсон, Гильгенфельд, Шенкель, Фолькмар, Николас, Бретшнейдер и очень многие другие, имена которых мы могли бы привести, доказали следующие положения: а) четвертое Евангелие — кем бы оно ни было написано — никогда не было написано ни иудеем, ни даже уроженцем Палестины, ибо многочисленные географические и топонимические ошибки совершенно исключают такую возможность; б) Евангелие не могло быть написано раньше конца II столетия — периода, приписываемого Иринею; в) вероятнее всего, оно было написано по распоряжению этого человека. Первым писателем, у которого мы находим цитату из этого Евангелия с упоминанием его автора, является Теофил из Антиоха (в «Ad Autolycum», II, 22 — труде, датированном Тишендорфом приблизительно 180-190 годами н.э.); а это было как раз то время, когда Ириней стал пресвитером в Галлии и вел полемику с «еретиками».

Однако нет пользы в том, чтобы посвящать много времени особе, которая, если и не совсем мифическая, но все же весьма спорная, как показывает вопрос о его мученичестве. Но то, что о нем известно и вытекает из его писаний, это что он является *первым автором*, четко нумерующим четыре Евангелия, провозглашая в пользу их существования и количества в высшей степени интересные, если не вполне убедительные доводы. «Число Евангелий не может быть ни больше, ни меньше, чем есть. Ибо, поскольку существует четыре части света, в котором мы живем, и четыре основных ветра, и Евангелие явля-

ется столпом и опорой церкви, то справедливо, если у нее будет четыре столпа». Торжественно высказав этот высоко логичный и весьма неопровержимый аргумент, Иринея добавляет: «...поскольку херувим также является четырехликим» и «четверичны живые существа, четырехчастно Евангелие, четырехсторонен путь Господа. Потому глупы и невежественны и, более того, дерзки те, кто не принимает во внимание форму Евангелия и заявляет, что его аспектов больше или меньше, нежели было сказано».

Нам хочется думать, что не ради следования по стопам сего интеллектуального и логичного отца издатель «Christian College Magazine» считает своим святым долгом наградить эпитетом «невежды» полковника Олькотта и всех, полагающих, что четвертое Евангелие является просто теологическим измышлением. Мы прекрасно понимаем суровую необходимость цепляться за четвертое Евангелие для всех, кто хотел бы продлить агонию христианского еkkлезиянства. Тому есть несколько причин. Например, авторы трех синоптических Евангелий являются чистыми иудеями, непредубежденными против своего неверующего народа, не знающего об Иисусе, «сыне Давида»; тогда как четвертое Евангелие выказывает бесспорное презрение к евреям-нехристианам, и его Иисус больше не из рода Давидова, *но Сын Божий и сам Бог*. Первые три проповедуют чистую мораль и никакой теологии; напротив, священство и фарисейство сильно поносятся в них. Четвертое Евангелие проповедует определенную теологию и довольно отличающуюся религию. Отсюда справедливое подозрение, возникающее в умах большинства знатоков Библии, что так называемое «Евангелие от Иоанна» было написано просто для того, чтобы удовлетворять *логическим* умозаключениям Иринея, как процитировано выше.

Но возникшее благодаря ему или независимо, оно столь же искусственно, как и любое произведение искусства, как бы ни была велика действительная ценность его внешней формы. Реализм, может быть, менее привлекателен, чем идеализм; но, несмотря на все, первый является здоровой истиной и, будучи таковою, предпочтителен чистому вымыслу — каким бы красивым он ни был. И это утверждение странно подтверждается автором «Supernatural Religion», посвятившим обсуждению этого вопроса четвертую часть своих двух томов. В заключительных словах главы 2 (том II, [часть III]) он пишет: «Было сказано достаточно, чтобы доказать, что свидетельство четвертого Евангелия *не представляет ценности для установления истины о чудесах и реальности Божественного Откровения*». Мы полагаем, что вместе с дискредитирующим утверждением Кано́на Весткотта это разрешает вопрос.

Дополнение

* * *

В христианском эзотеризме «Искупитель» — это «Посвятитель», который приносит свою жизнь в жертву за право открыть своим ученикам великие истины. Разгадавший загадку христианского сфинкса «становится Владыкой Абсолюта», по той простой причине, что величайшая тайна *всех* древних посвящений — прошлое, настоящее и будущее — становится для него ясной и понятной. Те, кто воспринимает аллегорию *буквально*, будут пребывать в слепоте всю свою жизнь, а те, кто открывает ее невежественным массам, заслуживают наказания за отсутствие благоразумия и стремление «метать бисер перед свиньями». Журналу «The Theosophist», который читают только интеллектуалы, проявившие понимание в этом вопросе и доказывающие, что заслуживают приобщения к тайным знаниям, — позволено сделать небольшой намек. Пусть желающий постичь смысл аллегорий сфинкса и креста изучит ритуалы посвящения у египтян, халдеев, древних евреев, индусов и т.д. Тогда он узнает, что слово «искупление» — более древнее, чем само христианство, — так же означает «мученичество». В последний момент Высшего Посвящения, когда «Посвятитель» произнес последнее тайное слово, либо Иерофант, либо Неофит, *достоинейший из них двоих*, должен умереть, ибо

два Адепта *одинаковой* силы не должны жить одновременно и *тому, кто совершенен*, нет места на земле. Элифас Леви в своих трудах намекает на эту тайну, не объясняя ее. Все же он рассказывает о Моисее, который при загадочных обстоятельствах исчез с вершины горы Фасги после «возложения рук» на посвященного Аарона; об Иисусе, который умер за своего ученика Иоанна, «которого любил», — автора «Апокалипсиса»; и об Иоанне Крестителе — последнем из истинных назореев Ветхого Завета, который, согласно неполному, противоречивому и искаженному Евангелию, умер позднее из-за прихоти Иродиады*. А в *тайных* каббалистических рукописях набатеев сказано, что он принес себя в жертву искупления после «крещения» (*то есть* посвящения) своего избранного последователя в мистическом Иордане.

«Замечания к статье “Выдержки из трудов Элифаса Леви”»

* * *

«Среди священных книг христиан, — говорит Элифас Леви, — есть два труда, которые, странно сказать, непогрешимая церковь даже не претендовала понимать и никогда не пыталась объяснить: «Книга Пророка Иезекииля» и «Апокалипсис» — два каббалистических трактата, комментировать которые могут лишь великие Маги, книги за семью печатями для верных христиан и совершенно понятные для неверных, посвященных в оккультные науки».

«В поисках оккультизма»

* * *

Об этом свидетельствуют еврейские рукописи Ветхого Завета — книги Моисея, или *Пятикнижие*, ставшее в десять раз более фантастическим благодаря введению масоретских точек. Но если Библия, благодаря масоре и отцам церкви, говорит сейчас все, что от нее требуется, за исключением того, что она действительно должна говорить, то та же судьба постигла и каббалистические книги, и книги по алхимии. И поскольку ключ и к тем и к другим был потерян в Европе столетия назад, каббала (*добрая* каббала маркиза де Мирвиля, предложенная экс-раввином, шевалье Драхом — набожным и истово католическим еврейским ученым) служит ныне свидетельством как Нового, так и Ветхого Завета. По мнению нынешних каббалистов, «Зогар» — это книга современных пророчеств, преимущественно связанных с католическими догмами латинской церкви, а также краугольный камень Евангелия, что, вероятно, можно было бы признать справедливым, если бы они признавали также, что в Евангелии (как и в Библии) каждое имя символично, а каждая история аллегорична (и в этом плане они ничем не отличаются от всех других священных писаний, предшествовавших христианскому канону).

«Алхимия в девятнадцатом столетии»

* * *

[Исходя из того, что в 10-й главе книги «Бытие» изложены некоторые факты, не вызывающие возражений]. Наши корреспонденты имеют полное право высказывать собственное мнение и достаточ-

но широкую свободу в изложении своих религиозных или даже сектантских взглядов. И все-таки здесь необходимо провести разграничительную линию, ведь если нам говорят, что библейская версия эволюции рас и их этнического распространения «не вызывает возражений», то не попросят ли нас затем признать и библейскую хронологию после Ноя, и рассказ об Адамовом ребре, и в придачу яблоко *в его буквальной трактовке*? Однако от этого мы предпочли бы отказаться. Поистине, печально видеть, как толковую статью портят ссылки на библейские аллегории, приводимые в качестве доказательств.

«Примечания к “Древней империи Китая”»

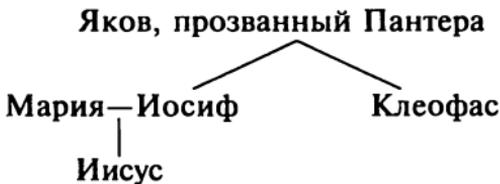
* * *

Ни один теософ-окультист никогда не будет отрицать *возможность* «превращения пяти хлебов в шесть хлебов» и даже в «пять тысяч». В первом случае это явление может быть результатом того, что каббалисты-практики называют *экзосмосом**, во втором — набрасыванием на толпу месмерической *майи*, неких колдовских чар. Но ни один теософ, за исключением новичка или неискушенного ученика (из числа тех, кто принимает вещи слепо на веру и вопреки доводам разума, чем доказывает свою непригодность к оккультизму), никогда не примет как *факт* ни воскрешение *действительно* мертвого тела, ни воплощение Бога в голубя или голубку — почему тогда христиане насмеваются над сиамским белым слоном* — ни «непорочное зачатие», ни, опять же, чудо «вознесения», *то* есть реальное поднятие на небо и исчезновение там плотного тела человека.

Мы оставляем за непредвзятыми судьями право решать, почитается ли Иисус в большей степени теософами, которые видят в нем или в воплощенном им идеале совершенного адепта (высочайшего в ту эпоху), существо, в нравственном отношении стоящее намного выше непосвященного человечества, чем христианами, которые сделали из него несовершенного солнце-бога, спасителя и аватара ничуть не лучше, а кое в чем и уступающего некоторым из его предшественников-аватар. Ни один теософ, из числа когда-либо интересовавшихся христианством, поскольку нашим «языческим» членам Общества, разумеется, безразлично, существовали ли на самом деле Христос и Павел или нет, никогда не отрицал существования этого апостола, являющегося исторической личностью.

Некоторые из нас, включая несколько образованных христианских мистиков из британского Теософского Общества, отрицают только *евангелического* Иисуса — который *не* является исторической личностью, но, тем не менее, признается *католическими священниками*, — но верят в *идеалистического* Христа. Другие склонны видеть истинного Иисуса в адепте, упомянутом в древнейших талмудических и некоторых христианских книгах под именем Иешуа бен-Пантера¹. Они говорят, что поскольку самое авторитетное доказательство существования евангеличе-

¹ Елифаний в своей «Книге против ересей» (IV в.) приводит следующую родословную Иисуса:

(См. Mr. Jerald Massey. «Jesus and the Records of his Time» в апрельском номере «The Spirituallist», 1878).

ского Христа, когда-либо предоставлявшееся отчаянными и судорожными усилиями церкви для критического анализа, является самым неубедительным и трудно проверяемым, то решение проблемы можно найти в свидетельствах евреев и даже Иринейя. Они утверждают, что этот Иешу (или Иешуа) был сыном женщины по имени Стада (*по прозвищу* Мириам) и Пантеры, римского солдата; что он жил с 120 до 70 года до н.э.¹ и был учеником раввина Иешуа бен-Перахиах, своего двоюродного деда, с которым он во время преследования евреев Александром Иоаннесом (царем евреев в 106 году до н.э.) убежал в Александрию, где был посвящен в египетские мистерии, или магию², и по возвращению в Палестину, будучи обвиненным в ереси и колдовстве, был допрошен, приговорен к смерти и повешен на *древе позора* (римском кресте) в окрестностях города Луд, или Лидда³. Эта *историческая* личность (такая же достоверная, как и любая другая) *была* великим Адептом. Что касается Павла, насколько мне известно, никто никогда не считал его адептом, и менее всего наши оккультисты, поскольку его биография слишком хорошо известна. Простой изготовитель палаток (а не «свирепый солдат», как его преподносит «Нуль»), он был сначала гонителем назареев, затем принял новую веру и стал ее страстным проповедником. Именно Павел был истинным основателем христианства, реформатором небольшой организации, ядро которой состояло из ессеев, набатеев, терапевтов и представителей дру-

---

¹ См. Irenaeus Adv. Haer., кн. II., гл. XXII, 5. Ириней решительно утверждает, что Иоанн (автор 4-го Евангелия) «сам сообщил», а «все старейшины подтвердили информацию», что «Иисус проповедовал с 40- до 50-летнего возраста».

² См. «Гемару» вавилонского Талмуда*, трактаты «Санхедрин» (гл. XI, 107 в.) и «Сотах» (гл. IX, 47 а).

³ См. вавилонскую «Гемару» к «Мишне», трактат «Шаббат», 67-104.

гих мистических братств (теософских обществ древней Палестины), — получившей название «христианская» более чем три столетия спустя, а именно — при императоре Константине. Видения Павла от начала до конца указывают скорее на то, что он был *медиумом*, а не адептом, поскольку чтобы стать адептом, необходимы долгие годы обучения и подготовки, завершающиеся обрядом посвящения, проведенным высоким Иерофантом.

...А если, паче чаяния, «Нуль» будет настаивать на защите своего евангелического Христа от тех, кто считает его мифом, основанным на историческом Иешу из Лидда, тогда мне придется попросить его объяснить нам следующее:

1) Как могло случиться, что Филон Александрийский, самый точный и самый образованный из историков-современников евангелического Иисуса, человек, родившийся на 10 лет раньше и умерший на 15 лет позже его, человек, который несколько раз в течение своей долгой жизни приезжал в Иерусалим из Александрии, где он жил, и который, вероятно, посещал Иерусалим по прошествии всего лишь нескольких лет после мнимого распятия, короче говоря, автор, который, описывая различные религиозные секты, общества и объединения Палестины, прилагал все усилия, чтобы ничего не пропустить, даже из числа едва достойных упоминания — как, спрашиваю я, могло случиться, что Филон Александрийский *никогда ничего не слышал* об Иисусе, распятии или любом другом событии, причисленном к так называемым *фактам* христианской теологии.

2) Почему 16 знаменитых строчек Иосифа Флавия о Христе, строчек, появившихся подобно латке на новой одежде и лишенных всякой связи с предшествующим и последующим содержанием текста, почему эти строки отвергаются большинством

самих же христианских теологов? Они приписывают эту *явную подделку* Евсевию Памфилу, епископу Кесарийскому, этому «властителю лицемерных отцов церкви» и «бесчестных писателей», как его называли барон Бунзен, Нибур, д-р Ларднер и некоторые другие. Но если все эти авторы ошибаются и упомянутые строки не являются вставкой, как они полагают, почему тогда сам Пейли, автор, страстно желавший признания своего «Взгляда на доказательства христианства», вынужден был, к своему сожалению, признать, что «свидетельство» (Иосифа) очень трудно считать удовлетворительным. Тем более, что Иосиф — после того как фальсификатор, в конечном итоге, заставил его признать в Иисусе «мессию евреев» и выказать ему такое почтение, что он едва ли осмеливался называть его человеком, — умер в возрасте 80 лет упрямым ортодоксальным евреем, презрительно замалчивая, если не полностью игнорируя, появление и распятие мессии и все, связанное с ним!

3) Как «Нуль» объяснит факт полного умолчания и явного игнорирования Иисуса и его распятия в «Мишне»? «Мишна», составленная Хиллелом в 40 г. до н.э., изданная и дополненная (примерно до начала 3-го столетия нашей эры) в Тиверии, где были совершены все деяния библейских апостолов и чудеса Христа; «Мишна», которая содержит полный перечень всех еретиков и восстаний против авторитета еврейского Синедриона с 40 г. до н. э. и примерно до 237 г. н.э.; короче говоря, летопись деяний Синагоги и история фарисеев, тех самых, которых обвиняют в смерти Иисуса, — как случилось, что ни один из известных раввинов, авторов «Мишны», похоже, никогда не слышал об Иисусе или не замолвил не единого слова в защиту своей секты, обвиненной в богоубийстве, и фактически хранил абсолютное

молчание относительно этого *великого* события?
Странные пропуски «всемирно признанных фактов»!

«Беседа с “Нулем”»

* * *

Не могли бы вы сообщить мне ботаническое название растения *Agnus castus*, а также, какой авторитет указывает на то, что венец Христа был сплетен именно из аканфа, и если это действительно так, то произрастают ли растения этого семейства в Сирии? Лоудон предполагает, что этим растением мог быть *Paliurus australis* (боярышник) из семейства *Rhamnii*. Он добавляет также, что Хассельквист полагает, будто это была разновидность *Rhamnus* (крушины), которую Линней называет «*Spina Christi*». Последний я получил из Сирии, где этот вид широко распространен и плодоносит маленькими желтыми ягодами.

Лоудон описывает *Agnus Castus* «как разновидность *Vitex*'а — дерева целомудрия» (от ἄγνος — дерева, напоминающего иву). Это греческое название похоже на другое греческое слово — ἄγνος, «целомудрие»; отсюда и прозвище — «дерево целомудрия». Мы не знаем никакого другого «авторитета», кроме *предположения*, что «терновый венец» был сплетен из *аканфа* — рода колючего травянистого растения, покрытого острыми шипами и распространенного в Палестине и Малой Азии, но столь же распространенного и в Индии. И там, и в Сирии, и в других местах его использовали в процессе посвящения во время **мистерий**.

«Дерево целомудрия»

* * *

«Прощение обид, умиротворенность, сострадание... подлинно христианские качества». Они стали «христи-

анскими» постольку, поскольку христиане восприняли их. Все эти добродетели Будда проповедовал за 600 лет до н.э., так же как другие китайские и индийские добрые люди и адепты следовали им и призывали к ним за тысячи лет до наступления буддийской эры, то есть до рождения Гаутамы. Так зачем же называть их «христианскими», если они — достояние всего человечества?

«...относительно предполагаемого влияния христиан на восточные верования, и т.д.» Вернее было бы сказать, что ранние (или точнее — гностические) христиане испытывали на себе влияние буддистских доктрин, а не наоборот. Идея дэвакхана и прочие существовали в буддизме с самого начала. Ни о каком иноземном влиянии не может быть и речи. Нет никаких *исторических* подтверждений ни тому, что «Апостол Петр» проповедовал евангелие в Парфии, ни даже тому, что блаженный «Апостол», чьи реликвии хранятся в Гоа, вообще бывал в этих местах. Но зато является *историческим фактом* то, что за столетие до начала христианской эры буддийские монахи проникали в Сирию и Вавилон и что так называемый халдей Будхасп (бодхисатва) был основателем сабеизма или *баптизма*.

«Комментарии к “Буддистскому учению о Западном Небе”»

ПРИМЕЧАНИЯ

БОГ

Жертвы слов

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. V, № 5 (53), February, 1884, p. 117; на русском языке — *Блаватская Е.П.* Гималайские Братья. — М., Сфера, 1998. С. 313—315. Пер. В.С.Зуевой.

Что есть Бог?

Статья впервые опубликована в журнале «Lucifer», vol. II, № 11, July, 1888, p. 417—420; на русском языке — *Блаватская Е.П.* Астральные тела и двойники. — М., Сфера, 2000. С. 43—50. Пер. Ю.А.Хатунцева.

Письмо

Было опубликовано в журнале «Lucifer», vol. II, № 8, April, 1888, p. 155—160; на русском языке — *Блаватская Е.П.* Что есть Истина? — М., Сфера, 1999. С. 132—144. Пер. Ю.А.Хатунцева.

Христианский священник о теософии

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. V, № 2 (50), November, 1883, p. 52—53; на русском языке — *Блаватская Е.П.* Гималайские Братья. — М., Сфера, 1998. С. 244—253. Пер. В.С.Зуевой.

Стр. 30. *Неоплатоники* — последователи неоплатонизма: эклектической, пантеистической школы философии, основанной в Александрии Аммонием Саккасом. Она стремилась примирить учение Платона и систему Аристотеля с восточной теософией.

О разном

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. III, № 2, November, 1881, p. 48, 52; на русском языке — *Блаватская Е.П.* Терра инкогнита. — М., Сфера, 1996. С. 155. Пер. В.И.Мызникова.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗЛА

Происхождение зла

Статья впервые опубликована в журнале «Lucifer», vol. I, № 2, October, 1887, p. 109—119; на русском языке — *Блаватская Е.П.* Наука жизни. — М., Сфера, 1999. С. 46—67. Пер. Ю.А.Хатунцева.

Стр. 49. *Пессимизм* (от лат. *pessimus* — наихудший) — представление о том, что в мире преобладает негативное начало (хаос, зло и т.п.); настроения безысходности, неверия в будущее и т.п. Впервые пессимизмом свое учение назвал А.Шопенгауэр.

Стр. 50. ...*повапленных гробов*... — устойчивое выражение от ст.-русск. повапить — выбелить, раскрасить снаружи.

Стр. 51. *Сат* (санскр.) — единая вечно сущая Реальность в бесконечном мире; Божественная сущность, которая *есть*, но о которой нельзя сказать, что она *существует*, так как это Абсолютность, сама *Бытийность*.

Стр. 68. *Конт Огюст* (1798—1857) — французский философ, один из основоположников позитивизма и социологии.

Стр. 70. *Расколот дом ... обрести освобождение.* — Э.Арнольд «Свет Азии», окончание Книги VI.

Дьявол — кто он?

Статья впервые опубликована в журнале «Lucifer», vol. III, № 14, October, 1888, p. 170—171; на русском языке — *Блаватская Е.П.* Астральные тела и двойники. — М., Сфера, 2000. С. 84—88. Пер. Ю.А.Хатунцева.

Стр. 73. *Лактанций* (ок.250— ок.325) — христианский апологет, церковный писатель.

Нью-йоркские буддисты

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. II, № 7, April, 1881, p. 152—153; на русском языке — *Блаватская Е.П.* Терра инкогнита. — М., Сфера, 1996. С. 161—166. Пер. Т.О.Сухоруковой.

Стр. 80. *...говорит ... римский архиепископ.* — См. стр. V предисловия к работе Муссо «Les hauts phenomenes de la magie».

РЕЛИГИЯ

Размышления

о некоторых изречениях мудрого человека

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», vol. IV, № 9, June, 1883, p. 213—217; на русском языке — *Блаватская Е.П.* Смерть и бессмертие. — М., Сфера, 1997. С. 317—330. Пер. Т.О.Сухоруковой.

Бабу Раджнараин Бозе, известный деятель Брахмо-Самадж, опубликовал статью «Основополагающая религия» на страницах «Таттва Бодхини Патрика». Он

призывает к наивысшим добродетелям и бескорыстной жизни, независимо от религиозной принадлежности. Е.П.Блаватская, очень положительно воспринявшая большую часть идей Бозе, сделала следующие комментарии к различным положениям, затронутым в его статье.

Стр. 88. *Квази* (лат.) — здесь: почти.

Стр. 97. *Прозелитизм* — здесь: стремление завербовать как можно больше новых приверженцев.

Политеизм

Статья впервые опубликована в журнале «Lucifer», Vol. XVIII, № 108, August, 1896, p. 449—455; на русском языке — *Блаватская Е.П.* Эликсир жизни. — М., Сфера, 1998. С. 295—297. Пер. Ю.А.Хатунцева.

Стр. 102. *Dii minores* (лат.) — низшая или «отраженная» группа «двенадцати богов», или *Dii majores*, описанных Цицероном.

Мораль и пантеизм

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. V, № 2 (50), November, 1883, p. 33—34; на русском языке — *Блаватская Е.П.* Гималайские Братья. — М., Сфера, 1998. С. 235—243. Пер. В.С.Зуевой.

Стр. 103. *Меит* и *теит* (лат.) — мой и твой.

Стр. 106. *Мукти* (санскр.) — освобождение от чувственной жизни.

Брахмаджняни (санскр.) — обладающий совершенным Знанием.

Стр. 107. *Васана* (санскр.) — мысль или ментальное ощущение, проистекающее из читты (пассивной памяти).

Вритти (санскр.) — действие ментальных и моральных качеств; поведение, характер, привычка, нрав, образ мыслей, склонность.

Суеверие

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. III, № 3, December, 1881, p. 60—62; на русском языке — *Блаватская Е.П.* Терра инкогнита. — М., Сфера, 1996. С. 167—175. Пер. Т.О.Сухоруковой.

Стр. 114. «... *Оба преступника — еще молодые люди*». — См.: «Русский Курьер», № 16, 17.01.1881.

Сила предрассудков

Статья впервые опубликована в журнале «Lucifer», Vol. IV, № 23, July, 1889, p. 353—360; на русском языке — *Блаватская Е.П.* Новый цикл. — М., Сфера, 2001. С. 253—267. Пер. Ю.А.Хатунцева.

Теософия — это религия?

Статья впервые опубликована в журнале «Lucifer», vol. III, № 15, November, 1888, p. 177—187; на русском языке — *Блаватская Е.П.* Астральные тела и двойники. — М., Сфера, 2000. С. 89—109. Пер. Ю.А.Хатунцева.

Стр. 123. *Карлейль Томас* (1795—1881) — английский публицист, историк и философ.

Стр. 124. *Миллер Джоакин* (1841—1913) — американский поэт.

Стр. 133. *Рубинштейн Антон Григорьевич* (1829—1894) — российский пианист, композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель.

Дополнение

Стр. 160. *Дон Базилио* — клеветник, скупец и ханжа, избраженный П.Бомарше в «Севильском Цирюльнике» и «Женитьбе Фигаро».

Стр. 169. *Рихтер Иоганн Пауль Фридрих* (1763—1825) — знаменитый немецкий писатель и мыслитель.

ХРИСТИАНСТВО

Заметки по поводу «Эзотеризма христианской догмы» аббата Рока

Статья впервые опубликована в журнале «Le Lotus», Paris, vol. II, № 9, December, 1887 p. 160—173; на русском языке — *Блаватская Е.П.* Наука жизни. — М., Сфера, 1999. С. 144—164. Пер. Ю.А.Хатунцева.

Стр. 175. *Сабезизм* — доисламская религия в Аравии, Месопотамии, Сирии и Малой Азии, характерной чертой которой был культ небесных светил.

Гелиолатрия — поклонение солнцу.

Астролатрия — поклонение звездам.

Стр. 176. *Эритрейская Сивилла* — одна из десяти Сивилл, легендарных прорицательниц, упоминаемые античными авторами. Принято считать, что это были женщины, вдохновляемые влиянием высших сфер; их способности, вероятно, варьировались от медиумизма и повышенной чувствительности до подлинного пророческого дара. Наиболее известны пророчества Кумской Сивиллы. Эти книги так называемых *Сивиллиных стихов* хранились с величайшим тщанием, но в 83 г. до н.э., когда сгорел Капитолий, хранившиеся там Сивиллины книги погибли.

Не остается сомнений в том, что сохранившиеся до наших дней восемь книг Сивиллиных стихов не имеют никакого очевидного отношения к тем древнеримским собраниям. Эти оракулы имеют большей частью иудео-христианское происхождение. Вполне возможно, впрочем, что в тексты этих александрийских и более поздних собраний были включены и некоторые фрагменты древнейших, чисто языческих оракулов.

IHSOUS ... STAUROS — См. сделанный Е.П. Блаватской перевод Сивиллиного оракула во второй части ее статьи «Эзотерический характер Евангелия».

Стр. 177. ...изображения четырех многозначительных сцен... — Изображения упомянутых Е.П.Блаватской сцен рождения нанесены на Западную Стену одной из комнат Луксорского храма в Египте. Мы публикуем две иллюстрации, заимствованные из книги Альбера Гайе «Le Temple de Luxor».

В своих комментариях Е.П.Блаватская строго придерживается оригинального текста пояснения самого Джеральда Массея, что в данном случае принесло скорее вред, нежели пользу ее статье, так как Дж. Массей допустил в своем изложении несколько неточностей. На рис. 197 изображен бог Тот, возвещающий царице Мут-эм-уа грядущее рождение ею Великого Наследного Принца, как это явствует из прилагаемого к рисунку иероглифического текста. На рис. 198 — бог Хнум (а не Кнеф) и богиня Хатор ведут царицу к ее ложу, держа перед нею символ жизни. Рис. 199 — трехъярусный; на нем изображено рождение царя. Царица сидит в акушерском кресле, установленном на ложе, которое, в свою очередь, установлено на другом ложе. За ней ухаживают две богини; а ребенка и его *ка* принимают другие богини — возможно, какие-то из семи форм Хатор. В среднем ярусе, в центре — две фигуры божеств Миллионов Лет. По обеим сторонам — члены Гермопольского Огдоада — первоначальные боги, появившиеся, согласно Гермопольским учениям, на заре творения. На нижнем ярусе изображены большой охранительный амулет и «Души Гелиополя и Мехена». Рис. 200 и 201 связаны с представлением ребенка Амону-Ра.

Сравнив вышеизложенные факты с описанием Массея, несложно заметить, что последний допустил-таки несколько ошибок.

Стр. 178. *Массей Джеральд* (1828—1907) — английский поэт и египтолог. Массей читал лекции, главным образом о месмеризме, мистическом истолковании Писаний и спиритуализме; некоторые из них он впоследствии издал. Е.П.Блаватская часто цитирует фрагменты лекций Массея либо ссылается на них — как в своих статьях, так и в «Тайной Доктрине». И хотя иногда

Е.П.Блаватская осторожно замечает, что не разделяет некоторые его мнения, гораздо чаще она соглашается с его выводами, особенно когда речь идет о неопровержимых фактах и свидетельствах.

Стр. 181. *Эссены, или ессеи* (от евр. «аса» — «целитель») — таинственная секта иудеев. Некоторые считают их крайними фарисеями, а другие — назарееми, у них было много буддийских идей и обычаев.

Терапевты — согласно Е.П.Блаватской, школа эзотериков, которая являлась внутренней группой в александрийском иудаизме, а не «сектой», как принято считать.

Назарееи (евр. назир — букв. отделенный или посвященный [Богу]) — временный класс безбрачных монахов, упомянутый в Ветхом Завете; человек, давший Богу обет чистоты.

Назорей (евр.) — согласно Е.П.Блаватской, то же, что и христиане св. Иоанна, называемые мендеями или сабеянами. Те *назорееи*, которые покинули Галилею и поселились в Сирии, к востоку от Ливанской горы, именуют себя также *галилеянами*, хотя они называют Христа «лжемессией» и признают лишь св. Иоанна Крестителя.

Стр. 184. *Метонов цикл* — по имени др.-греч. астронома Метона (V в. до н.э.). В 433 г. до. н.э. предложил метонов цикл (6940 суток), положенный в основу др.-греч. календаря.

Колюр равноденствий — большой круг небесной сферы, проходящий через полюсы мира и точки весеннего и осеннего равноденствий.

Стр. 185. *Созвездие Морского Козла* — созвездие Козерога.

Стр. 186. *Прецессия* — медленное движение оси вращения Земли по круговому конусу. Вследствие прецессии точка весеннего равноденствия движется по эклиптике навстречу кажущемуся годичному движению Солнца, полюс мира перемещается между звездами, экваториальные координаты звезд непрерывно меняются.

Ответ на неверное истолкование аббатом Рока моих замечаний о христианском эзотеризме

Статья впервые опубликована в журнале «Le Lotus», Paris, vol. II, № 13, April, 1888, p. 3—19; на русском языке — Блаватская Е.П. Что есть Истина? — М., Сфера, 1999. С. 145—172. Пер. Ю.А.Хатунцева.

Стр. 186. «*Credo quia absurdum et impossibile est*». — Довольно часто, но неверно цитируемая фраза из трактата Тертуллиана «Плоть Христова», гл. V. В действительности она звучит так: «*Certum est quia impossibile est*», что означает: «Несомненно, потому что невозможно».

Стр. 207. ...галлюцинация истеричной женщины... дала миру Бога... — Ренан Э. Жизнь Иисуса.

Стр. 208. *Labarum* — штандарт Константина Великого с монограммой Христа.

Стр. 210. ...подтверждением... служит текст самого Евангелия. — В каноническом варианте: «Отойди от Меня, сатана!» (Матф., 16, 23).

Стр. 211. *Доцет* (греч.) — буквально «иллюзионист». Название, данное ортодоксальными христианами тем гностикам, которые считали, что Христос не умер и не мог умереть на самом деле и что если это произошло, то является лишь иллюзией, которую они объясняли разными способами.

Стр. 215. *Сарос* — период, по истечении которого в одной и той же последовательности вновь повторяются солнечные и лунные затмения. Обусловлен периодическим повторением взаимного расположения Солнца, Луны и узлов лунной орбиты на небесной сфере.

Свида (Суда) — название византийского толкового словаря греческого языка, составленного ок. X в. н.э. До XX века воспринималось как имя автора и читалось как Свида.

Стр. 218. ...отправляю в «Le Lotus» некоторые свои примечания... — по ходу очерка Е.П.Блаватская неоднократно

кратно ссылалась на некие примечания, написанные, как кажется, для одного из номеров «Le Lotus». Однако эти примечания обнаружить не удалось.

Стр. 219. *Quant au mot de la fin, ou de la faim* (фр.) — Непереводимая фраза, построенная на игре слов. Французское слово «faim» означает голод. В своих «заключительных словах» аббат намекает на царящие на Востоке нищету и голод.

Эзотерический характер Евангелий

Статья впервые опубликована в журнале «Lucifer», vol. I, № 3, 4, 6, November, December, February, 1887—1888; на русском языке — *Блаватская Е.П.* Наука жизни. — М., Сфера, 1999. С. 165—220. Пер. Ю.А.Хатунцева.

Стр. 223. *Милленаристы* — последователи милленаризма, учения о тысячелетнем царстве Иисуса Христа, начинающегося, согласно Апокалипсису, его вторым пришествием.

Адвентисты — последователи течения в протестантизме, возникшего в 30-х гг. в США. Проповедуют близость второго пришествия Христа и наступления тысячелетнего Царствия Божия.

Стр. 224....*статьи «Знамение времени»...* — см. *Е.П.Блаватская.* Хроники познания истины. — М.: Сфера, 2006.

Стр. 229. ...*публикацию целого цикла статей...* — Три части очерка об «Эзотерическом характере Евангелий» были напечатаны в «Lucifer», но этот цикл статей так и остался незавершенным.

...*письмом, напечатанным в октябрьском номере нашего журнала...* — Имеется в виду научное письмо Джеральда Массея («Lucifer», vol. I, № 2, October, 1887, p. 135—138), в котором он отвечает на протесты д-ра Г.Уайльда, неприятно удивленного тем, что в учениях, приписываемых Иисусу, кто-то способен находить противоречия. М-р Массей выявляет внушительное количество прямых и косвенных противоречий в общепризнанном тексте Еванге-

лия. Например: Иоан., X, 30 и Иоан., XIV, 28 (также Мат., XXIV, 36); Иоан., V, 22, 30 и Иоан., VIII, 15, также Иоан., XII, 47; Иоан., VIII, 14, 18 и Иоан., V, 31; Иоан., V, 33 и Иоан., XV, 27; Мат., V, 16 и Мат., VI, 1; Мат., V, 39, а также Мат., XXVI, 52 — противоречие с Лук., XXII, 36 и Мат., X, 34; Лук., XII, 4 и Иоан., VII, 1.

М-р Массей заявляет о своей готовности «вести дискуссию с любым компетентным и знающим поборником веры — как с высокой трибуны, так и в печати».

Стр. 235. *Клементинские поучения* — ряд сочинений, в разное время приписывавшихся Папе Клементу I (88—97 гг. н.э.). Его принято считать первым Апостолическим Отцом, а также учеником св. Петра. Подлинность авторства клементинской литературы вызывает серьезные сомнения.

Стр. 243. *Christianus vero... compositum est.* — Т.Р.Гловер (Loeb Class. Library) переводит этот фрагмент следующим образом: «Слово “христианин”, судя по его буквальному переводу, образовано от слова “помазание”. И когда вы, по неведению своему, говорите — “христианин” (а вы не знаете даже значения самого этого имени), вы пользуетесь словом, означающим “доброту” и “приятность”».

Стр. 244. ...как сказано в переводе... — Официальная версия выглядит иначе: «Верую вселиться Христу в сердца ваши, Чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви...»

Теофания и теопнейстии — «Богоявление» и «Божественное Откровение».

Стр. 259. *Первый [Христос], заставив... его власти...* — Е.П.Блаватская цитирует книгу Дж. Ральстона Скиннера «Ключ к еврейско-египетским мистериям в источнике мер» (J. Ralston Skinner, *Key to the Hebrew-Egyptian Mystery in the Source of Measures*. Cincinnati, 1875).

Стр. 260. ...день Воскресения... — воскресенье по-английски — *Sunday*, т.е. день Солнца.

Стр. 276. ...фрагмент, известный под названием «*Pistis-Sophia*»... — В 1890 году Джордж Р.С. Мид (1863—1933) — теософ, классический ученый и близкий соратник Е.П. Блаватской, работавший вместе с нею в лондонской штаб-квартире — перевел на английский латинскую версию «*Pistis-Sophia*», составленную М.Г.Шварце на основе хранящегося в Британском Музее оригинального Коптского манускрипта. В период с апреля 1890 года по май 1891 года Дж.Р.С.Мид опубликовал в журнале «*Lucifer*» 252 страницы своего перевода, снабдив их своими же комментариями и примечаниями. Известно, что Е.П.Блаватская присовокупила к ним немало собственных примечаний и комментариев.

Истоки обрядности в церкви и масонстве

Статья впервые опубликована в журнале «*Lucifer*», Vol. IV, № 19, 21, March, 1889, p. 32—44; May, 1889, p. 226—236; на русском языке — *Блаватская Е.П.* Новый цикл. — М., Сфера, 2001. С. 70—120. Пер. Ю.А.Хатунцева. В конце последнего отрывка стоит фраза «Продолжение следует», но никаких продолжающих его публикаций обнаружить не удалось.

Стр. 279. ...в ноябрьском номере «*Lucifer*» (редакционная статья)... — см. статью «Теософия — это религия?»

Стр. 285. ...*Древний поэт Арат, написавший: «Зевсом наполнены... море и гавани»*... — Здесь имеется в виду Арат из города Солы. Цитируемый фрагмент фигурирует в самом начале его «*Phaenomena*».

Стр. 289. *Рагон де Беттиньи Жан-Батист-Мари* (1781—1862) — французский масон, знаменитый сочинитель и великий символист, пытавшийся вернуть масонству его первоначальную чистоту. Посвятил себя литературной деятельности и изобретательству (подземная железная дорога и паровые машины для прообраза нынешнего автомобиля).

Стр. 291. «*Grand Orient*» (фр.) — «Великий Восток», французская масонская ложа.

Стр. 291. *Ecclesia* (экклесия) — народное собрание в древних Афинах, законодательный орган афинского государства в период господства рабовладельческой демократии; в христианстве — община верующих либо вся церковная община.

Стр. 296. *Тувал-Каин* — библейский кабир; тождествен греческому Гефесту, или Вулкану. Тувал-Каин также — слово, употребляемое в степени мастера-масона в ритуале и церемониях франкмасонов.

Иерограмматики — так называли тех египетских жрецов, которым доверялось переписывание и чтение священных и сокровенных записей. Они были наставниками неофитов, готовившихся к посвящению.

Стр. 297. *Чуди Эгидий*, или Гильг (1505—1572) — швейцарский историк; автор «Швейцарской хроники» — полуисторического, полупоэтического повествования, охватывающего период с 1000 до 1400 года.

Фламины — древнеримские жрецы отдельных богов.

Стр. 298. *Галли* — искалеченные жрецы сладострастных обрядов Венеры-Астарты, жившие у «дома Господа».

Nautches — индуистское название храмовых танцовщиц-проституток.

Кадешим — слова *кадош* и *кадешим* в «Четвертой Книге Царств» употреблены в качестве различных позорных наименований, ибо *кадешуты* Библии имели те же самые функции, что и танцовщицы некоторых индусских храмов.

...см. *труды Рагона*. — Вышеизложенные факты приведены в сочинении Рагона «*La Messe et ses mysteres*».

Curio (курион) — лицо, заведовавшее религиозными делами курии (древнеримского племени).

Стр. 300. *Лютеция* — римское название Парижа.

Platine en sa Vie — это взятое в скобки примечание заимствовано из сочинения Рагона. Е.П.Б. имеет в виду труд Бартоломео де Сакки де Платино (называемого иногда — ди Пьядена), известный как «*Vitae Pontificum*» («Жизнеописания понтификов»)

и содержащий подробные биографии различных римских пап, включая Григория Великого.

Бароний Цезарь (1538—1607) — итальянский церковный историк. Наиболее значительной его работой является серия в двенадцати фолиантах, известная как «*Annales Ecclesiastici*» (1588—1607).

Стр. 301. *Хирам Абиф* — библейский персонаж; искусный строитель и «сын вдовы», которого царь Соломон взял с собой из Тира для руководства постройкой Храма и который позднее стал масонским персонажем, героем, вокруг которого разыгрывается вся драма или, вернее, игра масонского третьего посвящения. Каббала придает ему большое значение.

Термины — в римской мифологии божества границ.

Стр. 305. *Гостия* — Тело Христово, хлеб и облатка.

Шаго Ж. Огюстен (1811—1858) — французский писатель.

Стр. 307. ...*радость Тертуллиана, который смеялся и ликовал...* — Свое отношение к посмертной судьбе язычников Тертуллиан излагает в «*De spectaculis*», гл. XXX. А вышеизложенный совет Жерома фигурирует в его «*Epistola XIV: Ad Heliodorum Monachum*».

Страбон (64/63 до н.э. — 23/24 н.э.) — древнегреческий географ и историк.

Стр. 309. *Зосим* — позднеримский историк V в., автор краткой истории Римской империи от Августа (кон. I в. до н.э.) до взятия Рима Аларихом I (410).

...*В своем сочинении... Цицерон говорит: «Omitto Eleusinem sanctam illam et augustam, ubi initiantur gentes orarum ultimae»...* — Вне контекста смысл процитированной выше фразы не совсем понятен. Полный ее текст переводится следующим образом:

«Я ничего не говорю о священном и грозном святилище Элевсиса, где племена из самых дальних стран земли ищут Посвящения,

и ничего не скажу о самофракийцах и тех

окультиных мистериях,

Которые толпы поклоняющихся отмечают

под покровом ночи в густой чаще леса

на Лемносе, потому что, если истолковать и разъяснить смысл этих мистерий, то окажется, что они связаны более с естественной магией, нежели с богами».

Стр. 310. ...*apud Arrian. Dissert., lib. III, cap. 21...* — Имеются в виду «Рассуждения» Эпиктета в изложении Арриана, книга III, гл. xxi, 15—16, где он говорит о мистериях и их благотворном влиянии на человечество.

Стр. 315. *Агапэ* (греч.) — праздник Любви; ранние христиане отмечали такие празднества в знак любви и взаимного благожелательства; из-за больших злоупотреблений пришлось их запретить.

Роскоммон Уэнтуорт Диллон, граф Роскоммон (ок. 1630—1685) — английский поэт; отстаивал необходимость следования высоким моральным стандартам в литературе.

Стр. 316. *Аммоний Саккас* — великий и прекрасный философ, живший в Александрии во втором и третьем веках нашей эры; основатель неоплатонической школы филалетов, или «любителей истины». Он был одарен такой выдающейся, почти божественной добротой, что его называли Теодидактом, «богом обученным». Он почитал все хорошее в христианстве, но очень рано отошел от него и церквей, не будучи способным найти там какое-либо превосходство над более древними религиями.

Стр. 318. «*Была ли известна письменность до Панини?*» — см. *Е. П. Блаватская. Гималайские Братья.* — М.: Сфера, 1998. — С. 215—234.

Стр. 322. *Stabat Mater Dolorosa* — имеется в виду средневековый католический гимн из заупокойной литургии, начинающийся словами:

«Скорбная, в слезах, стояла
Мать возле креста,
На котором был распят ее сын».

Стр. 327. ...*семь троиственных поминовений...* — так у автора, хотя получается всего шесть троиственных

повторов, а не семь. Возможно, седьмым является тройной *Sanctus* — «свят, свят, свят».

Поклонение Звездным Ангелам в католической церкви

Статья впервые опубликована в журнале «Lucifer», vol. II, № 11, July, 1888, p. 355—365; на русском языке — Блаватская Е.П. Астральные тела и двойники. — М., Сфера, 2000. С. 7—30. Пер. Ю.А.Хатунцева. Большая часть этого материала первоначально была включена в первый черновой вариант «Тайной Доктрины» (том I), который Е.П.Блаватская отправила в 1886 г. в Адьяр, дабы Т.Субба Роу осуществил его научное редактирование. Но по каким-то причинам в окончательный вариант ее монументального труда этот текст не вошел. Текст статьи предваряет довольно пространный вступительный комментарий, заключенный в квадратные скобки.

Используемый в данной статье фактический материал в основном заимствован из книги Эда де Мирвиля «Pneumatologie. Des Esprits et de leurs manifestations diverses» (главным образом, том II, с. 351—360), хотя Е.П. Блаватская частично переделала его и снабдила собственными комментариями и оккультными истолкованиями.

Стр. 330. *Натх* (санскр.) — букв., владыка.

...называем его «достойным поклонения»... — Традиционное английское обращение «Your Worship», дословно означающее «ваше почитание».

Св. Георгий — по преданию, римский воин, родом из Лидии, ставший христианином и принявший мученическую смерть в Никомедии (по др. версии — в Каппадокии). Широкое распространение культ св. Георгия получает во время крестовых походов.

Они похваляются... небесного рождения. — «Энеида», кн. VI, 730—731.

Стр. 331. «*Книга Общих Молитв*» (Book of Common Prayer) — официальный сборник молитв и других литургических предписаний англиканства. Была

создана на основе имеющейся культовой практики средневекового католицизма.

Стр. 332. *Ультрамонтане* — последователи возникшего в XV веке религиозно-политического направления в католицизме. Поддерживали восстановление престижа папского престола, его стремление к неограниченной власти, претензии папы на вмешательство в светские дела европейских государств.

Уриил (евр. «свет Божий, или Бог свет есть») — ангел, посланный от Бога к Ездre для его наставления и объяснения ему сокровенных путей Божиих.

Сантарши (санскр.) — семь Риши.

Стр. 333. ...*во второй «Книге Ездры»*... — в православной традиции — «Книга Неемии».

Стр. 336. *Михаил, Гавриил, Рафаил, Уриил, Саальфиил, Иегудиил и Варахиил* — по классификации в книге Еноха — Михаил, Гавриил, Рафаил, Уриил, Сариил, Иерахмиил, Рагуил.

Стр. 339. *Лента Св. Петра* — ежегодная подать в папскую казну.

Стр. 344. ...*Один из них*... — Речь в данном случае идет о «*Missale Romanum*», ныне хранящемся в Библиотеке Ватикана. Приводимые на странице 320 этого богато иллюстрированного латиноязычного документа имена Архангелов выглядят следующим образом: Saalthiel, orator; Eudiel, remunerator; Raphael, medicus; Michael, victoriosus; Gabriel, nuntius; Barachiel, adiutor; Uriel, fortis, т.е. глашатай, воздающий, врачеватель, победитель, посланник, помощник, сила. Текст документа включает мессы, посвященные различным архангелам.

Стр. 350. «*A Terrible Indictment*» — «Тяжкое обвинение».

История одной планеты

Статья впервые опубликована в журнале «*Lucifer*», vol. I, № 1, September, 1887, p. 15—22; на русском языке — *Бла-*

ватская Е.П. Наука жизни. — М., Сфера, 1999. С. 8—22.
Пер. Ю.А.Хатунцева.

Стр. 353. *Азаэль* — «бог победы»; козел отпущения за грехи Израиля.

Стр. 354. *Схоласт* (греч.) — последователь схоластики, типа религиозной философии, характеризующегося соединением теолого-догматических предпосылок с рационалистической методикой и интересом к формально-логическим проблемам.

Схолиаст (греч.) — составитель схолий: примечаний, пояснений к текстам.

Стр. 356. *Эвгемеризм* — рационалистическая доктрина, объясняющая происхождение религии посмертным или прижизненным обожествлением знаменитых или же наделенных властью людей (по имени др.-греч. философа IV в. до н.э. Эвгемера).

Стр. 357. ...«*улетают ветры ... морские волны*» — фрагмент заимствован из поэмы Лукреция «О природе вещей» (кн. I, 6—9).

Стр. 358. *Эон* (греч.) — век, эпоха, большой временной период в развитии мира.

Плерома (греч.) — «полнота»; разделенная на зоны протяженность существования мира.

«*Поймандр*» (или *Пэмандр*, греч.) — «Божественная мысль», герметический труд, приписываемый Гермесу Трисмегисту.

Стр. 361. *Набатеи* — секта, которая в своих верованиях почти идентична с назорейями и сабеянами, почитавшими Иоанна Крестителя больше, чем Иисуса.

...фраза из «*The Book of the Nabathean Agriculture*»... — Речь идет об исследовании д-ра Д.А.Хвольсона (1819—1911) — русского востоковеда-семиолога, который перевел на немецкий язык три арабских манускрипта, хранящиеся в библиотеке Лейденского университета. Они называются: «*The Book of the Nabathean Agriculture*», «*The Book of Poisons*» и «*The Book of the Babylonian Tenkeluscha*», с фрагментами четвертого сочинения — «*The Book of the*

Mysteries of the Sun and Moon». Автором «The Book of the Nabathean Agriculture» предположительно является Ку-тами, возможно, в соавторстве с кем-то еще. Под предлогом описания сельского хозяйства в книге разъясняются многие оккультные верования, а также содержатся намеки на различные оккультные тайны природы.

Е.П.Блаватская посвятила несколько страниц своей «Тайной Доктрины» (том II, с. 452—457) различным аспектам работы Хвольсона, а также характеру и содержанию «The Book of the Nabathean Agriculture». Е.П.Блаватская прямо заявляет, что «Учения халдея Ку-тами представляют собой, по сути своей, аллегорическое изложение религии древнейших народов пятой расы».

Стр. 365. ...о «яркой звезде». — В русском варианте Библии — «денница, сын зари».

Есть ли душа у животных?

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. VII, № 76, January, 1886, p. 243—249; Vol. VII, № 77, February, 1886, p. 295—302; Vol. VII, № 78, March, 1886, p. 348—354; на русском языке — Блаватская Е.П. Эликсир жизни. — М., Сфера, 1998. С. 84—124. Пер. Ю.А.Хатунцева.

Стр. 372. «*Os homini sublimē dedit*» (лат.) — «Он придал человеку возвышенный облик и повелел ему смотреть в небеса и обращать свой взор к звездам». (Овидий, «Метаморфозы», кн. I).

Стр. 374. ...Тертуллиан пишет Минуцию Феликсу в «*Octavius*»... — Похоже, что с Тертуллианом здесь произошла некоторая путаница: «*Octavius*» — это сочинение Минуция Феликса, жившего между серединой II и серединой III столетий н.э. Однако специалисты говорят об известном сходстве, существующем между «*Octavius*» и «*Apologeticus*», написанным Тертуллианом примерно на ту же тему. Цитируемый Е.П.Блаватской фрагмент составляет после-

днее предложение главы XXX «Octavius». Эта глава посвящена в основном защите христианства от обвинений в ритуальных убийствах младенцев в ходе христианских посвящений. Похожий фрагмент имеется в главе IX «Apologeticus».

Стр. 375. «*Вульгата*» (лат.) — перевод Библии на латинский язык, выполненный Иеронимом в 384—405 гг.

Стр. 378. *Аболиционизм* — общественное движение за ликвидацию какого-либо закона. В конце XVIII — XIX вв. в США движение за отмену рабства негров; в Великобритании, Франции и ряде других стран — движение за отмену рабства в колониях.

Стр. 379. *Филозоизм* (греч.) — по всей видимости, новообразование от греч. *фило* — любить и *зои* — жизнь. Любовь к жизненным формам.

Стр. 381. *Креационизм* (лат.) — теистическое направление в биологии, считающее, что возникновение мира, Земли, жизни, человека есть результат божественного творения, отрицающее изменение видов в их историческом развитии.

Эволюционизм — учение о естественных законах исторического развития органического мира и путях управления развитием организмов; согласно материалистическому учению Ч. Дарвина основными факторами эволюции являются изменчивость, наследственность и естественный отбор.

Стр. 383. *Болландисты* — историки и филологи XVII в., большей частью иезуиты, предпринявшие сбор документов и издание самой представительной коллекции житий святых.

Стр. 385. *Картезианство* — направление в философии и естествознании XVII—XVIII вв., теоретическим источником которого были идеи Р. Декарта. Основа картезианства — последовательный дуализм.

Стр. 386. ...«*Бог создал... является духовным*»... — Фрагмент заимствован из первой капитулы Четвертого Латеранского Собора (Двенадцатого Вселенского Собора, созванного в 1215 г. н.э.), в которой имеет-

ся следующий пассаж: «...Четвертый Латеранский Собор... провозгласил Бога “единым принципом всех вещей, Творцом всех вещей — видимых и невидимых, духовных и телесных, с самого начала времен, своей всемогущей силой сотворившим все духовное и телесное — то есть мир ангельских и земных существ, и, наконец, человека, причастного к обоим мирам, так как он состоит из тела и духа”».

Стр. 387. ...*Латеранским Собором!* — см.: *De Mirville. Des Esprits, etc., Vol. VI, p. 153.*

...*картезианской философии...* — см.: *Ventura. Philosophie Chretienne, Vol. II, p. 406.*

Стр. 389. *Чем бы ни было... оставаться вечным и нетленным.* — *Cicero. Tusculan Disputations, I, XXVII (66).*

Стр. 392. «*Спросишь... небо — мой покров.*» — «*An Essay on Man*», Epistle I, lines 131—140.

Стр. 396. ...*воскресение... способа своего осуществления.* — *de Mirville. Des Esprits, etc., Vol. VI, p. 163.*

Стр. 401. ...«*Тайной Доктрине*»... *почти готовой.* — По всей вероятности, речь идет о первом черновике части I.

Стр. 405. *Апостол язычников* — так называли апостола Павла. Был злейшим гонителем христиан, но после видения ему Иисуса, который через своего ученика призвал его быть своим избранным сосудом, примкнул к ученикам и начал проповедовать в синагогах Евангелие о Христе. Церковь приписывает ему 14 посланий, включенных в Новый Завет.

Распятие человека

Статья впервые опубликована в журнале «*Lucifer*», vol. II, № 9, May, 1888, p. 243—250; на русском языке — *Блаватская Е.П. Что есть Истина?* — М., Сфера, 1999. С. 201—213. Пер. Ю.А.Хатунцева.

Стр. 411. *Агония* (лат.) — здесь: публичное состязание, публичный бой, цирковая борьба.

- Стр. 411. ...*навевают целомудренные мысли...* — это растение так и называется — целомудренник.
- Стр. 414. *Гравюра Виттобы* — см.: *Е.П.Блаватская. Феномен человека.* — М.: Сфера, 2004. — С. 32.
- Стр. 417. ...*с первым стихом двадцать второго Псалма...* — В каноническом переводе это второй стих двадцать первого Псалма.
- Стр. 418. *Бейт-Уали* — то же самое, что и английское *Beit el-Wali* (Бейт эль-Вали) — название места, где был раскопан храм Рамсеса II (около пятидесяти километров к югу от Первого Порога на западном берегу Нила, чуть южнее городка Калабша в Нубии). Это арабское название, и означает оно «Дом Святого». Однако никакой гробницы там до сих пор не обнаружено, и потому трудно сказать, о чем именно в данном случае ведет речь Е.П.Блаватская.

Была ли ошибка?

Статья впервые опубликована в журнале «*Lucifer*», vol. II, № 12, August, 1888, p. 492—495; на русском языке — *Блаватская Е.П. Что есть Истина?* — М., Сфера, 1999. С. 214—221. Пер. Ю.А.Хатунцева.

Примечания к «Жизненной волне»

Статья впервые опубликована в журнале «*Path*», New York, vol. III, Nos. 1, 2, April, May, 1888, p. 2—8, 42—48; на русском языке — *Блаватская Е.П. Что есть Истина?* — М., Сфера, 1999. С. 173—178. Пер. Ю.А.Хатунцева. Знаменитый санскритолог и востоковед Чарльз Джонстон написал статью, в которой попытался выявить завуалированный смысл первой главы книги «Бытие». Е.П.Блаватская снабдила эту статью рядом примечаний, поясняющих отдельные высказывания автора.

Стр. 427. *Элохистическая версия* — от «Элохист», условного названия одного из предполагаемых источников Пятикнижия.

- Стр. 428. «*Великий кит*» — в каноническом варианте книги «Бытие» — «рыбы большие».
- Стр. 429. ...очерк «*Последняя выдумка науки*» в «*Lucifer*». — Имеется в виду составленный Е.П. Блаватской обзор некоего сочинения Поля Топинара, точное название которого не установлено. Он был опубликован в «*Lucifer*» (vol. I, September, 1887, p. 72—74).

Теософы и Ириней

Статья впервые опубликована в журнале «*Theosophist*», Vol. V, № 5 (53), February, 1884, p. 129—130; на русском языке — *Блаватская Е.П.* Гималайские Братья. — М., Сфера, 1998. С. 316—322. Пер. В.С. Зуевой.

- Стр. 432. «*Supernatural Religion. An inquiry into the Reality of Divine Revelation*» («Сверхъестественная религия. Исследование истинности Божественного Откровения») — труд Уолтера Ричарда Касселя (1826—1907), изданный первоначально анонимно (London, 1875).

Дополнение

- Стр. 438. ...прихоти *Иродиады* — Марк (VI, 14—29).
- Стр. 440. *Экзосмос* — процесс просачивания жидкостей и растворенных веществ из клетки во внешнюю среду.

...сиамским белым слоном... — Согласно легенде, матери Будды перед рождением сына приснился белый слон, сходящий с небес.

- Стр. 442. *Талмуд* — иудейский канон составляет *Танах*, ветхозаветная часть Библии, и *Талмуд*. *Талмуд* состоит из *Мишны* (дополнительных предписаний для евреев) и *Гемары* (комментария к *Мишне*). Так как толкования *Мишны* происходили в Палестине и Вавилоне, то различают два *Талмуда* — палестинский (*Талмуд Иерушалми*) и вавилонский (*Талмуд Бавли*). В научной литературе иерусалимский *Талмуд* цитируется по трактатам, главам и параграфам (напри-

мер, Берахот, IV, 5), а вавилонский — по трактатам, листам и страницам (например, Берахот, 10а, где 10 означает номер листа, «а» — первую страницу). Установился обычай печатать все издания *Талмуда* с одинаковым числом страниц и давать на каждой странице постоянно точный определенный текст. Поэтому в любом издании *Талмуда* имеется 2947 листов, или 5894 страницы.

СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Abbe (фр.) — аббат.

Agnus Dei (лат.) — Агнец божий.

Alba vestis (лат.) — белые одежды.

Alma Venus (лат.) — Венера питающая.

Amendes honorables (фр.) — публичные извинения.

Angusta porta, et arcta via (лат.) — Тесные врата и узкий путь.

Ante-omniae (лат.) — против всех.

Ara maxima (лат.) — великий алтарь; в христианских церквях — главный престол.

Au serieux (фр.) — серьезно.

Caena (лат.) — обед, трапеза.

Coelus (лат.) — небо; божество неба.

Conditio sine qua non (лат.) — «условие, без которого нет»,
непременное условие.

De facto (лат.) — фактически, на деле.

De jure (лат.) — по праву.

Demon est Deus inversus (лат.) — «Демон — это Бог наоборот».

Deus Caelum (лат.) — Бог-Небо.

Dominus vobiscum (лат.) — «Господь с вами»; формула благословения в католическом обряде; в более общем употреблении — формула прощания.

Ecclesia Militans (лат.) — воинствующая церковь.

Ego sum veritas (лат.) — Аз есмь истина.

En masse (фр.) — целиком, все вместе; в массе во множестве.

Errare humanum est (лат.) — человеку свойственно ошибаться.

Ex nihilo nihil fit (лат.) — «из ничего ничто не происходит» (Лукреций); основное положение эпикурейской философии.

Fidei defensor (лат.) — Защитник веры.

- Fons et origo* (лат.) — источник и начало.
- Fratres, sobrii estote et vigilate* (лат.) — «Братья, будьте рассудительны и бодрствуйте».
- Hoi polloi* (греч.) — народные массы, простонародье.
- Illuminati* (лат.) — букв., просветленные. У Е.П. Блаватской — посвященные адепты.
- In abscondito* (лат.) — в скрытом состоянии.
- In extenso* (лат.) — полностью, дословно.
- In toto* (лат.) — в целом.
- Lapsus calami* (лат.) — ошибка пера, описка.
- Lapsus linguae* (лат.) — обмолвка, оговорка.
- Lequel de nous deux trömpe-t-on ici?* (фр.) — Кто из нас двоих кого надует?
- Locus standi* (лат.) — место, где можно стать. Изобретателю рычага, великому греческому математику и механику Архимеду приписывается изречение «Дай мне место, где стать, и я сдвину Землю».
- Magna Mater, Vas honestissime, purissime, castissime* (лат.) — «Великая Мать, Сосуд благороднейший, чистейший, целомудреннейший».
- Malgre lui* (фр.) — вопреки себе.
- Mater Salvatoris* (лат.) — Мать Спасителя.
- Mea culpa!* (лат.) — «моя вина»; грешен.
- Mercurius quadratus, quadriceps, quadrifrons* (лат.) — т.е. «Меркурий квадратный, четырехглавый, четырехликий».
- Modus operandi* (лат.) — способ действий, методы кого-либо или механизм действия чего-либо.
- Neomenia* (греч.) — новолуние, отмечавшееся празднеством.
- Nolens volens* (лат.) — «неволей или волей», волей-неволей, хочешь-не хочешь.
- Non bis in idem* (лат.) — «не дважды за одно и то же», за одно и то же дважды не наказывают. Формула римского права.
- O redemptor mundi* (лат.) — «О спаситель мира».
- Odium theologicum* (лат.) — религиозная нетерпимость.
- Omnes gentes* (лат.) — все племя.
- Oubliette* (фр.) — подземная темница или клетка, где узника намеренно забывали.
- Par excellence* (фр.) — по преимуществу; преимущественно, главным образом.
- Per contra* (лат.) — напротив; с другой стороны.

Per se (лат.) — сам по себе; в чистом виде, без примесей; как таковой.

Per secula seclorum (лат.) — на веки вечные.

Prima materia (лат.) — первичная материя.

Princeps porta (лат.) — главные ворота.

Pro tem (лат.) — временный.

Qui vult decipi decipiat (лат.) — обманывается тот, кто желает обмануться.

Quis ut Deus (лат.) — кто как Бог.

Raison d'être (фр.) — смысл существования; разумное основание, смысл.

Rapport (фр.) — доклад; соответствие, связь; отношение.

Sic (лат.) — так. Заключение обычно в скобки, это слово указывает на желание автора привлечь особое внимание читателя к данному месту, чтобы подчеркнуть, что употреблено именно отмечаемое слово.

Sic transit gloria mundi (лат.) — так проходит мирская слава.

Sine qua non (лат.) — «без чего нет».

Sol (лат.) — Солнце.

Sol alter (лат.) — второе Солнце.

Sub rosa (лат.) — «под розой», по секрету; тайно, скрыто.

Sui generis (лат.) — своего рода; особого рода; своеобразный.

Summum bonum (лат.) — высшее благо.

Summum malum (лат.) — высшее зло.

Triformis (лат.) — трехформенная.

Ultima Thule (лат.) — «Крайняя Фула»; край света; крайний предел чего-либо.

Vanitas vanitatum; omnia vanitas (лат.) — суета сует; все — суета.

Venticelli (итал.) — ветры, воздушные потоки.

Vera pro gratiis (лат.) — Истина не продается.

Veritas odium parit. (лат.) — Истина рождает ненависть.

Virgo Paritura (лат.) — Дева Рождающая.

Viva voce (лат.) — «живым голосом», т.е. в устном разговоре.

Vivit vero in me Christus (лат.) — Истинно, Христос живет во мне.

Volenti non fit injuria (лат.) — нет обиды изъявившему согласие. Одно из положений римского права.

Vos Dii estis (лат.) — Вы — Боги.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
-------------------	---

БОГ

Жертвы слов	9
Что есть Бог?	12
Письмо	20
Христианский священник о теософии	24
О разном	34
Дополнение	35

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗЛА

Происхождение зла	49
Дьявол — кто он?	71
Нью-Йоркские буддисты	76
Сансара и Нирвана	77
Вопрос Ада	78
Ад и Нирвана	79
Дополнение	66

РЕЛИГИЯ

Размышления о некоторых изречениях мудрого человека	87
Политеизм	101
Мораль и пантеизм	103
Суеверие	111
Чудотворный лист	118
Теософия — это религия?	120
Сила предрассудков	141
Дополнение	156

ХРИСТИАНСТВО

Заметки по поводу «Эзотеризма христианской догмы» аббата Рока	173
Ответ на неверное истолкование аббатом Рока моих замечаний о христианском эзотеризме	194
Эзотерический характер евангелий	221
Истоки обрядности в церкви и масонстве	278
Поклонение звездным ангелам в католической церкви	329
История одной планеты	352
Есть ли душа у животных?	367
Распятие человека	407
Была ли ошибка?	420
Примечания к «Жизненной волне»	427

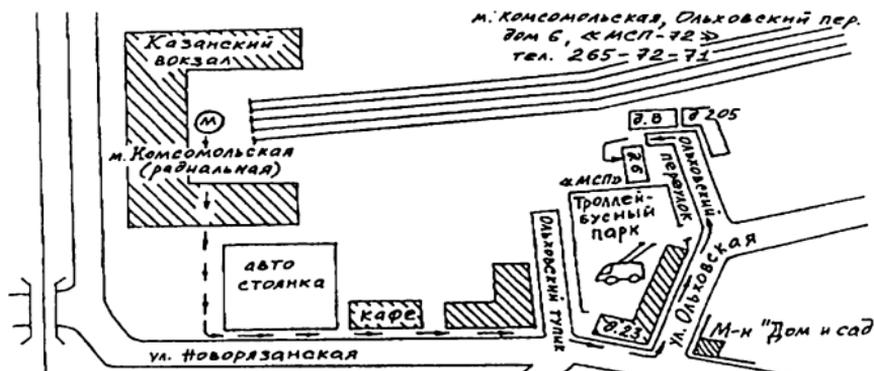
Теософы и Ириней	430
Дополнение	437
Примечания	447
Словарь иностранных слов и выражений	473

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ
ДУХОВНО-МИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ
РАЗЛИЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ И ЖАНРОВ
КНИГИ НАШЕГО И ДРУГИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

Адрес: г.Москва, Ольховский переулок, дом 6

Часы работы: с 10⁰⁰ до 19⁰⁰ (выходные — суб., воскр.)

Проезд до станции метро «Комсомольская»,
выход на Казанский вокзал, далее 3 минуты пешком.

Справки по телефону: 207-85-08

E-Mail: sfera@sfera.ru

Постоянно работает служба
«Книга почтой»

Прислав конверт со своим адресом
и почтовыми марками, вы получите
каталог и условия рассылки

Почтовый адрес:

123022, Россия, г.Москва, а/я 9

Круглосуточный заказ книг нашего издательства
можно сделать в сети Интернет по адресу:

www.sfera.ru

по Москве курьерская доставка

Елена Петровна Блаватская

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЧАЛ

Редактор

Е.А.Логаева

Корректор

Н.В.Рубецкая

Технический редактор

С.Д.Фролов

Подписано в печать 10.12.05
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 25,2. Тираж 2000 экз.

Заказ № 6622.

Издательство «Сфера»

123022, г. Москва, а/я 9

тел.: (095) 207-85-08

E-mail: sfera@sfera.ru

<http://www.sfera.ru>

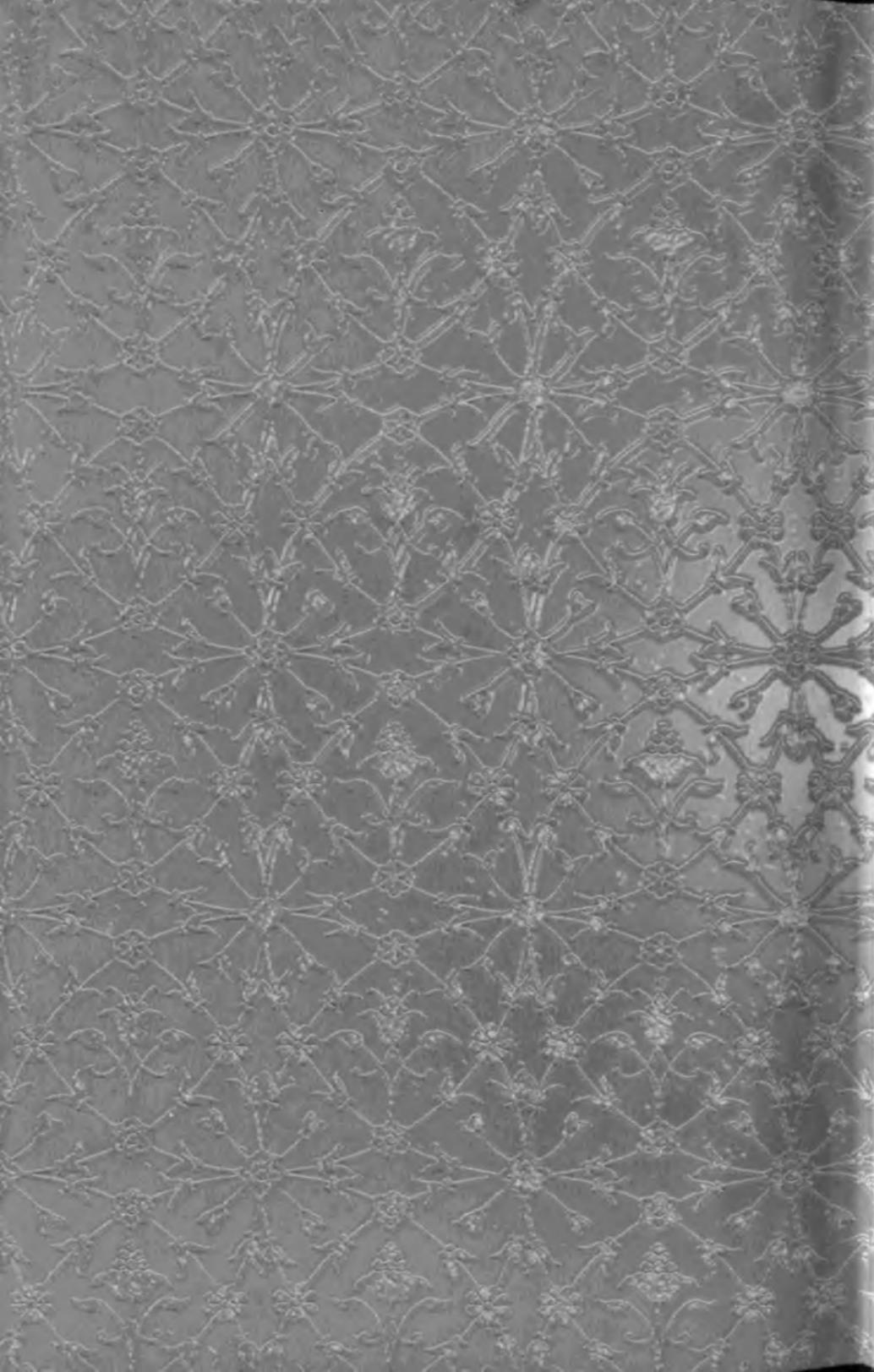
ISBN 5-93975-164-4

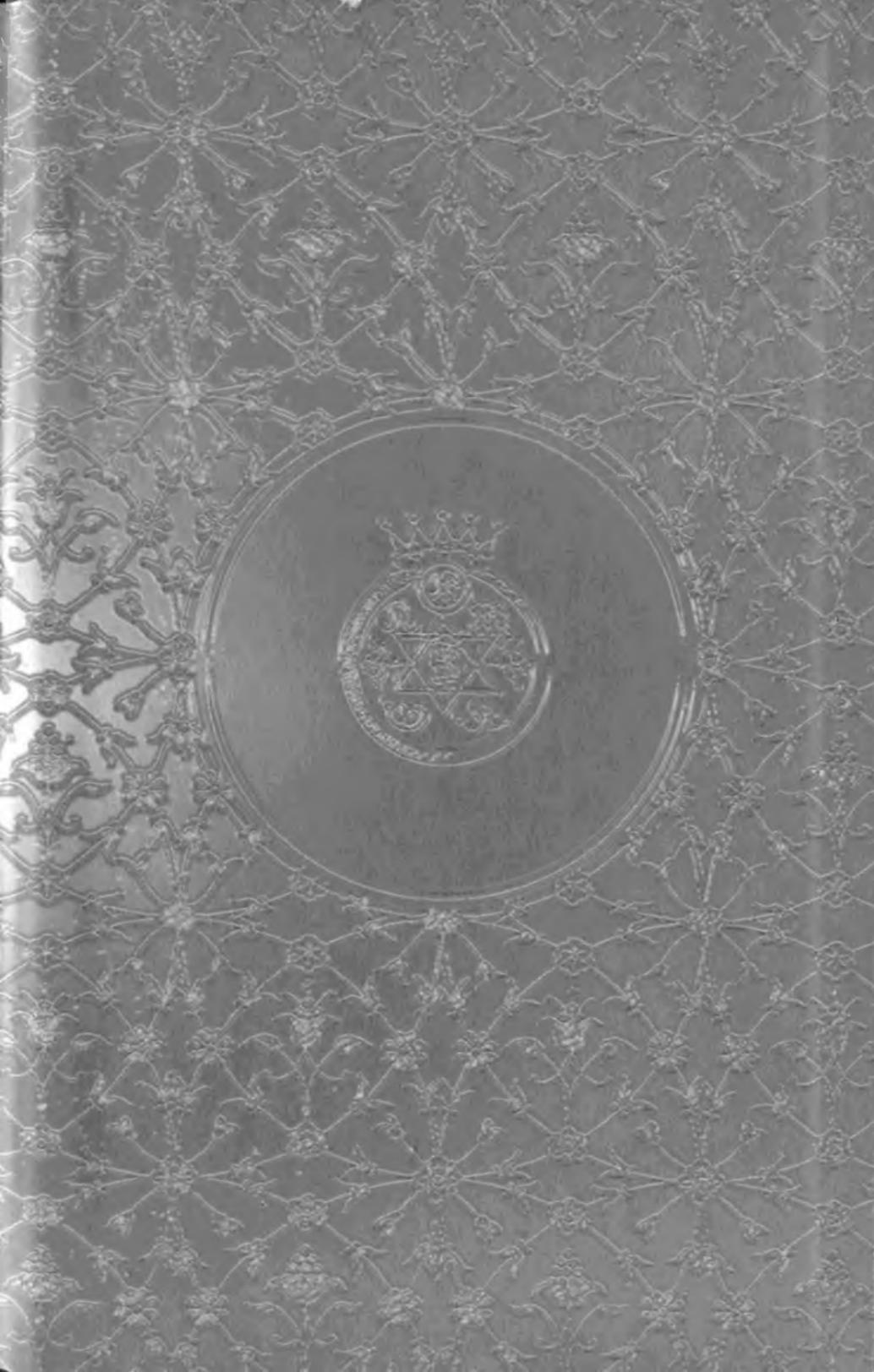

9 785939 751643

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

ЕЛЕНА БЛАВАТСКАЯ ПОТОМКАМ

Е. П. БЛАВАТСКАЯ

**ФЕНОМЕН
ЧЕЛОВЕКА**

«СФЕРА»

Е. П. БЛАВАТСКАЯ

**ИНСТРУКЦИИ
ДЛЯ УЧЕНИКОВ
ВНУТРЕННЕЙ ГРУППЫ**

«СФЕРА»

Е. П. БЛАВАТСКАЯ

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
НАЧАЛ**

«СФЕРА»

Е. П. БЛАВАТСКАЯ

**ПРАКТИКУМ
ОККУЛЬТНОГО ОБУЧЕНИЯ**

«СФЕРА»

Е. П. БЛАВАТСКАЯ

**ТАЙНАЯ ДОКТРИНА
ТЕОСОФИИ**

«СФЕРА»

Е. П. БЛАВАТСКАЯ

**ТАЙНАЯ СТОРОНА
ЖИЗНИ**

«СФЕРА»

Е. П. БЛАВАТСКАЯ

**ХРОНИКИ
ПОЗНАНИЯ ИСТИНЫ**

«СФЕРА»

Е. П. БЛАВАТСКАЯ

**ПОСЛЕДНИЙ ВЕК
МАНВАНТАРЫ**

«СФЕРА»

Е. П. БЛАВАТСКАЯ

**НАПУТСТВИЕ
БЕССМЕРТНЫМ**

«СФЕРА»